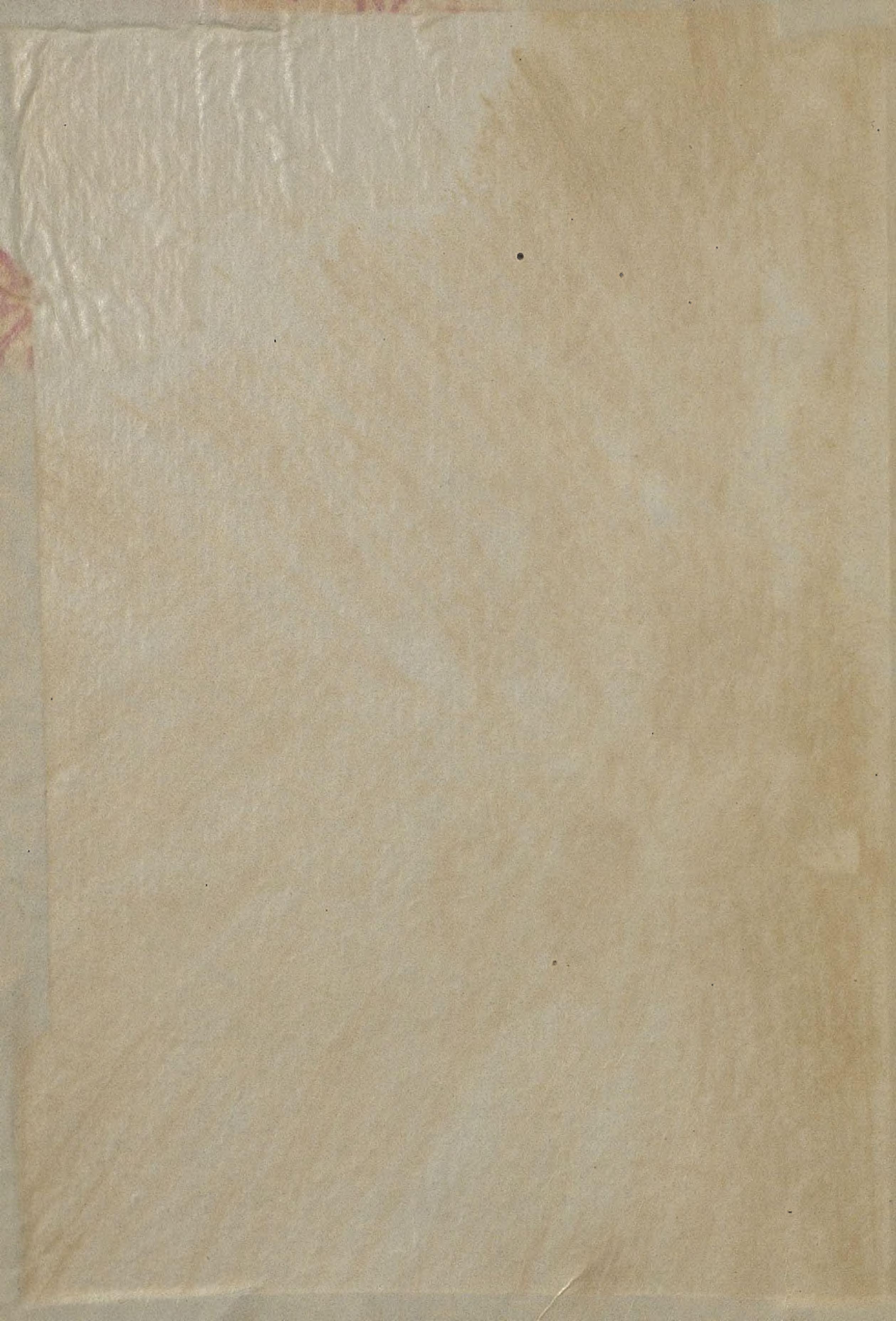

A 7 2/36

С. К. Гогель.
Приватъ-Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

РОЛЬ ОБЩЕСТВА ВЪ ДѢЛѢ БОРЬБЫ СЪ ПРЕСТУПНОСТЬЮ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
1906.

С. К. Гогель.
Приватъ-Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

РОЛЬ ОБЩЕСТВА
ВЪ ДѢЛѢ
БОРЬБЫ СЪ ПРЕСТУПНОСТЬЮ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
1906.

Предметъ настоящаго изслѣдованія не подвергался еще разработкѣ во всемъ объемѣ ни въ русской, ни въ иностранной литературахъ *). Эта новизна самой темы, быть можетъ, до извѣстной степени оправдываетъ тѣ неизбѣжные пробѣлы, которые, конечно, будутъ усмотрѣны въ работѣ.

Но для оправданія такихъ пробѣловъ имѣется еще и другое основаніе.

Я не задавался мыслью создать новую теорію о роли общества въ борьбѣ съ преступностью. Наоборотъ, я желалъ только сгруппировать факты, чтобы выяснить и установить, въ чемъ *въ дѣйствительности*, въ жизни современныхъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе культурныхъ, народовъ, проявляется дѣятельность общества въ борьбѣ съ преступностью.

Но, съ другой стороны, я вовсе не ставилъ себѣ цѣлью дать описаніе всѣхъ отдѣльныхъ родовъ дѣятельности общества въ этой борьбѣ во всѣхъ подробностяхъ. Прежде всего потому, что дѣятельность эта такъ быстро развивается и поле ея такъ широко, что къ концу такой работы первые отдѣлы работы представлялись бы уже устарѣвшими. Но, кромѣ того, подробное и исчерпывающее описаніе отдѣльныхъ видовъ дѣятельности общества привело бы, въ концѣ концовъ, къ отвлеченію вниманія отъ основной темы, а можетъ быть и къ затемненію, а не выясненію, основного вопроса о роли общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью. Поэтому, я огра-

*) Въ русской литературѣ существуетъ подъ тѣмъ же названіемъ вышедшая въ 1906 г. небольшая работа г. Малинина, всецѣло и исключительно посвященная только патронату надъ освобождаемыми изъ мѣстъ заключенія. Въ иностранной литературѣ имѣется сочиненіе Paul Nourisson—L'asociation contre le crime 1904 г.—изслѣдованіе, касающееся только одного вопроса, имѣющаго тѣсную связь съ правовымъ строемъ Франціи,—вопроса о правѣ частныхъ обществъ, задающихся общеполезными цѣлями возбуждать, наравнѣ съ прокуратурою, судебное преслѣдованіе противъ лицъ, совершающихъ преступныя дѣянія, нарушающія тѣ общественныя блага, на защиту которыхъ эти общества направляютъ свою дѣятельность.

ничился тѣмъ, что намѣтилъ основные, главные, виды этой дѣятельности и далъ общія характеристики этихъ видовъ. Мнѣ, такимъ образомъ, въ интересахъ темы пришлось пожертвовать довольно значительною частью собраннаго обширнаго матеріала, а съ другой стороны рисковать получить упрекъ въ допущеніи пробѣловъ.

Не представляя собой новой теоріи, настоящее изслѣдованіе не носитъ и характера полемическаго по отношенію къ господствующей въ нѣмецкой и русской научныхъ литературахъ догматической школѣ права. Но, конечно, было бы желательно, чтобы настоящее изслѣдованіе обратило вниманіе догматиковъ на необходимость считаться съ громаднымъ, совершающимся, а въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ уже совершившимся, переворотомъ въ дѣлѣ дѣйствительной, происходящей въ жизни, борьбы съ преступностью.

Ростъ преступности въ европейскихъ государствахъ.

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ за послѣднія 25—30 л. ведется оффиціальными учрежденіями, болѣе или менѣе правильная статистика преступности [1]). Эта статистика ведется, если можно такъ выразиться «вѣдомственно» или, лучше сказать, ремесленно и узко. Въ основу ея пока еще не положены широкія научныя начала. Она представлетъ собою скорѣе отчеты о дѣятельности судебныхъ установленій той или другой страны и оперируетъ исключительно, какъ справедливо замѣтилъ уже давно Листъ [2]), съ теоретически-юридическими понятіями преступленія, какъ таковыя опредѣляются дѣйствующимъ въ данной странѣ уголовнымъ кодексомъ. Болѣе обширныхъ задачъ статистика оффиціальная себѣ не ставитъ. Поэтому, понятно, она вовсе не отвѣчаетъ требованіямъ ученаго соціолога, стремящагося къ изученію преступленія какъ явленія соціальнаго, помимо формулировки его мѣстнымъ кодексомъ, а главное въ связи съ другими соціальными явленіями и условіями.

Но даже и въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ, оффиціальная статистика имѣетъ много недостатковъ.

---

[1]) Оффиціальныя изданія, которыя были въ нашемъ распоряженіи въ Петербургѣ слѣдующія: *Германія:* 1) Deutsche Justiz-Statistik, послѣдній Jahrgang XI за 1901, изд. 1903. 2) Deutsche Kriminalstatistik, почему то послѣднее за 1896, (изд. 1899) *Австрія* Oesterreichesche Statistik за 1899 (изд. 1903). *Франція,* Compte general de l'administratiôn de la justice criminelle за 1902, изд. 1904, особенно важенъ за 1900, гдѣ приведены сравнительныя данныя за 20 л. съ 1881 — 1900. *Италія,* Statistica Giudiziaria penale послѣдняя за 1901 (изд. 1903). *Англія:* 1) Iudicial Statistics of England за 1902, (изд. 1904. 2) Reports of the Comiss. of prisons and the Directors of Convict prisons, у меня послѣд. за 1901. *Россія* сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ за 1902, (за 1905). Весьма точныя подробныя и новѣйшія свѣдѣнія, въ видѣ выдержекъ изъ оффиціальныхъ отчетовъ какъ относительно перечисленныхъ государствъ, такъ и относительно Бельгіи, Швеціи, Даніи сообщаются, между прочимъ, Revue penitentaire.

[2]) Kiminalpolitische Aufgaben Zeits. f. die ges. Sfrafrechtswisscnschaft B. 9 стр. 474 .

Она прежде всего крайне неполна даже въ тѣсныхъ, поставленныхъ ею самою, рамкахъ. Такъ дѣяніе менѣе важныя, хотя и вовсе не маловажныя, вовсе ею не зарегистрируются.

Съ этимъ мы встрѣчаемся въ статистикѣ Германской, которая ограничивается статистическими данными о преступныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ въ нарушеніе общегерманскаго уголовнаго кодекса (дѣйств. съ 1 января 1872 г.). Между тѣмъ, какъ видно изъ ст. 2 и 5 Einführungsgesetz 31 мая 1870 г. за отдѣльными нѣмецкими государствами, входящими въ составъ Германской имперіи, оставлена обширная законодательная власть. Они могутъ издавать карательныя постановленія съ назначеніемъ тюрьмы до 2 лѣтъ за нарушенія правилъ о печати, законовъ о налогахъ, о таможенныхъ сборахъ, о собраніяхъ, о лѣсопорубкахъ, о похищеніи лѣса и др. По приблизительному подсчету Bosco [1]), которому принадлежитъ новѣйшее статистическое изслѣдованіе о преступности въ Европѣ, присоединеніе совершенныхъ тѣми же германскими подданными дѣяній въ нарушеніе мѣстныхъ уголовныхъ законовъ удвоило бы общіе итоги, даваемые германской статистикой. Кромѣ того, въ германской статистикѣ вовсе не отмѣчено число уголовныхъ дѣлъ, разрѣшенныхъ въ административномъ порядкѣ (§ 453 герм. уст. угол. судопр.). Съ тѣмъ же явленіемъ мы встрѣчаемся и въ русской статистикѣ, которая изъ громадной юрисдикціи мировыхъ судей и учрежденій, ихъ замѣняющихъ, регистрируетъ лишь дѣянія, караемыя тюремнымъ заключеніемъ.

Ни въ русской, ни въ германской статистикѣ не отмѣчается число дознаній, прекращенныхъ прокурорскимъ надзоромъ за необнаруженіемъ виновныхъ.

Подобныхъ крупнѣйшихъ пробѣловъ еще много.

Ни въ одной статистикѣ не отмѣчается отмѣна новыми уголовными законами старыхъ и выведеніе, такимъ путемъ, ряда дѣяній изъ числа наказуемыхъ и возведеніе тѣми же законами цѣлаго ряда дѣяній въ преступныя, при чемъ весьма часто эти дѣянія и по существу являются новыми, вызываемыми новыми способами передвиженія (велосипедъ и т. д.) напр. въ области полицейскихъ нарушеній. Произвести учетъ при, такихъ условіяхъ, чрезвычайно трудно. Германскій ученый Scheel [2]) попытался произвести такой подсчетъ и утверждаетъ,

---

[1]) La delinquenza in vari stati di Europa, 1903.

[2]) Die Ergebnisse der deutschen Kriminalstatistik 1882—1899. Jahrbücher f. Nationaloekonomie ü. Statistuk, 22 Band стр. 123.

что благодаря новымъ законамъ за время съ 1882 по 1896 г. численность преступныхъ дѣяній, отмѣчаемыхъ германскою статистикою, повысилась всего на $^2/_9$ процента.

А какъ учесть усиленіе и ослабленіе дѣятельности органовъ полиціи, на которыхъ во всѣхъ странахъ лежитъ, главнымъ образомъ, обнаруженіе и преслѣдованіе преступныхъ дѣяній.

Нельзя наконецъ, къ сожалѣнію, не отмѣтить и нѣкотораго искусственнаго направленія дѣятельности статистическихъ органовъ, благодаря которому нѣкоторыя явленія и данныя замалчиваются и въ общемъ получаются выводы черезчуръ благопріятные и даже просто невѣрные. Блестящимъ примѣромъ этого является Compte general de l'administration de la justice criminelle за 1900 г., который, подводя итоги французской уголовной статистики за 20 л., приходитъ къ самымъ благопріятнымъ выводамъ объ уменьшеніи преступности во Франціи. Нужны были всѣ огромныя, чисто спеціальныя въ этой области, свѣдѣнія покойнаго Габріэля Тарда, много лѣтъ завѣдывавшаго статистическимъ отдѣленіемъ французскаго министерства юстиціи, чтобы если не разрушить, то значительно ослабить благопріятные выводы оффиціальной статистики [1]). Изслѣдователь, не посвященый въ «мѣстныя» тайны и тонкости, оказывается, разумѣется, совершенно во власти оффиціальныхъ статистиковъ.

Но еще болѣе приходится принимать на вѣру выводы и сопоставленія неоффиціальныхъ изслѣдованій. А здѣсь между тѣмъ несомнѣнно играетъ роль точка зрѣнія автора на способъ обработки статистическихъ данныхъ.

Я ограничусь однимъ примѣромъ. Большинство статистиковъ, начиная съ знаменитаго Эттингена [2]), оперируетъ главнымъ образомъ не съ числомъ преступныхъ дѣяній, а съ числомъ осужденныхъ за преступныя дѣянія. Между тѣмъ отъ того, что преступникъ не обнаруженъ, или будучи обнаруженъ, по недостатку уликъ, не осужденъ, преступное дѣяніе, разъ совершенное, не перестало существовать и по прежнему должно фигурировать при характеристикѣ преступности, а конечно въ смыслѣ вѣрности общей картины размѣровъ преступности въ данной странѣ разница громадная. Къ этому способу прибѣгаетъ, напримѣръ, въ своемъ въ высшей сте-

---

[1]) Revue penitentiaire 1903 p. 158—

[2]) A v. Oettingen. Die Moralstatistik in ihrer Bedeutung f. eine Socialethik 3. Auf. 1882.

*

пени добросовѣстномъ и капитальномъ изслѣдованiи и новѣйшiй изслѣдовать Августо Боско. Между тѣмъ при сравненiи числа осужденныхъ въ Италiи за 1899 съ числомъ преступныхъ дѣянiй, которыя подверглись въ томъ же году обсужденiю итальянскихъ судовъ на основанiи оффицiальной statistica guidirziaria penale за тотъ же годъ (1903 стр. XIV) оказывается, что на 100.000 жителей приходилось осужденныхъ 1811,9 а преступныхъ дѣянiй 2579,26.

Такъ какъ выясненiе вопроса о ростѣ преступности является для меня лишь одной изъ предпосылокъ для обоснованiя и выясненiя главной темы моей работы, то я ограничусь этими бѣглыми, далеко неисчерпывающими, замѣчанiями для того, чтобы лишь отмѣтить степень относительной солидности научныхъ выводовъ, основанныхъ на статистическихъ данныхъ. Тѣмъ болѣе, что при всей неполнотѣ статистическихъ данныхъ, не вполнѣ передающихъ дѣйствительные размѣры зла, всѣ онѣ невольно приводятъ послѣдователей самыхъ различныхъ научныхъ взглядовъ къ одному и тому же выводу, въ прочности котораго при такихъ условiяхъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, сомнѣваться не возможно.

И этотъ выводъ состоитъ въ томъ, что преступность, измѣняясь въ своихъ формахъ и проявленiяхъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, хотя и не въ одинаковыхъ размѣрахъ, за послѣднее десятилѣтiе значительно возросла.

Для обоснованiя этого вывода необходимо остановиться на статистическихъ данныхъ по отдѣльнымъ государствамъ и начать съ Германiи, гдѣ этотъ ростъ преступности выразился въ особенно грозныхъ цифрахъ.

Kriminalstatistick für das Iahr 1896, подводя подъ общее наименованiе «Handlungen» преступленiя, проступки и нарушенiя, опредѣляетъ сумму всѣхъ этихъ преступныхъ дѣянiй въ 1882 г.—въ 456.636 и соотвѣтственно же 1896 г.—682.117. Останавливая сътолько на преступленiяхъ и проступкахъ, оффицiальная статистика даетъ слѣдующiя цифры: для малолѣтнихъ въ возрастѣ 12—18 л. вмѣсто 30719 дѣянiй въ 1882—44275 дѣянiй въ 1896, или принимая во вниманiе населенiе того же возраста (по даннымъ переписи 1895 г.) на 100.000 съ 568 на 702, а для взрослыхъ т. е. старше 18 л. съ 299.242 на 412705 т. е. 1.137—1.356 на 100 тысячъ населенiя.

Но для выясненiя германской преступности на общихъ цифрахъ дѣянiй останавливаться трудно. Какъ я уже указалъ выше, только нѣкоторая, и при томъ ничтожная, часть нарушенiй карается по общегерманскому уголовному кодексу, а боль-

шая часть карается по мѣстнымъ законамъ и въ общегерманскую статистику не включается. Особо, внѣ общихъ цифръ въ статистикѣ отмѣчаются частно-уголовныя дѣла, которыя напримѣръ увеличились съ 73.347 въ 1881 на 113.864 въ 1901 г. Такъ же особо показываются ходатайства къ амтсерихтеру о постановленіи судебнаго приказа (сокращенный порядокъ производства), которыя уменьшились съ 607.843 на 494.942 въ 1901 г.

Въ общемъ, въ самой послѣдней статистикѣ, изданной Rechtsjustizamt за 1901 (1903) указывается, что по разсчету на 100.000 населенія съ 1881 по 1901 число преступленій и проступковъ (безъ нарушеній), бывшихъ въ *обсужденіи судовъ*, повысилось съ 112 на 118. (т. е. на 100 т. ж. съ 1120 на 1180) Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что здѣсь вовсе не приняты во вниманіе цифры дѣлъ, прекращеныхъ за необнаруженіемъ виновныхъ, и дознаній о преступныхъ дѣяніяхъ, прекращенныхъ прокурорскимъ надзоромъ.

Въ общемъ, по той же статистикѣ, тогда какъ населеніе увеличилось на 15 %, преступленія (Verbrechen) повысились за указанное время съ 37.544 на 50.538 т. е. на 34,6 % а проступки съ 306.538 на 416.500 т. е. на 35,9 %.

И это увеличеніе идетъ прогрессивно, хотя разумѣется и съ нѣкоторыми вспышками. Такъ только за два года (1899—1901) число проступковъ увеличилось на 6%, а число преступленій даже на 11,5%.

Если остановиться на цифрѣ Vorverfahren т. е. судебныхъ дознаній, въ отличіе отъ Voruntersuchung т. е. предварительныхъ слѣдствій, такъ какъ эта цифра болѣе вѣрно отражаетъ собою число дѣйствительно совершенныхъ преступныхъ дѣяній [1]) то оказывается, что въ 1881—85 дознаній было въ среднемъ 429.451 въ годъ, а въ 1905—754.735 т. е. общая сумма увеличилась на 75%.

Если теперь обратиться къ общему числу осужденныхъ за время съ 1882 по 1899, то это число увеличилось вообще съ 725 на 825 на 100 т. населенія, а если принять во вниманіе [2]) только важныя преступныя дѣянія (Verbrechen—Vergehen), то увеличеніе для взрослыхъ выразится въ суммѣ 44,7% (не считая осужденныхъ за дѣянія по новымъ, изданнымъ за это время законамъ), тогда какъ взрослое населеніе за это время увеличилось всего на 22%.

---

[1]) Тарновскій. Движеніе преступности въ Германіи за 1882—1901. Журн. Мин. Юст. 1904, № 1 стр. 28.

[2]) Scheel указ. выше статья.

Преступность малолѣтнихъ въ возрастѣ 12—18 л. возрасла еще больше: на $54^{2}/_{3}$ %, а по сравненію съ соотвѣтствующимъ населеніемъ на 37%.

Рецидивъ растетъ тоже параллельно. На 100 т. населенія рецидивистовъ было въ 1882 г.—190,5, а въ 1899—349,7, а по разсчету на 100 т. соотвѣтственныя цифры 26,2—34,9 [1]).

Рецидивъ среди малолѣтнихъ по вычисленіямъ Эдгара Ленинга [2]) выразился въ 1889 въ цифрѣ 5.570, а въ 1886—8.316, т. е. считая на 1000 осужденныхъ съ 158 повысился до 188.

Расчленяя эти общія цифры по отдѣльнымъ родамъ преступленій, приходится придти къ заключенію, что формы преступности мѣняются; болѣе грубые виды: въ категоріи преступленій противъ личности убійства, въ отдѣлѣ преступленій противъ имущества — грабежи и вымогательства или уменьшились (убійство Mord Todtschlag съ 2, 7 случаевъ на 100 упали на 2, 1), или почти не измѣнились, грабежи и вымогательства, напримѣръ, за время съ 1882 по 1899 повысились всего съ 894 на 1068 т. е. съ 1,9 — 2,0. Въ то же время отдѣлъ менѣе важныхъ преступныхъ дѣяній противъ личности представленъ болѣе многочисленно. Такъ тѣлесныя поврежденія съ 62.443 дошли до 111.067 (82—99 г.г.), а по разсчету на 100.000 съ 134,8 -- 216,9. Клевета и оскорбленіе съ 40 589 — 54.907; 87,6 — 107,6. Оскорбленія должностныхъ лицъ съ 23,3 на 31,0 на 100 т., а преступленія противъ нравственности съ 6,9 на 9,4.

Въ отдѣлѣ преступленій противъ имущества произошло еще одно видоизмѣненіе, кромѣ почти полной остановки роста насильственныхъ преступленій; именно. кражи во всѣхъ видахъ уменьшились не много: 105.352—101.080 по разсчету на населеніе съ 227,4 на 188,9, но за то болѣе современные въ смыслѣ соотвѣтствія условіямъ коммерческой дѣятельности и многообразію экономическихъ оборотовъ, обманы увеличились за то же время съ 28,984 на 45.196, т. е. болѣе чѣмъ на 50%, а по разсчету на населеніе составляли не 62,5, а 84,5. Если сложить за соотвѣтственные годы цифры кражъ и обмановъ, то окажется, что въ 1882 г. было совершенно въ совокупности этихъ дѣяній 134.336, а въ 1.899—146.276.

Отлагая приведеніе данныхъ о распредѣленіи преступ-

---

[1]) Augusto Bosco ук. соч.

[2]) Edgar Loening, Jahrbücher f. Nationaloekonomie ü Statistek 22 B. Die zwangs erziehung Minderjährigfen nach den deutschen Reichs und Landesqesetzen.

ности въ Германіи, такъ сказать по мѣстамъ и занятіямъ, до главы о факторахъ преступности, я не могу не отмѣтить, что приведенныя уже выше данныя устанавливаютъ съ несомнѣнностью громадный чрезвычайный ростъ преступности въ Германіи. Къ этому выводу приходили всѣ безъ исключенія новѣйшіе изслѣдователи. Но уже Эттингенъ въ своей Moralstatistick, вышедшей третьимъ изданіемъ въ 1882 г., отмѣчая чрезвычайное усиленіе тѣлесныхъ поврежденій, назвалъ это явленіе одичаніемъ нравовъ. Новѣйшія статистическія данныя разрушаютъ и оптимистическіе взгляды Штарке (Verbrechen ü Verbrecher in Preussen 1854—1878 изд. 1884 г.), который по весьма почтеннымъ патріотическимъ побужденіямъ пытался объяснить замѣченный и имъ уже ростъ преступности различными такъ сказать внѣшними причинами: усиленіемъ дѣятельности органовъ полиціи, временнымъ возвышеніемъ цѣнъ на продукты первой необходимости и т. д. только бы доказать, что установившійся послѣ патріотической войны 1871 внутренній соціальный строй не является одной изъ причинъ роста преступности, а самое увеличеніе преступности есть не болѣе какъ одно изъ колебаній въ размѣрахъ преступности, замѣчавшихся и прежде.

Италія. Hall въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о преступленіи и соотношеніи преступности съ соціальнымъ прогрессомъ [1]) указываетъ, что число преступниковъ, судившихся во всѣхъ судахъ Италіи и присужденныхъ къ лишенію свободы за время 1881—85 въ среднемъ ежегодно составляло 367.570, а за годъ 1896—97, 527.694, и такимъ образомъ преступность не только увеличилась соразмѣрно съ увеличеніемъ населенія, но значительно обогнала ростъ населенія, такъ какъ въ 1881—85 г. осужденныхъ по разсчету на 100,000 населенія приходилось 1.291, 3, въ 1896—97, 1.614.

Итальянецъ Боско опредѣляетъ ростъ преступности въ Италіи за время съ 1883 — 1899 включительно тоже въ числахъ осужденныхъ, слѣдующимъ образомъ. За общія преступленія (reati communi): было осуждено въ 1883 — 85 — 236,067, что составл. 810,7 на 100.000 нас., а 1896 — 98, 303.258 или по разсчету нас. 966,3.

Нарушеній въ тѣ же годы 113.599 — 265.399 или по разсчету на 100.000 нас. 390,1—845,6. Такимъ образомъ общее число осужденныхъ составляло въ 1883—1142, 6 и 1.899—1811, 9, на 100 т. насел. Но общее число преступныхъ дѣя-

[1]) Arthur Cleveland Hall. Crime in its relations to social progress 1902.

ній, какъ свидѣтельствуетъ Statistica giudiziazia penale для 1899 было 2579.26 на 100.000 нас., т. е. еще значительно больше. Въ 1901, какъ видно отъ оффиціальной итальянской статистики изданной въ 1903 г. общее число преступныхъ дѣяній на 100.000 нас. было нѣсколько меньше чѣмъ въ 1899 именно 2478.40. Не желая смягчать впечатлѣнія приведенныхъ имъ до 1899 цифръ ужасающаго роста преступности, Bosco отмѣчаетъ, что хотя въ указанное время и были изданы нѣкоторые новые законы, но напримѣръ, въ Италіи еще не дѣйствуетъ законъ подобный англійскому о взысканіяхъ за нарушеніе закона объ обязательномъ обученіи, который даетъ въ Англіи около 70.000 осужденій и законъ о правилалъ работы на фабрикахъ, который даетъ въ Германіи приблизительно 100.00 осужденій.

Что касается до отдѣльныхъ категорій преступленій, то въ отдѣлѣ о преступленіяхъ противъ личности послѣдовало значительное уменьшеніе убійствъ, а именно съ 11,7 на 100 т. нас. на 6,6. Но все еще Италія занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ по числу убійствъ и даже въ Испаніи приходится всего 4 на 100 т. нас.; уменьшились, если не по общей суммѣ, то пропорціально съ населеніемъ, тѣлесныя повреждения (215,6 на 100 т. нас. — 213,3), но за то диффамаціи и оскорбленія увеличились съ 24.701—66.458 т. е. 83,2 на 100 т.—на 192,6, болѣе чѣмъ на 130%, сопротивленія и оскорбленія властей пропорціонально къ населенію выразились цифрами 35,2—43,5.

Преступленія имущественныя всѣ увеличились, не измѣнившись въ своихъ формахъ какъ въ другихъ европейскихъ странахъ. Даже грабежъ перешелъ отъ 725—1.306 т. е. 2,5—4,2, за кражи было осуждено въ годы 1889—99—48.608—61.158 т. е. пропорціонально населенію 169,1 — 195,5; обманы дали осужденныхъ вмѣсто 6601—11453 т. е. 25,6—37,8.

Къ сожалѣнію статистика итальянская менѣе разработана чѣмъ другія и я лишенъ возможности дать болѣе подробныя данныя.

Австрія. Преступность въ этой странѣ тоже крайне усилилась за послѣдніе 25 л. какъ удостовѣряетъ оффиціальная Oesterreichiesche Statistick für das Iahr 1899 (изд. 1903). Число преступленій (Verbrechen) было въ 1876—80—39.651 а въ 1899—46.768: соотвѣтственныя цифры для Vergehen, 2.753 — 20.411 Uebertretungen 517.474 (86—90) —613,488. Число осужденныхъ за всѣ роды преступныхъ дѣяній въ 1874 составляло 308.605 и въ 1899—586.833 т. е. на 100 т. нас. 1.510 — 2.267. Соб-

ственно увеличеніе числа нарушеній можетъ быть объяснено изданіемъ новыхъ законовъ о бродяжествѣ (1873—1885), которые дали около 100.000 осужденныхъ въ годъ, закона о заразныхъ болѣзняхъ на животныхъ, около 30.000 ос. Число рецидивистовъ, осужденныхъ за Verbrechen увеличилось съ 35,8—42.3 на 100 осужденныхъ,(XLVIII) а за Vergehen и Uebertretungen (Oest. St. Ll.) съ 17,5—29,8, что на 100 осужд. составляетъ не 17,5 а 22,8.

Затѣмъ въ Австріи можно отмѣтить тотъ же процессъ измѣненія формъ преступленія какъ и въ другихъ странахъ: убійства пропорціонально населенію выразились вмѣсто 2—1,6. За то тѣлесныя поврежденія вмѣсто 39935 (75 г.) дали 78069 (1899) т. е. съ 192 6—309.9, клевета и оскорбленіе съ 52.804—72.460 т. е. съ 254.6 — 287.6. Сопротивленіе и оскорбленіе власти съ 12013—179495 т. е. 59.9—71, 2.

Что касается до преступленій имущественныхъ, то и здѣсь мы отмѣчаемъ уменьшеніе грабежей съ 0,6 на 0,4. Простыя кражи пропорціонально росту населенія нѣсколько уменьшились: съ 461,1 на 441,3 на 100 т., но безотносительно къ населенію общая цифра простыхъ кражъ увеличилась съ 83172 до 111178. Кражи съ усиливающими вину обстоятельствами тоже возвысились съ 11.600—14.285 а пропорціонально населенію уменьшились съ 60,4 на 56,7. За то обманы и банкротства съ 12.018, въ 75 г. дошли до 20.955 въ 1899 т. е. съ 37,9—83,2.

Россія. Что касается до состоянія нашей отечественной преступности, то, по моему крайнему разумѣнію, состояніе русской статистики настолько неудовлетворительно и даже хаотично, что не даетъ возможности дѣлать какихъ либо сколько нибудь обоснованныхъ выводовъ о развитіи преступности. Прежде всего исторію русской уголовной статистики слѣдуетъ раздѣлить на два періода; до закона 12 іюля 1899 г. о земскихъ начальникахъ и волостномъ судѣ и послѣ.

Первый періодъ отличается тѣмъ, что это періодъ постепеннаго введенія судебныхъ уставовъ 1864 г. а только съ этого времени и начинается веденіе правильной статистики. Только по 6 судебнымъ округамъ имѣются свѣдѣнія съ 1874 г. да и то невполнѣ, ибо Прибалтійскія губерніи были включены лишь съ 1890 г., Кіевскій округъ вошелъ въ статистику съ 1884, окраинныя губерніи (Астраханская, Оренбургская, Уфимская, Олонецкая) лишь съ 1894 г. Свѣдѣнія по Варшавскому округу не включались въ статистику то-же до 1894 г.

При такой чрезвычайной неполнотѣ можно ли давать общее представленіе о преступности въ Россіи.

Далѣе, уже съ самаго начала отъ статистическаго зарегистрированія была устранена вся мировая юстиція за исключеніемъ дѣяній, караемыхъ тюрьмой. Такимъ образомъ вся область нарушеній весьма многообразныхъ, въ томъ числѣ напр. и всѣ побои, оскорбленія, клеветы и рядъ преступленій противъ нравственности, которымъ придается такое важное, какъ мы видѣли выше, значеніе въ европейской статистикѣ, былъ устраненъ изъ статистическаго обзора! Кромѣ того самый объектъ регистрированія—преступныя дѣянія, ихъ оцѣнка и ихъ наказуемость подвергались сильнымъ колебаніямъ. Достаточно въ подтвержденіе этихъ соображеній указать хотя бы на законъ 18 мая 1882 г. о кражѣ—дѣяніи, состовляющемъ около 25—30 % общаго числа преступныхъ дѣяній. Этимъ закономъ не только измѣнена подсудность, но измѣнены и самое понятіе, составъ и наказуемость этого преступленія. Нельзя далѣе не указать на вліяніе Манифеста 15 мая 1883 г., которымъ не только осужденные освобождались отъ наказанія, но виновные освобождались отъ преслѣдованія и дѣянія ихъ исчезали изъ статистики (въ особенности дѣянія, о которыхъ дѣла еще не были возбуждены); достаточно въ этомъ отношеніи хотя бы обратить вниманіе на число возникшихъ дѣлъ. (Итоги русской угол. статистики за 20 л. 1874—1894 Оффиц. изд. подъ ред. Тарновскаго стр. 110.). Съ 1883 г. происходитъ внезапное пониженіе числа возникшихъ дѣлъ и это пониженіе длится нѣсколько лѣтъ; можно ли это длящееся пониженіе приписать Манифесту и въ какой мѣрѣ, а между тѣмъ несомнѣнно, что невозбужденіе преслѣдованія прямо нарушало вѣрное изображеніе дѣйствительной преступности.

Но если даже остановиться на цифрахъ дѣяній, подсудныхъ общимъ судебнымъ установленіямъ, наиболѣе повидимому несомѣнныхъ, то и тутъ мы найдемъ весьма существенный недостатокъ статистики. Въ число дѣлъ возникшихъ и зарегистрированныхъ въ дѣятельности судовъ, отмѣчались и отмѣчаются и нынѣ и дѣла, прекращеныя судомъ производствомъ; такія дѣла въ европейской статистикѣ по разнымъ процессуальнымъ основаніямъ въ общее число дѣлъ не включаются. Но у насъ эти дѣла не только включались и включаются, но до послѣдняго времени, до отчета за 1902 г., вышедшаго въ 1905 г., включались подъ общею рубрикою:

прекращены по 277 ст. Между тѣмъ, въ порядкѣ ст. 277 прекращаются дѣла о дѣяніяхъ, въ коихъ не усмотрѣно признаковъ преступленія. Несомнѣнно, что такія дѣла должны быть исключаемы изъ общей статистики. А въ какой мѣрѣ число подобныхъ дѣлъ велико, это явствуетъ изъ слѣдующихъ цифръ Свода стат. свѣд. за 1902 (изд. 1905 г., 1 ч. стр. 50). Изъ 225938 дѣлъ, оконченныхъ въ отчетномъ году въ окружныхъ судахъ, 41094, т. е. почти $^{1}/_{5}$ ч., были прекращены судами за необнаруженіемъ признаковъ преступленія. Какія же возможны правильныя, обоснованныя, сравненія и выводы съ недавними еще годами, когда этой рубрики не существовало! Кто и на какихъ основаніяхъ можетъ удостовѣрить, что именно такихъ дѣлъ въ прошлые годы не было вдвое больше или вдвое меньше противъ 1902.

Законъ 12 іюля 1889 г. привелъ не только русское правосудіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и русскую статистику въ вполнѣ хаотическое состояніе, въ которомъ правосудіе и статистика пребываютъ и до настоящаго времени. Достаточно вспомнить, что въ силу ст. 17 Временныхъ правилъ о волостномъ судѣ въ вѣдѣніе этого суда передана почти вся подсудность мировыхъ судей, въ томъ числѣ и дѣянія, облагаемыя тюрьмою; а именно: прошеніе милостыни по привычкѣ съ дерзостью, допущеніе въ видѣ ремесла къ прошенію милостыни дѣтей (49—51 ст. уст. о нак.), кражи, мошенничества, обманъ, укрывательство краденаго (169, 170, 172—174 уст.,) если цѣна похищеннаго или присвоеннаго не превышаетъ 50 р. Кто повѣряетъ эту оцѣнку? При такихъ условіяхъ кража—одно изъ самыхъ распространеныхъ преступленій, одинъ изъ важнѣйшихъ показателей преступности для $^{9}/_{10}$ населенія, исключена изъ статистики; о какой статистикѣ можно говорить при этомъ? Включеніе въ своды свѣдѣній о юстиціи административно-судебныхъ органовъ (земскихъ начальниковъ и городскихъ судей), имѣющихъ въ своемъ вѣдѣніи обрывки мировой юстиціи, является съ научной точки зрѣнія совершенно необъяснимымъ. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что этимъ органамъ административно-судебной юстиціи подсудно то же населеніе, которое и волостному суду, но лишь случайно, по исключенію: дѣло крестьянина съ помѣщикомъ, дѣло крестьянина, усадьба котораго въ городской чертѣ и д. О какомъ рецидивѣ возможно говорить, когда правилами о волостномъ судѣ нарушаются всякія понятія рецидива. Но и кромѣ того, понятіе рецидива за время съ 1889 г. было кореннымъ образомъ преобразовано по за-

кону 3 февраля 1892 г., что разумѣется внесло большое потрясеніе въ нормальное регистрированіе. Не слѣдуетъ также забывать о рядѣ Всемилостивѣйшихъ Манифестовъ, начиная съ 1891 г., тоже очевидно подобно Манифесту 1883 г. вполнѣ поколебавшихъ правильное воспроизведеніе регистраціей дѣйствительной преступности.

При такихъ условіяхъ, мнѣ кажется, можно лишь желать скорѣйшаго упорядоченія и объединенія какъ нашего правосудія такъ и статистики, а до того времени необходимо отказаться отъ всякой обработки того статистическаго матеріала, который даютъ намъ своды. Всякіе выводы и обобщенія такого матеріала могутъ только подтвердить доводъ о непригодности нашего русскаго статистическаго матеріала для научной обработки.

Я позволю себѣ въ подтвержденіе моихъ соображеній сослаться на труды единственнаго почти нашего русскаго статистика по уголовнымъ дѣламъ Е. Н. Тарновскаго, столь справедливо пользующагося за свои талантливыя научныя изслѣдованія извѣстностью и у насъ и за границею

Въ № 8 «Журнала Министерства Юстиціи» за 1905 г. имъ помѣщена статья «Движеніе преступности по окружнымъ судамъ Европейской Россіи». Изучаемый матеріалъ касается 9 судебныхъ округовъ и времени съ 1887—1903. Приступая къ изложенію своихъ выводовъ, г. Тарновскій дѣлаетъ нѣкоторыя оговорки. А именно, что изъ области мировой юстиціи въ статистику попадаетъ всего 10—15% общаго числа дѣлъ и лицъ, судившихся органами мировой юстиціи и учрежденіями ихъ замѣняющими; что Высочайшіе Всемилостивѣйшіе Манифесты уменьшаютъ въ годы ихъ воспослѣдованія (только ли)? число осужденныхъ на 20% и что наконецъ изъ числа дѣлъ, вступающихъ въ окружные суды около 55% прекращаются ими. Я бы все-таки позволилъ себѣ еще сдѣлать двѣ маленькія оговорки. Изслѣдуется преступность за 20 л. съ 1884 по 1903 г. въ томъ числѣ и Прибалтійскомъ краѣ и округѣ Варшавской палаты (постоянныя и прямыя цитаты судовъ); между тѣмъ какъ мы видѣли выше: Прибалтійскіе суды попали въ общую статистику лишь въ 1890 т. е. черезъ 6 л. послѣ начала изслѣдуемаго періода, а Варшавскій округъ, даже лишь въ 1894 г., т. е. черезъ 10 л.

По этой ли или вслѣдствіе другихъ указанныхъ выше причинъ, но результаты получились и неожиданные и необъяснимые.

Съ одной стороны было обнаружено чрезвычайное уве-

личеніе числа возникшихъ дѣлъ, именно общее число увеличилось за 20 лѣтъ на 57%, т. е. больше, чѣмъ населеніе, которое по вычисленію г. Тарновскаго, увеличилось за это время всего на 30%.

По отдѣльнымъ родамъ преступленій число дѣлъ увеличилось:

Убійствамъ на 34%, тѣлеснымъ поврежденіямъ—206%, разбою и грабежу 58%, кражѣ 74%.

Каково же удивленіе, когда, оказывается, что общее число лицъ, осужденныхъ за это время, осталось *безъ всякихъ измѣненій.* Въ 1884—6 было 43.142, а въ 1903—43185. При разслѣдованіи числа осужденныхъ по отдѣльнымъ преступленіямъ выяснилось, что только число осужденныхъ за тѣлесныя поврежденія повысилось, по всѣмъ же остальнымъ преступленіямъ число подсудимыхъ *уменьшилось.*

Никакого объясненія этого невѣроятнаго явленія мы въ статьѣ уважаемаго Е. Н. Тарновскаго не находимъ. Между тѣмъ явленіе совершенно необычайное, вполнѣ неизвѣстное европейской статистикѣ. Трудно его объяснить. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предположить, что полиція послѣ 20 лѣтней работы при новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ впала въ полное невѣжество и совершенно забыла первоначальныя понятія состава преступленій, или что суды наши вдругъ заразились чрезвычайною наклонностью къ оправданію и прекращеніямъ.

Но можетъ быть это явленіе, столь невиданное въ европейской статистикѣ о преступности, указываетъ на новое направленіе преступности нашей родины?

Для устраненія правильности такого предположенія, однако, достаточно обратиться къ русской статистикѣ за прежнее а отчасти и за *изслѣдуемое* время, къ указанному уже выше обширному оффиціальному изданію, разработанному какъ сказано въ заглавіи, при ближайшемъ участіи Е. Н. Тарновскаго.—«Итоги русской уголовной статистики» 1874—1894 г., при чемъ оказывается (стр. 110), что на 100.000 жителей въ общемъ приходилось уголовныхъ дѣлъ въ 1874—169 а въ 1894—179, а число осужденныхъ тоже и при томъ совершенно аналогично и послѣдовательно уменьшилось немного а именно на 100 т. въ 1874 приходилось 102 осужденныхъ, а въ 1894 г.—100.

Дальнѣйшее приведеніе соображеній въ оправданіе отказа отъ выводовъ изъ данныхъ русской статистики я думаю излишне. Мы переходимъ теперь къ двумъ странамъ: Франціи и Англіи, въ которыхъ по мнѣнію однихъ преступност умень-

шается, по мнѣнію другихъ, увеличивается, хотя и съ нѣкоторыми отклоненіями противъ другихъ государствъ.

Франція. Въ 1902 г. Статистическое бюро Французскаго Министерства Юстиціи издало Compte general de l'administration de la justice criminelle за 20 л. 1880—1900.

Цифры, приведенныя въ отчетѣ, указывали на замѣтное уменьшеніе преступности, число лицъ судившихся судомъ присяжныхъ (accusés) уменьшилось съ 1668—1330, а prevenus въ судѣ исправительной полиціи нѣсколько повысилось съ 83.729 на 91.517, но противъ ближайшихъ предшествующихъ годовъ понизилось.

Даже число дѣлъ въ tribunaux de simple police уменьшилось съ 383.949 на 378.905

Боско, выражая преступность въ цифрахъ на 100 т. населенія, отмѣчаетъ, что crimes et delits вмѣстѣ въ 1861—65 г. было 33.34, а въ 1896—99 г. 322, а contraventions соотвѣтственно 1367, — 1307. Даже рецидивъ уменьшился съ 106.234 въ 1881—85 до 86.027 въ 1900 г.

Считаю нужнымъ прибавить, что и по болѣе новымъ отчетамъ французскимъ (послѣдній былъ у меня за 1902) тоже отмѣчается уменьшеніе, правда не противъ 1900—1901, но берется одинъ изъ предыдущихъ годовъ 1898, когда общія числа были выше.

Обращаясь къ отдѣльнымъ преступленіямъ французская статистика, искусно группируя ихъ, тоже отмѣчаетъ уменьшеніе.

Начнемъ съ рецидива: кажется это дѣйствительно признакъ уменьшенія преступности, но какъ уже справедливо замѣтилъ Тардъ въ своемъ докладѣ Societé generale des prisons—La ccimіnalité en France dans les vingt dernière années [1]) забываютъ о релегаціи, которая вывезла изъ предѣловъ европейской Франціи къ отчетному времени болѣе 10.000 самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ. Что съ ними дѣлается на мѣстѣ ссылки, объ этомъ намъ сообщилъ на страницахъ «Журнала Министерства Юстиціи» (1897) нашъ соотечественникъ Д. А. Дриль. Если понятіе Франціи, какъ страны, не ограничивать только континентомъ европейской территоріи, тогда вѣроятно выводы получились бы совершенно другіе, а при такомъ ограниченіи, если не Франція и французская преступность, то французская статистика не распространяющаяся на мѣста ссылки, была очищена. Едва-ли что-либо можно прибавить къ такому искусственному обѣленію.

---

[1]) Revue penitentiaire 1903 стр. 158—

Далѣе уменьшеніе числа accusés т. е. судившихся судомъ присяжныхъ объясняется ни чѣмъ не сдерживаемой коррекціонализаціей, которая напримѣръ въ сосѣднемъ государствѣ Бельгіи довела число дѣлъ подсудныхъ суду присяжныхъ до 100 на всю страну. Но Тардъ обратилъ вниманіе на другіе факты, указывающіе на невѣрность общаго изображенія преступности. Число дѣлъ не уменьшается а увеличивается, за 20 л. оно повысилось съ 422.983 до 514.761.

Куда же эти дѣла дѣваются?

Тардъ отвѣчаетъ: число дѣлъ прекращеныхъ за отсутствіемъ признаковъ преступленія возрасло за отчетное время съ 105.714 до 131.167 (можетъ быть тоже какъ и у насъ надо объяснять невѣжествомъ полиціи?).

Число дознаній прекращенныхъ прокурорскимъ надзоромъ 1) по неважности самихъ обвиненій при полномъ составѣ преступленія (opporturinäts princip) возрасло съ 23.796 до 39.907 и 2) за необнаруженіемъ виновныхъ съ 64.112 на 92.074. Число delits, оставленыхъ безъ преслѣдованія за неразысканіемъ преступника, съ 94.853—114133. Кто бы ни былъ виноватъ въ этомъ явномъ ослабленіи обвиненія: чины прокурорскаго надзора, находящіеся подъ сильнымъ вліяніемъ политическихъ партій, агенты ли полиціи, одно ясно, что въ суды попадаетъ и разрѣшается значительно меньше дѣлъ, чѣмъ должно бы и статистика оффиціальная невѣрно отражаетъ дѣйствительное состояніе преступности.

Но и по отдѣльнымъ видамъ преступленій слѣдуетъ отмѣтить усиленіе.

Если число убійствъ вообщее уменьшается, то число убійствъ съ корыстною цѣлью увеличилось: moeurtres съ 14—21% общаго числа, assassinats съ 25 на 43%.

Contraventions направленныя противъ личности увеличились съ 26.607 до 32.179. Bosco, обозначивъ этотъ родъ дѣяній lesioni personale, опредѣляетъ число ихъ въ 1861—65—18919 и въ 1896—99—въ 33264, что составляетъ на 100 т. насел. повышеніе съ 50,3 на 86,7. Если кражи съ осложняющими обстоятельствами уменьшаются, то кражи простыя увеличиваются по разсчету Bosco (1884—1899) на населеніе съ 88.8 на 101,9 а мошенничества съ 26,4 на 33,5. Если же взять число кражъ въ 1833—35 г., и сравнить, то окажется, что вмѣсто 46 кражъ на 100 тысячъ жителей въ тридцатыхъ годахъ, приходится около 120 кражъ въ девяностыхъ годахъ.

По справедливому замѣчанію Тарновскаго [1]) это уменьшеніе приговоровъ, а не преступности. Преступность дѣтская увеличивается несомнѣнно, Bosco за время 1881—99 даетъ слѣдующія цифры: число малолѣтнихъ преступниковъ не достигшихъ 16 л. увеличилось съ 6298 на 6938, а въ возрастѣ 16—21 съ 22.100 на 34.328; на 100 обвин. несовер. до 21 съ 16,0—на 18,3. Въ докладѣ Societé generale des prisons подъ названіемъ Les causes de la criminalité de l'enfance Jules Joly [2]) отмѣчаетъ, что несовершеннолѣтніе въ возрастѣ 16—21 давали въ 1831—10% общаго числа обвиняемыхъ, въ 1881—15%, а въ 1901 г.—17%. За время съ 1881—1901 г. рецидивъ среди малолѣтнихъ (envoyés en correction) возвысился съ 11°—16° для мальчиковъ и съ 9%—14% для дѣвочекъ.

Но для того чтобы выяснить ходъ французской преступности и одновременное «усовершенствованіе» ея офиціальной статистики и дѣятельности органовъ преслѣдованія и обвиненія надо обратиться къ болѣе раннему времени.

Извѣстный выдающійся (Doyen de la faculté, членъ института, предсѣдатель Societe generale des prisons одно время) Henri Joly въ своемъ сочиненіи La France criminelle, вышедшемъ въ свѣтъ третьимъ изданіемъ въ 1889 г. (которымъ я пользовался), подводя къ этому времени итоги французской уголовной статистики, отмѣчаетъ уже въ то время то явленіе, которое 14 лѣтъ спустя для своего времени отмѣтилъ, какъ указано выше, Тардъ—чрезвычайный ростъ дѣлъ прекращенныхъ за необнаруженіемъ виновныхъ именно съ 12.000 до 74.000. За время съ 1826 по 1880 кражи увеличились, по вычисленіямъ Ioly, во Франціи на 238%, обманы и мошенничества на 323%, abus de confiance 60%. Съ 1838 г. говоритъ Joly населеніе увеличилось на 51% а корысть на 69% число рецидивистовъ во франціи съ 1860 г. до 1887 по отношенію къ общему числу обвиняемыхъ (accusés et prevenus) возрасло съ 31 % до 54%.

Тотъ же Joly въ статьѣ «Les associations et l'Etat dans la lutte contre le crime» [3]) отмѣчаетъ, что хотя съ 1860 до 1891 г. число дѣтей вообще во франціи уменьшилось на 226.000, число обвиняемыхъ дѣтей въ возрастѣ до 16 л. возрасло съ 5.400 до 7.000, а въ возраслѣ 16—21 г. съ 16.000 до 31.000.

Вышеприведенныя данныя указываютъ, что ростъ преступ-

---

[1]) Тарновскій. Измѣненіе преступности во Франціи по различнымъ группамъ департаментовъ Ж. М. Ю. 1904 № 4.

[2]) Revue penit. 1904 p. 662.

[3]) Revue politique et parlementaire 1895 стр. 430.

ности во Франціи какъ и въ другихъ странахъ очень великъ, но что по политическимъ или другимъ сображеніямъ и основаніямъ преслѣдованіе все болѣе и болѣе ослабляется, а отчеты статистики допускаютъ умолчаніе о самыхъ серьезныхъ явленіяхъ преступности, о преступности релегированныхъ.

Англія.

Въ 1877 г. была совершена въ Англіи тюремная реформа, весь строй тюремный былъ преобразованъ на новыхъ началахъ, и съ тѣхъ поръ англійскія тюрьмы должны быть признаны наиболѣе отвѣчающими всѣмъ современнымъ пенитенціарнымъ требованіямъ, изъ всѣхъ мѣстъ заключенія всего міра. Рядомъ съ этимъ частная инициатива широко развила дѣло патроната для выходящихъ изъ тюремъ, реформаторій и индустріальныхъ школъ для малолѣтнихъ. Черезъ годъ послѣ тюремной реформы населеніе тюремное стало значительно убывать. Это уменьшеніе числа арестантовъ шло неизмѣнно, послѣдовательно и быстро. Еще въ 1878 г. *среднесуточный* составъ каторжныхъ и мѣстныхъ тюремъ выразился въ цифрѣ 20.833 человѣка, въ 1879 г. было всего 19.818, черезъ 10 лѣтъ въ 1889 г. всего 14.758 и въ 1892 г. среднесуточный составъ тюремнаго населенія выражался въ цифрѣ 12.663. Затѣмъ, правда, тюремное населеніе стало медленно увеличиваться, въ 1901 г. оно равнялось уже 14.739. Это увеличеніе продолжается и въ слѣдующіе годы и при томъ идетъ чрезвычайно быстро: въ 1901 всего было присуждено къ содержанію въ каторжныхъ и мѣстныхъ тюрьмахъ 166.794 чел. [1]) въ 1902—3—196.144, въ 1903—4—210.482 [2]).

Одновременно уменьшилось и общее число осужденныхъ за inditcable offences, т. е. наиболѣе важныя преступленія (безразлично къ какимъ наказаніямъ присуждены). Еще въ 1878 число осужденныхъ за indictable offences при разсчетѣ на 100 тысячъ населенія составляло 217, въ 1893—194 [3]), въ 1901 г. оно составляло уже всего 170 чел., правда въ 1902 оно дало 173 и все увеличивается.

Совпаденіе уменьшенія тюремнаго населенія, а за тѣмъ и числа осужденныхъ съ тюремной реформой вселило въ англичанъ, при всей ихъ безукоризненной добросовѣстности и неумолимой строгости къ своимъ порядкамъ, вполнѣ понят-

---

[1]) Report of the Commis. of prisons and directors of Convict prisons for the year, ended the 31 Marth 1901, p. 6—7.

[2]) Revue penit, 1905 p. 278.

[3]) Report from the Departemental Commitee on prisons 1895, стр. 4.

ную гордость и увѣренность, что ими открыто средство успѣшной борьбы съ преступностью.

Эта увѣренность за послѣднія 11 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ тюремное населеніе стало вновь увеличиваться, сильно поколебалась. Но такъ какъ все-таки увеличеніе числа осужденныхъ отставало отъ роста населенія и даже пропорціональное отношеніе измѣнялось до послѣднихъ 3 лѣтъ въ благопріятномъ смыслѣ, то и въ Англіи и среди ученыхъ иностранцевъ утвердилось убѣжденіе, что преступность въ Англіи уменьшается и при томъ значительно.

Но это убѣжденіе не раздѣляется уже и въ самой Англіи многими весьма компетентными лицами.

Уже въ 1895 г. парламентская коммисія, образованная для изслѣдованія тюремныхъ порядковъ подъ предсѣдательствомъ сына Гладстона Герберта, замѣтила между прочимъ [1]), что «уменьшеніе тюремнаго неселенія не можетъ быть признано вѣрнымъ показателемъ уменьшенія преступности. Причины, которыя вызываютъ измѣненія въ размѣрѣ преступности, часто весьма тонки, сложны и неуловимы. Измѣненія въ уголовной статистикѣ часто являются прямымъ результатомъ измѣненія въ матеріальномъ уголовномъ правѣ или процессѣ, которые не состоятъ въ непосредственной связи съ тюремнымъ режимомъ. Законы о реформаторіяхъ и индустріальныхъ школахъ, законъ о сокращенномъ судопроизводствѣ (Summary Jurisdiction Act) и расширеніе полноночій судей по назначенію срока каторжныхъ работъ въ значительной степени освободили тюрьмы отъ ихъ населенія». Эти замѣчанія чрезвычайно компетентнаго англійскаго тюремнаго комитета весьма вѣрны. Къ нимъ только надо добавить, что эти законы въ особенности Summary Jurisdiction Act 1879—42 & 43 Vict [2]), не только уменьшили населеніе тюремное, но и вообще уменьшили *число осужденныхъ*, приговариваемыхъ къ другимъ наказаніямъ кромѣ тюремнаго заключенія. Въ самомъ дѣлѣ, законъ о сокращенномъ производствѣ въ судахъ малыхъ сессій мировыхъ судей и полицейскихъ — число коихъ въ Англіи приблизительно можно опредѣлить въ 700 [3]),—создалъ для этихъ судовъ весьма широкую компетенцію: 1) относительно дѣтей до 12 л. всѣ преступленія кромѣ убійства, если родители согласны не подвергать, въ случаѣ важныхъ прес-

---

[1]) Report from the Depart Com. on pris, 1895, стр. 4.

[2]) The public general statuts, 1879, стр. 236—264.

[3]) Подробныя свѣдѣнія о судахъ сокращеннаго производства у Comte de Franqueville Le systeme judiciaire de la Grande Bretagne 1893, t. 1, p. 265—t. II, етр. 286.

тупныхъ дѣяній (indictable offenses), суду присяжныхъ (Sh. 10)— наказаніе тюрьма до 1 м.; 2) малолѣтніе отъ 12—16 л. въ случаѣ indictable offenses, при ихъ согласіи (Sh. 11) взамѣнъ суда присяжныхъ, причемъ судъ можетъ назначить наказаніе до 3 м. тюрьмы. Преступленія, перечисленныя въ особомъ спискѣ; сюда входятъ кражи безъ ограниченія цѣны похищеннаго, домашнія кражи и рядъ весьма разнообразныхъ преступленій; не только non indictable, но и indictable, 3) наконецъ взрослые, если они въ предѣлахъ компетенціи указанной въ п. 2, признавая себя виновными, просятъ объ осужденіи взамѣнъ длинной процедуры суда присяжныхъ или если, и не признавая себя виновными, соглашаются на замѣну суда присяжныхъ сокращеннымъ производствомъ и при этомъ, по мнѣнію судей, цѣна похищеннаго или присвоеннаго не превышаетъ 40 шиллинговъ (Schedules Second Column), наказаніе тюрьма до 6 мѣсяцевъ. Уже ознакомленіе съ этими постановленіями вполнѣ поясняетъ, какое ослабленіе репрессіи, кромѣ быстроты процесса, было такимъ образомъ достигнуто. Не слѣдуетъ забывать, что кража и приравниваемыя къ ней преступленія составляютъ значительную часть общаго числа преступныхъ дѣяній, почти 30%, что вмѣсто наказанія за indictable offense—penal servitude me, заключенія въ каторжную тюрьму даже взрослый, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ отдѣлаться тюремнымъ заключеніемъ не свыше 6 мѣсяцевъ. Но не въ этомъ еще главное значеніе Summary Iurisdiction Act. Въ силу ст. 16 этого закона судъ сокращеннаго производства, если найдетъ, что хотя виновность и доказана но дѣяніе столь ничтожно (the offense was in the particular case of so triffling a nature), что непрактично назначать какое нибудь наказаніе, можетъ освободить виновнаго, подвергнувъ его, *если признаетъ нужнымъ*, платежу судебныхъ издержекъ или представленію поручительства. И это дѣйствительно относительно *всѣхъ* подсудныхъ этому суду лицъ. Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій, я думаю, будетъ вполнѣ понятно *значеніе* указанія судебнаго отчета за 1902 г. (Judicial Statistics of England and Wales 1902 Criminal statistics p. 49), что за 10 лѣтъ съ съ 1893 по 1902 г. число лицъ освобожденныхъ судами сокращеннаго судопроизводства отъ наказанія по ст. 16 по разсчету на 1.000 обвинительныхъ приговоровъ возрасло съ *386* до *557*; такимъ образомъ *болѣе половины* оставляется безъ наказанія и осужденія. Если къ этому прибавить, что дѣйствіе закона 1879 г. совпало какъ разъ съ началомъ сокращенія тюремнаго населенія, то станетъ ясно, гдѣ лежитъ

дѣйствительная причина уменьшенія тюремнаго населенія и числа осужденныхъ: въ уменьшеніи ли преступности, благодаря благотворному вліянію тюремъ или въ искусственномъ, путемъ законодательныхъ мѣропріятій, сокращенію числа осужденныхъ. Въ томъ же судебномъ отчетѣ (стр. 13) указывается, что въ 1893 г. сокращеннымъ порядкомъ разсмотрѣно 434.791 дѣлъ. Что касается до расширенія права судей назначать каторгу въ предѣлахъ minimum 3 л. а не 5 л., то этотъ законъ очевидно долженъ былъ повліять на сокращеніе среднесуточнаго состава арестантовъ.

Наконецъ если число арестантовъ въ тюрьмахъ сократилась, то за то, какъ видно изъ Report for the Jear 1902 of the Inspector of Reformatory and Industrial Schools число дѣтей содержащихся въ индустріальныхъ школахъ возрасло съ 1.668 въ 1864 г. до 23.369 въ 1902 г.

Я нисколько не думаю отрицать благотворности всѣхъ англійскихъ реформъ. Не довѣряя вовсе тюрьмѣ, какъ мѣрѣ исправительной, даже тюрьмѣ англійской, я думаю, что англійскій законодатель изъ двухъ золъ, тюрьма или оставленіе безъ наказанія, выбралъ меньшее. Но только это все-таки никоимъ образомъ не можетъ свидѣтельствовать *пока* объ уменьшеніи преступности. А пессимистическіе судебные и тюремные отчеты послѣднихъ лѣтъ и сами не выражаютъ надежды, что увеличеніе числа осужденныхъ явленіе преходящее. Я думаю, что даже мы съ бо̀льшимъ правомъ можемъ заключить о ростѣ преступности, такъ какъ общее число преступныхъ дѣяній увеличивается, дѣтская преступность, судя по числу отправляемыхъ въ реформаторіи и индустріальныя школы, сильно увеличивается, а рецидивъ растетъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы имѣемъ свидѣтельство такого компетентнаго лица, какъ Реглль-Браизъ, предсѣдатель совѣта тюремныхъ инспекторовъ Англіи, который удостовѣряетъ въ докладѣ брюссельскому тюремному конгрессу, что если въ 1877 39% тюремнаго населенія являлось рецидивистами, то въ 1898 году рецидивисты составили уже 58% этого населенія. Въ 1902 г. рецидивъ дошелъ уже до 62% [2]).

Общее движеніе преступности въ Англіи и Уэльсѣ за десятилѣтіе 1893—1902 по даннымъ Iudicials Statistics за 1902 (стр. 32—34) въ цифрахъ осужденныхъ:

) Bulletin de la commission pénitentiaitre internationale. Vol. 2. Livr II, 1900, p. 206.
[2]) Revue penitentiaire 1905, p. 1047.

Indictable offences 57.357—57.060; пропорціонально населенію на 100 т. 189.85—170.48.

Non indictable offen. 604.310—730, 613, на 100 т. 2.069—2.236.

Заключенныхъ въ тюрьмахъ 183.143—207.384.

Преступленія, соединенныя съ насиліемъ 1.559—1.705.

За то assault въ сокращенномъ производствѣ 75.862—61.422 (въ виду освобожденія отъ наказаній 56% едва-ли что либо доказываетъ).

Burgarly and Hausbreaking 7.572—8.791.

Убійства уменьшились 263—245, но offennces maliciously wounding 723—771.

Obtaining property by false-pretences 954—1.695.

Факторы преступности.

Настоящая глава не можетъ, разумѣется, представлять полнаго и всесторонняго трактата о факторахъ преступности. Вопросъ о факторахъ преступности настолько великъ и вызвалъ уже такую обширную литературу, что ученикъ Ванъ-Гамеля Іосифъ ванъ-Канъ [1]), поставивъ себѣ задачею выяснить существо и природу только экономическихъ факторовъ преступности, написалъ обширное изслѣдованіе, представляющее не самостоятельное изслѣдованіе, а только рядъ весьма краткихъ въ отношеніи многихъ авторовъ, далеко не исчерпывающихъ все ученіе ихъ, конспектовъ. Я ограничусь только общимъ очеркомъ современнаго положенія ученія о факторахъ преступности въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ это совершенно необходимо для обоснованія соображеній по основному вопросу настоящаго изслѣдованія — о роли общества въ борьбѣ съ преступностью. На выясненіе вопроса о факторахъ преступности вполнѣ естественно наталкиваютъ и данныя и выводы общаго, представленнаго выше, обозрѣнія роста преступности.

Въ самомъ дѣлѣ статистическія данныя, приведенныя въ главѣ I, помимо всякаго освѣщенія ихъ съ какой бы то ни было принципіальной, а тѣмъ болѣе односторонней точки зрѣнія, съ неумолимою очевидностью указываютъ, что на нашихъ глазахъ происходитъ весьма грозное явленіе. Преступность, хотя и видоизмѣнилась въ своихъ формахъ, выражаясь: въ отдѣлѣ преступленій противъ личности больше въ тѣлесныхъ поврежденныхъ, чѣмъ убійствахъ, въ отдѣлѣ преступленій противъ имущества больше въ кражахъ и обманахъ, чѣмъ разбояхъ и грабежахъ, тѣмъ не менѣе неуклонно и постепенно увеличивается. Число преступныхъ дѣяній и

---

[1]) *Ioseph van Kan*: Les causes économiques de la criminalité, 1903.

число осужденныхъ—не только увеличивается сообразно съ увеличенiемъ и ростомъ населенiя, но значительно и быстро перегоняетъ его. Такъ какъ это явленiе наблюдается уже, хотя и съ нѣкоторыми колебанiями вверхъ и внизъ около столѣтiя, то устраняется всякая возможность считать его временнымъ. Съ другой стороны при такихъ условiяхъ и въ такой формѣ нельзя причислить вопросъ о ростѣ преступности къ числу тѣхъ вѣчныхъ, роковыхъ, вопросовъ, разрѣшенiе которыхъ вполнѣ удовлетворительное очевидно не дано человѣчеству. Это не вопросъ о томъ, почему порокъ и преступленiе всегда были и вѣроятно и будутъ всегда среди людей. Это вопросъ, если можно сказать, далеко не такой отвлеченный, болѣе реальный, чѣмъ философскiй вопросъ, съ которымъ человѣчеству необходимо и посчитаться и надъ разрѣшенiемъ котораго практически необходимо поработать. Какъ бы ни смотрѣть на отношенiе права и нравственности, какихъ бы воззрѣнiй ни быть по вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ преступность даннаго народа является достовѣрнымъ указателемъ степени его порочности (Эттингенъ, Моральная статистика и др.), во всякомъ случаѣ отмѣченный чрезвычайный, обгоняющiй ростъ населенiя, ростъ преступности во всѣхъ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ указываетъ несомнѣнно и на быстро растущую деморализацiю. Съ такимъ грознымъ явленiемъ человѣчеству современному надо посчитаться. Если знаменитый американскiй политико-экономъ Генри Джорджъ въ своемъ сочиненiи Прогрессъ и бѣдность (кн. X Law of human progress) послѣ глубокаго и всесторонняго изученiя и сравненiя различныхъ цивилизацiй, пережитыхъ человѣчествомъ, пришелъ къ заключенiю, что и современная цивилизацiя погибнетъ какъ предыдущiя, если не разрѣшитъ соцiальнаго вопроса, то то же самое можно и съ равнымъ основанiемъ сказать и въ отношенiи вопроса о непомѣрномъ увеличенiи преступности, указывающемъ на чрезвычайную и быстро растущую деморализацiю.

Едва ли поэтому къ этому явленiю можно отнестись такъ философски спокойно, какъ глава итальянской школы Ломброзо, который въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненiй [1]) отмѣчаетъ, что «цивилизацiя не можетъ привести ни къ чему другому, какъ къ измѣненiю характера преступности и быть можетъ увеличенiю числа преступленiй и что это фактъ вполнѣ понятный, какъ бы тяжело ни было въ немъ

[1]) Caesare Lombroso. Le crime, causes et remedes. 1899, p. 64.

сознаться»; нельзя также удовольствоваться и заявленіемъ Ферри [1]), что цивилизація какъ и варварство имѣетъ свою преступность, ей именно свойственную. Г. Тардъ въ Philosophie penale послѣ продолжительныхъ разсужденій, весьма мало убѣдительныхъ, и не исчерпывающихъ самую сущность вопроса, приходитъ къ заключенію, что ростъ преступности указываетъ, что цивилизація еще не установилась; когда же цивилизація достигнетъ полнаго развитія и вполнѣ охватитъ человѣчество, ростъ преступности остановится.

Это во всякомъ случаѣ совершенно гадательное утѣшеніе, въ вѣроятности котораго не представлено никакихъ доказательствъ.

Еще менѣе можно присоединиться къ теоріи Полетти [2]) подвергнувшейся въ свое время столь заслуженной критикѣ. Теорія эта вовсе не вытекаетъ изъ разсужденій автора въ другихъ частяхъ его сочиненія. Авторъ безъ всякихъ доводовъ и соображеній предлагаетъ (стр. 76) принять на вѣру, что соціальная энергія, дѣятельность (l'attivita sociale) развивается въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ: съ одной стороны какъ производительная, управляющая, сохраняющая, моральная и правовая, а съ другой какъ разрушительная, непроизводительная, безнравственная и преступная. Обращаясь къ статистическимъ даннымъ по исторіи Франціи за время съ 1826—1878 г. авторъ находитъ, что вывозъ и ввозъ товаровъ во Франціи за это время увеличился въ пропорціи со 100 на 700, производительность и податная сила 100 на 300 а преступность съ 100—254. Такимъ образомъ положительная сторона соціальной дѣятельности получила большее развитіе чѣмъ преступная и слѣдовательно все обстоитъ благополучно и можно надѣяться, что, благодаря результатамъ положительной дѣятельности, отрицательная будетъ остановлена въ своемъ развитіи. Какъ извѣстно, предсказаніе не сбылось, ростъ производительности въ Франціи сильно замедлился, а преступность все продолжаетъ расти.

Обращаясь отъ этихъ общихъ размышленій о соотношеніи современной цивилизаціи и преступности уже по своему черезчуръ общему, поверхностному, характеру недостаточныхъ для выясненія интересующаго насъ явленія къ вопросу о факторахъ преступности, необходимо отмѣтить, что и до послѣдняго времени всѣ научныя сочиненія строго различаютъ индивидуальные, антропо-

---

[1]) Enrico Ferri. La sociologie criminelle, фр. пер. 1905, стр. 196.

[2]) Francesco Poletti. Il sentimento nella scienza del diritto penale 1882, гл. VIII. Di una. legge empirica della criminalita, стр. 69—93.

логическіе факторы отъ внѣшнихъ физическихъ и соціальныхъ. Но это различеніе уже не имѣетъ того рѣзкаго характера исключительно правильнаго способа объясненія явленій преступности, который присвоивался тому или другому роду факторовъ учеными, при самомъ возникновеніи теорій о факторахъ преступности. Достаточно указать хотя бы на то, что глава антропологической школы Ломброзо посвятилъ въ послѣднее время обширное изслѣдованіе изученію физическихъ и соціальныхъ факторовъ преступности (указ. выше сочиненіе), а Ферри, наименѣе убѣжденный изъ числа представителей итальянской школы защитникъ типа прирожденнаго преступника, въ своемъ обширномъ сочиненіи по уголовной соціологіи (послѣднее изданіе) едва удѣляетъ двѣ странички вопросу о существованіи типа прирожденнаго преступника, какъ бы въ виду невозможности отказаться совсѣмъ отъ прежнихъ взглядовъ.

И дѣйствительно ученіе о прирожденномъ преступникѣ, являясь наиболѣе рѣзкою крайностью въ ученіи объ индивидуальныхъ факторахъ преступности, потерпѣло со времени своего возникновенія полное и, думается, окончательное крушеніе. Оно было рѣшительно выставлено итальянской школой Ломброзо и поддержано на конгрессѣ антропологовъ въ Римѣ (1885 г.), но за тѣмъ уже на конгрессѣ въ Парижѣ въ 1889 г. противъ этой доктрины ополчились такія медицинскія знаменитости, какъ, Манувріе, Топинаръ, Бруардель. На Брюссельскій конгрессъ, 1892 г., отвергнувшій эту доктрину, итальянцы совсѣмъ не явились, а когда въ 1896 г., на конгрессѣ въ Женевѣ, Ломброзо и его друзья попробовали защищать выставленныя ими положенія, то имъ пришлось выслушать горячія и рѣзкія возраженія всѣхъ нѣмецкихъ психіатровъ, въ особенности Naecke, автора прекраснаго сочиненія Verbrechen und Wahnsinn beim Weibe и замѣчательный докладъ доктора Миновичи, румына, который на основаніи нѣсколькихъ тысячъ наблюденій рѣшительно отвергалъ существованіе типа прирожденнаго преступника. Я думаю, что въ борьбѣ съ классической догматическо-юридической школой ученіе о прирожденномъ преступникѣ сыграло роль тарана, которымъ въ древноети разбивали стѣны осаждаемой крѣпости. Но очевидно, что, по взятіи крѣпости, таранъ не можетъ служить даже матеріаломъ для новыхъ созидательныхъ работъ.

Въ нашей литературѣ есть рядъ послѣдователей ученія Ломброзо, если и не совсѣмъ, то близко приближающихся по

своимъ взглядамъ въ итальянской школѣ [1]), они не столько впрочемъ настаиваютъ на типѣ прирожденнаго преступника, выдѣляющагося по мнѣнію итальянцевъ и анатомическими особенностями, сколько усматриваютъ въ каждомъ преступникѣ психически ненормальнаго человѣка. Достаточно однако остановиться хотя бы на второмъ выпускѣ сочиненія Д. А. Дриля, который по выраженію Vargha (Die Abschaffung der Strafknechtschaft) ist berühmt fur die Unabhängigkeit seiner Ansichten, «малолѣтніе преступники» съ почти непрекращающимся описаніемъ отдѣльныхъ судебныхъ казусовъ и преступленій, виновниками которыхъ являлись психически ненормальные люди, чтобы признать, что дѣло идетъ, по сравненію съ общею массою преступниковъ, объ исключительныхъ случаяхъ. Процентъ сумашедшихъ среди преступниковъ несомнѣнно нѣсколько выше (насколько можно судить по тюремной статистикѣ) чѣмъ среди людей не преступныхъ и повышается вмѣстѣ съ повышеніемъ вообще во всемъ цивилизованномъ обществѣ числа психически ненормальныхъ людей. Но никакими статистическими данными, никакими дѣйствительно научными доводами, вовсе не доказано чтобы преступникъ и сумашедшій были синонимы [2]). Современные процессуальные законы хотя и не удовлетворяющіе послѣдователей указанныхъ теорій, весьма тщательно обставили съ самыхъ первыхъ стадій процесса (съ предварительнаго слѣдствія) выясненіе всякихъ сомнѣній, по какимъ бы основаніямъ они ни возникали, въ нормальности умственныхъ способностей обвиняемаго. Такія лица, немедленно, не только освобождаются отъ наказанія, но и отъ суда, и очевидно, какъ показываетъ богатый судебный опытъ, и не попадаютъ въ тѣ громадныя цифры преступности, съ которыми мы считаемся. Это крайнее индивидуалистическое направленіе совершенно не въ состояніи объяснить всѣхъ разнообразныхъ проявленій преступности и ея роста,

[1]) *Д. А. Дриль.* Малолѣтніе преступники 1884, Преступность и преступники 1895 *Л. Е. Владиміровъ.* Психологическое изслѣдованіе на уголовномъ судѣ и др. *П. И. Ковалевскій.* Судебная психопатологія и др. Критика итальянской школы у насъ дана Вульфертомъ, Закревскимъ и др.

[2]) Вопросъ слишкомъ обширенъ, чтобы здѣсь его разсматривать во всей подробности. Но я не могу удержаться отъ приведенія одного примѣра quasi-научныхъ методовъ, къ которымъ прибѣгаютъ послѣдователи этого направленія. П. И. Ковалевскій въ монографи объ Іоаннѣ Грозномъ поставивъ діагнозъ, призналъ царя Ивана Васильевича параноикомъ, главнымъ образомъ, въ виду многочисленности и жестокости произведенныхъ имъ казней. При этомъ однако ученый профессоръ забылъ о современной Грозному инквизиціи, Варфоломеевской ночи; и неужели всѣ виновники этихъ прискорбныхъ историческихъ событій были тоже параноиками?

если бы оно восторжествовало, оно бы повело науку и практическую борьбу съ преступностью по совершенно ложному пути. Да и это направленіе можетъ тоже вполнѣ считаться пережитымъ. Въ существѣ дѣла послѣдователи всѣхъ этихъ крайнихъ индивидуалистическихъ направленій, оставаясь вѣрными избраннымъ положеніямъ и даже просто логичными, должны были бы отрицать всякое вліяніе внѣшнихъ физическихъ и тѣмъ болѣе соціальныхъ факторовъ, чего однако какъ мы видѣли напримѣръ Ломброзо, Ферри и др., не дѣлаютъ и въ концѣ концовъ оказывается, что въ сущности они защищаютъ положеніе, котораго никто не оспариваетъ, что между преступниками есть извѣстный процентъ сумашедшихъ; между тѣмъ очевидно противное было бы явленіемъ ненормальнымъ. Все это индивидуалистическое ученіе есть не болѣе какъ приступъ къ изученію личности преступника, которую совсѣмъ упустила изъ виду классическая догматически-юридическая школа. Сдѣлавъ открытіе, обнаруживъ и доказавъ необходимость считаться съ личностью преступника въ цѣляхъ успѣшной борьбы съ преступными наклонностями, новая школа не дошла до полнаго выясненія вопроса о томъ, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ складываются въ человѣкѣ эти преступныя наклонности, какимъ образомъ онъ доходитъ до преступленія.

Но предположеніе о томъ, что вполнѣ нормальный человѣкъ не можетъ подъ вліяніемъ, хотя бы и самыхъ неблапріятныхъ внѣшнихъ условій, дойти до преступленія, къ сожалѣнію опровергается уже не отдѣльными казусами, а всѣми многочисленными данными современной статистики. Но прежде чѣмъ перейти къ этимъ даннымъ, слѣдуетъ остановиться еще на одномъ видѣ индивидуалистическихъ ученій о факторахъ преступности. Послѣдователи этихъ ученій, въ сущности, не новыхъ, а лишь придавшихъ новую форму воззрѣніямъ и взглядамъ господствовавшимъ издавна, видятъ источникъ преступности, главнымъ образомъ, почти исключительно въ безнравственности и порочности лицъ, впавшихъ въ преступленіе. Они разумѣется являются страстными противниками суда присяжныхъ, которому во имя неопровержимыхъ требованій житейскаго опыта слишкомъ часто приходится признавать, что и люди совершенно нравственные могутъ быть доведены внѣшними условіями до совершенія преступленія и что угрозою уголовной кары нельзя требовать отъ обыкновенныхъ среднихъ людей геройства. Въ числѣ наиболѣе видныхъ современныхъ представителей этихъ ученій, хотя и

съ нѣкоторыми оговорками, должны быть поставлены такіе глубокіе психологи и соціологи какъ Генрихъ Жоли и Габріель Тардъ. Я высоко ставлю заслуги этихъ двухъ ученыхъ, обогатившихъ область соціологіи весьма важными ученіями. Къ такимъ ученіямъ я причисляю теорію Тарда о подражаніи, теорію Joly, раздѣляемую Тардомъ о деклассаціи и положенія Жоли о тѣхъ нравственныхъ послѣдствіяхъ, которыя наступаютъ для лица, покидающаго свою родную среду и переселяющагося даже въ сосѣдній департаментъ, городъ, не говоря уже объ иностранномъ государствѣ. На взглядахъ этихъ ученыхъ на деклассацію и нѣкоторыхъ данныхъ, приводимыхъ Жоли о значеніи соціальныхъ условій въ вопросѣ о нравственномъ поведеніи и исправленіи, я еще остановлюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи, но я не могу не отмѣтить, что несмотря на глубокое пониманіе нѣкоторыхъ сторонъ соціологіи, оба эти ученые, въ основу ученія о преступленіи и ростѣ преступности, кладутъ чисто индивидуалистическія воззрѣнія на преступленіе, какъ на грѣхъ, порокъ.

Всѣ ихъ соціологическія соображенія служатъ только для выясненія условій, при которыхъ портится нравственность отдѣльнаго индивида. Но невольно возникаетъ вопросъ, объясняется ли этимъ не только преступность вообще, но даже и индивидуально путь, по которому человѣкъ въ отдѣльности доходитъ до преступленія.

Я приведу нѣсколько соображеній Joly въ его сочиненіи Le crime. Онъ утверждаетъ, что начинаютъ всегда съ порока (le vice) и потомъ переходятъ въ преступленію. Преступниковъ онъ раздѣляетъ на три категоріи (стр. 52). Во первыхъ натуры инертныя т. е. такія, которыя даютъ себя увлекать безъ сопротивленія и безъ возмущенія. Во вторыхъ люди вспыльчивые, необдуманные, и въ третьихъ люди нравственно испорченные и порочные, у которыхъ развита любовь къ удовольствіямъ съ забвеніемъ собственнаго достоинства.

Я не оспариваю, что можетъ быть, и даже несомнѣнно, всѣ эти три категоріи нравственныхъ типовъ встрѣчаются среди преступниковъ, но онѣ несомнѣнно встрѣчаются, какъ это всѣмъ извѣстно, и при томъ въ громадномъ числѣ и среди людей непреступныхъ, Жоли и самъ это признаетъ 20 страницами раньше (стр. 31). Какъ же все таки доходятъ обыкновеные люди до преступленія? Жоли даетъ какъ бы въ отвѣтъ на такой вопросъ такое опредѣленіе преступника (стр. 29). Преступникъ это человѣкъ, который же-

лаетъ приспособить, подчинить своимъ желаніямъ и своимъ страстямъ тѣ отношенія, которыя у него возникаютъ съ другими людьми. Но у него нѣтъ ни храбрости для борьбы закономѣрной честной (loyale), ни терпѣнія».

Морализируя въ томъ же направленіи въ другомъ своемъ сочиненіи La France criminelle (стр. 346) и упрекая людей доходящихъ до преступленія въ непредусмотрительности, онъ вдругъ спохватывается и у него вырывается невольно фраза «Но въ бѣдномъ человѣчествѣ, кто же не непредусмотрителенъ»?

Оспаривая въ соч. Le crime ученіе итальянцевъ о существованіи особой разновидности человѣка «преступника» Ioly подробно и остроумно и ярко, какъ всегда, описываетъ, сколько вокругъ преступленія и преступниковъ, близко подходя къ нимъ по типу, живетъ людей, всю жизнь остающихся безнаказанными.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько въ жизни мы видимъ лжи, этого худшаго порока и какъ мало людей отъ нея воздерживаются. Сколько существуетъ людей, признающихъ одни грубыя чувственныя страсти, разоряющихся въ конецъ или умудряющихся пріобрѣтать средства для удовлетворенія своихъ похотей и однако же не совершившихъ ни одного караемаго закономъ преступленія. Сколько въ жизни имѣется людей неприспособленныхъ? Быть можетъ для развитія и возвышенія нравственнаго и умственнаго уровня всего человѣчества ихъ даже слишкомъ мало? Жоли не останавливаютъ даже приведенные имъ примѣры Іисуса Христа, христіанскихъ мучениковъ, Сократа и д. онъ просто ихъ считаетъ victimes decriminalite collective, самъ не замѣчая того, что вовсе упуская изъ виду вліяніе внѣшнихъ, не индивидуальныхъ, факторовъ преступности, упуская изъ виду вину, въ смыслѣ понятія причинности, самого общества, въ совершающихся въ его средѣ преступленіяхъ, онъ, сразу же, забывая о допускаемой имъ непослѣдовательности, сажаетъ это общество на скамью подсудимыхъ только потому, что нелѣпо же въ самомъ дѣлѣ признать Христа и Сократа безнравственными, хотя можетъ быть они съ точки зрѣнія юридической того времени, а можетъ быть и нашего, при извѣстномъ политическомъ строѣ были бы преступниками.

Возможно ли вообще ставить на счетъ только однимъ нравственнымъ наклонностямъ человѣка воздержаніе или невоздержаніе отъ того или другого дѣйствія? А разумный эгоизмъ ничего не имѣющій общаго съ нравственностью, какая

это громадная, рѣшающая сила въ области практической дѣятельности человѣка; а преступленіе относится несомнѣнно къ этому виду человѣческой дѣятельности. Для поясненія, въ какой мѣрѣ внѣшнія условія имѣютъ громадное значеніе въ опредѣленіи характера и закономѣрности дѣйствій человѣка я приведу несомнѣнно весьма дерзкій примѣръ.

Наши дореформенные суды прославились своими непорядками, волокитою, обманами, беззаконностью и взяточничествомъ. Новые суды внушили себѣ уваженіе всего народа, даже реакціонеры говорятъ судебнымъ дѣятелямъ «у васъ служитъ все чистая публика» (подлинныя слова одного извѣстнаго реакціонера). Что же судебная реформа 1864 г. произвела перерожденіе людей, отлила ихъ по новому патрону? Я горжусь своимъ многолѣтнимъ участіемъ въ судебной дѣятельтельности, я высоко ставлю многихъ судебныхъ дѣятелей. Но развѣ можно безъ натяжки сказать, что всѣ тысячи современныхъ судебныхъ дѣятелей—перлы, выдающіеся образчики нравственныхъ типовъ? Несомнѣнно, что громадная масса—самые обыкновенные люди, не хуже, но въ большинствѣ и не лучше нашихъ предковъ. А разница главнымъ образомъ въ томъ, что были созданы новыя условіи дѣятельности, при которыхъ большинство прежнихъ беззаконій просто неосуществимо. Такъ широко, многообразно и всесторонне поставленъ контроль и другихъ судебныхъ дѣятелей и высшаго кассаціоннаго суда и близкихъ товарищей, а главное и самого общества, такъ все учрежденіе и порядки проникнуты, уже въ силу закона, духомъ чести, честности и человѣческаго достоинства, что все идетъ безукоризненно хорошо. А если пойти по пути морализированія и забирться въ душу, въ инстинкты и побужденія каждаго въ отдѣльности, мало ли до чего можно дойти. Вѣдь дошелъ же Толстой въ Воскресеніи до своей легкомысленной каррикатурной картины отправленія у насъ правосудія!

Я думаю, что приведенныя до сихъ поръ соображенія убѣждаютъ въ полной недостаточности ссылки на индивидуальные факторы для объясненія многообразныхъ явленій преступности, а тѣмъ болѣе роста этой преступности, никто въ сущности не учелъ, въ какой мѣрѣ наше поколѣніе безнравственнѣе прадѣдовъ.

Обращаясь отъ индивидуальныхъ факторовъ къ факторамъ внѣшнимъ, понимая подъ послѣдними всѣ факторы, лежащіе внѣ индивида, внѣ его физической и духовной природы, мы находимъ, что къ числу таковыхъ относятъ обыкно-

венно вліяніе климата и въ связи съ нимъ расы въ сущности уже какъ производнаго фактора, вліяніе экономическихъ и соціальныхъ условій и. д.

Что касается до вліянія климата, то его отрицать нельзя и лучшимъ въ этомъ отношеніи показателемъ является статистика убійствъ въ Италіи, Испаніи, Корсики.

Въ первой странѣ и въ наше время, когда всюду число убійствъ сокращается, совершается 6,6 убійствъ на 100 т. населенія, въ Испаніи и теперь около 4 на 100 т., тогда какъ въ другихъ странахъ 1 и менѣе.

Вліяніе соціальныхъ условій мы видѣли уже въ первой главѣ; подъ вліяніемъ общаго хода цивилизаціи и связанныхъ съ нею условій общежитія, формы преступности мѣняются, убійства уменьшаются, но увеличивается число тѣлесныхъ поврежденій и личныхъ оскорбленій; грубые разбои, нападенія, совершавшіеся прежде въ лѣсахъ и на большихъ дорогахъ становятся невозможными. Умственное развитіе и коммерческіе обороты способствуютъ переходу отъ немудренаго преступленія кражи къ болѣе тонкимъ обманамъ, злостнымъ банкротствамъ т. д.

Въ числѣ соцальныхъ факторовъ преступности Г. Тардъ въ своихъ двухъ сочиненіяхъ, особенно извѣстныхъ „La criminalité comparée“ и „La philosophie pénale“ (послѣднее сочиненіе какъ примѣненіе къ выясненію соціальнаго явленія преступности его обще философскаго ученія, изложеннаго въ сочиненіи „Les lois d'imitation“) указываетъ и придаетъ особенное значеніе наклонности человѣчества къ подражанію и обращенію преступленія въ ремесло, какъ бы въ особое производство наряду съ другими.

Что касается до перваго фактора, то вліяніе его Тардъ преувеличиваетъ чрезвычайно. По мнѣнію, его вся цивилизація въ хорошихъ и дурныхъ ея сторонахъ распространялась путемъ подражанія. Въ частности, что касается до преступленій, то, какъ заключаетъ Тардъ, достаточно, чтобы въ одномъ городѣ обманутая женщина вылила на невѣрнаго любовника сѣрной кислоты и объ этомъ было сообщено въ газетахъ, чтобы вслѣдъ за этимъ цѣлый рядъ женщинъ въ разныхъ сторонахъ Франціи поступили бы такъ же. Но достаточно ли этого примѣра, можетъ быть и вполнѣ правильнаго, чтобы дѣлать общіе выводы. А общее заключеніе Тарда таково, что нынѣ совершаемыя преступленія, нападенія, даже разбои, всякія половыя и другія насилія, безграничное пьянство, съ сопровождающими его буйствами, все это характеризовало въ

прежнiе вѣка нравы высшихъ сословiй и постепенно, путемъ подражанiя, перешло къ нисшимъ, и въ то время какъ высшiе классы, благодаря культурѣ, освободились отъ этихъ недостатковъ, нисшiе, какъ менѣе культурные, предаются имъ. Въ послѣднее время, взамѣнъ знати, законодателями моды стали города, а въ области созданiя вредныхъ и безнравственныхъ примѣровъ они имѣютъ громадное значенiе. Касаясь даже преступности въ департаментѣ Herault, гдѣ съ неимовѣрною быстротою развилась промышленность и люди случайно и неожиданно достигаютъ громадныхъ богатствъ, Тардъ и тутъ находитъ подтвержденiе своей теорiи. По мнѣнiю его, такiя внезапно разбогатѣвшiя лица, выбитыя изъ своей нормальной колеи, отправляются въ Парижъ, какъ городъ, который манитъ всѣхъ французовъ, и тамъ окончательно развращаются [1]). Тардъ доходитъ до такой крайности, что стремится объяснить наклонность жителей Корсики къ убiйствамъ тѣмъ, что къ нимъ какъ-нибудь случайно, какъ вредный «микробъ», былъ занесенъ вредный примѣръ [2]). Казалось бы, въ данномъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнiй въ влiянiи совсѣмъ другихъ факторовъ: климата, расы и отсталости культуры.

Что касается до обращенiя преступленiй въ ремесло, то Тарду (особенно подробно „La criminalite comparée") представляется, что преступленiе обратилось въ ремесло, такъ какъ занятiе преступленiемъ, какъ ремесломъ, стало особенно выгодно благодаря скопленiю современнымъ человѣчествомъ огромныхъ богатствъ. Ему кажется даже, что преступники чуть ли не организовались въ особые цехи. При этомъ однако почтенный ученый забываетъ о процвѣтанiи въ прежнее время всякихъ maffia и тому подобныхъ единенiй, дѣятельность, которыхъ стала невозможной при современной организацiи полицiи.

Останавливаясь, наконецъ на экономическихъ факторахъ, слѣдуетъ отмѣтить, что влiянiе ихъ, кромѣ развѣ Горофало въ его криминалогiи, никто нынѣ не отрицаетъ [3]). Марро („I. caratteri dei delinquente" ср. 265) приводитъ напримѣръ слѣдующiя цифры на 100 обвиняемыхъ: 79,6% должны быть отнесены къ числу нуждающихся. Особенно интересное подтвержденiе влiянiя экономическихъ факторовъ преступности мы видимъ въ современной Англiи. Останавливаясь выше на данныхъ англiйской статистики, мы отмѣтили уже, что тюремное населенiе Англiи, понижавшееся до 1893 г., стало быстро

[1]) „Philosophie pénale", 346.

[2]) „Philosophie penale", стр. 371.

[3]) Ср. Гернетъ. Соцiльные факторы преступности, 1905. Сопоставленiе взглядовъ Горофало и Колаяни.

расти съ этого года. Если обратиться къ даннымъ англійской статистики бѣдности [1]), то, оказывается, что число бѣдныхъ, воспользовавшихся самою тяжелою формою помощи, принятіемъ въ дома для бѣдныхъ (indoor relief), медленно возраставшее, отставая отъ роста населенія, и увеличившееся за 10 лѣтіе съ 1880 по 1890 г. всего на 7 тысячъ, за слѣдующее десятилѣтіе съ 1890 по 1900 г. возрасло сразу съ 187.921 на 215.377 т. е. болѣе, чѣмъ на 27 тысячъ.

Какъ иллюстрація вліянія экономическихъ факторовъ на преступность въ прежнихъ сочиненіяхъ Штарке, Лакассань въ Archives d' antropologie criminelle (1881) и др. приводились обыкновенно цѣны на хлѣбъ и параллельно число преступленій. Особенно интересно это сопоставлено въ болѣе новомъ сочиненіи Альберта Мейера въ примѣненіи въ частности къ швейцарскому кантону Цюрихъ [2]); здѣсь на таблицѣ VII мы видимъ, какъ линія преступленій противъ имущества слѣдуетъ неуклонно параллельно повышеніямъ и пониженіямъ линій, указывающихъ цѣны на предметы первой необходимости (Früchtmittelpreise). Если вліяніе собственно цѣнъ на хлѣбъ съ переходомъ къ промышленному строю оказывается уже меньше, то вліяніе вообще нужды, бѣдности остается въ прежней силѣ; когда въ 1866 (Мейеръ стр. 39) подъ вліяніемъ сильнаго экономическаго кризиса въ кантонѣ Цюрихъ сильно увеличилось число преступленій противъ имущества, то была организована въ большихъ размѣрахъ помощь бѣднымъ и даже просто кормленіе голодающихъ и число преступленій уменьшилось, а когда въ слѣдующемъ году наступило значительное улучшеніе экономическаго положенія, то и число преступленій противъ имущества понизилось до нормальнаго уровня.

Нельзя однако не отмѣтить, что въ ученіи о соціальиыхъ факторахъ, какъ и въ ученіи о факторахъ индивидуальныхъ, допускаются крайности. Какъ представители индивидуалистическихъ ученій, останавливаясь только на внутреннихъ, въ самомъ индивидѣ заложенныхъ, причинахъ преступности не доходили до конца и не выясняли тѣхъ условій, подъ вліяніемъ, которыхъ сложились въ виновномъ преступныя наклонности, такъ съ другой стороны защитники ученія о соціальныхъ факторахъ совершенно забываютъ о личности преступника, о томъ, что соціальные факторы дѣйствуютъ

---

[1]) Charles *Henderson*. Modern Methods of Charity 1904 p. 190.

[2]) Albert *Meycr* Die Verbrechen in ihrem Zusammenhang mit den wirthschaftlichen und socialen Verhältnisen. 1895.

не непосредственно, а при посредствѣ индивидуальныхъ факторовъ. Въ самомъ дѣлѣ, повышенiе цѣнъ на предметы первой необходимости не всѣхъ бѣдныхъ людей приводитъ къ кражамъ, а только извѣстную часть. Среди этой части лицъ бѣдныхъ можно различать и людей, которые поставлены были непосредственно повышенiемъ цѣнъ и стеченiемъ неблагопрiятныхъ условiй въ совершенно безвыходное положенiе, и другихъ, которые уже раньше ослабѣли можетъ быть тоже, главнымъ образомъ, подъ влiянiемъ соцiальныхъ факторовъ, но можетъ быть и подъ влiянiемъ индивидуальныхъ, физически, умственно, нравственно и эта внѣшняя причина явилась только послѣднимъ толчкомъ. Это отразилось на ученiи Ферри о замѣстителяхъ наказанiя (sostitutivi penali), къ которому присоединился и Ломброзо (Le crime). Въ числѣ замѣстителей фигурируютъ, напримѣръ, и отмѣна всякихъ таможенъ и адвокаты для бѣдныхъ и холодныя ванны въ жаркомъ климатѣ, все мѣры общаго характера, не имѣющiя вовсе прямого отношенiя къ борьбѣ съ преступностью.

Если не слѣдуетъ черезчуръ морализировать, то нельзя скрывать отъ себя, что и при самомъ идеальномъ соцiальномъ и политическомъ строѣ, при которомъ несомнѣнно число преступленiй, въ особенности корыстныхъ, чрезвычайно сократится, все-таки безъ преступленiй не обойдется. Какъ невозможно создать такихъ условiй, при которыхъ несомнѣнно всѣ люди будутъ здоровы физически, такъ невозможно разсчитывать и на всеобщее нравственное здоровье. И при идеальномъ строѣ не можетъ же быть устранено совершенно хотя бы по исключенiю, плохое нравственное воспитанiе, будутъ какъ и нынѣ люди то, что называется, недобрые, несовѣстливые. Не слѣдуетъ придавать всеобъемлющаго или просто слишкомъ большого значенiя этимъ индивидуальнымъ факторамъ, но совсѣмъ устранять всякое ихъ значенiе, хотя бы небольшое,—тоже невозможно.

Если мы теперь остановимся на всей совокупности перечисленныхъ выше факторовъ преступности, какъ индивидуальныхъ, такъ и соцiальныхъ и экономическихъ и физическихъ, то несмотря на все разнообразiе таковыхъ, все-таки едва-ли дѣйствiемъ этихъ факторовъ можетъ быть объяснено то грозное явленiе чрезвычайнаго роста преступности, которое отмѣчено въ началѣ главы. Въ самомъ дѣлѣ, условiя физическiя климата, расы, не измѣнились, бѣдность существовала во всѣ времена, повышенiе и пониженiе цѣнъ на предметы первой необходимости тоже, по самому существу, явленiя времен-

ныя. Едва ли есть прочныя данныя говорить о какомъ либо чрезвычайномъ усиленіи факторовъ индивидуальныхъ, если даже признавать ихъ вообще достаточными для объясненія всей совокупности совершающихся преступныхъ дѣяній.

И однако же несомнѣнно чрезвычайный ростъ преступности за истекшее столѣтіе, ростъ, непрекращающійся, а наоборотъ все дѣлающійся болѣе усиленнымъ, указываетъ на громадный переворотъ, совершившійся въ строѣ цивилизованныхъ государствъ. И такой громадный переворотъ, какъ извѣстно, дѣйствительно совершился. Вмѣстѣ съ политическимъ переворотомъ, начавшимся съ французской революціи, совершился и соціальный переворотъ. Средневѣковой строй, при которомъ личность была прикрѣплена къ мѣсту, къ союзу и корпораціи, къ опредѣленному занятію, гдѣ была исключена всякая конкурренція, гдѣ производство было ограничено и по самымъ техническимъ условіямъ давало вполнѣ возможность такого ограниченія, замѣнился строемъ индустріальнымъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, съ полнымъ освобожденіемъ личности отъ всякихъ стѣсненій. Всѣмъ силамъ личнымъ, индивидуальнымъ и общимъ дана была полная свобода развиваться во всю ширь и отдаваться вполнѣ свободному, ничѣмъ не стѣсняемому соревнованію. Въ частности, въ области производства, это выразилось въ громадномъ ростѣ производства фабричнаго, въ колоссальномъ ростѣ капиталовъ и того, что Адамъ Смитъ называлъ народнымъ богатствомъ, ростѣ городовъ, куда стекались и крупнѣйшіе капиталы, гдѣ основывались крупныя фабрики, за которыми потянулось въ городъ и деревенское населеніе, какъ общій выводъ и какъ главная характеристическая черта новаго періода въ смыслѣ соціальномъ: личность была предоставлена собственнымъ силамъ, ни помощи, ни надзора.

Вполнѣ естественно между этими двумя самыми выдающимися соціальными явленіями, одновременно и вполнѣ паралельно развивающимися, допустить внутреннее соотношеніе и даже причинную связь.

Разумѣется, всякое подобное предположеніе не лишено произвольности, въ области соціальныхъ наукъ невозможна провѣрка гипотезы опытнымъ путемъ. Но изученіе современнаго строя соціальнаго и всѣхъ его особенностей, а главное вліяніе этого строя на положеніе той единичной личности, которая и является въ концѣ концовъ физическимъ виновникомъ преступности—привело уже къ вполнѣ опредѣленнымъ, широко обоснованнымъ выводамъ.

Только по выясненіи во всемъ объемѣ значенія этого соціальнаго явленія для преступности, представится возможность сдѣлать выводы о главномъ источникѣ современной преступности, о томъ измѣненіи соціальныхъ и индивидуальныхъ факторовъ, противъ котораго слѣдуетъ вести борьбу, и очевидно только послѣ этого возможно будетъ остановиться и на средствахъ, пригодныхъ для этой борьбы, и на роли, которая не только выпадаетъ при данныхъ условіяхъ на долю общества, но которую само общество, инстинктивно опередя и науку и законодателя уже въ широкомъ размѣрѣ выполняетъ.

Самъ по себѣ индустріализмъ — явленіе громадное, вызвавшее колоссальную литературу, изучаемое съ различныхъ точекъ зрѣнія, всѣми отраслями политическихъ наукъ.

Приступая къ характеристикѣ періода индустріализма и свободной конкурренціи, я разумѣется ограничусь только тѣмъ, что отмѣчу выдающіяся черты, рисующія особенности этого новаго соціальнаго строя, по скольку это необходимо по общему ходу настоящей работы.

Прежде всего, новая эпоха дала новыя условія производства и чрезвычайно увеличила количество этихъ произведеній, увеличила то, что, принято называть богатствомъ.

Артуръ Голль [1]), основываясь на данныхъ Seignobos приводитъ слѣдущія цифры, характеризующія приблизительно ростъ богатствъ. Еще столѣтіе назадъ общая ежегодная добыча ископаемыхъ во всемъ мірѣ оцѣнивалась въ 9 милл. фунтовъ, тогда какъ въ 1880—81 годахъ эта добыча давала цѣнностей приблизительно на сумму около 210 милліоновъ фунтовъ ежегодно. Ростъ количества мануфактурныхъ произведеній еще больше. Въ 1880 г. цѣнность всѣхъ такого рода произведеній изготовленныхъ въ Европѣ и Сѣверо-Американскихъ штатахъ, выражалась въ суммѣ 650 милл. фунтовъ стерл., а въ 1888 изготовлено было такихъ произведеній на сумму 4 милларда 618 милліоновъ фунтовъ!!! Но это грандіозное усиленіе производства, не касаясь уже вопроса о распредѣленіи добытыхъ богатствъ, принесло громадныя бѣдствія большей части населенія цивилизованныхъ государствъ. Какъ справедливо заключаетъ по этому поводу Августъ Кауферъ [2]), большинство смотритъ съ сомнѣніемъ и непродуманнымъ восхищеніемъ на эти безпорядочныя превращенія

---

[1]) Arthur Cleveland Hall. Crime in its relations to social progress. 1902, стр. 279.

[2]) Exposition universelle de 1900. Congrès international d'education sociale. Auguste Kaufer L'organisation des travailleurs ср. 228.

производства и видитъ въ нихъ счастливый и необходимый результатъ прогресса. При этомъ вовсе не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что отсутствіе всякаго нормальнаго порядка производства, всякихъ ограниченій, съ точки зрѣнія нравственной, избытковъ производства, указываетъ на полное забвеніе точки зрѣнія соціальной и на принесеніе въ жертву производителей предметамъ производства.

Та ожесточенная безпощадная конкурренція, которой предаются и отдѣльныя личности и цѣлые народы, приводитъ къ эксплоатаціи мужчины, женщины, ребенка; разорительныя потрясенія въ производствѣ вызываютъ экономическіе кризисы и безработицу и такимъ образомъ разрушаютъ постоянство заработка, понижаютъ заработную плату и влекутъ за собою послѣдствія моральныя и соціальныя, весьма тревожныя, разрушая семейную жизнь. Предоставленіе рабочаго своимъ собственнымъ силамъ, его мнимая свобода, ставятъ его тѣмъ не менѣе, въ положеніе угнетенное, при которомъ ему приходится съ трудомъ бороться противъ всѣхъ соціальныхъ силъ; онъ оказывается въ полной зависимости отъ безпощаднаго закона спроса и предложенія, который ставитъ человѣка въ положеніе низшихъ существъ и при томъ не даетъ ему даже надежды на улучшеніе его положенія благодаря накопленію капиталовъ—такъ какъ это плодъ усилій предыдущихъ поколѣній. Образованіе анонимныхъ обществъ, съ наемными инженерами для веденія всего дѣла во главѣ, порвало всякую связь между хозяевами и рабочими. Образовалась цѣлая пропасть между тѣми и другими и никакое земное учрежденіе, будь то религіозное, политическое, филантропическое, не имѣетъ достаточно авторитета и вліянія, чтобы вступиться, чтобы установить извѣстныя обязанности, чтобы устранять злоупотребленія, возстановить согласіе между соціальными силами путемъ болѣе справедливаго распредѣленія выработанныхъ богатствъ.

По вычисленіямъ проф. Геркнера [1]) во всѣхъ большихъ передовыхъ цивилизованныхъ государствахъ рабочіе, какъ особый классъ людей, вмѣстѣ со своими семьями составляютъ отъ 25—30% всего населенія, а изъ нихъ 70%—80% если не всего состава, то способныхъ къ работѣ, являются обыкновенными наемными работниками, т. е. людьми, которые при заключеніи договора находятся въ положеніи человѣка близкаго къ банкротству. До послѣдняго времени на нихъ такъ

[1]) Heinrich Herkner prof. in Zürich. Die Arbeiterfrage 3 Aufl. 1902 г., изд. 2.

и смотрѣли, какъ на вполнѣ зависимыхъ людей, и не допускали къ участію въ законодательствѣ.

Для характеристики условій, въ которыхъ имъ приходится работать, Геркнеръ останавливается: 1) на крайне вредныхъ условіяхъ гигіеническихъ; фабричныя зданія строятся какъ можно дешевле, тѣснѣе, лишь бы было мѣсто машинамъ; воздуха и свѣта въ этихъ зданіяхъ совершенно недостаточно, сырость—обычное явленіе: 2) продолжительность работы все увеличивается; ночная работа напролетъ вошла въ обычай въ большинствѣ производствъ точно также, какъ и воскресная; 3) привлекаются къ работѣ и женщины и дѣти, такъ что говорятъ: одни смѣняютъ другихъ въ постеляхъ, и послѣднія не успѣваютъ остыть.

4) Не слѣдуетъ забывать характера самой работы, она до того специализировалась, что передъ нами не цѣлый сапожникъ, а всего $^1/_{60}$ сапожника; такая работа притупляетъ, отбиваетъ всякую охоту къ работѣ. А если еще этой каторжной работою изготовляютъ предметы пустой прихоти или предметы для введенія публики въ обманъ, тогда нравственнаго удовлетворенія отъ работы быть не можетъ.

5) Самая продолжительность и напряженность работы такъ велики, что дѣтямъ не остается времени для ученья; а взрослые до того утомлены, что у нихъ не можетъ быть расположенія къ умственнымъ занятіямъ и въ праздникъ или свободное время они способны только отдаваться самымъ грубымъ удовольствіямъ.

6) Для того чтобы работать на фабрикѣ, надо жить по сосѣдству и платить то, что требуютъ.

Общая картина жизни работника представляется Геркнеру (н. с., стр. 31) такъ. «Если благодаря продолжительности рабочаго времени отецъ оставляетъ квартиру прежде даже чѣмъ еще дѣти не проснулись, и возвращается назадъ домой тогда уже, когда маленькія дѣти легли спать; если даже и мать на такихъ же условіяхъ привлекается къ работѣ на фабрикѣ; если благодаря большому разстоянію отъ фабрики родителямъ приходится даже и обѣдать внѣ дома на фабрикѣ или гдѣ-нибудь въ ближайшемъ трактирѣ; если совсѣмъ непомѣрная высота наемной платы за квартиру заставляетъ пускать жильцовъ или даже просто ночлежниковъ; если дѣти въ возрастѣ 9—12 лѣтъ уже должны зарабатывать свое содержаніе и даже больше, чѣмъ стоило ихъ содержаніе; если поэтому и часто не безъ основанія они считаютъ себя предметомъ эксплоатаціи со стороны родителей и оставляютъ по-

слѣднихъ для того, чтобы вести уже ничѣмъ не стѣсняемую жизнь—тогда основѣ всего нашего общественнаго бытія, семьѣ, грозитъ растерзаніе и разрушеніе, а передъ этимъ всѣ другія неблагопріятныя послѣдствія фабричной системы отступаютъ на второй планъ. „Послѣдствіемъ столь неблагопріятныхъ жизненныхъ условій является вырожденіе населенія въ фабричныхъ раіонахъ. Такъ рейнскія провинціи Германіи уже въ 1828, не могли дать достаточнаго контингента новобранцевъ. А въ 1886 въ Obersachsen Kreise Thone среди сельскихъ рабочихъ 52% годны въ солдаты, а въ прядильныхъ мастерскихъ 5%, ткацкихъ 12%. Смертность на 10000 среди сельскихъ рабочихъ въ разныхъ возрастахъ выражается въ цифрахъ 70, 112, 240, а среди шахтовыхъ рабочихъ 97, 196, 443. Весь этотъ новый экономической строй, создавая громадныя богатства, не обезпечиваетъ громадной массѣ, большинству населенія, не только безбѣднаго существованія, но даже постоянной работы, постояннаго заработка. Такъ Джонъ Гобсонъ (задачи бѣдности 1900 пер. Лучицкой стр. 17) указываетъ, что, напримѣръ, по свѣдѣніямъ оффиціальнаго англійскаго Board of trade среди рабочихъ караблестроителей, котельщиковъ, незанятыхъ было въ 1886 г.—28%, 1889 г. – $2^1/_3$%, а въ 1890 г.—89%. Въ Германіи при переписи 1895 г. оказалось безъ работы въ Іюнѣ 179004 чел., а въ Декабрѣ 533640 чел. Наоборотъ новый строй превращаетъ большую часть населенія не только въ безработныхъ, но и въ людей неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій.

Любопытныя данныя въ этомъ отношеніи приведены у Гармса въ его сочиненіи о голландскихъ рабочихъ палатахъ [1]). При народной переписи въ 1899 въ Голландіи было установлено, что изъ общаго числа жителей этой страны, составившихъ 5.103.979 душъ обоего пола, 3.173.288 не имѣютъ опредѣленныхъ занятій (Beruf, Amt, Betrieb). Какъ на характерическую черту новаго строя и неизбѣжное логическое послѣдствіе привлеченія рабочихъ рукъ къ фабрикамъ и другимъ промышленнымъ капиталистическимъ производствамъ можно указать на усиленіе городского населенія. Ioly напр. въ сочиненіи La «France criminelle» указываетъ, что городское населеніе быстро сравнивается численностью съ сельскимъ и въ 1886 г. оно составляло уже $^1/_3$ всего населенія, а по быстротѣ роста можно предсказать, что въ 1920 г. оно сравняется съ сельскимъ.

---

[1]) Harms. Die Hollandische Arbeitskoammern 1903.

Джекъ Гобсонъ [1]) отмѣчаетъ то же явленіе для Англіи. Въ 12 англійскихъ и 8 уэльскихъ графствахъ въ 1861 г. жило въ селахъ 37,7% населенія, а въ 1891 г. только 28,3%; почти весь естественный приростъ сельскаго населенія постепенно поглощается, по мнѣнію Гобсона. городскою жизнью. Факторомъ, вызывающимъ это переселеніе, прежде всего является фабричное производство. Первое дѣйствіе машинъ, говоритъ Гобсонъ (стр. 33 н. с.) заключается въ доставленіи новаго и могущественнаго импульса централизующему стремленію. Уголь, какъ производитель паровой силы, требуетъ, чтобы промышленность принимала грандіозные размѣры и сосредоточивалась въ опредѣленныхъ центрахъ. Это переселеніе въ города прежде всего отражается на здоровьи населенія. Въ то время какъ смертность въ сельскомъ населеніи въ 1890 г. въ Англіи составляла 17,4 на 1000, въ городскомъ населеніи она достигала уже 20,9.

Этотъ новый индустріальный строй, строй свободной конкуренціи, охарактеризованный выше въ самыхъ общихъ чертахъ, создалъ новое явленіе пауперизма. Бѣдность случайная, преходящая, бѣдность физическихъ и умственныхъ инвалидовъ— калѣкъ, явленіе вѣчное. Новый строй создалъ особый классъ: излишекъ рабочихъ рукъ, изъ людей, разумѣется, менѣе ловкихъ, менѣе здоровыхъ, менѣе способныхъ, менѣе удачливыхъ, но однако же не инвалидовъ въ полномъ смыслѣ слова. Заработокъ на долю этихъ людей выпадаетъ рѣдко и бѣдность въ ихъ жизни явленіе не случайное, не преходящее, а постоянное и даже часто наслѣдственное въ силу уже дегенераціи, условій, при которыхъ выростаютъ дѣти и т. д. Безнадежность пауперизма есть главная причина преступленій по словамъ Эттингена [2]. Связывая явленіе пауперизма съ новымъ индустріальнымъ строемъ, Ванъ-Канъ между прочимъ говоритъ [3]): «Нельзя отрицать общаго улучшенія экономическаго состоянія, поскольку оно дѣйствительно вызывается чрезвычайнымъ развитіемъ промышленности въ новѣйшія времена. Но это развитіе требуетъ постольку большого числа жертвъ, поскольку оно дѣлаетъ борьбу за существованіе болѣе трудной и болѣе настойчивой. Слабые обречены на бездѣятельность и безпросвѣтное невѣжество пауперизма—новый громадный классъ былъ созданъ, онъ представляетъ настоящую опасность для общества».

[1]) Джекъ Гобсонъ. Задачи бѣдности, пер. Лучицкой. 1900, стр. 50.

[2]) Moralstatistik. стр. 421.

[3]) Назв. соч., стр. 343.

Тѣхъ же двухъ явленій касается и Ферри; въ послѣднемъ изданіи своей уголовной соціологіи онъ между прочимъ говоритъ [2]): «новый индустріализмъ сопровождается двумя соціальными явленіями: непостоянствомъ занятій рабочаго, который переходитъ отъ одной мастерской въ другую, изъ одной провинціи въ другую и арміею безработныхъ, которая необходима для поддержанія заработной платы на уровнѣ наиболѣе выгодномъ для капиталистовъ. Отсюда приходится наблюдать въ XIX столѣтіи, что передвиженія рабочихъ и крестьянъ въ предѣлахъ ихъ отечества и за границу дѣлаются все болѣе частыми и болѣе многочисленными. Безработные въ свою очередь дѣлаются тоже все болѣе многочисленными, слѣдуя за развитіемъ машиннаго производства, при чемъ они являются жертвами и перепроизводства, и уменьшенія потребленія. Когда такіе безработные нѣсколько лѣтъ тому назадъ направились съ разныхъ сторонъ Сѣверной Америки на Вашингтонъ, въ числѣ до 100.000 человѣкъ—это было какъ бы живымъ и печальнымъ показателемъ переживаемаго нами патологическаго соціальнаго явленія.

Одна изъ лучшихъ характеристикъ современнаго пауперизма, какъ явленія соціальнаго, дается Карломъ Бутсомъ въ его многотомномъ сочиненіи, посвященномъ описанію жизни и труда населенія Лондона [1]).

Бутсъ послѣдовательно изучалъ различные кварталы Лондона.

Вотъ кварталъ, напримѣръ, въ которомъ живутъ люди съ разнымъ достаткомъ. Изъ 900.000 жителей классъ А—низшій, состоящій изъ лицъ, имѣющихъ, лишь изрѣдка заработокъ (occasional labourers), бродягъ и полупреступниковъ (Semi criminals)—ихъ всего 11.000. Слѣдующій классъ В. Лица, имѣющія лишь *случайный* заработокъ, *очень* бѣдныя, ихъ 100.000; классъ С., перемежающійся заработокъ 74.000; классъ D. малый, но постоянный заработокъ 122.000; классы С. и D. объединяются однако авторомъ опредѣленіемъ «бѣдные» въ отличіе отъ предыдущихъ очень бѣдныхъ, за тѣмъ идутъ классы съ постояннымъ заработкомъ.

Разслѣдуя одинъ бѣднѣйшій кварталъ, въ которомъ приблизительно 303.000 населенія, онъ раздѣляетъ это населеніе на классъ бѣдныхъ—200.000 и на классъ въ 100.000 чрезвычайно бѣдныхъ (Want), изъ которыхъ извѣстный процентъ

---

[1]) Charles Booth. Life and labour of the People of London First Seriês Poverty. 1902.

[2]) Стр. 289.

находится въ отчаянномъ положенiи (in distress). Положенiе этого второго класса въ 100.000 таково, что жизнь ихъ теплится изо дня въ день съ кускомъ хлѣба, когда Богъ пошлетъ. Да, говоритъ Бутсъ (стр. 131), они въ значительной степени непредусмотрительны, расходуя непроизводительно заработокъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на ихъ долю выпадаетъ заработокъ. Но вѣдь жизнь была бы совсѣмъ невыносима, если бы они всегда только созерцали ту пропасть паденiя (destituion), на обрывѣ которой они висятъ.

Разслѣдуя ближайшимъ образомъ бытъ 4.000 бѣднѣйшихъ жителей Лондона Бутсъ находитъ въ числѣ ихъ только 60 завѣдомыхъ бродягъ. Большая часть, около 68%, бѣдна въ виду безработицы, неимѣнiя заработка, по собственной винѣ, или вслѣдствiе соцiальныхъ условiй, выражающихся именно въ низкой заработной платѣ и непостоянствѣ работы. Только въ отношенiи 300 человѣкъ изъ 4.000 можно объяснить бѣдность личными пороками: пьянствомъ, неразсчетливымъ образомъ жизни и т. д. За то относительно 500 главъ семейства можно сказать, что ихъ бѣдность объясняется или количествомъ дѣтей или слабостью здоровья.

«Я думаю, говоритъ Бутсъ (стр. 154), что когда нибудь общество, построенное на индивидуалистическихъ началахъ, въ которыя мы такъ вѣримъ, само признаетъ себя вынужденнымъ въ собственныхъ интересахъ взять на себя заботу о жизни тѣхъ лицъ, которыя по какой бы то ни было причинѣ не въ состоянiи сами самостоятельно обезпечить себѣ существованiе, *отвѣчающее извѣстнымъ, достойнымъ человѣка условiямъ*, и общество вполнѣ въ состоянiи будетъ это сдѣлать». Общество будетъ вынуждено къ тому ростомъ затратъ и расходовъ на бѣдныхъ, которые оно уже производитъ и нынѣ. Знаменитый филантропъ Сѣв. Амер. штата Мичиганъ Рандалль приводилъ уже въ 1881 г. на страницахъ «Revue penitentiaire [1]) слѣдующiя данныя для Сѣверо Американскихъ штатовъ:

Въ	1850	насел.	23.191.876	расх.	на	бѣдн.	въ	долл.	2.954.868
»	1860	»	31.443.311	»	»	»	»	»	5.445.145
»	1870	»	38.558.371	»	»	»	»	»	10.930.429

Населенiе не удвоилось, а расходы на бѣдныхъ болѣе чѣмъ устроились.

Ростъ числа нищихъ замѣчается повсюду. Такъ во Фран-

[1]) 1881, p. 563.

ціи въ Бордо за время съ 1860 г. по 1880 г. число нищихъ увеличилось съ 12.000 на 19.000 [1]). Болѣе близкое разслѣдованіе нищенства въ Сѣв. Американскихъ Штатахъ дало слѣдующія данныя, представленныя національному конгрессу филантропіи и тюрьмовѣдѣнія въ Буффало [2]). Изъ 27.961 случаевъ разслѣдованныхъ 22,7% должны быть признаны недостойными помощи, 40.4% нуждаются скорѣе въ работѣ чѣмъ въ помощи, остальные 32,9% нуждаются въ помощи постоянной или временной. Вернеръ по этому поводу замѣчаетъ [3]), что если обобщить результаты этого разслѣдованія для всей страны, то окажется что 2/3 дѣйствительной или притворной нищеты (собственно нищеты) могло бы быть устранено болѣе правильной организаціей положенія о спросѣ и предложеніи труда. Значительная часть случаевъ впаденія въ нищету можетъ быть объяснена, по мнѣнію Вернера, слабостью физическаго здоровья или умственнаго развитія, переходящими часто въ настоящую болѣзнь. Физическое состояніе пауперовъ характеризуется наблюденіями Іосифа Кöрези (Mittheilungen über individuelle Mortalltät Beobachtungen Budapest). Кöрези сравнилъ продолжительность жизни 1.000 купцовъ, столькихъ же сапожниковъ и столькихъ же поденщиковъ—послѣдній классъ граничитъ и значительною частью входитъ въ составъ пауперовъ; при этомъ оказалось, что изъ 1.000 купцовъ отмѣченныхъ въ возрастѣ 25 л. достигли 60 л. возраста—587, изъ числа сапожниковъ только 376, а поденщиковъ всего 255.

Вернеръ вполнѣ присоединяется къ мнѣнію извѣстнаго автора изслѣдованія о пауперахъ (The jukes) Dugdale «что пауперизмъ есть указаніе на слабость какого либо рода или благодаря дѣтскому или старческому возрасту или болѣзни или для женщинъ рожденію дѣтей. Наслѣдственный пауперизмъ вызывается главнымъ образомъ какою-нибудь болѣзнью и приводитъ въ концѣ концовъ къ угасанію; пауперизмъ можетъ быть опредѣленъ какъ *соціальная форма физическаго вырожденія.*

Такимъ образомъ рядомъ съ непостоянствомъ заработка, съ тѣмъ что предложеніе труда чрезвычайно ниже спроса на трудъ, отмѣчается невозможность работать правильно или даже вообще въ виду физической слабости или болѣзни. Для характеристики этой послѣдней причины пауперизма приведены интересныя данныя у Адольфа Костъ въ его сочиненіи по-

[1]) Rev. penit., 1889 p. 343. Confer. de Georges Picot.

[2]) Amos. *G. Warner* American charities. Study in Philanthropy and economies.

[3]) Стр. 30 и 40.

священномъ современнымъ соціальнымъ вопросамъ [1]) На 12 милліоновъ рабочихъ около 2.600.000 заболѣваютъ ежегодно; изъ нихъ только часть получаетъ помощь, а около 700.000 предоставляются собственнымъ силамъ и средствамъ и разоряются, впадая въ долги. Кромѣ того семьи рабочихъ теряютъ ежегодно 34.000 матерей и 80.000 отцовъ; такія семьи которыя существуютъ только трудомъ отца или матери. Mors miseriae mater!

Что дѣлается съ дѣтьми такихъ семей. На это даютъ отвѣтъ цифры Assistance publique во Франціи. До 1890 [2]) всего числилось enfants abandonnés et assistés во всей Франціи около 125.000. Уличныхъ бродягъ—дѣтей, такъ называемыхъ арабовъ улицы, до 42.000.

Напрасно было бы думать, что въ этомъ прискорбномъ фактѣ виноваты родители несчастныхъ дѣтей. Теофиль Руссель разслѣдовалъ въ 1894 г. причины, вызвавшія оставленіе на произволъ судьбы тѣхъ 542 дѣтей, которыя въ этомъ году получили помощь отъ Assistance publique, причемъ оказалось [3]) что только $^1/_5$ часть родителей этихъ несчастныхъ дѣтей можетъ быть признана indignes, около $^2/_3$ находятся въ такой нищетѣ, что не въ состояніи содержать своихъ дѣтей, 20 случаевъ смерти родителей, 58 исчезновенія родителей (просто не выяснено, можетъ быть и умерли) и 74 пороки самихъ дѣтей.

И когда эти несчастныя дѣти доходятъ до исправительной колоніи, вотъ въ какомъ состояніи они поступаютъ; «Нужно видѣть, говоритъ французскій адвокатъ графъ Курбъ [4]) этихъ дѣтей, когда они поступаютъ въ колоніи исправительныя въ Лиможѣ и Безансонъ, чтобы представить себѣ то состояніе нищеты и физическаго ослабленія, въ которомъ находятся въ особенности дѣти, поступающія изъ крупныхъ промышленныхъ центровъ. Нужно окружить ихъ чисто материнскими заботами, дать имъ возможность ходить побольше на чистомъ воздухѣ, чтобы они могли справиться съ своими прирожденными недостатками. Значительное число среди нихъ калѣки, съ атрофированными членами, рахитики, золотушныя. Тѣмъ, которые, имѣютъ 10 лѣтъ отъ роду на видъ 6. Ихъ умственное развитіе такъ же отстало, хотя у нѣкоторыхъ развита порочная хитрость... „Чтобы представить

[1]) Adolphe *Coste*. Les questions sociales contemporaines. 1886
[2]) Revue penitentionaire. 1890, стр. 174.
[3]) Rev. penit. 1894, p. 839.
[4]) Rev. penit. 1890, p. 448.

себѣ, до какой полной потери *человѣческихъ условій жизни* доходятъ бѣдняги, слѣдуетъ отмѣтить, что англійское законодательство вынуждено было создать новый проступокъ sleepig out т. е. исканіе ночлега внѣ какого бы то ни было крова на улицахъ, подъ мостами. Какъ свидѣтельствуетъ Judicial Statistics за 1902 (стр. 15) число лицъ осужденныхъ за это *„преступленіе"* въ 1893 г. было 9032, а въ 1902—9598. Не забѣгая впередъ съ ходомъ моихъ разсужденій, я и здѣсь считаю нужнымъ отмѣтить на этомъ чрезвычайно характеристическомъ примѣрѣ, до какого вырожденія, безсмыслицы можетъ дойти уголовное законодательство, свидѣтельствуя только такими подобными мѣрами свою полную негодность въ борьбѣ съ преступностью и ея причинами. Но едва ли лучше положеніе тѣхъ пауперовъ, которые имѣютъ еще кровъ, ночлегъ. Вотъ какъ описываетъ Альбрехтъ жилище паупера [1]). «Если жилище въ которомъ онъ работаетъ, или которое его ожидаетъ послѣ работы, представляетъ грязную яму съ зараженнымъ воздухомъ; если въ этомъ помѣщеніи больные исхудалые члены семьи стонутъ, если къ тому же онъ помѣщеніе долженъ еще дѣлить съ посторонними грубыми а иногда и преступными людьми, такъ что ему прямо не остается мѣста, куда преклонить свою усталую голову—то будетъ ли онъ при такихъ условіяхъ въ такомъ помѣщеніи работать съ радостью? будетъ ли онъ послѣ работы спѣшить домой въ такое помѣщеніе; а разъ онъ дома, то не будетъ ли онъ стремиться оттуда уйти. Ну конечно. И куда же онъ идетъ; въ трактиръ, въ кабакъ всюду, гдѣ онъ можетъ замѣнить свой негостепріимный кровъ менѣе отталкивающимъ мѣстопребываніемъ. Если мы часто въ одной квартирѣ, состоящей изъ одной комнаты находимъ набившимися родителей, дѣтей и кромѣ того ночлежниковъ обоего пола, то что можно ожидать въ нравственномъ отношеніи отъ подростающаго поколѣнія? Что тутъ удивительнаго, если въ этомъ общежитіи всякое чувство стыдливости заглушается, проституція и противоестественные пороки должны быть признаны вполнѣ естественными?» Это картины этіологіи преступленія благодаря бѣдности.

При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что пауперизмъ влечетъ за собою и сопровождается двумя прискорбными и

---

[1]) Dr. Heinrich *Albrecht.* Die Wohnusgsnot in den Grosstadten und die Mittel zu ihrer Abhülfe. 1891.

въ высшей степени важными въ соціальномъ отношеніи явленіями: разрушеніемъ семьи и алкоголизмомъ.

На разрушеніе семьи, какъ на громадную соціальную язву и какъ на послѣдствіе индустріализма указываютъ постоянно въ своихъ петиціяхъ и въ постановленіяхъ союзныхъ сами рабочіе. Такъ, рабочіе на конгрессѣ въ Таррагонѣ, въ Испаніи [1]) постановили единогласно, что черезчуръ продолжительная работа въ мастерскихъ и привлеченіе къ работѣ женъ и дѣтей рабочихъ, въ числѣ другихъ вредныхъ наслѣдствій, привели и къ разрушенію семейной жизни.

Въ другомъ ходатайствѣ рабочихъ [2]) сказано: «мать, которая не имѣетъ болѣе времени заниматься своимъ ребенкомъ, оставляетъ его на попеченіе кормилицы, плохо оплачиваемой или няньки, которая его кормитъ всякими похлебками. Благодаря этому чрезвычайная смертность, быстро увеличивающееся вырожденіе расы, отсутствіе всякаго нравственнаго воспитанія. Дѣти 3, 4 лѣтъ бродятъ по улицамъ безъ всякаго призора“.

Мы видимъ, что тяжкія семейныя условія гонятъ рабочаго паупера въ кабакъ. Но тамъ онъ находитъ уже не простое вино, влекущее за собою опьяненіе, онъ находитъ алкоголь. Алкоголь во всѣхъ его видахъ водокъ, абсентовъ, ликеровъ, вермунтъ и т. д., какъ справедливо отмѣчаетъ проф. Видаль [3]), произведеніе искусственное, содержащее, по изслѣдованію врачей, настоящіе яды. Эти яды вызываютъ конвульсіи, пораженія и разстройства нервной системы, сумасшествія, самоубійства. Но и самыя первоначальныя стадіи опьяненія уже не тѣ, что при прежнемъ винѣ, это опьяненія, вызывающія звѣрскія проявленія, пролитіе крови и т. д.

А пауперъ, чтобы по выраженію Бутса, не засматриваться постоянно въ ту пропасть, на краю которой онъ виситъ, чтобы забыться, чтобы подбодрить себя для работы, обращается къ единственному доступному для него средству алкоголю и алкоголь доканчиваетъ то, что начали соціальныя условія: дегенерацію, одичаніе и т. д.

Такимъ образомъ необходимо признать, что индустріализмъ и свободная конкурренція приводятъ къ крайнему непостоянству заработка, къ пауперизму, какъ безысходной нищетѣ, съ которой не въ состояніи справиться громадныя массы народа и при томъ безъ всякой съ ихъ стороны вины, къ

---

[1]) *Max. Turmann.* Le catholicisme social. 1900, стр. 50.
[2]) Тамъ же, стр. 55.
[3]) G. Vidal L'alcoolisme devant le loi pénale. „Rev. penit“. 1897. p. 1.

дегенераціи, какъ послѣдствію, какъ самой нищеты, такъ и сопровождающихъ пауперизмъ явленій: разрушенія семьи и оставленія на произволъ судьбы дѣтей и алкоголизма. Въ связи съ индустріализмомъ стоитъ усиленіе населенія городского и пауперизмъ городского населенія. Со всѣми этими явленіями размѣры преступности стоятъ въ непосредственной связи и эта связь отмѣчается и статистикой. Я начну съ данныхъ, приводимыхъ статистиками и съ выводовъ дѣлаемыхъ ими.

Мы прежде всего должны отмѣтить, что какъ показываетъ статистика въ тѣхъ странахъ и въ тѣхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, гдѣ развивается индустріализмъ, быстро растетъ преступность.

Такъ, мы видѣли выше, въ Германіи преступность растетъ особенно быстро за послѣднія 20 л., гораздо быстрѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ и это явленіе и Августъ Боско въ своемъ, указанномъ выше, сочиненіи и Шель приписываютъ именно быстрому чрезвычайному развитію индустріализма въ Германіи. Въ глазахъ Шеля [1]) это даже является смягчающимъ обстоятельствомъ; онъ говоритъ не надо думать, что увеличивается Hang nach Verbrechen, нѣтъ, виноваты внѣшнія условія роста промышленности, ростъ городовъ, густота населенія, болѣе частая, благодаря этимъ условіямъ возможность столкновеній и искушеній.

Ближе къ вопросу цодошелъ нашъ статистикъ Е. Н. Тарновскій въ своихъ изслѣдованіяхъ о движеніи преступности въ Германіи, Франціи и Англіи [2]).

Въ Германіи общая картина — увеличеніе преступности, но если обратиться къ разсмотрѣнію роста преступности въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, то оказывается, что въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ и менѣе густо населенныхъ преступность даже уменьшилась; зато въ промышленныхъ и густо населенныхъ областяхъ она увеличилась на 40% и при томъ, принимая во вниманіе происшедшее за это время увеличеніе населенія. Въ то время какъ кража, вообще, въ Германіи, по сравненію съ населеніемъ, уменьшилось на 5%, въ промышленныхъ провинціяхъ Рейнскихъ и Вестфаліи, число кражъ увеличилось на 33 — 36%, мошенничества вообще увеличились на 34%, но въ особенности въ промышленныхъ раіонахъ.

Во Франціи, въ то время какъ убійства во всей странѣ

---

²) Jahrbuch p. Nationaloekû. Statistik,22 Ванд., 123.

²) Журн. Мин. Юст. 1904, № 41, 8,

уменьшились, въ промышленныхъ раіонахъ они увеличились. Число кражъ во всей Франціи въ 1833 — 35 гг. на 100 тысячъ населенія составляло 46, а въ 1893—95 г.г. — 120, а въ промышленныхъ раіонахъ оно *учетверилось* по сравненію съ населеніемъ. Число coups et blessures въ промышленныхъ раіонахъ за время съ 1881 по 1901 г. увеличилось съ 98 на 139 на 100 тысячъ населенія. Число дѣлъ въ промышленныхъ раіонахъ увеличилось въ то же время съ 634 на 686 на 100 тысячъ населенія. Мы уже отмѣтили выше оригинальное объясненіе Тарда параллельнаго роста преступности и промышленности (взамѣнъ погибшихъ виноградниковъ, изготовленіе «винъ изъ привозныхъ элементовъ») въ департаментѣ Herault (Ioly «France criminelle стр. 104—объясняетъ иначе); у Жоли вырывается (наз. соч. стр. 139) даже такая фраза: «чѣмъ больше поднимается благосостояніе департамента, тѣмъ больше у него преступниковъ» (только благосостояніе ли это или увеличеніе производства и богатства?).

Въ то время какъ вообще въ Англіи съ тѣми оговорками, которыя я сдѣлалъ въ главѣ I, ростъ преступности понижается, въ округѣ Glamorgan въ южномъ Уэльсѣ наоборотъ преступность быстро увеличилась. Въ этомъ округѣ находятся Кардифскія каменноугольныя копи. Съ 1836—1876 г. онѣ привлекли такъ много народа, что населеніе округа за это время увеличилось въ 5 разъ, тогда какъ во всей Англіи только на 100%. Въ то же время преступленія противъ личности по разсчету на 100 тысячъ населенія увеличилась съ 5 на 25, а противъ имущества съ 7 на 199.

Въ то время какъ въ 18 графствахъ земледѣльческихъ преступность вообще за послѣднія 60 лѣтъ уменьшилась, въ 35 графствахъ промышленныхъ она за то же время увеличилась на 21%.

Но намъ говорятъ [2]): это не столько ростъ промышленности, сколько переходъ отъ одного экономическаго строя къ другому индустріальному. Такое объясненіе, въ сущности сведется къ тому, что весь міръ, все переходитъ къ индустріализму, который развивается, а когда онъ окончательно разовьется и установится, тогда и прискорбныя явленія пройдутъ. Конечно, это не болѣе какъ ни на чемъ неоснованное гаданіе насчетъ будущаго. Но есть и другіе способы удостовѣриться статистически въ связи преступности съ индустріализмомъ. Такъ Compte general de l'administration de la justice criminelle за

---

1) Hall, наз. соч., стр. 332 и др.

1902 г. для Франціи даетъ слѣдуюшія данныя о распредѣленіи преступности по занятіямъ. Хотя classe agricole (Rapport p. XXVII) составляетъ 8.524.000, т. е. почти половину de la population active de la France, тѣмъ не менѣе онъ даетъ всего 8% преступленій (crimes). Les industriels всего 6.334.000, но они даютъ 24%, всѣхъ crimes, 8% упадаетъ на occupations inconnues.

Въ Германіи земледѣльцы даютъ на 100.000 земледѣльческаго населенія 1.208 осужденныхъ за преступленія и проступки, а рабочіе и поденщики 10.402, тогда какъ лица, имѣющія доходъ, представители интеллигенціи, даютъ всего 224.

Къ сожалѣнію вполнѣ соотвѣтственныхъ данныхъ англійская статистика не содержитъ. Но въ ней мы находимъ такое указаніе [1]): въ среднемъ за годы 1893 — 1902, въ годъ присуждалось къ тюремному заключенію 154.130 чел., изъ нихъ на категорію лицъ, обозначаемую подъ общею рубрикою: рабочихъ, поденщицъ и швей, упадало 88.609 осужденныхъ. Въ то же время фабричныхъ рабочихъ 6.289 и особая графа Mechanic and skilled workers 21.063. Повидимому, первая категорія объединяетъ собою группу поденщиковъ. Понятно, если присчитать еще цѣлый рядъ группъ лавочниковъ, приказчиковъ и т. д., какъ мало останется для лицъ обезпеченныхъ и лицъ интеллигентныхъ. Но численность всѣхъ этихъ классовъ во всемъ народѣ не приведена, и повидимому, какъ видно изъ объясненій, это точно не выяснялось.

Есть и еще одинъ способъ выясненія связи индустріализма съ преступностью. Мы видѣли уже выше, насколько индустріализмъ стягиваетъ населеніе къ извѣстнымъ центрамъ: къ фабрикамъ, къ городамъ. И дѣйствительно, статистика всѣхъ странъ прямо свидѣтельствуетъ о пораллельномъ ростѣ преступности и густоты населенія, которыя находятъ свой высшій предѣлъ въ городахъ. Ломброзо [2]) приводитъ въ этомъ отношеніи слѣдующія данныя: если мы возьмемъ наиболѣе распространенное преступленіе: кражу, то самая крупная цифра 200 на 100 тысячъ жителей получится для Германіи, 136 для Англіи, 134 для Бельгіи, для Ирландіи уже всего 91, для Испаніи 52, и т. д.

Что касается до крайняго усиленія преступности въ городахъ по сравненію съ селами, то въ этомъ отношеніи ста-

---

[1]) Iudicial Statistcs. 1902, p. 39.

[2]) Наз. соч., стр. 72.

тистическихъ данныхъ такъ много [1]) и этотъ фактъ такъ повсемѣстно признанъ, что я ограничусь на выдержку приведенiемъ лишь нѣкоторыхъ данныхъ: Такъ Ioly [2]) для Францiи разницу эту опредѣляетъ болѣе чѣмъ въ двойномъ размѣрѣ по разсчету на 100 тысячъ населенiя: 17 для городовъ, 8 для деревень.

Въ Германiи [3]), считая городомъ населенiе, вмѣщающее болѣе 2000 жителей, разница по разсчету на населенiе выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ городахъ 137, внѣ городовъ 98. Въ Берлинѣ эта городская преступность неизмѣримо сильнѣе. За кражи въ Берлинѣ осуждается ежегодно на 100 тысячъ населенiя 322, тогда какъ во всей остальной Германiи 188 [4]).

Въ то время какъ общiй процентъ кражъ для всей Италiи по разсчету населенiя 195, въ городахъ [5]) Феррарѣ 518, Венецiи 321, Бресцiи 379 и т. д.

Мы видѣли далѣе, что одной изъ типическихъ чертъ пауперизма является неимѣнiе крова и опредѣленнаго мѣста жительства. Вотъ, напримѣръ, въ этомъ отношенiи цифры Ioly («Fr. crim.» стр. 252) въ 1841—1851 г. на 1.000 обвиняемыхъ въ преступленiи было 41 sans domicile ou domicile inconnu а въ 1880 г. уже 140. Это лучшiй указатель того, что дѣлается съ сельскимъ населенiемъ, когда оно оставляетъ свои насиженныя мѣста и направляется въ города. Образуется тотъ классъ бродягъ, на страшное увеличенiе котораго такъ жалуются во всѣхъ странахъ, и который даетъ, разумѣется, наибольшую преступность, такъ по Compte general de l'administration de la justice crim. за 1880 г. въ то время какъ сельское населенiе даетъ 8 преступниковъ на 100 тысячъ, бродяги даютъ 405.

Всякiе подсчеты бродяжества и въ Европейскихъ государствахъ совершенно приблизительны, но уже приведенныя выше цифры по Голландiи о численности населенiя, не имѣющаго опредѣленныхъ занятiй, указываютъ на численность класса, стоящаго рядомъ и наполняющаго ряды бродягъ. Чрезвычайное усиленiе преступности среди иностранцевъ, относительно котораго приводятъ цифры и Жоли, и Ломбразо, и Тардъ въ сущности представляетъ развѣтвленiе того же общаго явленiя;

---

[1]) Ср. Dr. Fr. Prinzing Sociale Faktoren der Criminaletät. Zeitschr. f. d. ges. Sfrofr. w. B. 22, стр. 551.

[2]) France criminelle, стр. 251.

[3]) Bosco, наз. соч., отдѣл. Германiи.

[4]) Тарновскiй и Боско.

[5]) Statistica Giudiziaria penale pec l'ann. 1901, стр. XIII.

оторванiе населенiя отъ родного крова въ деревнѣ, на родинѣ и невозможность прочно осѣсть на новомъ мѣстѣ.

Собственно о влiянiи пауперизма, какъ бѣдности, въ качествѣ фактора преступности я тоже уже говорилъ выше; я ограничусь здѣсь приводимыми Ломброзо [1]) цифрами для Италiи, гдѣ 56% преступниковъ нищiе, а 32,15% имѣютъ только самое необходимое для жизни.

Я остановлюсь здѣсь на другомъ проявленiи пауперизма— на разрушенiи семьи, выражающемся въ дѣтской преступности.

Объ увеличенiи чрезвычайной дѣтской преступности и именно въ Германiи, гдѣ индустрiализмъ такъ быстро развивается, мы уже говорили въ первой главѣ. Тамъ же отмѣчено чрезвычайное усиленiе населенiя индустрiальныхъ школъ въ Англiи, что указываетъ съ несомнѣнностью на усиленiе дѣтской преступности въ Англiи. Здѣсь интересно указать, въ какой мѣрѣ это явленiе можетъ быть приведено въ связь съ состоянiемъ семьи. Jules Joly въ интересномъ докладѣ, представленномъ имъ въ 1904 г. [2]) Société generale des prisons занялся этимъ вопросомъ и вотъ между прочимъ данныя, которыя онъ приводитъ. Изъ 4.258 принятыхъ въ 1901 г. въ colonies penitentiaires во Францiи дѣтей у 907 родители были осуждены за преступленiя, у 393 родители бродяги или проститутки; наконецъ 1.405 не имѣли отца или матери. Эти данныя, говоритъ Joly, доказываютъ съ очевидностью, что главнымъ факторомъ дѣтской преступности является несостоятельность или дезорганизацiя семьи.

Какъ справедливо замѣтилъ на страницахъ того же журнала [3]) въ докладѣ объ особомъ народившемся видѣ патроната—семейномъ—Georges Bessière, ребенокъ вырождается потому, что низшiе классы, народныя массы отравляются всякими искусственными препаратами алкоголя по самой дешевой цѣнѣ; ребенокъ дѣлается воромъ или бродягой, потому, что необходимость обезпеченiя этого куска хлѣба отвлекла отца и мать отъ семейнаго очага. Какимъ образомъ общество, которое является виновникомъ всего этого зла, могло бы возложить на семью обязанность исправленiя зла, тогда какъ само же общество дѣлаетъ для семьи невозможнымъ исполненiе этой обязанности. Если главная причина дѣтской преступности въ слабости семьи, надо придти ей на помощь и потомъ уже опираться на семью.

---

[1]) Наз. соч., стр. 159.

[2]) Revue penit. 1904, p. 662.

[3]) „Revue penit.“. 1901, p. 103.

Спутникъ пауперизма—алкоголизмъ; въ своихъ наиболѣе грубыхъ формахъ, допустимый только у людей окончательно благодаря нищетѣ, потерявшихъ всякое соціальное положеніе, растетъ, какъ извѣстно, непомѣрно быстро. Его пришлось возвести въ самостоятельное нарушеніе—нарушеніе общественнаго приличія. Какъ показываетъ діаграмма, приведенная на стр. 16 Judicial statistics за 1902 г., въ Англіи за 10 лѣтіе съ 1893 г. по 1902 г. число осужденныхъ за пьянство (Drunkennes) увеличилось съ 168.927 до 209.908 осужденныхъ.

Потребленіе алкоголя въ Германіи увеличилось съ 87,4 литра на жителя въ годъ въ 1878 до 124,1 въ 1898.

Это усиленіе потребленія помимо того, что составляетъ само уже по себѣ рядъ преступныхъ дѣяній и не только нарушенія общественнаго приличія, какъ въ Англіи, но и нарушенія обязанностей по содержанію семьи, какъ въ Норвегіи, ведетъ вполнѣ естественно къ усиленію преступленій противъ личности. Усиленіе этихъ преступленій, которое отмѣчено уже нами въ главѣ I, идетъ прямо параллельно и пропорціонально увеличенію количества потребляемаго въ той или другой мѣстности алкоголя.

Но и вообще и въ другихъ преступленіяхъ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же вліяніемъ алкоголя; какъ отмѣчаетъ проф. Піонтковскій [1]), до 70% всѣхъ преступниковъ, по даннымъ разныхъ странъ, алкоголики.

Мы прослѣдили на предыдущихъ страницахъ неразрывное соотношеніе и даже прямую связь, существующія между отдѣльными проявленіями современнаго экономическаго строя и преступностью. Эту связь не отрицаютъ даже такіе индивидуалисты-моралисты, стремящіеся видѣть причину различныхъ соціальныхъ золъ въ порокахъ и безнравственности отдѣльныхъ личностей, какъ графъ Оссонвиль. И у него послѣ обозрѣнія данныхъ современной статистики французской (въ 1890 г.), указывающихъ на осужденіе многихъ десятковъ тысячъ лицъ за нищенство, бродяжество, кражи, вырываются такія слова [2]). «Но если дѣйствительно желать безпристрастно оцѣнить всѣ эти статистическія данныя, то необходимо задать себѣ вопросъ, а сколько ихъ этихъ многочисленныхъ осужденныхъ дошли бы до совершенія тѣхъ же преступленій, если бы они родились и были бы воспитаны въ довольствѣ, быть можетъ даже и одинъ на сто не дошелъ бы до этого. Но вѣдь тотъ же

[1]) Ж. М. Ю. 1903, кн. 4, стр. 1.
[2]) Socialisme et charité. 1895, p. 171.

самый вопросъ можетъ быть поставленъ и въ отношенiи болѣе серьезныхъ преступленiй. Какъ бы ни возражали, а все-таки преступленiя гораздо болѣе рѣдки среди болѣе обезпеченныхъ классовъ. Что же это можетъ быть объяснено болѣе высокою нравственностью представителей этихъ классовъ? Да, разумѣется, но это главнымъ образомъ зависитъ отъ того, что благодаря именно условiямъ обезпеченности они родятся, ростутъ и живутъ вдали отъ тѣхъ многочисленныхъ искушенiй, которыя какъ бы создаютъ благопрiятныя условiя для паденiя бѣдныхъ. Поэтому надо же имѣть мужество признать, что наиболѣе могущественный факторъ преступности есть всетаки нищета». Henri Joly, такой же индивидуалистъ какъ и Оссонвиль, самъ въ сочиненiи a La France criminelle» приводитъ слѣдующiй поразительный примѣръ. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, многiя тысячи заброшенныхъ, морально испорченныхъ, близкихъ къ преступленiю, дѣтей. И вотъ установился обычай помѣщать этихъ дѣтей въ семьи крестьянъ департамента Nievre. Этотъ обычай держится уже давно, и многiя тысячи выросли въ этихъ новыхъ условiяхъ, сдѣлались истинными гражданами, а преступность населенiя этого департамента не повысилась и осталась по-прежнему весьма малой. Joly самъ по этому поводу замѣчаетъ [4]): «Развѣ это не лишнее доказательство влiянiя среды и того могущественнаго воздѣйствiя, которое среда въ дурномъ или хорошемъ смыслѣ оказываетъ на наслѣдственныя наклонности? Потокъ нравственныхъ нечистотъ, который Парижъ изливаетъ на почву депортамента Nievre, тамъ всасывается, очищается, какъ воды клоакъ въ Acheres et Gevevilliers.

Но если дѣйствительно новый экономическiй и соцiальный строй, выражающiйся въ индустрiализмѣ, въ свободной конкуренцiи, въ полномъ ниспроверженiи всѣхъ узъ, оковывавшихъ личность въ среднiе вѣка, такъ несомнѣнно и сильно поднялъ преступность, то не найдемъ ли мы въ характеристикѣ, въ главныхъ особенностяхъ этого строя, объясненiя, *что слѣдуетъ признавать вообще главнымъ факторомъ преступности*, не уяснится ли тотъ путь, какимъ образомъ этотъ и другiе факторы преступности доводятъ личность до преступленiя.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь все-таки виновникомъ преступленiя, какое бы значенiе ни придавать внѣшнимъ факторамъ преступности, всегда является отдѣльная личность. Поэтому

---

[4]) France criminelle, p. 200.

обрисовавъ выше и выяснивъ главныя черты новаго экономическаго и соціальнаго строя, я считаю необходимымъ остановиться здѣсь на положеніи личности въ этомъ новомъ строѣ.

Выигрываетъ ли личность при этомъ новомъ свободномъ строѣ или, лучше сказать, при этомъ строѣ свободнаго соревнованія. Извѣстный экономистъ изъ школы катедеръ-соціалистовъ Адольфъ Вагнеръ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ и указываетъ [1]), что свободная конкурренція ведетъ къ побѣдѣ недобросовѣстныхъ или даже безсовѣстныхъ элементовъ общества. При свободной конкурренціи далеко не всегда побѣждаютъ наиболѣе даровитые индивиды; рядомъ съ ними весьма часто побѣждаютъ менѣе добросовѣстные, въ которыхъ личный интересъ, не сдерживаемый болѣе никакими соображеніями, вырождается въ своекорыстіе. Благодаря такимъ условіемъ не только менѣе совѣстливые люди становятся смѣлѣе и беззастѣнчивѣе, но и болѣе совѣстливые для огражденія своихъ интересовъ вынуждены прибѣгать къ тѣмъ же недобросовѣстнымъ пріемамъ, и такимъ путемъ общій уровень общественной нравственности понижается».

Основная черта современнаго строя—развитіе въ личности ничѣмъ не сдерживаемаго эгоизма, господство эгоистическихъ своекорыстныхъ побужденій. Какъ говоритъ Ратцингеръ, авторъ извѣстнаго труда о церковной благотворительности [2]) современныхъ людей не раздѣляетъ болѣе вопросъ о формахъ государственнаго управленія, его мѣсто занялъ вопросъ соціальный, который сводится къ тому, кто же побѣдитъ: духъ эгоизма или духъ самопожертвованія, будетъ ли попрежнему общество являться ничѣмъ инымъ, какъ оборотнымъ капиталомъ для сильнѣйшаго, или настанетъ время, когда каждый будетъ посвящать свои силы на служеніе общему благу и въ особенности на защиту слабыхъ».

Но это свободное соревнованіе, это освобожденіе личности отъ узъ, а вмѣстѣ и отъ поддержки приводятъ къ потрясенію всего положенія личности, оно становится шаткимъ, ненадежнымъ.

Сравнивая средніе вѣка съ новымъ общественнымъ строемъ, Уллъгорнъ [3]), другъ Флиднера, извѣстнаго основателя той филантропически религіозной могущественой корпораціи въ Германіи, которая извѣстна подъ общимъ названіемъ „Innere Mission“, справедливо обращаетъ вниманіе, что бѣдность и

---

[1]) Adolf Wagner, Lehrbuch der politischen Oekonomie, 2 Aufb. 1879, стр. 246.
[2]) Dr. Georg Ratzinger Geschichte der Kirchlirhen Armenpflege. 1884, стр. 591.
[3]) G. Uhlhorn. Die christliche Liebesthätigkeit. 1895, 2 Aufl., стр. 746.

нищета существовали всегда и будутъ вѣроятно всегда существовать, но бѣдность и нужда нашего времени носятъ особый характеръ. Онѣ прежде всего захватываютъ особенно большое число лицъ, цѣлыя массы. Затѣмъ онѣ не представляютъ того преходящаго явленія, какъ прежде, которое объяснялось общественными временными бѣдствіями—неурожаемъ, эпидеміями, войной, теперь мы имѣемъ дѣло съ пауперизмомъ, *какъ постояннымъ* явленіемъ. И при этомъ причины этой бѣдности коренятся не столько въ личности, сколько въ общественныхъ условіяхъ, въ экономическомъ строѣ, теперь не естественно а, такъ сказать, общественно-бѣдные люди. Этотъ новый общественный строй—время крупнаго производства, время фабрикъ. Создаются большія богатства, но прямое послѣдствіе этого строя уменьшеніе числа *прочно обоснованныхъ, обезпеченныхъ* человѣческихъ существованій (weniger fündirte, gesicherte Existenzen). Большое преимущество экономическаго строя среднихъ вѣковъ состоитъ въ томъ, что тогда было гораздо больше обезпеченныхъ человѣческихъ существованій, чѣмъ теперь, и что необезпеченные могли опереться на обезпеченныхъ, крѣпостной на землевладѣльца, работникъ на цехового мастера. Промышленное производство было болѣе упорядочено, производительность была меньше, но постояннѣе, рынокъ меньше, но болѣе знакомый, сбытъ вѣрнѣе.

Къ такимъ же взглядамъ на положеніе личности въ наше время по сравненію съ средними вѣками склоняется и знаменитый германскій историкъ Іоганнъ Яннсенъ [1]), который находитъ, что теперь личность не чувствуетъ себя болѣе органически самостоятельнымъ членомъ болѣе крупнаго единенія, но представляетъ изъ себя простую цифру, простой *атомъ*.

Это атомизированіе, превращеніе всего общественнаго строя въ безконечное число атомовъ, безформенную массу ничѣмъ между собою не связанныхъ песчинокъ, а также какъ песчинки, подвергающихся вліянію малѣшаго вѣтра.

Этотъ взглядъ на современный строй поддерживаетъ и Александръ Эттингенъ [2]). Подъ блескомъ произведеній современнаго индустріализма, говоритъ онъ, скрывается демонъ соціальной нищеты, тотъ поуперизмъ, который находится въ

[1]) Iohannes *Iannsen*. Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgong des Mittelalters, 15 Aufl. 1890, 1 B. стр. 73.

[2]) Alexander von Oettingen. Die Moralstatistik in ihrer Bedeutung für eine Socialicthik. Dritte. Aufl. 1882, стр. 390.

тѣсномъ и совершенно логически необходимомъ соотношенiи со *атомизированiемъ* нашихъ рабочихъ классовъ. Онъ (пауперизмъ) проявляется собственно не столько въ временной матерiальной нуждѣ, или случайномъ недостаткѣ куска хлѣба, но обнаруживаетъ свою дѣйствительную природу (hippokratisches Antlitz, свое искаженное предсмертными судорогами лицо) въ невозможности имѣть опредѣленную спецiальность, въ недостаткѣ работы, въ невозможности заработывать хлѣбъ однимъ словомъ въ безнадежномъ положенiи!» Да, разрушенiе средневѣковыхъ узъ и всевозможныхъ ограниченiй сдѣлало возможнымъ полное примѣненiе великаго фактора человѣческаго прогресса—раздѣленiя труда. Но не слѣдуетъ же упускать изъ виду,какъ справедливо замѣчаетъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, посвященномъ раздѣленiю соцiальнаго труда, проф. Дюркгеймъ [1]), что преступленiе есть дѣянiе, которое порицается большинствомъ, *народною совѣстью*, нацiональнымъ сознанiемъ, чувствомъ солидарности. Но именно эта солидарность разрушается съ развитiемъ раздѣленiя труда. Весь ходъ цивилизацiи выражался въ постепенномъ *обобщенiи* при одновременномъ разрушенiи все болѣе и болѣе крупныхъ группъ. Но по мѣрѣ того, какъ мораль, традицiи, религiя обобщались, сила ихъ все болѣе ослаблялась, индивидъ получаетъ возможность по своимъ личнымъ взглядамъ причимать то или другое, контроль группъ и въ особенности ближайшихъ исчезаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и обязательность согласованiя своихъ личныхъ поступковъ съ этою обобщенною общественною моральной совѣстью. Выростаетъ по словамъ Hall [2]) the anti-social individual. Дюркгеймъ приводитъ блестящую иллюстрацiю изъ современной жизни, сравнивая жизнь маленькаго провинцiальнаго города съ жизнью большихъ городовъ [3]). Въ уѣздномъ городкѣ всякая попытка освободиться отъ обычаевъ, установившихся взглядовъ на поведенiе, положимъ даже и на мелочныя условiя принятаго образа жизни, вызываетъ скандалъ и всеобщiя порицанiя, не обращать на нихъ вниманiя невозможно, такъ тѣсны рамки жизни. Не то въ большихъ городахъ. Здѣсь толпа, а французская пословица говоритъ не напрасно, что нигдѣ человѣкъ не можетъ такъ хорошо *спрятаться*, какъ *въ толпѣ*.

Но что же можетъ получиться, если весь строй обще-

---

[1]) Emile Durkheim prof. de sociologie à l'université de. Bordeaux. De la division du travail social. 1902.

[2]) A. C. Hall Crime in it relations to social progress. 1902, стр. 391.

[3]) H. с., стр. 283.

ственный, соціальный, перешелъ отъ организованнаго, положимъ узко организованнаго, къ строю толпы, гдѣ всѣ другъ другу совсѣмъ чужды, гдѣ никто не считаетъ себя обязаннымъ помогать сосѣду и еще менѣе признаетъ за собою право наблюдать за его поведеніемъ, или предъявлять въ этомъ отношеніи какія-либо требованія.

Что дѣлается съ личностью, которая такимъ образомъ оторвалась отъ прежнихъ своихъ связей по семьѣ (работники, уходящіе изъ семьи), по деревнѣ, по церковной общинѣ по всякому союзу, въ особенности народному, связывавшему и поддерживавшему ее въ мѣстѣ ея рожденія, воспитаніи и т. д? Такая личность, попадая въ толпу, какъ фишка, какъ номеръ, становится въ положеніе полнаго уединенія, одиночества, она деклассируется. Явленіе деклассаціи я считаю самымъ типическимъ проявленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ результатомъ современнаго строя и считаю поэтому необходимымъ на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Родоначальникомъ ученія о деклассаціи является несомнѣнно Corne, французскій адвокатъ, не прославившійся никакими, насколько мнѣ извѣстно, другими учеными трудами, кромѣ разбираемой статьи, помѣщенной въ «Journal des economistes» еще въ 1868 г. (№ 1). На него ссылаются и Эттингенъ и Жоли и другіе, его мысли пожалуй получили въ трудахъ этихъ ученыхъ нѣкоторое дальнѣйшее развитіе, но во всей полнотѣ онѣ не были исчерпаны.

На преступника большинство въ современномъ обществѣ, говоритъ Корнъ, смотрятъ такъ, какъ смотрѣли въ древней Греціи и Римѣ — на рабовъ, какъ на существо особой, другой породы, не той, какъ всѣ. Это воззрѣніе очень удобное, оно избавляетъ насъ, людей непреступныхъ, отъ всякой отвѣтственности за преступныя дѣянія, совершаемыя хотя и въ нашей средѣ, но не нами. Установивъ такой взглядъ на преступника, общество надѣляетъ его и особыми качествами, въ немъ видятъ чуть не гиганта съ бурною энергіею, съ избыткомъ жизненныхъ силъ, съ умомъ какъ торговецъ, онъ обдумываетъ выгоды и невыгоды предпріятія. Можно ли къ нему относиться иначе какъ только отрицательно, его нужно подавлять, карать и чѣмъ страшнѣе наказаніе, тѣмъ лучше. Но однако же наказанія ничего не помогли, а лишь повредили, потому что боролись съ призракомъ, съ произведеніемъ воображенія.

Преступникъ вовсе не особенный типъ, понимая подъ этимъ сумму индивидуальныхъ особенностей. Виновата въ

преступленіи не особенная природа преступника; весь нашъ строй общественный пораженъ болѣзнью и не наказаніями, а соціальною гигіеною, надо бороться съ преступностью. Стоитъ обратиться къ статистическимъ даннымъ, чтобы сразу разрушилось представленіе о преступникѣ, какъ о силѣ умственной и физической. Они одиноки съ ранняго дѣтства. Изъ 8.006 молодыхъ преступниковъ, содержавшихся 31 декабря 1864 г. [1]) въ тюрьмахъ Франціи 60% были или незаконными дѣтьми или не имѣли отца или матери, 38% были дѣтьми бродягъ, преступниковъ, проститутокъ. Изъ 4.154 обвинявшихся въ судѣ присяжныхъ въ 1865 г. 37% были уроженцами не того департамента, гдѣ ихъ судили. Изъ числа 25.506 задержанныхъ въ томъ же году въ департаментѣ Сены только 7.450 были уроженцами этого департамента. Пауперизмъ создаетъ главнымъ образомъ тѣ условія, при которыхъ вырабатываются преступники. А пауперизмъ — это хроническая нищета, безъ надежды на достиженіе лучшихъ условій существованія, и безъ воли, необходимой для того чтобы добиться этихъ условій, это жизнь изъ дня въ день (см. характеристику Бутса, приведенную выше), безъ всякой мысли о завтрашнемъ днѣ, это голодъ, нечистоплотность и болѣзни, принимаемыя какъ неизбѣжная судьба, это атонія, разложеніе тѣла и души. Преступники не *сильнѣйшіе*, а *слабѣйшіе* представители современнаго соціальнаго строя.

На преступника можно смотрѣть какъ на человѣка, который забрался въ очень опасное мѣсто (ср. опять таки Бутса). Почти неизбѣжно онъ долженъ пасть. Дороговизна предметовъ первой необходимости, или всякія другія случайныя обстоятельства опредѣляютъ скорѣе путь ихъ паденія, чѣмъ самое паденіе. Основная черта ихъ положенія *одиночество*. У нихъ не было или нѣтъ никакихъ связей, никакихъ отношеній, имъ не на кого опереться, некому ихъ удержать *при малѣйшей страсти, при малѣйшемъ увлеченіи; малѣйшій толчекъ и они падаютъ*. И вотъ именно въ городахъ и въ особенности въ большихъ городахъ, гдѣ одиночество сказывается особенно сильно, тамъ и отмѣчается особенно большая преступность. Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что съ оставленіемъ деревни и переходомъ въ городъ, они не только теряютъ матеріальную поддержку близкихъ и знакомыхъ, они теряютъ больше. Деревня представляетъ собою все-таки,

---

[1]) Всѣ эти статистическія данныя приведены Корномъ и я ихъ оставляю на его отвѣтственности, ибо провѣрять конечно не могъ.

хотя и мискропическое, общество, гдѣ каждый состоитъ подъ невольнымъ и вполнѣ благотворнымъ, въ смыслѣ поддержанія нравственности, наблюденіемъ своихъ односельчанъ. Благодаря такому строю жизни *складываются репутаціи и человѣкъ, добившись извѣстной репутаціи, дорожитъ ею*, старается ее поддержать. Въ городѣ никто его не знаетъ и разумѣется никто не заботится о его поведеніи и о его репутаціи; при такихъ условіяхъ есть всѣ основанія опасаться, что онъ и *самъ не будетъ заботиться о своемъ поведеніи и репутаціи,* которой у него болѣе нѣтъ. Я оставляю пока до одного изъ слѣдующихъ отдѣловъ мысли Корна о мѣрахъ борьбы съ преступностью. Но въ изложенныхъ предѣлахъ его ученіе полно, глубоко и всесторонне. Хотя въ немъ не содержится даже самаго слова деклассація, терминъ придуманный его послѣдователями Жоли, Тардомъ и другими, но у него самое понятіе опредѣлено правильнѣе и полнѣе. Онъ называетъ его одиночествомъ. Это одиночество—это есть послѣдствіе *атомизированія*, какъ характеристическаго явленія современнаго строя. Но это одиночество, какъ его называетъ Корнъ, складывается изъ слѣдующихъ главнымъ образомъ элементовъ. Во-первыхъ изъ элемента матеріальнаго - отсутствіе поддержки, отсутствіе помощи матеріальной со стороны близкихъ, родныхъ, членовъ той же группы, того же села, друзей, знакомыхъ по постоянному мѣсту жительства, которые могли бы доставить работу, а временно, до пріисканія, помочь денежно, *во-вторыхъ* изъ элемента нравственнаго, благодаря одиночеству не можетъ быть нравственнаго надзора съ одной стороны, не можетъ быть репутаціи съ другой стороны. Общій результатъ отсутствіе того, что англичане называютъ standard of life—человѣческія, достойныя человѣка условія существованія. При отсутствіи этихъ условій, позволяю себѣ русское выраженіе можетъ быть и травіальное, *все для человѣка дѣлается трынь трава* и преступленіе есть не болѣе какъ эпизодъ въ общемъ близкомъ къ преступленію строѣ жизни. *Но эта потеря человѣческихъ условій существованія можетъ какъ видно произойти по двумъ причинамъ*. Или, какъ мы видѣли выше, въ силу соціальныхъ условій, въ силу неумолимыхъ жестокихъ требованій индустріализма, свободной конкурренціи и. т. д., которыя вырываютъ, дѣйствуя съ неумолимостью законовъ природы, человѣка изъ его родины, деревни, семьи и атомизируютъ его. Или же то же явленіе, то же положеніе одиночества можетъ наступить по винѣ самого попавшаго въ это положеніе, благодаря совершенному имъ преступленію, которое какъ осуждае-

мое народною совѣстью, губитъ его репутацію, отталкиваетъ отъ него даже самыхъ близкихъ къ нему людей. Что же бываетъ чаще? Я думаю, не можетъ быть сомнѣній, что первая, соціальная причина, охватывающая громадную часть населенія, приводящая въ это положеніе милліоны людей.

Только теперь, мнѣ кажется, послѣ предшествующихъ разсужденій возможно и время сдѣлать окончательный выводъ о факторахъ преступности и объ удѣльномъ вѣсѣ и значеніи каждаго изъ нихъ.

Но прежде два слова о послѣдователяхъ Корна Жолли и Тардѣ. Оба они чистые индивидуалисты, глубоко убѣжденные въ томъ, что главнымъ образомъ дѣйствуетъ вторая изъ указанныхъ причинъ, но они не отрицаютъ существованія и первой причины. Самому явленію столь ярко описанному и впервые указанному Корномъ, они даютъ названіе *деклассаціи*, не входя въ подробное выясненіе самого понятія и не указывая, въ чемъ оно проявляется. Собственно названіе можетъ быть и мѣткое, совсѣмъ не опредѣляетъ сущности понятія, оно скорѣе указываетъ лишь внѣшній процессъ: выходъ изъ группы, но къ чему этотъ выходъ приводитъ и въ чемъ состоитъ положеніе вышедшаго и даже почему выходъ приводитъ къ этому положенію, они не объясняютъ.

Тардъ въ своемъ сочиненіи La criminalité compareé, все сводя по обыкновенію, къ главному, по его мнѣнію, соціальному фактору—подражанію (н. с. стр. 86 и 93) различаетъ отъ политической революціи революцію соціальную и говоритъ, что rayonnements imitatifs той и другой различны. Что касается до второй революціи то одно изъ rayonements (проявленій) второй выражается въ деклассаціи; подъ деклассаціей надо понимать: эмиграцію слишкомъ быструю изъ деревень въ города, внезапныя обогащенія и внезапныя разоренія, даже слишкомъ быстрой переходъ отъ ничтожества къ крупной политической власти, къ нимъ же онъ причисляетъ даже особую, чисто индивидуалистическую категорію безпокойныхъ (les agités?!), которыхъ считаетъ разсадникомъ порока и преступности. И больше ничего. Теоріи Тарда, объ отвѣтственности и неотвѣтственности уголовной (Philos. Penale стр. 82—223) выясняя фактъ дезассимилированія преступника съ нормальнымъ и общммъ строемъ и взглядами общества, не касаются вопроса о причинахъ вызывающихъ дезассимилированіе и носятъ чисто индивидуалистическій харарактеръ.

Ioly, мнѣнія котораго, какъ глубоко поклонника вліянія индивидуальныхъ факторовъ преступности, мы приводили

выше, не совсѣмъ согласны съ выраженными имъ самимъ въ другихъ мѣстахъ, взглядами. Въ концѣ своего сочиненія о преступности во Франціи (France criminelle p, 423) Ioly заявляетъ, что главнымъ факторомъ считаетъ *деклассацію* и прибавляетъ при этомъ «человѣкъ нуждается и въ удержаніи (retenue)», и въ помощи (soutenue) со стороны той среды, которая его окружаетъ. Семья, община, школа, союзъ, отечество вотъ группы, которыя при хорошей организаціи должны всѣхъ насъ окружать. Все что въ какомъ бы то ни было отношеніи разрушаетъ одну изъ этихъ рамокъ, въ которыя мы заключены, и допускаетъ выходъ личности изъ группы, дѣлаетъ изъ этой личности деклассированнаго и почти неизбѣжно преступника... Это вѣрно, остроумно, но все же касается только внѣшняго процесса и не выясняетъ подробно, какъ у Корна, существа.

Теперь возвращаясь къ тому, что я высказалъ выше, я думаю, я имѣю возможность считать достаточно обоснованными и слѣдующія соображенія о факторахъ преступности.

Въ самомъ дѣлѣ, какія же причины чаще приводятъ къ тому «одиночеству» «деклассаціи» которыя составляютъ подпочву всякаго преступленія. Или иначе говоря, что мы наблюдаемъ чаще, совершеніе преступленія деклассированымъ или недеклассированнымъ. На это я думаю не можетъ быть двухъ отвѣтовъ; въ этомъ вопросѣ едва ли можетъ быть разногласіе между представителями самыхъ разнообразныхъ школъ. Да объ этомъ съ несомнѣнностью свидѣтельствуютъ и статистическія данныя; около 80% какъ мы видѣли всѣхъ преступниковъ не имѣютъ никакого имущества; мы уже знаемъ, въ какомъ положеніи при современномъ экономическомъ и соціальномъ строѣ находятся эти неимѣющіе никакого имущества и можемъ смѣло сказать, что по крайней мѣрѣ 80% преступниковъ принадлежатъ къ разряду деклассированыхъ.

Этотъ цифровой, разумѣется приблизительный, указатель вмѣстѣ съ тѣмъ выясняетъ и сравнительное значеніе факторовъ индивидуальныхъ и соціальныхъ.

Но тутъ, разумѣется, необходимы нѣкоторыя поясненія и оговорки.

Прежде всего и цифровыя данныя указываютъ, что преступленія могутъ быть совершаемы и лицами не деклассированными. Но какія это преступленія: если мы отнесемъ сюда область преступленій политическихъ, религіозныхъ, противъ печати, аграрныхъ, формальныхъ нарушеній закона наконецъ, оскорбленія чести другихъ, то много ли изъ этихъ 20% останется на остальныя преступленія? А разница вѣдь громадная,

благодаря господствующему и въ наукѣ и въ законодательствѣ отвлеченно-обобщающему методу было создано общее понятіе преступленія. А между тѣмъ отдѣльные виды преступленій между собою ничего общаго не имѣютъ. Что общаго между политическимъ преступникомъ и мелкимъ воромъ или обманщикомъ?. Одинъ чистый идеалистъ, идеальная, черезчуръ увлекающаяся, а можетъ быть и геройская, личность, другой, по большей части, почти всегда, морально павшій человѣкъ.

Но, разумѣется при такихъ выводахъ надо быть всегда осторожнымъ и разумѣется нельзя же отрицать существованія натуръ, хотя и психически нормальныхъ, но безнравственныхъ. Такія натуры всегда были и очевидно всегда будутъ. Не исключается однако и здѣсь вліяніе внѣшнихъ условій, стеченіе такихъ неблагопріятныхъ условій, при которыхъ для того чтобы удержаться отъ преступленія необходимо геройство.

Но за недостатокъ геройства карать нельзя, ибо и требовать его нельзя; требовать можно только того уровня нравственности, который доступенъ среднему обыкновенному человѣку. Глубоко понимая этотъ несомнѣнный этически правильный принципъ представители народной совѣсти, присяжные засѣдатели разрѣшаютъ дѣла такого рода большей частью оправдательными приговорами.

Въ этотъ же разрядъ 20% входитъ очевидно и та разновидность преступниковъ, которой присвоено современной наукой названіе случайныхъ преступниковъ. Это большею частью еще очень молодые, не окрѣпшіе волею, люди, которые впервые, подъ вліяніемъ увлеченія, дурного совѣта, недостатка надзора впали въ преступленіе.

Ихъ особенно важно оградить отъ дальнѣйшаго преступнаго поприща и потому именно, что за исключеніемъ чисто идеальныхъ преступленій, которыя разумѣется составляютъ значительную часть 20%, остальныя какъ порицаемыя народною совѣстью, влекутъ за собою деклассацію, отторженіе и исключеніе изъ нормальной среды, лишеніе всѣхъ тѣхъ связей, поддержаніе которыхъ необходимо чтобы не быть деклассированнымъ, одинокимъ.

Переходя ко второй группѣ, къ тѣмъ 4/5 преступленій, совершаемыхъ деклассированными, я еще разъ долженъ оговориться. Разумѣется, всѣ эти вычисленія приблизительныя, разумѣется, не исключается возможность совершенія людьми неимущими преступленій не позорящихъ. Но вѣдь тутъ важно выяснить общій характеръ, а общій характеръ этой второй группы дѣяній несомнѣнно такой, который порицается народ-

ною совѣстью въ данный моментъ. Я позволю себѣ небольшое сравненіе для характиристики степени категоричности моихъ выводовъ. Это очень важно, ибо вѣдь мы находимся въ области соціальныхъ явленій, одно отъ другого зависящихъ, одно въ другое переходящихъ, всякія гипотезы и выводы опытнымъ путемъ провѣряемы быть не могутъ.

Представимъ себѣ, что мы находимся у впаденія нѣсколькихъ небольшихъ притоковъ въ большую рѣку. Если мы хорошо изучили главную рѣку до впаденія въ нее притоковъ, то и послѣ впаденія ихъ, мы еще долгое время будемъ различать, по цвѣту, воды главной рѣки, которая несетъ большую массу воды и воды которой не успѣли еще смѣшаться съ водами притоковъ. Разумѣется всякія точныя опредѣленія границъ, степени смѣшанности воды на той или другой глубинѣ, будутъ приблизительны, но общее впечатлѣніе вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности. Такъ и въ томъ общемъ соціальномъ явленіи, которое мы называемъ преступностью, общая идея полнаго, подавляющаго, перевѣса дѣйствія соціальныхъ факторовъ надъ дѣйствіемъ индивидуальныхъ несомнѣнна.

Но и тутъ необходимъ рядъ оговорокъ, весьма существенныхъ, имѣющихъ важное значеніе. Эти соціальныя условія дѣйствуютъ, какъ я уже говорилъ и выше, касаясь собственно факторовъ преступности, иногда и непосредственно. Такіе случаи непосредственнаго воздѣйствія бываютъ, но тогда мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что современной юридической догматикой выдѣлено въ особое понятіе крайней необходимости; наиболѣе яркимъ примѣромъ является кража съѣстныхъ припасовъ голодающимъ, близкимъ въ гибели человѣкомъ. Понятіе крайней необходимости догматикой и современнымъ законодательствомъ ставится однако очень узко, несомнѣнно въ согласіи съ жизнью оно подлежитъ значительному расширенію. Что сказать про положеніе рецидивиста, вора, предъ которымъ закрыты всѣ двери для полученія честной работы, даже двери обществъ патроната, уклоняющихся отъ такихъ „трудныхъ случаевъ“ и который буквально для спасенія своей жизни въ силу законнаго, даже и этически, чувства самосохраненія при такихъ условіяхъ похищаетъ первый попавшійся, самый ненужный ему, предметъ (связку ключей—случай изъ моей судебной практики) только для того чтобы имѣть основаніе попасть на казенные хлѣба въ тюрьму. Подобныя положенія близки къ указанному выше требованію геройства, и несомнѣнно встрѣчаются въ судебной практикѣ чаще, чѣмъ это предполагаетъ законодатель и догматика.

Но въ большинствѣ случаевъ такого *непосредственнаго* воздѣйствія соціальныхъ факторовъ нѣтъ. Эти внѣшніе факторы дѣйствуютъ постепенно, сначала доводя человѣка до паденія экономическаго, а потомъ и нравственнаго. Иначе говоря эти соціальные факторы дѣйствуютъ въ концѣ концовъ при посредствѣ индивидуальныхъ. Это чрезвычайно важно и такъ сказать служитъ подтвержденіемъ выставленнаго мной выше положенія о неправильности избранія одной изъ группъ факторовъ индивидуальныхъ или внѣшнихъ для объясненія явленій преступности. Это важно и въ другихъ отношеніяхъ и прежде всего для опредѣленія *предмета* борьбы, когда говорятъ о борьбѣ съ преступностью. Если мы признаемъ, что соціальные факторы дѣйствуютъ непосредственно, то тогда въ сущности мѣры борьбы съ преступностью должны потерять всякій самостоятельный характеръ и слиться съ общими мѣрами по оздоровленію экономическаго и соціальнаго строя. А это безусловно неправильно по многимъ основаніямъ. Прежде всего если бы даже предположить, что будетъ когда либо вполнѣ достигнута реформа экономическаго строя, то и въ такомъ случаѣ, даже помимо дѣйствія чисто индивидуальныхъ факторовъ, останутся въ той или другой, хотя бы и весьма уменьшенной степени, соціальныя причины преступности. Вѣдь переживаемый нами экономически-соціальный строй есть несомнѣнно необходимый шагъ въ исторіи прогресса, особенности этого строя: *раздѣленіе труда, свобода личнаго самоопредѣленія* несомнѣнно громадныя и благотворныя силы и въ какой мѣрѣ будущія поколѣнія будутъ имѣть возможность отказаться отъ нихъ, совершенно еще не ясно и поэтому съ соціальными послѣдствіями и невыгодными сторонами дѣйствія этихъ силъ, вѣроятно придется считаться, если не всегда, то во всякомъ случаѣ совершенно неопредѣленное время, а при такихъ условіяхъ заслоненіе крупными соціальными реформами другихъ мѣръ будетъ громадною ошибкою — явится прегрѣшеніемъ противъ перспективы. Но главное это то, что мѣры противъ преступности не должны быть смѣшиваемы съ мѣрами по разрѣшенію соціальнаго вопроса потому, что, это мѣры другого порядка, другого характера. Именно эти мѣры должны, по самому своему существу, въ противоположность тѣмъ общимъ соціальнымъ мѣропріятіямъ *удовлетворять требованіямъ индивидуализаціи.* Я позволю себѣ медицинское сравненіе; допустимъ, что, мы приняли всѣ мѣры изоляціи данной мѣстности отъ окружающихъ мѣстностей, пораженныхъ въ сильной степени

развившеюся эпидеміей, но вѣдь это не устраняетъ необходимости лѣчить каждаго въ отдѣльности изъ заболѣвшихъ уже въ предѣлахъ изолированной мѣстности. Если дѣйствительно, какъ мы показали, соціальные факторы проявляютъ свое вліяніе въ томъ, что лишаютъ массы необходимыхъ нормальныхъ условій жизни, то они вмѣстѣ съ тѣмъ доводятъ если и не всѣ массы цѣликомъ, то отдѣльныхъ личностей путемъ сцѣпленія цѣлаго ряда обстоятельствъ до условій существованія не совмѣстныхъ какъ въ матеріальномъ, такъ, и въ нравственномъ отношеніи съ требованіями человѣческаго достоинства и въ концѣ концовъ вызываютъ утрату этими отдѣльными личностями человѣческаго достоинства, а въ такомъ случаѣ все остальное, дальнѣйшій путь такой личности уже вполнѣ понятенъ. Я повторяю, соціальныя условія ставятъ прежде всего отдѣльныя личности въ неудовлетворительныя условія матеріальныя — чрезмѣрной истощающей работы, недоѣданія, отсутствія постояннаго помѣщенія или наличности такого помѣщенія, которое не удовлетворяетъ даже требованіямъ взращиванія животныхъ, отсутствія гигіеническихъ условій существованія. Это одно поставленіе въ такіе матеріальныя условія должно вызывать уже физическое ослабленіе личности. Когда вмѣстѣ съ тѣмъ соціальныя условія лишаютъ эту личность всякой надежды на исходъ изъ даннаго положенія, то тѣмъ самымъ они наносятъ тяжкій ударъ ея нравственнымъ силамъ, ея желанію жить честно. Это основа, и при томъ главная, постепеннаго ослабленія сопротивляемости противъ искушеній покуситься на чужія блага. Къ этому присоединяется и дѣйствуетъ, хотя и одновременно, но не съ одинаковою силою, вліяніе соціальныхъ условій на нравственныя условія существованія — утрата соціальнаго положенія при выходѣ изъ группы, отсутствіе возможности имѣть какую либо репутацію въ толпѣ, которая васъ не знаетъ, отсутствіе нравственнаго совѣта и нравственнаго надзора. На подготовленной условіями матеріальными почвѣ условія нравственныя дѣйствуютъ сильнѣе и приводятъ къ потерѣ человѣческаго достоинства, т. е. уваженія въ себѣ и къ тому, какъ васъ цѣнятъ другіе. Вотъ только теперь эта личность находится въ такомъ состояніи, когда она при малѣйшемъ толчкѣ способна совершить преступленіе, т. е. въ большинствѣ случаевъ дѣяніе постыдное, осуждаемое общественною нравственностью. Такимъ образомъ не экономическія и соціальныя причины вызываютъ *непосредственно* совершеніе преступленія и даже не экономическое и физическое ослабленіе

личности, вызываемое этими причинами, а послѣдовательно, производно вызываемое, какъ экономическими факторами и физическимъ ослабленіемъ личности, такъ и соціальными причинами нравственное ослабленіе личности. Иначе говоря непосредственнымъ факторомъ совершенія преступности не вездѣ, какъ уже говорено было выше, а большею частью является факторъ индивидуальный—нравственное состояніе личности.

Но въ такомъ случаѣ скажутъ мнѣ, какая же разница между этимъ ученіемъ и ученіемъ индивидуалистовъ-моралистовъ, за чѣмъ же было спорить съ моралистами. На это я могу отвѣтить, что разница колоссальная и при томъ *весьма благопріятная* для дѣла борьбы съ преступностью.

Если нравственное ослабленіе совершается при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ благосостоянія, воспитанія, соціальнаго положенія, наличности даже репутаціи, тамъ мы имѣемъ дѣло съ случаемъ, говоря опять языкомъ врачебнымъ, болѣе труднымъ для борьбы. Здѣсь не вдаваясь въ крайности ученій о прирожденномъ преступникѣ и тому подобныхъ, мы можемъ предположить извѣстную порочность натуры, сложившуюся уже во всякомъ случаѣ весьма прочно (подъ вліяніемъ напримѣръ хотя очень обезпеченныхъ, но неудовлетворительныхъ въ нравственномъ отношеніи условій, въ которыхъ проходило дѣтство).

Наоборотъ тамъ, гдѣ внѣшенія условія крайне неблагопріятны, можно допустить, такъ сказать, порочность наносную, еще не утвердившуюся, а условія борьбы не безнадежными.

Но главное, и это вполнѣ несомнѣнно, эти внѣшнія условія не моментально, непосредственно, дѣйствуютъ, а постепенно разрушая экономическое, физическое и нравственное благосостояніе человѣка и здѣсь своевременныя предупредительныя мѣры помощи могутъ разсчитывать, и какъ показываетъ богатый опытъ, хотя бы примѣръ приводимый Жоли о выселеніи парижскихъ нравственно и физически заброшенныхъ дѣтей въ департаментъ Nievre, приводятъ къ дѣйствительному и полному успѣху.

Приведенныя соображенія о факторахъ преступности объясняютъ не только замѣчаемое въ послѣднее столѣтіе громадное увеличеніе преступности, но и представляютъ собою ученіе, которое можетъ быть положено въ основу объясненій вообще явленій преступности; это такъ уже потому одному, что это ученіе считается съ главною характеристическою и при томъ такою общею чертою всего современнаго строя всѣхъ цивили-

зованныхъ государствъ, какъ атомизированіе общественнаго строя, *одиночество* отдѣльной личности, которая въ концѣ концовъ и является виновникомъ преступленія. Матеріальная подпочва вѣрная для весьма многихъ, для большинства, какъ мы видѣли, случаевъ преступности, не есть непосредственный и исключительный факторъ преступности; таковымъ является нравственное одиночество, выражающееся въ нравственной заброшенности, въ отсутствіи, въ виду разрушенія всякихъ группировокъ, нравственной поддержки, совѣта, надзора за личностью, въ паденіи значенія нравственной репутаціи. Матеріальная подпочва весьма важна, это наиболѣе грубое, если можно такъ сказать, проявленіе несовершенствъ современнаго строя, доводящихъ личность до утраты достойныхъ человѣка условій матеріальнаго существованія, при которыхъ *приходится* забыть о какомъ бы то ни было личномъ достоинствѣ, въ томъ числѣ и нравственномъ. Но нравственное одиночество обнимаетъ всѣ классы населенія и матеріально обезпеченные. Достаточно вспомнить въ этомъ отношеніи о громадности тѣхъ агломерацій, которыя представляютъ города. Въ нихъ, какъ въ любой, случайно собравшейся на улицѣ, толпѣ, пропадаютъ, какъ въ самомъ дремучемъ лѣсу не только заурядныя, самыя обыкновенныя, личности, но и извѣстныя, ибо и такія исчисляются въ большихъ центрахъ тысячами. Ихъ личная жизнь, ихъ личное поведеніе, какъ показываетъ современная жизнь, остаются безъ всякаго нравственнаго контроля и потому совершенно неудивительно, когда вдругъ громкій процессъ раскрываетъ бездну нравственнаго паденія, въ которой оказался какой-нибудь даже весьма извѣстный, а можетъ быть даже и прославившейся въ какой-нибудь отрасли труда, человѣкъ. И напрасно въ такихъ случаяхъ взывать o tempora, o mores, громить паденіе нравственности и т. д. Я позволяю себѣ вспомнить сравненіе, приведенное мною выше съ реформою нашихъ судовъ. Напрасно морализировать, напрасно возмущаться порочностью натуры, порочными наклонностями. Въ области общественнаго дѣла необходимость общественнаго контроля составляетъ азбуку, о которой не спорятъ. Но и въ области личной, частной, жизни такой контроль возможенъ и необходимъ. Разумѣется здѣсь не имѣется въ виду нарушеніе той необходимой неприкосновенности частнаго жилища и частной жизни путемъ вторженія туда какихъ-либо цензоровъ нравственности, ни возстановленіе во всей ихъ цѣлости отжившихъ средневѣковыхъ группировокъ. Но самая необходимость группировокъ небольшихъ для борьбы съ одиночествомъ, легко ведущимъ къ одичанію

вполнѣ несомнѣнна. Я поясню только свою мысль приведеніемъ вскользь одного примѣра, разработка котораго будетъ представлена въ дальнѣйшей части настоящаго труда. Вспомнимъ о возникновеніи въ послѣднее время тѣхъ профессіональныхъ союзовъ, которые, объединяя лицъ занимающихся одной и той же професcіей, ставятъ себѣ задачею проведеніе этическихъ принциповъ при исполненіи профессіональныхъ обязанностей врачей, юристовъ и т. д. Какая это громадная превсентивная, сдерживающая сила, вѣдь специалистъ сколько-нибудь сложившійся, если доходитъ до совершенія преступленія, то таковое большею частью имѣетъ какую-нибудь связь съ знакомымъ ему дѣломъ, поглотившимъ всѣ его силы, всю его жизнь, составившимъ его призваніе въ жизни.

Я употребилъ слово превентивная сила. Я думаю, что изученіе вопроса о факторахъ преступности приводитъ къ одному несомнѣнному выводу, что въ большинствѣ, въ громадномъ большинствѣ, не съ преступленія начинается матеріальное и нравственное одиночество, а наоборотъ одиночество въ разныхъ его видахъ постепенно приводитъ къ преступленію, предварительно лишивъ человѣка условій человѣческаго существованія, заглушивъ въ немъ чувство человѣческаго достоинства, обезцѣнивъ въ его глазахъ значеніе нравственной репутаціи, уваженія другихъ къ нему, уваженія его къ самому себѣ. Это процессъ, къ счастью, если и не всегда медленный, то постепенный и то обстоятельство, что преступленіе оказывается въ концѣ этого процесса, какъ внѣшнее проявленіе совершившагося переворота, лучше всего указываетъ предметъ борьбы съ преступностью. Этимъ предметомъ—является ослабленіе случайное, или болѣе или менѣе постепенное, ослабленіе, начавшееся уже, выражающееся въ несомнѣнныхъ признакахъ, но не завершенное, ослабленіе отдѣльной данной личности, ибо въ каждой личности такой процессъ совершается индивидуально.

Когда преступленіе совершено, процессъ долженъ быть признанъ завершившимся и тогда большею частью уже борьба трудна, а часто и невозможна. Такимъ образомъ мѣры борьбы для того чтобы разсчитывать на успѣхъ должны носить характеръ предупредительной и индивидуальной. Я говорю объ успѣхѣ, но я бы желалъ устранить сомнѣніе, которое могло бы возникнуть. Отмѣчая факты, вовоздерживаясь отъ увлеченій и прежде всего имѣя въ виду научную истину, я ни одной минуты не думаю утверждать, что борьба можетъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, полной побѣдой. Но надлежащее

выясненіе факторовъ преступности, показываетъ, какъ мнѣ кажется, что борьба съ преступностью *возможна*, въ чемъ въ виду громаднаго роста преступности и разочарованія въ значеніи респрессіи, начинали сомнѣваться.

И если эта борьба приведетъ хотя бы къ задержанію дальнѣйшаго роста преступности, то и это будетъ огромнымъ успѣхомъ.

Я заключу настоящую главу той же оговоркой, съ которой и началъ. Вопросъ о факторахъ преступности чрезвычайно обширный и я не задавался мыслью дать исчерпывающій трактатъ по этому вопросу. Моей задачей было указаніе, въ общихъ чертахъ, предмета борьбы съ преступностью, а это выясненіе уже, само собою, опредѣляетъ роль общества въ этомъ дѣлѣ.

Репрессія.

Прежде чѣмъ перейти къ выясненію вопроса о томъ, что дѣлаетъ общество для борьбы съ преступностью, я остановлюсь на томъ единственномъ закономъ и догматикой юридичекой признанномъ средствѣ борьбы съ преступностью —репрессіи, которая противополагается вновь зарождающемуся и пышно развивающемуся средству борьбы—превенціи. Говорить особо здѣсь, хотя бы и въ видахъ противоположенія репрессіи о превенціи я считаю излишнимъ, такъ какъ всѣ функціи превенціи взяло на себя общество и слѣдовательно отдѣлъ о дѣятельности общества составитъ естественно и отдѣлъ о превенціи.

Долженъ оговориться. Вопросъ о репрессіи, какъ объ испытанномъ вѣками средствѣ борьбы съ преступностью, вызвалъ чрезвычайно обширную литературу и освѣщенъ со всѣхъ сторонъ. Я лично касался этого вопроса въ цѣломъ рядѣ своихъ работъ объ условномъ осужденіи, реабилитаціи, арестантскомъ трудѣ, значеніи тюремнаго заключенія въ прошломъ и настоящемъ и потому считаю себя совершенно въ правѣ ограничиться только немногими словами, самымъ необходимымъ для развитія и подкрѣпленія общей идеи труда и остановлюсь по этому на одномъ явленіи—на *быстромъ* и полномъ *вымираніи* репрессіи.

Репрессія, какъ я сказалъ выше, вѣками испытанное средство. Съ тѣхъ поръ какъ на преступленіе перестали смотрѣть только какъ на нарушеніе даже не правъ, а интересовъ отдѣльныхъ лицъ, и признали, что преступнымъ дѣяніемъ потрясаются самыя условія всякаго правильно организованнаго общества, съ тѣхъ поръ возникло и понятіе репрессіи, осуществляемой отъ имени государства и его органами. Репрессія съ самаго начала и долгое время отождествлялась съ понятіемъ устрашенія. Уже въ Etablissements de Saint

Louis было сказано, что наказаніе должно устрашать «pour que les manvais laissent a mal faire». Еще въ 17 вѣкѣ придавали репрессіи, въ видѣ устрашенія, значеніе какого то возвышеннаго акта правосудія.

Такъ Johannes Jannsen въ цитированномъ уже сочиненіи по исторіи германскаго народа на исходѣ отъ среднихъ вѣковъ [1]) описываетъ, какъ въ 1601 г. великая герцогиня Саксонская Софія приказала для совершенія казни надъ главою кальвинистовъ Крелемъ замѣнить старый эшафотъ новымъ и выстроить этотъ новый эшафотъ такъ, чтобы она вмѣстѣ съ своими придворными дамами могла на близкомъ разстояніи созерцать это жестокое зрѣлище. Во многихъ мѣстахъ начальствомъ дѣлалось распоряженіе, чтобы учащаяся молодежь присутствовала при совершеніи суровыхъ казней и поучалась. Той же цѣли поученія должны были служить и многочисленные рисунки и описаніе самыхъ жестокихъ истязаній и казней, газетныя сообщенія о преступникахъ и пѣсни. Приведя эти факты, спокойный и безпристрастный историкъ добавляетъ: разумѣется, было достигнуто совершенно противоположное, казни обратились въ ежедневное явленіе, получилось чрезвычайное одичаніе нравовъ и понятная ненависть къ правосудію.

Прошло болѣе двухъ столѣтій и на второмъ международномъ пенитенціарномъ конгрессѣ въ Брюсселѣ въ 1847 г. [2]) предсѣдатель кассаціоннаго суда въ Брюсселѣ Van Meenen, 80 лѣтній старикъ, дѣлясь съ слушателями своими многочисленными воспоминаніями въ области отправленія правосудія, въ блестящей рѣчи отмѣтилъ, что ему пришлось еще присутствовать при всѣхъ варварскихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ; великая французская революція потрясла весь дореформенный государственный строй и установила новыя начала для уголовнаго законодательства; доживаютъ свой вѣкъ смертная казнь, la marque, le carcan, la degradation civique, l'interdiction de certains droits. Примѣненіе ссылки стало фактически невозможно. Изъ всей *прежней* лѣстницы наказаній осталась только тюрьма, такъ какъ каторжная тюрьма только видъ тюремнаго заключенія. Но и этой тюрьмѣ поставляется другая задача—не устрашать, а исправлять.

То, что сказалъ въ своей рѣчи Van Meenen, было не только

---

[1]) 8 томъ, стр. 489.

[2]) Debats du congrès penitentiaire du Bruxelles session du 1847, 20—25 Sept. Bruxelles 1847.

воспоминаніемъ, но и предсказаніемъ будущаго, но предсказаніе сбылось только отчасти. Дѣйствительно, смертная казнь доживаетъ свой вѣкъ, но однако же еще не дожила. Она исчезла изъ уголовныхъ кодексовъ Румыніи, Португаліи, Голландіи, Италіи, Норвегіи, и въ гражданскомъ и даже въ военно уголовномъ кодексѣ 22 мая 1902 г. ея нѣтъ, ея нѣтъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейпаріи и въ проектѣ общешвейцарскаго уголовнаго уложенія, составленномъ Штоссомъ. Тамъ, гдѣ это наказаніе сохранилось, къ нему сравнительно рѣдко присуждаютъ и еще рѣже исполняютъ приговоры, присуждающіе къ смертной казни, замѣняя это наказаніе другимъ. Такъ во Франціи по даннымъ, заключающимся въ Compte general de l'administration de la justice criminelle (1902 г. пр. XXXVI) за время съ 1881—1900 было присуждено къ смертной казни 533 человѣка и изъ нихъ казнено всего 155 чел.

Исчезли, разумѣется, истязанія, тѣлесныя наказанія изъ лѣстницы наказаній. Доживаютъ свой вѣкъ безсрочныя лишенія и ограниченія правъ. Въ новѣйшихъ кодексахъ такія ограниченія допущены лишь на срокъ, факультативно, по назначенію суда и съ возможностью возстановленія этихъ правъ при хорошемъ поведеніи въ теченіе указаннаго въ законѣ срока. Ссылка осталась только въ немногихъ государствахъ (Франція—релегація; Россія—за весьма немногія преступленія).

Уже при этихъ измѣненіяхъ отождествленіе репрессіи и устрашенія стало невозможно, но и вообще общій взглядъ и законодателя, и ученыхъ измѣнился на задачи репрессіи. Не видятъ болѣе въ репрессіи средство отмстить преступнику за совершенное, не имѣютъ въ виду путемъ репрессіи причинить ему зло. Правда, изрѣдка еще слышатся противоположные голоса. Такъ въ 90 годахъ появилось 3-хъ томное изслѣдованіе проф. Гюнтера, посвященное защитѣ идеи возмездія въ уголовномъ правѣ [1]). Авторъ доходитъ до такого экцесса, что восхваляетъ Канта за то, что тотъ въ своемъ ученіи почти полностью возстановляетъ Моисеево законодательство. Не далѣе какъ въ 1901 г. проф. Биркмейеръ по поводу вопроса о пересмотрѣ дѣйствующаго германскаго уголовнаго уложенія заявилъ на страницахъ архива Гольтдаммера [2]), что

---

[1]) Dr, L. Günther. Die Idee der Wiedervergeltung in der Geschichte und Philosophie des Strafrechfs, послѣд. изв. 1895.

[2]) Archiv für Strafrecht und Strafprocess 48 Iahrgang, стр. 75.

законное наказаніе путемъ возмездія вмѣстѣ съ тѣмъ и самое цѣлесообразное наказаніе. Но для этого оно должно быть прежде всего дѣйствительнымъ возмездіемъ, т. е. быть зломъ, причинять страданіе, какъ отплата за причиненное преступникомъ зло. Но повторяю: такіе голоса единичны, а взгляды проф. Биркмейера носятъ какой-то средневѣковый характеръ, какъ будто бы рыцарь въ латахъ появился среди современнаго общества, такое появленіе не можетъ вызвать страха, а развѣ смѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ чѣмъ грозить? Ихъ нѣтъ болѣе уже, тѣхъ угрожающихъ, причиняющихъ вредъ наказаній и возстановить ихъ не въ силахъ никакой законодатель цивилизованнаго государства. Наказанія исключаются законодателемъ изъ лѣстницы наказаній тогда, когда они болѣе совершенно не соотвѣтствуютъ взглядамъ и нравамъ общества вслѣдствіе происшедшаго смягченія этихъ нравовъ, не допускающихъ болѣе совершенія жестокостей и насилій ни въ частной, а тѣмъ болѣе въ общественной жизни. Это прекрасно доказано въ извѣстномъ изслѣдованіи покойнаго А. Ф. Кистяковскаго о смертной казни (изд. втор. 1896 г.). Это смягченіе нравовъ выражается, какъ мы уже видѣли въ первой главѣ, между прочимъ и въ томъ, что число убійствъ и разбоевъ сокращается. Когда итальянская антропологическая школа выступила съ предложеніемъ о возстановленіи значенія смертной казни, то это предложеніе встрѣтило дружный отпоръ большинства ученыхъ, справедливо отнесшихъ такія предположенія къ числу другихъ крайностей, допускаемыхъ этою школою въ своемъ ученіи.

Но можетъ быть въ соображеніяхъ одинокихъ защитниковъ идеи возмездія въ наказаніи скрывается одна небольшая доза истины. Быть можетъ они правы, что, отказавшись отъ устрашенія, отъ причиненія зла, логически слѣдовало бы отказаться отъ самаго наказанія, отъ идеи земной кары. Эта послѣдняя идея все-таки тѣсно связана съ идеею грѣха и нарушенія Божескаго закона, установленнаго для жизни людей на землѣ въ правовыхъ границахъ (Шталь, Де-Местръ и т. д.); между тѣмъ отъ идеи грѣха отказались совершенно и законодательство, и наука.

И дѣйствительно трудно, я думаю, утверждать что идеѣ наказанія т. е. кары отвѣчаетъ та новая цѣль, которая, какъ справедливо указалъ еще Van Meenen, поставлена теперь репрессіи—цѣль исправленія преступника. На это новое направленіе репрессіи возлагались во всякомъ случаѣ громадныя надежды. Объ этомъ свидѣтельствуютъ труды первыхъ международ-

ныхъ тюремныхъ конгрессовъ, состоявшихся въ 1847 г. въ Франкфуртѣ на Майнѣ и въ Брюсселѣ. Они преисполнены самыхъ лучшихъ надеждъ на вновь выдвинутое средство борьбы съ преступностью—одиночное заключеніе въ тюрьмѣ. За устраненіемъ другихъ наказаній, тюрьма, въ ея разновидностяхъ (каторжной тюрьмы и мѣстной тюрьмы, а въ нѣкоторыхъ государствахъ еше и третьяго вида исправительнаго дома или исправительныхъ отдѣленій, какъ у насъ, и даже четвертаго, въ видѣ ареста), стала единственнымъ наказаніемъ для всѣхъ сколько нибудь не только важныхъ, но просто не формальныхъ, не полицейскихъ, преступныхъ дѣяній. Рядомъ съ тюрьмой стоитъ только главнымъ образомъ для полицейскихъ нарушеній денежное взысканіе, но и оно, въ случаѣ несостоятельности, замѣняется тѣмъ же лишеніямъ свободы; а несостоятельность эта обнаруживается въ значительномъ числѣ случаевъ. Такъ, по вычисленію французскаго юриста Boullaire [1]) только 42% присужденныхъ денежныхъ взысканій дѣйствительно взыскиваются; я позволяю себѣ думать, что въ другихъ странахъ этотъ процентъ еще меньше, напримѣръ у насъ.

Но и безъ этого, по вычисленіямъ германскихъ юристовъ, Листа и Розенберга [2]) въ Германіи около 67 % всѣхъ наказаній падаетъ на тюремное заключеніе. Среднесуточный составъ тюремнаго населенія колеблется напримѣръ въ Россіи около цифры 100.000, а въ годъ перебываетъ до 700 000 человѣкъ. Содержаніе тюремъ тюремнаго управленія и тюремнаго населенія обходится въ 22 милліона рублей въ годъ,— болѣе половины бюджета министерства народнаго просвѣщенія. Приблизительно такія же суммы тратятся и другими государствами.

Нужно ли говорить, что надежды на тюрьму не сбылись? Казалось бы уже статистическія данныя, приведенныя въ первой главѣ, даютъ лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ. Не только не было достигнуто уменьшеніе преступности, но не удалось задержать ростъ этой преступности. Но если общія цифры преступности еще могутъ быть въ значительной степени отнесены на общія же причины, вызывающія усиленіе преступности въ цивилизованныхъ государствахъ, то уже отмѣченное также въ первой главѣ громадное увеличеніе числа рецидивистовъ, т. е. лицъ побывавшихъ въ тюрьмѣ

---

[1]) „Revue penit.“. 1893, p. 706.

[2]) Подробнѣе см. мои работы: О желательности и возможности введенія въ Россіи усп. осужд. 1897, „Арестантскій трудъ“. 1898.

должно быть во всякомъ случаѣ въ значительной мѣрѣ признано показателемъ малаго вліянія тюрьмы, а можетъ быть даже и вреднаго вліянія ея.

Вопросъ о недостаткахъ современной системы лишенія свободы широко освѣщенъ въ современной литературѣ, и я поэтому ограничусь только краткимъ перечисленіемъ этихъ недостатковъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ то время, когда еще приступали къ тюремной реформѣ, надѣялись на тюрьму, но при устройствѣ ея по одиночной системѣ; между тѣмъ перестройки тюремъ по одиночной системѣ оказались не по средствамъ даже для такихъ государствъ какъ Германія и Франція. Одиночную систему заключенія вполнѣ ввели только Бельгія и Англія. Только въ этихъ двухъ странахъ одиночная система заключенія введена не только въ каторжныхъ, но и въ мѣстныхъ тюрьмахъ. Между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ одиночная система заключенія осуществлена только въ центральныхъ тюрьмахъ и то не во всѣхъ. Такая разница объясняется главнымъ образомъ дороговизною постройки тюремъ по одиночной системѣ; по приблизительному разсчету одна келья обходится у насъ въ 1.300 р., во Франціи въ 3000 франковъ, но и то при условіи возведенія обширныхъ зданій съ многочисленными камерами, въ которыхъ общіе расходы, совершенно необходимые для обезпеченія гигіеническихъ условій во всякой тюрьмѣ одиночной системы, какого бы размѣра она ни была, по устройству вентиляціи, проведенію воды. освѣщенію и отопленію раскладываюстя на много камеръ. Безъ осуществленія этихъ общихъ требованій, одиночное заключеніе совершенно недопустимо, ибо можетъ имѣть чрезвычайно губительныя для здоровья заключеныхъ послѣдствія. Но для того чтобы было основаніе возводить обширныя тюремныя зданія, которыя, какъ сказано выше, обходятся дешевле, надо имѣть возможность сосредоточивать тюремное населеніе въ сравнительно небольшомъ числѣ тюремъ, такъ въ Бельгіи всего 30 тюремъ а въ Англіи 63. (считая и каторжныя и мѣстныя). Такое сосредоточеніе тюремнаго населенія и сокращеніе числа тюремъ удается только въ такихъ странахъ какъ Бельгія и Англія, т. е. при сравнительно небольшой территоріи государства, скученности населенія и развитіи желѣзнодорожной сѣти. Во всѣхъ другихъ странахъ, въ виду обширности территорій, большихъ разстояній и разбросанности населенія, приходится содержать громадное число тюремъ: такъ въ Пруссіи мѣстныхъ тюремъ 992, въ Россіи 850, въ Австріи

приблизительно столько же. Сокращеній произвести нельзя, обратить въ одиночныя тюрьмы нѣтъ средствъ. При такихъ условіяхъ во всѣхъ государствахъ, кромѣ Англіи и Бельгіи, рѣзко различаются два типа тюремъ: центральныя болѣе или менѣе отвѣчающія пенитенціарнымъ требованіямъ и многочисленныя мѣстныя, устроенныя по системѣ совмѣстнаго общаго заключенія безъ правильнаго устройства работъ. (Подробно моя работа «Арестанскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ»).

Между тѣмъ, въ дѣлѣ борьбы съ преступностью значеніе того и другого вида тюремъ не одинаково. *Среднесуточный* составъ мѣстныхъ тюремъ превышаетъ большею частью, какъ показали данныя представленныя Парижскому конгрессу (Statistique penitentiaire 1895 г.) въ 2 и 3 раза такой же составъ центральныхъ тюремъ. Но кромѣ того, въ мѣстныхъ тюрьмахъ отбывается краткосрочное тюремное заключеніе и поэтому составъ этихъ тюремъ обновляется 7, 8 разъ въ годъ, въ нихъ успѣютъ перебывать сотни тысячъ людей ежегодно. Сюда попадаютъ всѣ начинающіе свою «карьеру» преступники, въ центральную, хорошо устроенную, тюрьму, они попадаютъ уже совершивъ какое-нибудь важное преступленіе или большею частью опытными, закоренѣлыми, не поддающимися воздѣйствію тюремнаго режима, преступниками.

Вопросъ о негодности тюремъ по системѣ общаго заключенія принадлежитъ къ числу безспорныхъ и трудно возражать противъ названія даннаго имъ Vargha—обезчещивающія казармы и противъ указанія его на несостоятельность самой мысли собранія всѣхъ преступныхъ элементовъ страны въ общія помѣщенія [1]). Тюрьма превращается въ академію порока и преступленія, содержащуюся на государственный счетъ. Здѣсь завязываются знакомства и связи между преступниками, здѣсь происходитъ взаимное обученіе преступленію и взаимное развращеніе, здѣсь надо искать источникъ того явленія, которое отмѣчаетъ Тардъ: а именно, что занятіе преступленіемъ складывается въ ремесло, промыселъ и организуется по началамъ цеховаго устройства.

Я думаю къ этому и прибавлять нечего: очевидно тюрьма по системѣ общаго заключенія является главнымъ средствомъ репрессіи, опредѣляющимъ и все значеніе этого наказанія, а между тѣмъ о негодности этого наказанія, какъ

---

[1]) Моя раб. Новое ученіе о преступленіи и наказаніи. Журн. Мин. Юст. 1897. Ноябрь.

средства борьбы съ преступностью и не спорятъ. Система одиночнаго заключенія не служитъ средствомъ развитія преступности, это правда, но и по составу содержимыхъ арестантовъ, и по другимъ условіямъ, ей не удается вовсе исправлять. Объ этомъ свидѣтельствовалъ даже начальникъ тюремнаго управленія въ Англіи Реггль-Брайзъ, какъ я уже упоминалъ въ первой главѣ, Брюссельскому конгрессу 1900 г. Въ докладѣ конгрессу въ Будапештѣ 1905 г.[1]) тотъ же Реггль-Брайзъ уже сообщаетъ, что англійское тюремное управленіе признало необходимымъ сдѣлать опытъ учрежденія реформаторій по образцу американскихъ. На средства частныхъ лицъ, первая англійская реформаторія устроена въ бывшемъ тюремномъ зданіи въ Борсталѣ. Принимаются туда пока только молодые преступники въ возрастѣ до 21 г.

На основаніи двухлѣтняго опыта, Реггль-Брайзъ выдвигаетъ особенно два условія, необходимыя для успѣха реформаторіи: 1) необходимость *индивидуализаціи*, невозможной при общихъ тюремныхъ условіяхъ и 2) необходимость содержанія по крайней мѣрѣ въ теченіи 12 мѣсяцевъ. Раформаторіи тоже имѣются въ Сѣв.-Американскихъ штатахъ, приблизительно около 8; но можно ли видѣть въ нихъ исходъ изъ нынѣшняго неудовлетворительнаго положенія тюрьмы. Едва-ли, уже Теллокъ и другіе ученые и практики изучавшіе реформаторію въ Эльмирѣ и другія не напрасно жалуются на недопустимую роскошь Эльмиры; заключенные, совершившіе постыдное дѣяніе смотрятъ изъ своихъ уютныхъ залъ на поля, гдѣ подъ дождемъ работаютъ честные преступники и описываютъ въ краснорѣчивыхъ письмахъ родственникамъ свое положеніе. Но не въ роскоши дѣло, а въ самомъ принципѣ реформаторіи. Это чрезвычайныя, особенно педагогическія условія, съ громаднымъ персоналомъ воспитателей для искорененія преступныхъ наклонностей небольшого числа лицъ, подающихъ надежды на исправленіе съ продолжительнымъ дорого стоющимъ содержаніемъ. Можно ли допустить мысль, что эти «тепличныя» условія могутъ когда нибудь быть предоставлены всѣмъ преступникамъ, когда для случаевъ гораздо болѣе подающихъ надежду — для дѣтей нравственно заброшенныхъ, но не совершившихъ еще преступленія, еще не окрѣпшихъ въ порочныхъ наклонностяхъ, не могутъ найти средствъ для дѣйствительнаго обезпеченія или нор-

---

[1]) Bulletin de la Commis. penit. intern. 3 vol. livr. 1. 1905.

мальныхъ, не роскошныхъ условій воспитанія [1]). Я позволю себѣ привести одно воспоминаніе изъ судебной практики. Проведя нѣсколько часовъ на осмотрѣ нашей Выборгской одиночной тюрьмы въ Петербургѣ, гдѣ арестанты сидятъ въ ваннахъ, надъ которыми устроены души, я выѣхалъ въ тотъ же день къ мѣсту служенія въ провинцію и черезъ два дня уже по долгу службы, какъ товарищъ прокурора, обходилъ довольно обширную уѣздную тюрьму. Старое деревянное зданіе, прогнившее во многихъ мѣстахъ, вмѣщало и бани; арестанты голыми выбѣгали на дворъ, несмотря на морозъ, съ шайками и приносили воду изъ колодца. Что эти воришки сидѣвшіе въ Петербургѣ особенные? Не создается ли невольно представленіе о дорогой игрушкѣ, которую, разумѣется нельзя дать въ руки всѣмъ дѣтямъ, для этого бы не стало никакихъ средствъ.

Если одиночная система не доступна по дороговизнѣ большинству государствъ даже богатыхъ, то что же сказать о реформаторіяхъ?

Такимъ образомъ надежда на замѣну тюрьмы чѣмъ либо другимъ едва-ли имѣется. А между тѣмъ тюрьма не исполняетъ, какъ видно изъ предыдущаго и не можетъ исполнять своей задачи—исправленія преступниковъ.

Говоря выше о происшедшей во взглядахъ на задачи рапрессіи перемѣнѣ, при чемъ отъ устрашенія перешли къ исправленію, я не отмѣтилъ другого коренного, болѣе глубокаго, измѣненія въ задачѣ репрессіи, о которомъ большею частью умалчиваютъ.

Репрессія, преслѣдовавшая устрашеніе, была болѣе послѣдовательна. По условіямъ того времени она смотрѣла на преступника, какъ на парію, на отбросъ, его надо было выкинуть изъ нормальнаго общества. И дѣйствительно, преступника казнили, калѣчили такъ, что онъ дѣлался болѣе неспособнымъ ни къ какой дѣятельности ни дурной ни хорошей, высылали. Но теперь все это оставлено, все это и неосуществимо. Теперь выбрасывать нельзя и некуда. Теперь задача другая и исправленіе составляетъ только одинъ изъ элементовъ этой задачи, теперь надо обеззараживать и возвращать назадъ въ ряды нормальнаго общества. И тутъ-то проявляется наглядно вся несостоятельность тюремной системы; ибо,

[1]) Какъ свидѣтельствуетъ Бернрейтеръ (н. с., стр. 96—101), статистическія данныя объ успѣшности дѣятельности Эльмиры лишены всякой достовѣрности. Въ 1900, пришлось удалить Броквея, а произведенное разслѣдованіе обнаружило многочисленные и недостатки, и злоупотребленія.

по свидѣтельству самыхъ безпристрастныхъ изслѣдователей, тюрьма не только не подготовляетъ людей къ нормальной жизни, она ихъ наоборотъ дѣлаетъ совершенно негодными для этой жизни. Мы видѣли выше, что преступники вовсе не сильнѣйшіе физически и умственно типы, а наоборотъ, слабѣйшіе. И вотъ тюрьма, и въ одиночной камерѣ въ особенности, и въ общей, разслабляетъ ихъ физически, погашаетъ въ нихъ остатки энергіи. Бѣднякъ, живя на всемъ на готовомъ, забываетъ заботы о завтрашнемъ днѣ, о семьѣ и т. д. Въ немъ пропадаютъ остатки энергіи, а когда наконецъ тюрьма выпускаетъ его изъ своихъ стѣнъ, то она выпускаетъ его съ клеймомъ тюремнаго сидѣльца. Если совершеніе преступленія, какъ мы видѣли выше, въ большинствѣ случаевъ, есть результатъ и проявленіе совершившагося предварительно ослабленія физическаго и нравственнаго, то клеймо тюремнаго сидѣльца есть оглашеніе всѣмъ и каждому о томъ, что данное лицо вышло изъ рядовъ нормальнаго общества, деклассировалось и послѣ того прошло періодъ общенія съ другими такими же безнравственными элементами. О возвращеніи въ ряды нормальнаго общества и думать трудно.

Какъ же относится законодатель и судъ къ этому явленію полной негодности единственнаго дѣйствующаго средства борьбы съ преступностью?

Законодатель, проникаясь недовѣріемъ къ этому средству, *выводитъ* изъ тюрмы одну категорію лицъ за другой, такъ что въ общемъ мы присутствуемъ при томъ явленіи, которое я назвалъ въ другомъ мѣстѣ распаденіемъ тюрьмы.

Прежде всего выводятъ изъ тюрьмы элементы, которые, по испытанію, оказались лучшими; не надѣясь вовсе на пользу пребыванія въ тюрьмѣ ихъ досрочно, условно освобождаютъ. (Изслѣдованіе проф. А. А. Піонотковскаго и др.) Тутъ впервые примѣняется тотъ пріемъ психологическаго принужденія, психической угрозы, который, какъ мы увидимъ ниже, является однимъ ихъ главныхъ средствъ борьбы съ преступностью въ рукахъ общества. Это во всякомъ случаѣ отказъ отъ репрессіи и переходъ къ способамъ, примѣняемымъ обществомъ. Но кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что успѣшность примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія и благополучное протеченіе испытательнаго періода всецѣло зависятъ отъ степени организаціи обществъ патроната.. Безъ наличности подобныхъ обществъ самый институтъ непремѣнимъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, институтъ условнаго досрочнаго освобожденія есть признаніе несостоятельности репрессіи

и передача дѣла борьбы въ руки общества. Далѣе изъ тюрьмы выводятъ закоренѣлыхъ преступниковъ рецидивистовъ, на исправленіе которыхъ надежды мало или даже почти нѣтъ. Ихъ присутствіе въ тюрьмѣ считается вреднымъ въ виду возможности ихъ вліянія на товарищей; ихъ присутствіе въ тюрьмѣ считается и безполезнымъ, такъ какъ ни устрашенія ни исправленія ихъ тюрьма достигнуть не можетъ. Въ отношеніи къ нимъ отказываются отъ репрессіи, государство считаетъ возможнымъ ихъ сохранять лишь — verwahren т. е. держать подъ ключемъ, ибо сомнѣній въ томъ, что въ случаѣ освобожденія они немедленно совершатъ новое преступленіе, быть не можетъ. Это оффиціальное, открыто константируемое въ законѣ банкротство дѣйствующей репрессивной системы. По проекту швейцарскаго уголовнаго уложенія этотъ принципъ сохраненія проведенъ въ полной мѣрѣ и предположено образованіе особыхъ для этого учрежденій. По дѣйствующему норвежскому уложенію сохраненіе происходитъ или въ тюрьмѣ или въ рабочемъ домѣ. По французскому закону о релегаціи (27 мая № 885) такія лица навсегда высылаются, въ колоніи.

Близко къ этой категоріи лицъ стоятъ алкоголики, мы видѣли во второй главѣ, какъ велико число лицъ совершающихъ преступленія въ состояніи опьяненія, не говоря уже о лицахъ однимъ ночеваніемъ въ публичныхъ мѣстахъ въ безобразномъ состояніи опьяненія оскорбляющихъ нравственность, приличіе и общественную тишину.

Такія лица переводятся или взамѣнъ тюрмы въ лѣчебныя заведенія (норвежскій кодексъ) или въ особыя реформаторіи, государственныя или частныя какъ въ Англіи (по закону 1898 г.); причемъ по англійскому закону могутъ быть помѣщаемы въ реформаторіи даже лица, совершившія въ состояніи опьяненія дѣянія, за которыя грозятъ каторжныя работы [1]). Это разумѣется отказъ отъ репрессіи, приблизительно аналогичный отказу отъ репрессіи въ отношеній душевно-больныхъ, хотя разумѣется далеко не тождественный. И здѣсь въ значительной мѣрѣ дѣло передается въ руки общества.

На превентивномъ патронатѣ, взамѣнъ заключенія, для бродягъ я остановилась въ отдѣлѣ, посвященномъ дѣятельности общества.

Съ другой стороны изъ тюрьмы выводятся начинающіе преступники.

---

[1]) См. Bull. de la Com. pent. 3 vol. Livr. 1. 1905, p. 9.

Прежде всего малолѣтніе. О необходимости создать особыя мѣры для малолѣтнихъ говорили въ самый разгаръ увлеченія одиночной тюрьмой уже на конгрессѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Какъ извѣстно, въ этомъ дѣлѣ совершенно отказались отъ репрессіи и замѣнили ее воспитаніемъ, путемъ отдачи на попеченіе родителей или учрежденіемъ особыхъ заведеній, которымъ даже не желаютъ сохранять названіе сколько-нибудь напоминающее кару. Законодательства разныхъ странъ стремятся продлить срокъ содержанія въ нихъ и повысить возрастъ невмѣняемости. Объ особыхъ судахъ для малолѣтнихъ (juvenile court) и о мѣрахъ принимаемыхъ этими судами я буду говорить въ отдѣлѣ о дѣятельности общества.

Наконецъ большинствомъ современныхъ цивилизованныхъ государствъ принятъ институтъ условнаго осужденія (работы проф. Піонтковскаго, мои и др.), въ силу котораго какъ и относительно малолѣтнихъ громадная категорія лицъ не столько выводится изъ тюрьмы, сколько въ нее не впускается вовсе. Здѣсь законодатель, обращаясь опять таки къ тому же психологическому принужденію, которое, какъ я только что замѣтилъ выше, составляетъ главное средство, примѣняемое обществомъ, создалъ особый весьма важный прецедентъ осужденія безъ репрессіи. Институту этому по многимъ причинамъ, о которыхъ я здѣсь упоминать не буду, отсылая къ другимъ моимъ работамъ, предстоитъ несомнѣнно громадное развитіе, хотя уже и теперь онъ примѣняется въ сотняхъ тысячъ случаевъ. Этотъ институтъ, какъ несомнѣнно рѣзко нарушающій начала репрессіи и подтверждающій несостоятельность таковой, вызывалъ и вызываетъ еще сильные нападки классической школы.

Законодатель не ограничился однако и этимъ. Такъ напр. въ Англіи по закону 1891 г. сокращенъ срокъ каторжныхъ работъ; мы знаемъ правило, усвоенное всѣми современными законодательствами о расширеніи правъ судьи въ опредѣленіи размѣровъ наказанія и доведенія таковаго до минимума. Мы видѣли англійскій законъ о Summary jurisdiction, предоставляющій судьямъ въ цѣломъ рядѣ даже важныхъ дѣяній оставлять осужденнаго совсѣмъ безъ наказанія. Наконецъ законодатель дошелъ и до законопроектовъ и мѣръ, нормирующихъ простое *прощеніе* преступнику его вины. Съ такими законопроектами мы встрѣчаемся во Франціи, гдѣ таковыхъ

за послѣднее время былъ цѣлый рядъ [1]). Предложенія исходили и отъ Беранже, который свой первоначальный проектъ объ условномъ осужденіи назвалъ loi du pardon et de sursis и который потомъ предлагалъ ввести sursis на предварительномъ слѣдствіи, т. е. то же прощеніе и отъ Magnaud, предсѣдателя суда въ Шато-Тьери, желавшаго ограничить сферу примѣненія менѣе важными дѣлами и мотивировавшаго свое предложеніе тѣмъ, что это будетъ проявленіе того милосердія (clemence), которое составляетъ аттрибутъ всякаго правильнаго правосудія (собственно предложеніе Морло). Депутатъ Мильеранъ желалъ ограничить примѣненіе судебнаго помилованія случаями крайней необходимости и внесъ соотвѣтственное предложеніе.

У насъ, какъ извѣстно, нѣчто подобное введено циркуляромъ Министра Юстиціи Муравьева, разъяснившаго, что присяжные засѣдатели не лишены права ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о помилованіи.

Я не могу замѣтить въ заключеніе, что всѣ эти мѣры указываютъ на несомнѣнное недовѣріе законодателя къ существующей карательной системѣ и въ особенности къ главному средству тюрьмѣ (законопроекты объ условномъ осужденіи такъ и мотивировались).

Еще большее недовѣріе къ тюрьмѣ проявляютъ судьи всѣхъ странъ.

Это недовѣріе проявляется въ двухъ направленіяхъ; въ увеличеніи числа оправдательныхъ приговоровъ и въ назначеніи наказанія на минимальные сроки.

Такъ въ Италіи, какъ указываетъ Statistica giudiziaria penale per l'anno 1901 (1903) за время съ 1881 по 1901 г. число оправдательныхъ приговоровъ повысилось по отношенію къ общему члену приговоровъ: для присяжныхъ засѣдателей съ 30% на 37%, для судовъ коронныхъ съ 23% на 31% для преторовъ съ 28% на 38%. Въ то же время напримѣръ за послѣдній отчетный годъ изъ числа 128.456 назначенныхъ преторами наказаній 73.263 пришлось на reclusione и detensione на время менѣе одного мѣсяца.

Приблизительно за то же время во Франціи число присужденныхъ къ заключенію на время 1 до 2 лѣтъ упало съ 10,2 на 100 до 7,7, на время отъ 2—3 — съ 2,5 до 1,5 и д.

---

[1]) „Revue penit.“ 1886, 255, 1902, 1903, p. 1460. Журн. Мин. Юст. 1902, 2 стр. 109, статья И. Г. Щегловитова. *Rosenfeld*. Welche Strafenmittel können an die Stelle der Kurzeitigen Freiheitsstrafen gesetzt werden. 1890, стр. 80.

Изъ 120.641 присужденныхъ въ 1896 г. на срокъ менѣе года (къ сожалѣнію французская статистика не даетъ болѣе точныхъ свѣдѣній) 14.520 были присуждены на срокъ менѣе 6 дней [1]. Въ Бельгіи за время съ 1876 по 1880 изъ 77.346 случаевъ присужденія къ исправительному тюремному заключенію въ 70.210 было назначено до 6 мѣсяцевъ и въ 39.694 до 1 мѣсяца [2].

Въ Германіи за 1896 г. изъ числа 238.623 присужденныхъ къ тюремному заключенію 50.751 были присуждены на срокъ до 1 мѣсяца [3].

Въ Австріи по даннымъ Oesterreichische Statistik 1899 (1903) изъ числа присужденныхъ къ лишенію свободы 85% были присуждены на срокъ до 1 мѣсяца.

Для оцѣнки значенія этихъ цифръ стоитъ вспомнить, что, какъ указываетъ Louis de la Hougue, даже въ Эльмирѣ для 50% заключенныхъ считается необходимымъ содержаніе на срокъ не менѣе года.

Наконецъ мы видѣли, что англійскіе судьи Summary Iurisdichon болѣе половины, 557 на 1000, осужденныхъ вовсе оставляютъ безъ наказанія.

Но можетъ быть можно сомнѣваться насчетъ мотивовъ, которыми руководствуются судьи, постановляя такіе приговоры? На это даютъ отвѣтъ сами судьи.

Вотъ напримѣръ, что еще на пенитенціарномъ конгрессѣ въ Римѣ въ 1885 г. [4] высказалъ бывшій juge d'instruction Frederic de Perigaux: «Разспрашивая подсудимыхъ (говоритъ онъ), я задавалъ себѣ вопросъ, не поступилъ ли бы я такъ же самъ, если бы былъ поставленъ въ тѣ же условія, въ которыя были поставлены разспрашиваемыя мною лица.

То же самое было высказано судьею Aynard [5]) въ 1895 г. въ рѣчи произнесенной въ Ліонѣ; Aynard отмѣтилъ рожденіе въ бѣдности и дѣтство безъ воспитанія и испытанія послѣдующихъ лѣтъ и закончилъ такъ же какъ и Perigaux фразою, «не палъ ли бы я такъ же, какъ и они, и можетъ быть еще раньше».

На страницахъ той же «Revue penitentiaire» за 1903 г. (p. 84) мы встрѣчаемся съ отзывомъ судьи Louis André, который удостовѣряетъ, какое громадное число среди бродягъ и нищихъ

---

[1]) Louis *de la Hougue.* Des courtes peines d'emprisonnement. 1901, p. 11.

[2]) Тамъ же, стр. 13.

[3]) Kriminalstatistick für das Iahr 1896.

[4]) Actes du Congrès penit. du Rome. 1885, III т., ч. I, стр. 641.

[5]) „Revue penit.". 1895, p. 69.

*

людей, которые остаются безъ работы; несмотря на все ихъ искреннее желаніе работать. Всѣ писатели отмѣчаютъ наклонность судей къ оправданію. Тардъ (Rev. pen. 1903 № 2) прямо говоритъ, не есть ли это разочарованіе или сомнѣніе въ мѣрахъ борьбы. Достаточно вспомнить, что и Joly и Тардъ и Варга и др. такъ критически относящіеся къ тюрьмѣ, бывшіе судебные чины. Извѣстный криминалистъ Ламмашъ [1]) справедливо замѣчаетъ, что образованные и добросовѣстные судьи испытываютъ особое безпокойство при исполненіи своихъ обязанностей въ виду соображеній о безполезности наказаній. Ribot, извѣстный политическій дѣятель и юристъ высказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей, [2]) что это не недостатокъ или неясность законовъ парализируетъ репрессію, а убѣжденіе судей, что во Франціи не существуетъ правильной пенитенціарной системы.

Я не буду приводить многочисленные отрицательные отзывы о значеніи тюремнаго заключенія, какъ наказанія, высказанные еще на пенитенціарномъ конгрессѣ въ Римѣ въ 1885 г.

Въ тюрьмѣ разочаровались всѣ и окончательно: и законодатели, и судьи, и криминалисты, и тюрьмовѣды—это фактъ, который оспаривать нельзя и который имѣетъ громадное значеніе. Не слѣдуетъ забывать, что тюрьма главная, почти единственная, если не считать денежнаго взысканія, мѣра репрессіи и что всѣ попытки придумать какія - либо другія мѣры, которыя бы сколько нибудь носили характеръ кары, мѣры репресивной, оказались, какъ извѣстно, тщетными и полицейскій надзоръ, выставленный Миттельштедтомъ и Фуромъ и ссылка, защищавшаяся вновь въ послѣднее время проф. Брюкомъ, давно осуждены.

Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что отказъ отъ тюрьмы есть вмѣстѣ съ тѣмъ отказъ отъ послѣдней мѣры, которою располагала репрессія, какъ бы ее ни понимать, въ смыслѣ ли устрашенія, въ смыслѣ ли мѣры исправительной.

Я не говорю, что тюрьмы закроются завтра, не дѣло науки заниматься предсказаніями, я отмѣчаю факты, то направленіе, которое ведетъ къ полному исчезновенію тюрьмы. Далѣе «сохраненіе», Verwahrung неисправимыхъ преступниковъ, которое очевидно неустранимо, неизбѣжно, ничего въ сущности общаго съ репрессіей не имѣетъ. Это наоборотъ пря-

---

[1]) Goltdammer Archiv B 48, стр. 69.

[2]) „Revue penit.": 1904, p. 190 приведено Ioly.

мое и открытое признаніе, что ни мѣры устрашенія, ни мѣры исправленія болѣе не годятся. Подобное сохраненіе есть мѣра, слишкомъ имѣющая, къ сожалѣнію, много общаго и съ лишеніемъ свободы буйнаго сумасшедшаго, помѣщаемаго подъ крѣпкіе замки въ домѣ умалишенныхъ, и съ заключеніемъ дикаго звѣря въ клѣтку. Здѣсь уже нѣтъ борьбы, нѣтъ даже превенціи, ибо надо совершить много преступленій и многіе годы ихъ совершать, чтобы дойти до такого положенія. Это въ сущности прекращеніе существованія.

Но если наукѣ не слѣдуетъ заниматься предсказаніями, то ея обязанность отмѣтить и выставить въ надлежащемъ свѣтѣ все значеніе переживаемаго нами вымиранія репрессіи и послѣдовательной, медленной, недостаточно поддерживаемой и законодателемъ и наукой, замѣны мѣръ репрессіи мѣрами, которыя принимаетъ общество, въ рукахъ котораго мало по малу и сосредоточивается вся борьба съ преступностью. Этотъ медленный переходъ въ особенности въ виду чрезвычайнаго усиленія преступности—явленіе крайне опасное.

Въ самомъ дѣлѣ, благодаря разочарованію во всѣхъ возможныхъ мѣрахъ репрессіи, какъ говоритъ проф. Гарсонъ [1]) енервированію репрессіи, потрясается значеніе самого правосудія. Назначеніе смѣшныхъ наказаній, только чтобы отдѣлаться и формально исполнить наказаніе, не только не достигаетъ цѣли репрессіи, но даетъ возможность сомнѣваться въ болѣе важномъ, въ томъ, признаютъ ли судьи и самое дѣяніе заслуживающимъ порицанія? Подрывается значеніе генеральной превенціи; покойный Тардъ, участвуя въ засѣданіяхъ société generale des prisons по поводу проекта Беранже о прощеніи замѣтилъ (R. p. 1903 г. 1460), что la vraie penalité comme le vrai gouvernement étant l'opinion publique, ce qui importe c'est bien moins l'execution des peinés, que leur prononce judiciaire. Но если наказанія *назначаются* вовсе не соотвѣтствующія предусмотрѣннымъ въ законахъ мѣрамъ, тогда я повторяю, невольно возникаетъ сомнѣніе, осуждается ли дѣйствительно данное дѣяніе. А такихъ сомнѣній, разъ дѣло дошло до дѣяній, быть не должно, въ видахъ поддержанія правового и нравственнаго строя. Если бы карательныхъ мѣръ не существовало въ законѣ, то за самымъ осужденіемъ публичнымъ отъ имени всего общества возстановилось бы все его значеніе. А это осужденіе законнымъ судомъ должно, разумѣется, остаться навсегда незыблемымъ, хотя бы и при полной замѣнѣ репрессіи превенціей,

---

1) „Revue penit.". 1904, p. 748,

тѣмъ болѣе, что жизнь создала уже, какъ увидимъ ниже, цѣлый рядъ мѣръ, осуществляемыхъ совмѣстно правосудіемъ при содѣйствіи общества.

Я не буду касаться вопроса о томъ, суждено ли превенціи по назначенію суда и безъ таковаго вполнѣ замѣнить репрессію, но я прежде всего не могу не остановиться на одной аналогіи. Роль современной филантропіи, дѣйствующей на тѣхъ новыхъ началахъ, о которыхъ я буду говорить ниже, вся посвящена задачамъ превенціи. Дѣло это громадное и почти всецѣло выполняется обществомъ, частною иниціативою, за исключеніемъ однако одной области—области, такъ сказать, неисправимыхъ нищихъ, всевозможныхъ инвалидовъ, отъ рожденія и благодаря жизни, а равно неисправимыхъ лѣнтяевъ. Для призрѣнія въ этой области выступаетъ государство со своими учрежденіями или органы самоуправленія. Хотя, разумѣется, и здѣсь частная иниціатива—частныя общества много дѣлаютъ.

Нѣчто аналогическое, можно предполагать, произойдетъ и въ области борьбы съ преступностью, при чемъ на государство, очевидно, ляжетъ всецѣло обязанность сохраненія (Verwahrung) неисправимыхъ. Все остальное, взамѣнъ репрессіи, отойдетъ отъ репрессіи къ превенціи и спеціально въ вѣдѣніе частной иниціативы во исполненіе соотвѣтственнаго опредѣленія суда или безъ таковаго. Въ пользу возможности такого перехода и при томъ полнаго отъ репрессіи къ превенціи говорятъ слѣдующія соображенія.

Прежде всего уже выясненіе дѣйствительныхъ факторовъ преступности указываетъ на одно огромной важности обстоятельство. Совершеніе преступленія въ большинствѣ случаевъ является не случайностью въ жизни отдѣльнаго человѣка, а результатомъ, завершеніемъ медленнаго и послѣдовательнаго процесса ослабленія экономическаго, физическаго и нравственнаго. Не можетъ быть сомнѣній, я думаю, въ томъ, когда слѣдуетъ выступать съ мѣрами борьбы, тогда ли когда человѣкъ еще не дошелъ до преступленія или послѣ совершенія. Не можетъ быть сомнѣній, что если при осуществленіи репрессіи теперь требуютъ возможной индивидуализаціи, то въ тѣмъ большей степени нужна такая же индивидуализація въ мѣрахъ превентивныхъ, а осуществленіе требованій индивидуализаціи совершенно органамъ правительственнымъ, въ томъ числѣ даже и наиболѣе совершенному суду, недоступно, для этого нужна дѣятельность частныхъ обществъ и частныхъ отдѣльныхъ личностей.

Съ другой стороны, если цѣлесообразнѣе, съ разсчетомъ на успѣхъ, можно бороться съ порочными и преступными наклонностями въ періодѣ ихъ образованія до совершенія преступленія, то вмѣстѣ съ тѣмъ вообще всякая борьба съ тѣми же наклонностями послѣ совершенія преступленія уже почти безнадежна. Не только потому она безнадежна, что мы имѣемъ дѣло съ укоренившимися наклонностями, но еще и потому, что совершеніе преступленія есть тотъ Рубиконъ, перейдя который человѣкъ имѣетъ всѣ основанія считать себя вполнѣ потеряннымъ въ глазахъ общества и несомнѣнно и въ своихъ собственныхъ. Всякіе вопросы чести, собственнаго достоинства, различеніе нравственныхъ и безнравственныхъ дѣяній,—все это мелочи, въ сравненіи съ тѣмъ, что имъ совершено, и ему трудно выбросить изъ своей біографіи, изъ своей репутаціи это дѣяніе. Такому человѣку уже вполнѣ естественно море по колѣно. Но и этого мало совершенія преступленія, оглашая для всѣхъ степень деклассаціи виновника его, закрѣпляетъ эту деклассацію, это одиночество въ такой степени, что выйти изъ этого одиночества, говоря языкомъ полицейскихъ дознаній, бывшему уголовному преступнику уже совершенно невозможно; всѣ, самые снисходительные, люди отъ него отворачиваются, отстраняются, не довѣряютъ ему какого-нибудь занятія, опасаются даже его близкаго сосѣдства въ той же квартирѣ, въ томъ же домѣ. Онъ становится прокаженнымъ. Но если борьба вообще почти невозможна, безнадежна, при такихъ условіяхъ даже для общества, то что дѣлаетъ, чего достигаетъ и можетъ достигнуть репрессія. Она является средствомъ, усиливающимъ эту деклассацію, налагающимъ клеймо тюремнаго сидѣльца, лица, побывавшаго въ школѣ преступности. Эти послѣднія положенія настолько общепризнаны, что я не останавливаюсь на ихъ обоснованіи и думаю, что при такихъ условіяхъ, вполнѣ естественно, неизбѣжно современный цивилизованный міръ ищетъ исхода, другого исхода, кромѣ репрессіи, изъ безнадежнаго современнаго положенія борьбы съ преступностью, и этотъ исходъ, не преувеличивая вовсе его результатовъ—дѣятельность общества.

Въ связи съ этими соображеніями слѣдуетъ отмѣтить и то направленіе, которое замѣчается и въ практической борьбѣ съ преступностью и въ наукѣ. Оно сводится къ тому, что главное вниманіе переносится съ преступности и преступленій и даже видовъ преступниковъ на этіологію преступленія, на зародыши, факторы преступленія. Признается не только

болѣе цѣлесообразнымъ, но совершенно необходимымъ, гораздо важнѣе преслѣдованія цѣлей репрессіи, бороться съ тѣми явленіями, которыя признаются непосредственнымъ источникомъ преступности. Поэтому понятны, напримѣръ, слова проф. Видаля на конгрессѣ въ Антверпенѣ въ 1890 г., что «нельзя достаточно сожалѣть о полной негодности средствъ репрессіи; борьбу съ преступностью надо направить на источники этой преступности» [1]). Въ томъ же смыслѣ высказался и извѣстный французскій юристъ Cuche въ статьѣ «Будущность устрашенія» [2]). Если признаютъ необходимымъ, говоритъ онъ, бороться путемъ наказанія съ проявленіями преступности, то прежде всего слѣдуетъ бороться съ причинами преступности путемъ всевозможныхъ учрежденій, предупреждающихъ, превентивныхъ.

Такой переходъ отъ репрессіи къ превенціи есть въ сущности только дальнѣйшая эволюція, дальнѣйшее продолженіе того ряда послѣдовательныхъ перемѣнъ въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, который наблюдается на протяженіи всей исторіи.

Въ самомъ дѣлѣ каковы бы ни были современные взгляды на задачи репрессіи, источникомъ ея все-таки несомнѣнно является месть. Послѣдняя въ свою очередь ведетъ происхожденіе свое отъ того рефлекторнаго движенія, которое дѣлаетъ всякое живое существо въ защиту отъ непосредственно грозящей опасности. Въ этомъ отношеніи я не могу не присоединиться вполнѣ къ Letourneau [3]) и др. эволюціонистамъ. Только въ мести, кромѣ рефлекторнаго чувства самозащиты заключается и желаніе удовлетворить чувство личной злобы. По справедливому замѣчанію Кистяковскаго въ его элементарномъ учебникѣ уголовнаго права (изд. 1891 г., стр. 126) «будучи преемницей тѣхъ элементовъ, которые создали уголовное право частной мести, общегосударственная власть во всемъ, что касается *лично ея*, усваиваетъ сначала, безъ всякой перемѣны, правила частной мести». Но конечно дальнѣйщая эволюція все это измѣнила. Прежде всего, по мѣрѣ развитія культуры, по мѣрѣ того что область чувствъ человѣкъ научился подчинять велѣніямъ разума, даже отдѣльный человѣкъ пришелъ къ заключенію, что рефлекторныя, насильственныя дѣйствія допустимы только для *отраженія* и при томъ *непосред-*

---

[1]) „Revue penit.". 1892, p. 973.

[2]) „L'avenir de l'intimidation". „Revue penit.". 1894, p. 786.

[3]) *Ch. Letourneau* L'evolution juridique dans les diverses races humaines. 1891.

ственно грозящей опасности; всякія же насильственныя дѣйствія ex post facto не только не хороши съ нравственной точки зрѣнія, но и нераціональны, такъ какъ совершившагося все равно не измѣнищь, а насильственными дѣйствіями, совершаемыми въ отместку только развѣ озлобишь и вызовешь новыя нападенія. Но это еще все относительно отдѣльной личности. у которой, какъ физическаго существа, есть чувства, которыми лишь слѣдовало научиться руководить. Такихъ чувствъ у абстрактной личности, которая называется государствомъ, нѣтъ и быть не должно. Пока государственная власть находился въ рукахъ отдѣльнаго класса народа, небольшой кучки людей, эксплоатирующихъ всѣхъ другихъ, весь народъ, въ защиту своекорыстныхъ интересовъ, допускались всякія средства. Но какъ уже это блестяще доказалъ въ своемъ изслѣдованіи о смертной казни (изд. 1896 г.) тотъ же Кистяковскій, съ переходомъ государственной власти въ руки всего народа, съ прекращеніемъ эксплоатированія одного класса народа другимъ, съ созданіемъ понятія личности, гражданина, наиболѣе грубыя формы репрессіи совершенно исчезаютъ. Я готовъ допустить, что это явленіе можетъ быть объясняемо развитіемъ гуманности. Но дальнѣйшее вымираніе репрессіи, которое я констатировалъ выше, должно быть объяснено уже болѣе глубокими причинами, а именно тѣмъ же расширеніемъ горизонта, большею правильностью взглядовъ на причины соціальныхъ явленій и на средства воздѣйствія на эти явленія. Съ того времени, когда уголовная кара перестала защищать своекорыстные классовые интересы, а судебная власть, вмѣстѣ съ другими прерогативами, перешла къ народу, въ этомъ послѣднемъ стало все больше распространяться убѣжденіе, что не только неумѣстно всякое чувство злобы къ преступникамъ, но что рефлекторныя, въ особенности, не непосредственно во время совершенія преступленія, предпринимаемыя дѣйствія неразумны, нецѣлесообразны. Мало того, стало все болѣе укореняться убѣжденіе, что въ значительной степени вина въ томъ, что совершаются преступленія, падаетъ не на отдѣльныя личности, а на весь общественный строй, на все общество. И вотъ это-то все болѣе развивающееся сознаніе вызываетъ дѣятельность общества въ борьбѣ съ преступностью, понимая подъ этимъ уже не борьбу съ преступленіями совершившимся, а съ тѣми причинами, которыя побуждаютъ отдѣльныхъ лицъ совершать преступленія.

И именно общество, а не государство, выступаетъ съ этою

превентивною дѣятельностью, и это тоже понятно и тоже вполнѣ объясняется исторіею эволюціоннаго движенія въ этомъ направленіи. Даже въ эпохи самаго сильнаго развитія мести, этой основы всей репрессіи, рядомъ съ местью какъ карою существовала превентивная дѣятельность семьи, рода, потомъ всевозможныхъ свободныхъ единеній и группировокъ въ средніе вѣка.

Съ зарожденіемъ и развитіемъ государства въ современномъ смыслѣ слова, месть, въ видѣ репрессіи, перешла въ руки государственной власти. Превенція, пока существовали остатки средневѣковыхъ единеній, осуществлялась обществомъ въ лицѣ этихъ единеній. Когда всѣ эти группировки были упразднены, превенція перестала дѣйствовать вовсе. Репрессія, выполненіе коей было на обязанности государства, оказалась совершенно безсильна въ борьбѣ съ преступностью, и мало-по-малу репрессія была признана, хотя еще и не окончательно, негоднымъ средствомъ въ борьбѣ съ преступностью. Этотъ моментъ совпадаетъ однако съ возрожденіемъ и могущественнымъ развитіемъ союзнаго движенія, которое стремится придти на помощь личности, которой непосильна борьба собственными единичными силами за нормальное существованіе. Понятно уже по этому одному, не говоря уже о самыхъ пріемахъ новой борьбы, которые опредѣляются характеромъ задачъ (индивидуализаціей и т. д.), совершенно непосильныхъ органамъ государственной власти, что это новое могущественное союзное движеніе взяло на себя и превентивную борьбу съ преступностью. Изученіе этого движенія чрезвычайно важно, и поэтому я непосредственно и перейду къ нему.

Единенія и союзы въ прошломъ.

Пока государство слабо, говоритъ Флакъ [1]), человѣкъ ищетъ защиты въ семьѣ и комплексѣ родственниковъ, не присоединенныхъ къ семьѣ. Все, въ чемъ дѣйствительно нуждается человѣкъ, говоритъ Фюстель де Куланжъ [2]), въ смыслѣ матеріальномъ и моральномъ, всѣмъ этимъ семья располагаетъ. Значеніе семьи въ этотъ періодъ исторіи, разумѣется, совершенно особенное; она, такъ сказать, исполняетъ функціи и не непосредственно ей присущія, отвѣчающія naturae rerum; внѣ семьи для человѣка нѣтъ никакихъ интересовъ, никакихъ правъ, никакого жизненнаго положенія, это цѣлый мірокъ, здѣсь для личности—государство и родина, и религія. Но зато въ какой мѣрѣ этотъ внутренній міръ представляется цѣльнымъ, полнымъ; здѣсь все въ единеніи и гармоніи—и религія, и нравственность, и обычай. Pater familias онъ и dominus, и цензоръ нравовъ, онъ же и судья. Личность чувствуетъ себя въ прочной рамкѣ, въ ячейкѣ, которая вѣрно служитъ дѣлу ея охраненія; она находитъ матеріальную поддержку всегда и заблаговременно, она находитъ и нравственный, дѣйствительный надзоръ, который удерживаетъ ее отъ малѣйшихъ отступленій отъ обычая, отъ того нравственнаго кодекса, по которому живетъ вся семья. Суровая судебная власть dominus'а такъ близка, что она еще болѣе усиливаетъ значеніе его предупредительныхъ мѣръ. Надо что-либо совершенно особенное, какое-нибудь особенное уродство физическое или нравственное, чтобы личность вышла изъ нормальной колеи. Разумѣется, и эта цѣльность, и эта объединенность семьи возможна только, когда внѣшняго міра, общества, или нѣтъ совсѣмъ, или во всякомъ случаѣ пока оно

---

1) Jaques *Flach*. Les origines de l'ancienne France. Le regime seigneuriàl. 1886.

2) La cité antique, стр. 126.

еще не настолько сложилось, чтобы личность могла найти въ немъ опору и не держаться болѣе семьи. Этотъ прообразъ, эта первоначальная клѣточка, въ которой, какъ во всякой клѣточкѣ, можно уже разглядѣть все будущее развитіе, лучше всего указываетъ, въ чемъ нуждается личность. Когда послѣдующее развитіе общества разрушаетъ это значеніе семьи, поглощаетъ личность, то несомнѣнно въ жизни личности является пробѣлъ; условія для ея развитія становятся менѣе благопріятны, и вся задача обезпеченія личности необходимыхъ для ея жизни условій состоитъ именно въ возможномъ сохраненіи или восполненіи другимъ путемъ и прежде всего другими группировками той защиты ея матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ, которую доставляетъ ей первоначальная семья. Понятно, поэтому, что если новый строй соціальный, какъ мы видѣли выше, окончательно довершаетъ разрушеніе семьи, какъ охранительной ячейки, не восполняя этой охраны ничѣмъ, то и получается то одиночество, которое ведетъ личность къ деклассаціи.

Но, и возвращаясь къ первоначальной исторіи общества, слѣдуетъ замѣтить, что упраздненіе значенія семьи, а затѣмъ разросшейся семьи въ видѣ рода «gens» не скоро наступаетъ и она въ значительной степени сохраняетъ свое значеніе и въ то время, когда мы имѣемъ право говорить о возникновеніи и развитіи государственной жизни. Глава рода еще долго сохраняетъ, рядомъ съ правами и обязанностями органовъ государственной власти, права и опекуна, и цензора, и судьи. Какъ говоритъ Семнеръ Мэнъ [1]), у домачина, главы славянской задруги соединены и хозяйственная, и административная, и дисциплинарная власть; онъ налагаетъ взысканія на тѣхъ, которые совершили прегрѣшеніе, и на тѣхъ, которые совершили прямое преступленіе.

Но, какъ извѣстно, семья, разростаясь, включила въ свой составъ и постороннихъ лицъ, кліентовъ, напримѣръ, римскихъ. Нельзя забывать, что отношенія патрона и кліентовъ далеко не исчерпывались односторонними обязанностями кліентовъ въ отношеніи патрона; наоборотъ, патронъ, который нарушалъ свои обязанности въ отношеніи кліента, считался sacer, и эти обязанности были обширны. Прочность матеріальнаго существованія кліента должна была всегда находить защиту у патрона, въ то же время кліентъ состоялъ и подъ

[1]) Sumner *Maine*. L'organisation juridique de la famille chez les slaves du sud et chez les Roypouts. 1880.

нравственнымъ надзоромъ патрона. Я вовсе не думаю видѣть идеалъ въ этихъ первобытныхъ условіяхъ, но близость поддержки матеріальной и нравственной и близость нравственнаго надзора—совершенно необходимыя условія для нормальнаго существованія и развитія личности, и эти условія должны быть обезпечены личности при всякомъ уровнѣ развитія культуры.

Къ такимъ же «естественнымъ», какъ говорятъ нѣмцы, «naturwüchsige», единеніямъ должны быть причислены и тѣ общины, марки, сотни и т. д., которыя возникаютъ путемъ объединенія семей и родовъ на почвѣ общности мѣстныхъ интересовъ. Это прообразы будущихъ органовъ самоуправленія, какъ мы понимаемъ ихъ теперь. Правда, англо-саксонскія сотни исполняли до извѣстной степени и функціи гильдій; здѣсь существовало поручительство членовъ другъ за друга и надзоръ нравственный сочленовъ, охраненіе чести своей и другихъ членовъ сотни, но не слѣдуетъ забывать, что факторомъ образованія этихъ единеній является необходимость общаго, соединенными силами, отбыванія отъ данной мѣстности повинностей. Поэтому едва ли въ нихъ можно видѣть, какъ это дѣлаетъ Кембль [1]), нѣчто аналогическое тѣмъ свободнымъ единеніямъ ничѣмъ другимъ не связанныхъ людей, съ которыми мы встрѣчаемся въ гильдіяхъ, цехахъ и т. д.

Несомнѣнно однако, что уже въ древности, при полномъ развитіи семейнаго и родового начала, но однако же при существованіи развитаго общественнаго строя, мы встрѣчаемся съ свободными единеніями. Несомнѣнно, что такія единенія составлялись отчасти изъ лицъ такъ сказать выпавшихъ изъ семьи, какъ изъ гнѣзда, но несомнѣнно также, что по мѣрѣ усложненія условій существованія, развитія общественнаго строя усиленія неравномѣрности хозяйственной обезпеченности между семьями, бѣднѣйшіе почувствовали необходимость въ объединеніи для надлежащей защиты своихъ интересовъ. Несомнѣнно, что на почвѣ этихъ единеній развились и моральная помощь и моральный надзоръ.

Я остановлюсь на единеніяхъ римлянъ, исторія которыхъ сравнительно болѣе разработана, хотя и недостаточно, такъ камъ мы именно располагаемъ скорѣе данными о юридической сторонѣ, правовой конструкціи, этихъ единеній, чѣмъ о ихъ внутреннемъ строѣ. Къ классическимъ сочиненіямъ о римскихъ

---

[1]) John Mitchell *Kemble*. Die Sachsen in England пер. Brandes. 1853, т. I.

единеніяхъ принадлежитъ несомнѣнно вышедшее въ 1843 г. сочиненіе Теодора Момзена De collegiis et sodaliciis Romanorum (Kiliae MDCCCXLIII).

Момзенъ считаетъ прообразомъ всѣхъ римскихъ союзовъ sadalitates sacrae. Sodalis нѣчто въ родѣ друга, но только тутъ единеніе основано не на привязанности души и сердца, а на общности извѣстныхъ религіозныхъ вѣрованій и стремленіи совокупными силами выполнить извѣстныя религіозныя обязанности и должнымъ образомъ поддерживать культъ извѣстнаго божества. Сюда входятъ организація и извѣстныхъ религіозныхъ церемоній, празднествъ. Нѣчто подобное находитъ Момзенъ и въ Греціи. Это несомнѣнно религіозныя братства, но какъ слагались взаимныя отношенія членовъ братствъ и ограничивались ли они исключительно преслѣдованіемъ религіозныхъ цѣлей, Момзенъ не указываетъ. Другой видъ союзовъ, хотя и близкій по названію, но ничего съ первымъ не имѣющій общаго, это collegia sodalitia. Подъ этимъ названіемъ всѣми выдающимися римскими юристами, ораторами и писателями понимались политическіе союзы, главнымъ образомъ преслѣдовавшіе цѣль подготовленія извѣстныхъ государственныхъ переворотовъ, имѣвшіе большею частью прямо характеръ заговоровъ, какъ напр. заговоръ Катилины.

Затѣмъ Момзенъ останавливается на двухъ видахъ коллегій, которыя уже прямо составляютъ прообразъ будущихъ гильдій, товариществъ взаимопомощи.

Къ такимъ принадлежатъ collegia opificum, ремесленниковъ; ихъ было въ республиканское время 8 и эти первые союзы имѣли большія привилегіи чѣмъ другіе подобные же союзы ремесленниковъ, которые однако, по мѣрѣ возникновенія и развитія новыхъ ремеслъ, захватывали и эти отрасли труда.

Далѣе слѣдуютъ collegia funeraria, спеціально принимавшія на себя расходы на похороны членовъ.

Во времена имперіи коллегіи могли образовываться не иначе какъ съ разрѣшенія правительственной власти, нѣкоторымъ коллегіямъ, какъ напримѣръ collegia ad pias causas, императоры покровительствовали. Вотъ тѣ скудныя данныя, которыя мы находимъ у Момзена, не касаясь его разсужденій о юридической конструкціи римскихъ союзовъ т. е. порядкѣ образованія, правахъ членовъ, закрытіи и т. д.

Такимъ же строго юридическимъ характеромъ отличается и сочиненіе Max Cohn. Zum Romischen Vereinsrecht 1873. Онъ лишь вскользь упоминаетъ о collegia tenuiorum.

Флакъ, въ названномъ выше сочиненіи, считаетъ, что и

члены sadalitate sacrae несли обязанности взаимной помощи и по задачамъ и устройству были аналогичны возникшимъ впослѣдствіи гильдіямъ.

Болѣе подробныя данныя мы находимъ у Либенама [1]).

Collegia tenuiorum этихъ бѣднѣйшихъ преимущественно, хотя и не исключительно, сельскихъ работниковъ были прямыми союзами взаимопомощи и въ тоже время, такъ сказать, кассами помощи на случай смерти или вообще какого либо несчастья.

Какъ общая черта всѣхъ римскихъ союзовъ является по словамъ Либенама почти то же устройство, какъ и въ гильдіяхъ. Во главѣ общества патронъ. Обществу принадлежитъ извѣстная дисциплинарная власть надъ своими членами, оно можетъ налагать на членовъ взысканія, уплачиваемыя деньгами или натурою. Эта карательная власть простиралась такъ далеко, что напримѣръ простое отсутствіе на похоронахъ сотоварища, несмотря на близость проживанія отъ мѣста похоронъ, влекло за собою взысканіе.

Всякое нарушеніе статутовъ влекло разумѣется извѣстное взысканіе. Но надзоръ общества шелъ гораздо дальше, а именно они считали себя въ правѣ требовать отъ членовъ извѣстной добропорядочности поведенія и внѣ собственно чисто союзныхъ отношеній. Такъ членъ союза отказавшейся въ процессѣ о клеветѣ (onus probandi не такъ какъ въ современномъ процессѣ) принести jus jurandum calumuniae, не смывшій съ себя обвиненія въ клеветѣ присягою, подвергался денежному взысканію до 500 ассовъ.

Я не имѣю возможности болѣе подробно останавливаться, но я думаю, что и приведенныя данныя уже даютъ мнѣ основаніе отмѣтить, что и въ это время начала европейской культуры существовала потребность для отдѣльной личности въ поддержкѣ общественной группировки. Что уже и въ это время общества исполняли свои важнѣйшія современныя функціи—поддерживали матеріально своихъ членовъ, попавшихъ въ бѣду, временно обѣднѣвшихъ съ одной стороны, а съ другой стороны осуществляли дѣятельный и всесторонній надзоръ за нравственнымъ поведеніемъ своихъ членовъ и располагали достаточными средствами для удержанія членовъ отъ безнравственныхъ поступковъ. Несомнѣнно и безъ всякихъ упоминаній, что всякое такое еди-

[1]) W. *Liebenau.* Zur Geschichte und Organisation des Romischen Vereinswesens 1890.

неніе возвышало понятіе чести, личнаго достоинства каждаго члена и такимъ образомъ, въ общемъ, мы смѣло можемъ говорить о болѣе или менѣе организованной дѣятельности общества въ области превенціи.

Средніе вѣка — по преимуществу эпоха союзовъ; съ одной стороны союзовъ такъ, сказать, естественныхъ, вылившихся силою вещей, самоуправляющихся единицъ, а съ другой, союзовъ добровольныхъ, всевозможныхъ свободныхъ корпорацій. Всякое дѣло, всякое призваніе выливалось въ союзъ. Духовенство, рыцарство, горожане, купцы, ремесленники, подмастерья, ученики, студенты и т. д. составили корпораціи. Такое обиліе союзовъ, такое многообразное и сильное проявленіе самодѣятельности общества и отдѣльныхъ его членовъ, направленное на защиту своихъ личныхъ и общихъ, самыхъ возвышенныхъ интересовъ, разумѣется, можетъ быть въ значительной степени объяснено слабосиліемъ, почти полнымъ отсутствіемъ, государственнаго единенія, государственной власти. Нельзя однако сказать, что бы у всѣхъ этихъ народовъ, разбившихся на безчисленое множество маленькихъ государствъ, маленькихъ народовъ, со своими мѣстными патріотизмами и мѣстными интересами не было такъ сказать общаго горизонта. Наоборотъ, общія, объединяющія возвышенныя идеи находили сильный отголосокъ и ревностныхъ служителей. Да и корпораціи далеко не всѣ были чисто мѣстныя, хотя бы рыцарство всѣхъ странъ въ цѣломъ представляло одну идеальную корпорацію, точно также и многочисленные рыцарскіе ордена не знали одного отечества.

Наиболѣе сплоченными корпораціями, съ наиболѣе установившейся и развившейся организаціей являются несомнѣнно цехи, союзы подмастерьевъ и гильдіи съ одной стороны и рыцарскіе ордена съ другой стороны. Но въ значительной степени тѣ же основы организаціи мы находимъ и въ другихъ корпораціяхъ.

Время возникновенія новыхъ корпорацій и союзовъ столь авторитетный въ этомъ вопросѣ Гирке [1]) приводитъ въ связь съ постепеннымъ разрушеніемъ прежнихъ родовыхъ союзовъ, онъ даже указываетъ прямо годъ 779, когда впервые встрѣчается упоминаніе о гильдіяхъ. И эта связь во времени съ прежними группировками отразилась несомнѣнно и на характерѣ, организаціи и задачахъ первоначальныхъ гильдій. Онѣ

[1]) Otto *Gierke*. Das deutsche Genossceschaftsrecht B. I. Rechtsgeschichte der Genossenschaften. 1868.

не преслѣдовали какой нибудь одной цѣли, онѣ охватывали всю личность отдѣльнаго члена со всѣми ея интересами; онѣ далѣе давали своимъ членамъ ту внѣшнюю защиту, тотъ внѣшній, если можно такъ выразиться приспособляясь къ современнымъ условіямъ, тотъ полицейскій миръ и охрану, которые не въ состояніи были обезпечить государство того времени. Помимо этой внѣшней защиты, онѣ преслѣдовали цѣли религіозныя, имущественныя, нравственныя и правовыя. Говоря спеціально о германскихъ союзахъ, Гирке основными чертами этихъ единеній считаетъ [1]) судъ и карательную власть союза надъ членами, обязанность членовъ помогать другъ другу и вести себя достойнымъ образомъ.

Первымъ, по мнѣнію Машера [2]) объединилось въ союзы духовенство, потомъ рыцарство по побужденіемъ тщеславія, честолюбія и общительности и затѣмъ уже горожане, за горожанами стали объединяться купцы, потомъ ремесленники, а когда цехи стали нравственно вырождаться, появились союзы подмастерьевъ.

Собственно гильдіи, цехи и союзы подмастерьевъ несомнѣнно главнымъ образомъ возникали въ городахъ и ограничивались территоріею одного города. Хегель [3]) и Тьерри [4]) считаютъ даже эти союзы исключительно городскими.

Въ мою задачу разумѣется вовсе не входитъ давать полную характеристику средневѣкового союзнаго строя, я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ сторонахъ организаціи и дѣятельности корпорацій.

Если остановиться на цехахъ, то заранѣе уже приходится считаться со взглядами Шмоллера и другихъ экономистовъ, справедливо усматривающихъ въ цехахъ, въ ихъ средневѣковой организаціи вредное препятствіе развитію производства (хотя разумѣется вмѣстѣ съ тѣмъ и развитію капитализма со всѣми его пагубными соціальными послѣдствіями).

Приходится также признать, что цехи съ теченіемъ времени отступили отъ своего первоначальнаго образца, превратились въ союзы родственниковъ мастера, званіе котораго стало наслѣдственнымъ. Все это такъ. Но нельзя же забывать цвѣтущаго періода развитія тѣхъ же цеховъ и того высокаго нравственнаго и благотворнаго матеріальнаго значенія, кото-

---

[1]) Н. с., т. I, стр. 359.

[2]) Das deutsche Gewerbewesen von der frühesten Zeit bis auf die Gegenwart 1866,

[3]) Karl Hegel. Städte und Gilden der germanischen Völker im Mittelalter 1891 I, B.

[4]) Thierry. Lettres sur l'histoire de France (главы XIII и XIV).

рое они имѣли въ свое хорошее время и для рабочаго люда, въ частности и для постановки всего производства, всей работы. Остановимся на условіяхъ вступленія въ цехъ. Ихъ было много [1]). Принимались только имѣвшие права гражданства, требовались законность происхожденія и свѣдѣнія о хорошемъ и нравственномъ поведеніи до поступленія въ цехъ. Принимавшійся долженъ былъ представить свидѣтельство отъ бывшаго своего мастера о своихъ познаніяхъ и о нравственности своего поведенія. Далѣе, вступавшій долженъ былъ представить пробную работу, то, что во французскихъ цехахъ называлось chef d'oeuvre; на изготовленіе этого произведенія тратилось иногда много времени и вкладывались всѣ дарованія, всѣ познанія. Наконецъ существовало требованіе, хотя повидимому и не повсемѣстно, извѣстныхъ вкупныхъ денегъ. При вступленіи, новый членъ обязывался оставаться въ цехѣ извѣстное продолжительное время и, разумѣется, соблюдать въ точности всѣ статуты.

Главная, основная, идея всѣхъ статутовъ обезпечить каждому средства существованія, уравнять положеніе богатыхъ и бѣдныхъ, возвысить нравственное значеніе работы, труда вообще и даннаго ремесла въ особенности. Въ этихъ видахъ цехи въ своихъ статутахъ устанавливали подробную регламентацію всего производства; количество и *качество* сырья, которое можетъ быть пріобрѣтаемо каждымъ мастеромъ, число учениковъ, которое каждый мастеръ можетъ держать въ своей мастерской, строгое запрещеніе переманивать учениковъ, запрещеніе ночной работы. Наконецъ были установлены строгія правила испытанія годности изготовленныхъ произведеній, негодныя совершенно не выпускались въ продажу. Безъ такого испытанія произведенія не могли быть выпущены въ продажу. Едва-ли эти постановленія имѣли въ виду преслѣдованіе исключительно своекорыстныхъ кружковыхъ цѣлей. Они несомнѣнно, при томъ добросовѣстномъ исполненіи, которымъ отличались средневѣковые цехи, въ высшей мѣрѣ ограждали интересы потребителей. Стоитъ вспомнить современные «нравы» производства, изготовленіе массами тѣхъ никуда негодныхъ издѣлій, которымъ присвоено даже особое названіе «made in Germany» и которыми наполняется рынокъ, всю недолговѣчность, недобротность большинства современныхъ фабричныхъ произведеній. Стоитъ далѣе остановиться на другой сторонѣ совре-

---

[6]) Dr. C. *Neuburg*. Zunfgerichtsbarkeit und Zunftverfassung in der Zeit von 13 bis 16 Iahrhundert. 1880.

менныхъ нравовъ промышленныхъ и торговыхъ, на необузданной конкурренцiи, прибѣгающей къ столь безнравственнымъ прiемамъ, что уголовное законодательство вынуждено было вступиться. А если еще прибавить и вполнѣ получившее право гражданства переманиванiе учениковъ и ничѣмъ не сдерживаемое эксплоатированiе силъ человѣческихъ, не говоря уже о ночной работѣ, то я думаю сравненiе будетъ не въ пользу нашего времени. Становятся понятными слова Гирке, что цехи впервые создали честь, достоинство труда, и слова историка Янсена [1]), что работа, произведенiе труда, было въ глазахъ цеховъ проявленiемъ личности и должно было представляться передъ всякимъ такимъ же безупречнымъ, какъ и сама личность. Но статуты и роль цеховъ этимъ далеко не исчерпывались. Преслѣдуя религiозныя цѣли, религiозное общенiе, цехи избирали какого-либо святого покровителемъ, устраивали въ честь его религiозныя процессiи и вообще принимали всѣ мѣры для поддержанiя въ членахъ твердыхъ религiозныхъ убѣжденiй. Строго слѣдя за нравственностью членовъ, статуты преслѣдовали кутежи и безнравственное поведенiе членовъ, ограждали уваженiе къ женщинѣ. Членамъ вмѣнялось въ прямую обязанность наблюдать за поведенiемъ другъ друга и доносить старшимъ цеха о всякомъ безнравственномъ, позорящемъ честь и достоинство поступкѣ сочлена.

Не во всѣхъ статутахъ встрѣчается прямое упоминанiе объ обязанности помогать матерiально впавшему въ затруднительное положенiе сочлену, но въ такомъ упоминанiи и надобности не представлялось, ибо основной идеей цеха была идея взаимопомощи и она была широко поставлена во всѣхъ цехахъ и распространялась на заболѣвшихъ, на умершихъ, на вдовъ, и сиротъ, на временно обѣднѣвшихъ, на путешествующихъ.

На стражѣ исполненiя статутовъ стояло управленiе и судъ. Во главѣ стоялъ мастеръ, который удостоивался этого званiя только за большiя заслуги въ своемъ ремеслѣ и за высокiя нравственныя качества. Званiе мастера почиталось такъ же высоко, какъ и званiе доктора въ наукѣ. За тѣмъ былъ цѣлый рядъ выборныхъ лицъ по управленiю, по надзору за производствомъ, освидѣтельствованiемъ выпускаемыхъ произведенiй.

Наконецъ существовалъ судъ или выборный изъ нѣсколькихъ лицъ или, въ особенно важныхъ случаяхъ, само общее

---

[5]) Н. с. I, B, стр. 353.

собраніе, являвшееся нормально учрежденіемъ законодательнымъ, выступало въ качествѣ суда.

Существовали строгія взысканія за всякое нарушеніе уставовъ, за всякую недобросовѣстность въ работѣ: плохую выдѣлку, окраску, поддѣлку, за дурное обращеніе и насильственныя дѣйствія по отношенію къ ученикамъ.

Всѣ споры членовъ между собою тоже разрѣшались судомъ цеха. Какъ говоритъ Гирке, суду этому принадлежала полиція нравовъ и ремесла. Судъ могъ налагать взысканія деньгами, воскомъ, винами, пивомъ; постанавлялось о временномъ или постоянномъ исключеніи. Цехъ, какъ справедливо заключаетъ Гирке [1]), объединяя своихъ членовъ для всякой общечеловѣческой и общественной цѣли, являлся для этихъ членовъ самодовлѣющимъ и всеоблемлеющимъ міркомъ, такъ что для каждаго члена честь, могущество и достоинство его общества были такъ же дороги, какъ для каждаго горожанина честь, могущество и достоинство его города.

Мало того, это понятіе чести и достоинства развивалось еще дальше, когда отдѣльный членъ участвовалъ въ этой чести, это была его личная честь; и еще болѣе, честь другого сочлена точно также также становилась ему не безразлична. А такъ какъ это понятіе чести, собственнаго достоинства, ставилось такъ высоко, то поддержаніемъ ея каждый дорожилъ и соотвѣтственно направлялъ свою дѣятельность.

Когда цехи стали вырождаться благодаря своекорыстію мастеровъ, то на борьбу съ ними и главнымъ образомъ съ мастерами выступили новые ремесленные союзы—подмастерьевъ [2]). Они помогали больнымъ товарищамъ, давали имъ подъ залогъ денежныя ссуды, давали чужимъ, пришлымъ рабочимъ пріютъ и работу. Но главная ихъ задача—поддержаніе чести и традицій въ ремеслѣ. Для разрѣшенія этой задачи они преслѣдуютъ клеветниковъ, подрывающихъ честь даннаго союза ремесленниковъ, наблюдаютъ за воспитаніемъ учениковъ. Наблюдая за поведеніемъ мастера и сочленовъ они и на мастера, и на товарищей накладываютъ взысканія; у нихъ есть и свой судъ; наказанія, къ которымъ присуждаетъ этотъ судъ, очень оригинальны: объявленіе презрѣнія, изгнаніе, объявленіе безчестнымъ. Многіе изъ этихъ союзовъ, какъ утверждаетъ Каутскій, приближались, по организаціи, къ братствамъ, даже съ примѣненіемъ обѣта безбрачія.

---

[1]) Т. I, стр. 383.

[2]) Georg *Schanz*. Zur Geschichte der deutschen Gesellenverbände im Mittelalter. 1876. Karl *Kautzky*. Die Vorläufer des neuen Socialismus I. B. I Th. и др.

Общія начала организаціи средневѣковыхъ союзовъ, съ которыми мы познакомились въ цехахъ и союзахъ подмастерьевъ, повторялись и въ другихъ организаціяхъ.

Такъ дѣятели научные объединялись въ uniuersitates litterariae, universitates doctorum et scholarum, отдѣльные союзы учениковъ и студентовъ, съ тѣми же общими началами взаимной помощи на случай всякихъ бѣдъ и съ тѣмъ же нравственнымъ надзоромъ другъ за другомъ. Организація духовныхъ союзовъ въ средніе вѣка слишкомъ извѣстна, чтобы на ней подробно останавливаться. Не слѣдуетъ забывать, что въ Европѣ было разсѣяно около 8000 монастырей и болѣе 200.000 монаховъ. Каждый монастырь являлся не только центромъ религіознаго и нравственнаго просвѣщенія. Монастыри въ самомъ высокомъ смыслѣ слова исполняли роль современныхъ домовъ трудолюбія. Они не только давали пріютъ бѣднымъ, но они привлекали ихъ къ работѣ. Дикія, невоздѣланныя мѣстности превращались, благодаря монастырямъ, въ культурныя поля. Трудъ физическій освящался и возвышался и воспитывалъ приходившихъ неудачниковъ. Монастыри въ то же время являлись и аптеками и больницами. Церковь по выраженію Ульгорна [1]) было въ средніе вѣка убѣжищемъ для всѣхъ угнетенныхъ и страждущихъ; она тоже, въ значительной степени, на-ряду съ другими союзами, исполняла важную миссію удержанія личности въ границахъ нравственности. Рядомъ съ монастырями, мы знаемъ духовныя рыцарскія корпораціи Іоаннитовъ, Тампліеровъ, Германцевъ и другія, преслѣдовавшихъ въ цвѣтущій періодъ ихъ развитія столь возвышенныя благотворительныя и общегуманныя цѣли. Далѣе, ко времени упадка этихъ орденовъ стали возникать ордена монашескіе нищенствующихъ братій Францисканцевъ, Доминиканцевъ, Кармелитовъ, Августиниралисовъ, Минитовъ и др.

Эти ордена на извѣстныхъ условіяхъ допускали и свѣтскихъ членовъ (tertiarii) и такимъ образомъ, помимо уже преслѣдовавшихся ими задачъ, превращались въ корпораціи, имѣвшія громадное общественное значеніе.

Далѣе слѣдуютъ многочисленные диссидентскіе ордена Бегуиновъ, Бегардовъ, Танхельмановъ, Апостольскихъ братьевъ и т. д. Ордена Елизаветинокъ и другихъ, исполнявшихъ функціи современныхъ пріютовъ общества защиты женщинъ.

Дворянство тоже представляло изъ себя корпорацію. Не

---

[6]) *Ulhorn.* Die christliche Liebesthäftigkeit. 2 изд. 1895.

говоря уже о чисто мѣстныхъ дворянскихъ союзахъ (Rittergenossenschaften) и о родахъ, домахъ и все дворянство въ цѣломъ являлось тоже союзомъ. Такъ Leon Gauthier [1]) признаетъ, что на дворянство того времени слѣдуетъ смотрѣть, какъ на корпорацію, на коллегію, всѣ члены которой солидарны. Дворянство создавало, какъ замѣчаетъ другой историкъ дворянства [2]) понятіе дворянскаго достоинства. Историкъ цивилизаціи во Франціи Гизо [3]) отмѣчаетъ, что въ числѣ клятвъ, дававшихся вновь вступившими рыцарями, былъ между прочимъ обѣтъ любить и уважать другъ друга и помогать другъ другу всякій разъ, когда къ тому представится случай. Этотъ союзъ выставлялъ твердо тѣ высокіе принципы, руководиться которыми долженъ всякій рыцарь, чтобы имѣть право называться рыцаремъ. Въ числѣ этихъ принциповъ значились: вѣрность слову, щедрость, защита слабыхъ, борьба за право, уваженіе къ женщинѣ, храбрость, нравственный образъ жизни. Эти принципы сдерживали малодушныя, малоразвитыя, или недостаточно установившіяся натуры и принуждали ихъ слѣдовать духу рыцарства. Стимуломъ являлась та честь, то достоинство, которыя были связаны съ званіемъ рыцаря. Духъ рыцарства давалъ возможность развиваться тѣмъ героическимъ типамъ [4]), которыми справедливо гордится не одно дворянство, а все человѣчество. Какъ справедливо замѣчаетъ Gauthier [5]) дворянство, какъ жизненный институтъ вымерло, но духъ его, выразившійся въ презрѣніи ко всѣмъ жизненнымъ мелочамъ, пошлости, остался намъ въ наслѣдство и это наслѣдство богатое, которымъ пренебрегать нельзя. Если мы теперь бросимъ общій взглядъ [6]) на средневѣковой строй, то намъ представятся всѣ европейскіе народы въ цѣломъ, въ полномъ составѣ, расчлененными на отдѣльныя сообщества, посвященныя преслѣдованію той или другой цѣли, которая для отдѣльнаго человѣка можетъ составить призваніе въ жизни [7]).

---

1) La chevalerie. 1896, стр. 24.

2) Karl Heinrich Freiherr Roth von Schreckenstein. Die Ritterwürde und der Ritterstand, (стр. 670).

3) Guisot, „Hist. de la civilisation en France“, p. 463.

4) Dr. Hans Prutz, Kulturgeschichte der Kreuzzüge. 1883.

5) Н. с., стр. 782.

6) Гирке, I т., стр. 439.

7) Какъ это ни странно, но ученые, даже спеціально изучавшіе средніе вѣка, мало останавливались на значеніи корпоративнаго строя для личности; такъ даже въ такомъ сочиненіи, какъ соч. Heinrich v. Eicken Geschichte и System der mittelalterlichen Weltanschaung 1887, мы не находимъ ни одного слова по этому вопросу.

Этотъ строй напоминалъ, въ общемъ, при взглядѣ съ птичьяго полета, тѣ многочисленные храмы въ готическомъ стилѣ, которые съ среднихъ вѣковъ составляютъ незамѣнимое украшеніе всѣхъ европейскихъ странъ. Въ нихъ прочныя, громадной толщины, стѣны, дающія прочное, несокрушимое, прибѣжище всѣмъ ищущимъ таковаго. Ихъ верхушки уходятъ высоко въ ту небесную лазурь, куда привыкли съ надеждою смотрѣть не одни вѣрующіе, но и поэты и вообще всѣ тѣ, для которыхъ идеалъ въ жизни не пустое слово.

И эти храмы и много другихъ произведеній искусства, *образиовыхъ* произведеній научныхъ, ремесленныхъ и т. д., но именно образцовыхъ, оставили намъ средніе вѣка, столь рѣшительно стремившіеся къ идеалу. Какъ справедливо замѣчаетъ нашъ соотечественникъ кн. Крапоткинъ [1]) все это созданія того духа единенія и взаимопомощи, которымъ проникнуты средніе вѣка. Этотъ духъ, прежде всего, считаясь съ наличностью громаднаго числа людей слабыхъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, объединялъ ихъ, подкрѣплялъ и доводилъ прежде всего ихъ матеріальное существованіе до прочнаго, если и не блестящаго положенія.

Но мало того, этотъ строй способствовалъ выбору и неуклонному слѣдованію каждой отдѣльной личности къ извѣстной жизненной цѣли, къ извѣстному призванію. Какъ говоритъ Гизо [2]) въ средніе вѣка всякій зналъ, что ему дѣлать. Но мало того, этотъ строй, какъ мы видѣли, способствовалъ и тому, чтобы каждая отдѣльная личность добросовѣстно исполняла избранную ею работу, которая составляла ея призваніе, ея общественную миссію. Облагораживая трудъ и возвышая его значеніе, средніе вѣка приводили въ прямую связь съ трудомъ и добросовѣстностью его выполненія понятіе о чести и достоинствѣ отдѣльной личности. И честь и достоинство личности — вотъ лозунгъ среднихъ вѣковъ, которые они такъ ревностно и успѣшно оберегали при содѣйствіи этихъ многочисленныхъ корпорацій, которыя прочно окружали личность, помогали ей и наблюдали за ней, предупреждая всякую возможность паденія ея матеріальнаго, или нравственнаго. Едва-ли можно сомнѣваться, что такія условія, въ какихъ бы формахъ средневѣковыхъ или современныхъ они ни осуществлялись, не являются наиболѣе благопріятными для удержанія личности отъ преступленія.

---

[1]) P. Kropotkin Mutual aid as factor of evolution 1902.

[2]) Guisot, Hist. de la civ. en France, стр. 538.

Почему сытый и обезпеченный не совершаетъ кражъ, почему человѣкъ пользующійся уваженіемъ общества, хотя бы самой малой фракціи, ею удерживается отъ преступленія; потому что имъ есть, что терять. Создать стимулы удерживающіе личность отъ паденія—вотъ главная задача и среднимъ вѣкамъ это удалось.

И весь этотъ средневѣковой корпоративный строй погибъ. Слѣдовало и возможно было измѣнить формы устарѣвшія, обновить строй, но не губить сущности, основной идеи соединенія слабыхъ, взаимопомощи въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи.

Но исторія выдвинула новыя силы и новыя ученія. Быстро усиливавшаяся государственная власть не желала терпѣть рядомъ съ собою никакой группировки, которая хотя бы и въ самомъ маломъ размѣрѣ представляла извѣстную соціальную силу, исполняла извѣстныя общественныя функціи, все должно было перейти къ этому всемогущему и будто бы единственно благотворному союзу — государству. Теорія идеализировала это движеніе. Рядомъ съ государствомъ допускалась только отдѣльная изолированная личность. Въ государствѣ видѣли не организованную народную личность, а нѣчто, внѣ народа стоящее. Всѣ ученія раціоналистовъ, начиная съ Гоббса, всѣ предвѣстники и подготовители революціи, начиная съ Руссо, всѣ направили свои удары на корпораціи, какъ средостѣніе между государствомъ и личностью.

И это ученіе сказалось, оно проникло въ умы лицъ, наиболѣе близко стоявшихъ къ корпораціямъ, еще уцѣлѣвшимъ ко времени великой революціи. 44 наказа средняго сословія (cahiers du tiers etat) требовали уничтоженія корпораціи и только 16 стояли за сохраненіе ихъ [1]). Поэтому понятно и assemblée legislative 12 августа 1792 г. постановила, что государство дѣйствительно свободное не должно терпѣть въ своей средѣ никакихъ корпорацій, ни даже тѣхъ, которыя посвятили свои труды распространенію образованія и благотворительности. Всѣ корпораціи были закрыты [2]).

---

[1]) G. Fagnietz L'association professionelle dans les temps modernes. Seances et travaux de l'Academie des sciences morales et politiques 1904, t. p. 224.

[2]) H. Taine. Les origines de la France contemporaine. La Revolution t. I, p. 224.

Современное союзное движеніе.

И такъ, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, корпораціи были разрушены. Новый экономическій и политическій строй быстро развивался. «Принципъ свободы, такимъ образомъ, говоритъ проф. Яроцкій[1]), восторжествовалъ вполнѣ; прежнія гарантіи и обезпеченіе были уничтожены. Свободная конкурренція предоставила отдѣльнымъ единицамъ изъ среды рабочаго класса возможность не только улучшить свое положеніе, но даже переходить въ ряды нанимателей своихъ прежнихъ сотоварищей».

Подобное возвышеніе нѣкоторыхъ лицъ, меньшинства, конечно, только и могло происходить насчетъ того большинства лицъ, которыя изъ разряда мелкихъ, но болѣе или менѣе самостоятельныхъ хозяевъ, тѣмъ самымъ, превращались въ наемныхъ рабочихъ. «Безъ взаимной поддержки, говоритъ тотъ же авторъ (стр. 381) и товарищеской организаціи личность человѣка и въ особенности живущаго исключительно своимъ трудомъ, слишкомъ слаба для веденія борьбы за свое существованіе».

Останавливаясь на томъ же переходѣ отъ средневѣковыхъ стѣсненій къ полной свободѣ, но въ то же время и къ полному предоставленію личности на произвомъ судьбы, Губертъ Валльеру[2]) замѣчаетъ: «эта независимость, которая сначала приводила въ восхищеніе нашихъ отцовъ, скоро стала для нихъ настоящимъ бременемъ, въ особенности въ вопросахъ труда, и они поспѣшили назвать эту независимость при такихъ условіяхъ ея настоящимъ именемъ—«*одиночество*».

Скоро человѣчество вынуждено было остановиться на вопросѣ, правильно ли поступили, разрушая совершенно всѣ

---

[1]) Страхованіе рабочихъ, т. I, стр. 383.

[2]) P. Hubert Valleroux. Les associations cooperatives en France et à l'etranger. 1884, p. VI.

существовавшія въ средніе вѣка корпораціи? Если въ прежнія времена, говоритъ В. Кулеманнъ [1]), когда отношенія между гражданами были неизмѣримо проще и ихъ легче было знать, существовали группировки, которыя каждому отдѣльному лицу обезпечивали опредѣленное мѣсто въ хозяйственной жизни, то можетъ ли потребность въ подобныхъ группировкахъ быть меньше въ наше время, когда тѣ же самыя отношенія стали настолько сложнѣе и запутаннѣе. Это едва-ли мыслимо. Если въ нашемъ столѣтіи разрушили тѣ формы единеній, которыя были унаслѣдованы отъ прошлыхъ временъ, то это было справедливо, потому что эти формы болѣе не отвѣчали своей цѣли, но не потому, чтобы *та цѣль, которая вызвала ихъ къ существованію, потеряла значеніе*. Уничтожая цѣликомъ, а не преобразуя, существовавшія группировки создали пробѣлъ и настоятельная, глубокая, потребность заполнить этотъ пробѣлъ и является причиною современнаго союзнаго движенія. Въ самомъ дѣлѣ, что изъ прежняго было несовмѣстимо съ новымъ, прежде всего экономическимъ строемъ, основаннымъ на крупномъ капиталистическомъ фабричномъ производствѣ? Несовмѣстимы были выполнявшіяся прежними цехами и союзами функціи производства, недопустимо было болѣе вмѣшательство этихъ союзовъ въ самый процессъ производства и сбыта. Хотя и тутъ, въ особенности въ послѣдней области сбыта, кое-какія функціи можетъ быть и могли бы быть сохранены. Но вѣдь, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, у средневѣковыхъ группировокъ кромѣ, такъ сказать, функцій по нормировкѣ производства, былъ и рядъ другихъ, имѣвшихъ цѣлью именно не допустить одиночество личности, поддержать ее матеріально и нравственно, наблюсти за ея поведеніемъ.

Эти функціи въ прямое и во всякомъ случаѣ непосредственное столкновеніе съ новымъ экономическимъ строемъ не могли придти, а между тѣмъ съ уничтоженіемъ группировокъ, указанныя функціи ни къ кому не перешли. Когда была сознана потребность объединенія слабыхъ, возсозданія группировокъ, то союзное движеніе пошло по прежнему пути, берясь за выполненіе не только послѣднихъ функцій, но и за самое производство. Но всѣ эти такъ называемыя производительныя кооперативныя товарищества не имѣли никакого успѣха, они возникали и пропадали, какъ мыльные

---

[6]) W. *Kulemann*. Die Gewerkschaftsbewegung. Darstellung gewerkcshaftlichen Organisation der Arbeiter und der Arbeitgeber aller Länder. 1900, стр. VII.

пузыри, черезъ самый короткій промежутокъ времени. Достаточно въ этомъ отношеніи остановиться на исторіи кооперативнаго движенія въ Англіи [1]), Сѣв. Американскихъ Штатовъ [2]), Франціи [3]), чтобы съ несомнѣнностью убѣдиться въ правильности этого вывода. И наши русскія артели (Исаевъ. «Артели въ Россіи» 1881 г.) едва-ли могутъ быть признаны производительными товариществами въ полномъ смыслѣ слова, а не артелями рабочихъ, своего рода trade-unions; тамъ же, гдѣ онѣ выступаютъ въ качествѣ производительныхъ, большею частью можно видѣть уже внѣдреніе капиталистическихъ началъ даже въ самой артели, гдѣ одинъ изъ членовъ снабжаетъ всѣмъ капиталомъ и является неизмѣннымъ хозяиномъ.

Не въ этомъ была потребность, поэтому и не въ этой области кооперативное движеніе достигло того блестящаго, чрезвычайнаго успѣха, котораго отрицать нельзя. Какъ справедливо замѣчаетъ Гирке [4]), современное союзное движеніе, выступило на борьбу съ *одиночествомъ*, съ тѣмъ атомизмомъ, который характеризуетъ современное положеніе личности, оно пришло на помощь личности. Съ другой стороны, современная ассоціація въ значительной мѣрѣ является могущественной союзницей государства; объединяя гражданъ въ небольшія группы, она воспитываетъ ихъ въ духѣ общественныхъ интересовъ и гражданскаго самообладанія.

Это союзное движеніе, путемъ соединенія слабыхъ, разъединенныхъ личностей въ группы, даетъ возможность этимъ личностямъ оградить свои имущественные интересы, устоять при всякихъ невзгодахъ и бѣдствіяхъ жизненныхъ, наконецъ, поддерживаетъ и руководитъ ими въ нравственномъ отношеніи.

Формы и виды союзовъ чрезвычайно разнообразны. Число союзовъ растетъ съ невѣроятною быстротою; послѣдніе охватываютъ большую часть народовъ во всѣхъ государствахъ, лучшей характеристикой могутъ служить цифры оффиціальнаго англійскаго отчета за 1898 г. (Blue Books, Reports,) о Friendly Societies, industrial and proffessional societes, trade unions и *только* зарегистрированныхъ, что далеко не передаетъ дѣйствительнаго

---

[1]) Beatrice Potter (Miss Sidney Webb), The cooperative movement in Great Britain 1904.

[2]) Iohns Hopkins University, Studies. History of Cooperative in the United States. 1888.

[3]) Valleroux, наз. соч. и т. д.

[4]) Н. с. т. I, стр. 882.

положенія, напримѣръ trade-unions чуть ли не въ три раза меньше показано въ отчетѣ, чѣмъ исчисляютъ частные изслѣдователи; отчетъ указываетъ на существованіе въ Англіи 48.342 обществъ [1]) съ 24.189.867 членами; капиталы этихъ обществъ въ совокупности доходятъ до суммы 322.146.422 L. Особенно интересна, разумѣется, цифра, опредѣляющая число членовъ.

Наиболѣе распространенными являются союзы, такъ сказать, являющіеся въ извѣстной степени, по характеру преслѣдуемыхъ ими цѣлей, преемниками средневѣковыхъ корпорацій, гильдій, цеховъ, братствъ. Въ этомъ отношеніи, прежде всего, слѣдуетъ остановиться на союзахъ взаимопомощи и на такъ называемыхъ рабочихъ союзахъ (trade-unions).

Союзы взаимопомощи — это по истинѣ наслѣдники не только средневѣковыхъ братствъ, но еще римскихъ collegia tenuiorum, существуютъ во всѣхъ государствахъ. Во Франціи они носятъ названіе sociétés de secours mutuels, въ Англіи Friendly Societies и д. т.

Въ мою задачу, разумѣется, вовсе не входитъ давать подробное и полное обозрѣніе этихъ единеній, да это бы вывело меня совершенно изъ границъ настоящаго изслѣдованія. Въ моихъ цѣляхъ достаточно дать характеристику даннаго типа единеній и привести нѣкоторыя статистическія данныя.

Уже въ 1852 г. по даннымъ приводимымъ гр. Оссонвиль [2]) во Франціи числилось 2.655 Societes de secours mutuel, въ которыхъ было 318.256 член., общества эти располагали капиталомъ около 12 милліоновъ франковъ: Съ тѣхъ поръ эти общества непрерывно расли и въ 1902 г. Ростанъ [3]) уже опредѣляетъ число этихъ обществъ въ 15.000, а число членовъ въ 2.750.000.

Въ Англіи по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ Blue Books Report за 1898 числилось 28.757 Friendly Societies; капиталъ этихъ обществъ равнялся 9.012.972 г. Но если причислить къ нимъ родственныя по характеру цѣли общества Working clubs и образованныя самими же союзами взаимопомощи Medical and Benevolent societies (послѣднихъ всего 163), то число членовъ опредѣлится въ 11.424.810, а Funds въ 37.917.702. Friendly Societies Act 1896 г. опредѣляетъ цѣли, преслѣдуемыя этими сою-

---

[1]) Считая въ числѣ нихъ provident societies, building societies, cooperativ societies trade unions and saving banks.

[2]) Misères et remedes, etudes sociales. 1892.

[3]) Eugene Rostand L'oaction sociale par l'initative privée I—III. 1901.

зами такъ: помощь обѣднѣвшимъ и поддержаніе членовъ союза и ихъ женъ, вдовъ, отцевъ, братьевъ, сестеръ на время болѣзни, неспособности къ работѣ, вдовства, сиротства. Платежи на случай рожденія, смерти, пособіе на похороны. Hendersorn[1]) опредѣляетъ эти общества какъ союзы взаимнаго страхованія отъ разоренія, деклассаціи, благодаря болѣзни, смерти или другого несчастья, считаетъ, что они осуществляютъ задачи превентивной филантропіи, что ихъ будущее громадно, они вѣроятно устранятъ необходимость въ особыхъ пенсіяхъ на старость. Къ тѣмъ же обществамъ должны быть причислены основанныя здѣсь на началахъ союзныхъ 2.425. Building Sociecties.

Въ Сѣверо-американскихъ штатахъ, по даннымъ приводимымъ Rostand, числилось близкихъ по цѣлямъ къ союзамъ взаимопомощи Building, and loan societies 6.100 съ капиталомъ въ 3.220.000.000 франковъ.

Кромѣ того опять таки наиболѣе близко подходящія къ указаннымъ по цѣли кооперативныя общества потребительскія (съѣстныхъ припасовъ); ихъ числилось въ Англіи 1.442 съ 302.000 членовъ и доходомъ ежегоднымъ въ 130 милліоновъ франковъ. Во Франціи такихъ же cooperatives de consommation насчитывалось 1 089.

Въ Германіи кооперативныхъ товариществъ по вычисленіямъ Ростана 9.417, съ капиталомъ болѣе 2 милліардовъ марокъ.

Въ Бельгіи еще въ 1898 г. было всего 1.128 Societés cooperatives различныхъ видовъ а въ 1903 г. ихъ насчитывалось уже 2.001 [2]). Общества взаимопомощи растутъ также крайне быстро; такъ еще въ 1894 г. насчитывалось всего 646 такихъ обществъ, а къ концу 1902 г. ихъ было уже 6.239, считая въ числѣ ихъ и 37 союзовъ этихъ обществъ [3]).

Для выясненія, хотя бы приблизительнаго, размѣровъ кооперативнаго движенія въ Россіи, въ виду бѣдности нашей литературы по этому вопросу, я обратился къ первоисточнику, къ настольнымъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства (бывш. хоз. департ. мин. вн. д.), въ которыхъ отмѣчаются утвержденные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ уставы такихъ кооперативныхъ обществъ.

Вотъ общіе результаты моихъ подсчетовъ. Потребитель-

---

[1]) *Henderson*, Modern Methois of Charity· 1904, стр. 223.

[2]) A. *Vermeersch*, Manuel Social. La legislation et les oeuvres en Belgique 1904, p. 641.

[3]) Тамъ же, стр. 648.

ныхъ товариществъ я насчиталъ 869; обществъ взаимопомощи вообще во всей Россіи 464; кромѣ того въ Прибалтійскихъ губерніяхъ имѣется около 400 обществъ взаимопомощи на случай несчастія отъ пожара. Похоронныхъ кассъ, которыя являются такими же обществами взаимопомощи, насчитывается 344, кромѣ того около 50 похоронныхъ и инвалидныхъ кассъ. Наконецъ ссудосберегательныхъ кассъ около 477.

Даютъ ли однако эти цифры сколько нибудь приблизительно вѣрное представленіе о числѣ указанныхъ союзовъ.

На это я могу отвѣтить приведеніемъ слѣдующаго примѣра. Послѣ того что я уже произвелъ свой подсчетъ, г. Сапелкинъ весьма обязательно прислалъ мнѣ только что выпущенное имъ въ свѣтъ изданіе «Потребительныя и сельско-хозяйственныя общества Россійской Имперіи». Авторъ прибѣгъ къ выясненію положенія на мѣстахъ путемъ письменныхъ запросовъ и въ то время какъ у меня получилось всего 869 потребительныхъ обществъ, имъ число этихъ обществъ опредѣляется въ 1.168, съ капиталомъ около 10 милліоновъ рублей (паевой и запасной) и оборотомъ въ 1904 г. болѣе чѣмъ въ 28 милліоновъ рублей.

Для объясненія этой разницы слѣдуетъ замѣтить, что министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, начиная съ 1897 г. утвержденъ рядъ нормальныхъ уставовъ, а утвержденіе согласно съ этими нормальными уставами уставовъ отдѣльныхъ обществъ предоставлено на мѣстахъ губернаторамъ, которые, повидимому, не всегда доносятъ объ утвержденіи, а тѣмъ болѣе о судьбѣ этихъ обществъ.

Нормальные уставы, какъ мнѣ объяснили въ министерство внутреннихъ дѣлъ, не являются исключительно произведеніемъ чиновъ этого министерства и представляютъ собою въ значительной мѣрѣ объединеніе тѣхъ отдѣльныхъ положеній, которыя наиболѣе часто включались въ отдѣльныхъ уставахъ. представлявшихся на утвержденіе самими обществами. Поэтому, я позволю себѣ отмѣтить нѣкоторыя положенія этихъ уставовъ, какъ имѣющія непосредственное отношеніе къ моей темѣ. Такъ примѣчаніе къ § 1 утв. 13 мая 1897 г. нормальнаго устава потребительныхъ обществъ говоритъ, что при обществѣ могутъ быть организуемы учрежденія, имѣющія цѣлью улучшить матеріальныя и *нравственныя условія жизни членовъ общества.* Въ составъ общества не могутъ приниматься лица, подвергшіяся ограниченію правъ

по суду, (§ 12 примѣч. 2 п. 6). Члены, заинтересованные непосредственно въ какомъ либо вопросѣ, касающемся общества, не участвуютъ при его рѣшеніи (§ 16 примѣч. 2). Исключеніе членовъ можетъ послѣдовать по приговору ²/₃ голосовъ наличныхъ членовъ общаго собранія, которое, по желанію исключаемаго, обязано предварительно выслушать всѣ приводимыя имъ въ свое оправданіе объясненія.

Мы не можемъ не замѣтить, по поводу приведенныхъ параграфовъ устава, что даже въ такихъ казалось бы чисто имущественнаго характера единеніяхъ преслѣдуются и цѣли нравственнаго блага членовъ и ихъ воспитаніе въ духѣ единенія и честности.

Приблизительно такія же постановленія мы встрѣчаемъ и въ утвержденныхъ министерствомъ въ 1904 г. примѣрныхъ уставахъ обществъ взаимной помощи на случай смерти, обществъ взаимной помощи вступающихъ въ бракъ.

Въ уставахъ нашихъ обществъ взаимопомощи мы встрѣчаемся, по удостовѣренію г. Прокоповича [1]) съ постановленіями, въ силу коихъ исключаются изъ общества члены, причинившіе вредъ обществу или оскорбившіе *честь* ихъ товарищей. Общества взаимопомощи выдаютъ пособіе безработнымъ, больнымъ, помогаютъ въ прiисканіи занятій, заботятся о дѣтяхъ умершихъ членовъ. Тотъ же авторъ въ другомъ своемъ изслѣдованіи [2]) даетъ гораздо бòльшую цифру ссудосберегательныхъ товариществъ, чѣмъ по даннымъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, именно 1.459. Образуются и союзы этихъ товариществъ. Довольно сильное развитіе за послѣднее время получили у насъ впервые возникшія въ 1896—98 гг. учительскія общества взаимопомощи. Они преслѣдуютъ не только матеріальную помощь членамъ и ихъ семействамъ, но и помощь учащимъ въ дѣлѣ ихъ самообразованія и образованія лицъ, принадлежащихъ къ составу ихъ семействъ [3]). На Московскомъ съѣздѣ этихъ обществъ, состоявшемся 28 декабря 1902 г., было представлено 76 обществъ.

Другой, болѣе распространенный во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ типъ союзныхъ учрежденій это trade-unions, syndicats ouvriers, Gewerkschaften и такъ далѣе, т. е. рабочіе союзы, имѣющіе непосредственной, по крайней мѣрѣ, цѣлью

---

[1]) С. Н. Прокоповичъ. Къ рабочему вопросу въ Россіи. 1905, стр. 60.

[2]) С. Н. Прокоповичъ. Кооперативное движеніе въ Россіи. 1903, стр. 97.

[3]) В. *Василевичъ*. Московскій съѣздъ представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи. 1905, стр. 26.

борьбу за интересы рабочихъ и прежде всего за установленіе возможно высокой и при томъ постоянной рабочей платы.

Начало этимъ союзамъ было положено въ Англіи, долго въ нихъ видѣли незаконные зобастовочные союзы, но уже въ 1833 г. образовалась національная лига рабочихъ союзовъ (grand national consolidated Trade-Union), съ 1868 г. начались ежегодные конгрессы изъ представителей отъ этихъ союзовъ во всей странѣ, образовался свой рабочій «парламентъ» для разработки законодательныхъ предположеній. Число этихъ союзовъ въ Англіи все расло, теперь ихъ приблизительно около 1.500, въ составъ которыхъ входитъ около 2 милліоновъ членовъ, они въ общемъ располагаютъ громадными доходами [1]); въ общемъ они охватывали 10 лѣтъ тому назадъ, по вычисленіямъ Webb, около 20% рабочаго населенія. Кромѣ того въ Англіи существуютъ совершенно аналогичные по организаціи и цѣлямъ союзы сельскихъ рабочихъ, въ составъ коихъ входитъ, по вычисленіямъ Кулеманна, около 100.000 рабочихъ.

Широкое развитіе рабочіе союзы получили также въ Германіи по свѣдѣніямъ Кулеманна къ 1900 г. ихъ насчитывалось около 1.673. Кромѣ того до 300.000 членовъ состоитъ въ такихъ рабочихъ союзахъ, возникшихъ на почвѣ конфессіональной: лютеранской, католической и общехристіанской. Во Франціи по свѣдѣніямъ Кулеманна и Fraquet (упом. выше) имѣется около 2.316 синдикатовъ рабочихъ фабричныхъ (431.796 чел.) и 1317 такихъ же синдикатовъ сельскихъ рабочихъ (членовъ 438.596). Кромѣ того рабочими образовано около 1.017 bureaux de placement и 321 sociétés de secours mutuels.

Рядомъ съ этими двумя видами союзовъ мы можемъ отмѣтить громадное число частныхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ (Шульце-Деличъ) и народныхъ банковъ, потребительныхъ товариществъ; товариществъ, преслѣдующихъ спеціальныя цѣли обезпеченія здоровыхъ и дешевыхъ квартиръ, помощь больнымъ дѣтямъ, женщинамъ, старымъ, помощь на случай смерти. И при томъ, я долженъ отмѣтить, что я пока вовсе не касаюсь обществъ благотворительныхъ – область филантропіи поставлена нынѣ на такихъ новыхъ и знаменательныхъ началахъ, что она заслуживаетъ особаго изученія. Я не

---

[1]) Подробнѣе см. Luigio *Brentano*. Die Arbeitergilden der Gegenwart 1871. *Kulemann*. Die Gewerkschaftstbewegung. 1900, *Sidney and Beatrice Webb*. Die Geschichte des Britischen Tradeunionismus. 1895. Heinrich Herkner. Die Arbeterfrage. 1901 и др.

буду также говорить здѣсь о цѣломъ рядѣ союзовъ, преслѣдующихъ цѣли чисто нравственныя.

Я отмѣчу громадное количество союзовъ трезвости; такъ въ Сѣв. Америк. Штатахъ (Rostand) около 8.000 такихъ обществъ и кромѣ того особый орденъ добрыхъ храмовниковъ, насчитывающій 650.000 членовъ. Такія же общества на религіозной и на внѣ конфессіональной почвѣ считаются тысячами во всѣхъ государствахъ.

Кромѣ специальныхъ обществъ трезвости, мы встрѣчаемъ и другіе союзы, преслѣдующіе ту же цѣль въ числѣ другихъ цѣлей. Такъ въ Англіи существуютъ рабочіе ордена[1]), которые не только заботятся объ искорененіи пьянства среди своихъ членовъ и внѣ, но и о обезпеченіи образованія и развитія своихъ членовъ, о воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей членовъ, пріученіи ихъ къ бережливости и т. д.; нерѣдко эти ордена вызываютъ къ жизни и спеціально посвященныя интересамъ дѣтства общества (juvenile societies).

Нравственное вліяніе обществъ трезвости и подобныхъ орденовъ рабочихъ не подлежитъ, казалось бы, особому доказыванію. Но необходимо подробнѣе остановиться на той роли, въ смыслѣ поддержанія общественной нравственности, а равно и удержанія отъ преступленія, которую играютъ всѣ выше отмѣченные союзы взаимопомощи, рабочіе, всякія ссудо-сберегательныя и потребительныя товарищества.

Всѣ они вѣдь, повидимому, преслѣдуютъ совершенно практическія, чисто матеріальныя цѣли. Однако даже и въ этихъ предѣлахъ не слѣдуетъ забывать того громаднаго значенія, которое имѣютъ эти союзы по устраненію той матеріальной почвы для преступленія, о которой я говорилъ выше въ главѣ о факторахъ преступности; благодаря имъ достигается обезпеченіе достаточной постоянной рабочей платы, обезпеченіе помощи во всѣхъ случаяхъ матеріальнаго ослабленія, наконецъ возможность выгоднаго сбереженія, хоть и небольшихъ средствъ. Все это является, разумѣется, важной силой, противодѣйствующей развитію пауперизма, одиночества, деклассаціи.

Какъ справедливо замѣчаетъ Брентано[2]) цѣль trade-unions не столько повышеніе заработной платы, сколько обезпеченіе постоянства этой платы и такимъ образомъ обезпеченіе того, что англичане называютъ standard of life. Это очень важное по-

---

[1]) Ср. Яроцкій н. с. т. I, стр. 220.

[2]) Н. с. т. II, стр. 132.

нятіе въ переводѣ на русскій языкъ, разумѣется, свободномъ, обозначаетъ человѣческія условія существованія, условія существованія, отвѣчающія общественному положенію даннаго человѣка (слѣдовательно, размѣръ благосостоянія вполнѣ относительный) и при томъ постоянныя, безъ колебанія. Если человѣкъ не имѣетъ возможности жить по-человѣчески, прилично, не хуже другихъ, занимающихъ такое же положеніе, фабричнаго рабочаго, напримѣръ; если онъ не въ состояніи имѣть отдѣльной комнаты для семьи, не посылать дѣтей нищенствовать, имѣть каждый день горячую пищу, не ходить въ лохмотьяхъ. Если этого нѣтъ и становится стыдно передъ себѣ подобными, теряется честь общественная, то необходимое, пусть даже на первый взглядъ внѣшнее уваженіе, въ которомъ однако содержится и много далеко не внѣшняго, то начинается деклассація. Ибо лишеніе такого уваженія есть вмѣстѣ съ тѣмъ укоръ образу жизни, поведенію, неспособности или неумѣнію жить. Несомнѣнно, потеря Standard of life — есть начало деклассаціи.

Но, повторяю, помимо этихъ матеріальныхъ, благотворныхъ, послѣдствій союзной дѣятельности есть и громадныя послѣдствія и моральныя, и при томъ оказывающія прямое вліяніе на преступность.

Какое громадное значеніе имѣетъ тотъ фактъ, отмѣчаемый Геркнеромъ [1]), что ростъ trade-unions влечетъ за собою уменьшеніе забастовокъ. Такъ, за время съ 1892 г. по 1900 г. число членовъ этихъ союзовъ въ Англіи увеличилось съ 1.502.358 до 1.905.116 человѣкъ, а число пропущенныхъ по случаю забастовокъ рабочихъ дней уменьшилось съ 17.381.936 до 3.152.694 въ годъ. Я думаю, едва ли надобно пояснять, въ какой мѣрѣ всякая забастовка не только пагубна для матеріальнаго положенія рабочаго, но сколько она влечетъ за собою споровъ, столкновеній, насилій и даже тяжкихъ преступленій.

Для достиженія этихъ цѣлей trade unions располагаютъ особыми boards of conciliation, а если соглашеніе не удается, boards of arbitration. Но, повторяю, кромѣ чисто боевыхъ, матеріальныхъ, цѣлей даже trade unions преслѣдуютъ рядъ другихъ; онѣ тратятъ большія деньги въ видѣ пособій на похороны, на леченіе, пенсій инвалидамъ труда, сиротамъ, пособій въ несчастныхъ случаяхъ, въ случаяхъ выселенія и т. д.

То же самое мы встрѣчаемъ и въ другихъ корпораціяхъ,

---

[1]) Die Arbeiterfrage. 1902.

какъ германскіе рабочіе союзы, сберегательныя кассы германскія, датскія и т. д. Всѣ они тратятъ большія деньги на общеполезныя цѣли: на содержаніе библіотекъ, устройство чтеній, даже прямо классовъ и цѣлыхъ школъ. Въ этихъ тратахъ сходятся всѣ кооперативныя товарищества.

Но и на этомъ не ограничиваются;—какъ говоритъ Брентано, англійскіе рабочіе союзы стремятся къ повышенію нравственнаго настроенія, «тона» своихъ членовъ. Они съ большимъ разборомъ принимаютъ въ свой составъ и если вступающій дурно ведетъ себя, то ему предлагаютъ прежде измѣнить образъ жизни, въ противномъ случаѣ онъ принятъ не будетъ. Далѣе, пособіе отъ общества не выдается тому, кто потерялъ работу вслѣдствіе пьянства, лѣности. Если членъ общества совершилъ растрату, укрывательство, то онъ исключается изъ общества и имя его отмѣчается. За пьянство на собраніяхъ и за другія нарушенія статутовъ взысканія, за путешествующими надзоръ.

Въ Германіи въ силу Gewerbenovellen 1883 и 1885 г. возстановлены корпораціи для мелкой промышленности въ цѣляхъ, какъ говоритъ Von Schulze-Gaevernitz [1]), развитія чувства солидарности, профессіональной чести, правильнаго образованія и обученія учениковъ, устраненія разногласія съ хозяевами.

Но кромѣ того, важнымъ обстоятельствомъ является то, что большинство указанныхъ выше разнаго рода обществъ, въ отдѣльности, очень не велики по составу, въ особенности всѣ общества взаимопомощи societes de secours mutuels, Friendly societies. При такихъ условіяхъ, громадный нравственный надзоръ членовъ другъ за другомъ, штрафы, исключенія [2]) за самыя малѣйшія нарушенія требованій нравственности.

Наконецъ самый духъ сотрудничества, коопераціи, дѣйствуетъ благотворно. Кооперація, говоритъ Ростанъ [3]), это самопомощь, единеніе соціальныхъ силъ, дѣятельность братская, но въ то же время личная, дисциплина подъ руководствомъ избранныхъ начальниковъ.

Однимъ словомъ, всѣ эти общества являются группировками, въ которыхъ царствуетъ нравственный, здоровый порядокъ. Они пользуются довѣріемъ, уваженіемъ и со стороны не принадлежащихъ къ обществу. У нихъ есть нравственная честь, и принадлежность къ такимъ обществамъ уже до-

---

[1]) Zum socialen Frieden. 1896, стр. 114.

[2]) Ср. Яроцкій, т. I, стр. 406.

[3]) Н. с., стр. 65.

ставляетъ честь, достоинство отдѣльной личности. Въ ней создается стимулъ беречь эту честь, это достоинство, эту незапятнанную репутацію, уваженіе членовъ того же общества, уваженіе постороннихъ.

А что же можетъ быть признано болѣе важнымъ стимуломъ, воздерживающимъ отъ совершенія преступленій, какъ имѣніе чести общественной и желаніе вполнѣ естественное ее сохранить.

Я остановился на нѣкоторыхъ видахъ современнаго союзнаго движенія по связи ихъ съ средневѣковыми корпораціями; въ дальнѣйшемъ я остановлюсь особо на тѣхъ только современныхъ единеніяхъ, которыя имѣютъ болѣе или менѣе непосредственное отношеніе къ дѣлу борьбы съ преступностью, но прежде, я считаю необходимымъ остановиться на общихъ чертахъ, отличающихъ современный союзный строй отъ средневѣковаго, и на тѣхъ силахъ, которыя вызываютъ громадный и быстрый ростъ единеній въ наше время.

Еще Лоренцъ Штейнъ, о которомъ я вспоминаю съ благоговѣніемъ, какъ о моемъ учителѣ и блестящемъ лекторѣ по Вѣнскому университету, подъ непосредственнымъ руководствомъ котораго мнѣ пришлось работать около полугода, въ третьемъ томѣ своего сочиненія, посвященнаго трактату объ исполнительной власти, остановился подробно на союзномъ строѣ и на союзномъ правѣ или, лучше сказать, на юридическомъ конструированіи союзовъ, какъ института правового [1]).

Союзный строй, говорилъ тогда (въ 1869 г.) Лоренцъ Штейнъ, стоитъ еще на первыхъ ступеняхъ своего развитія; ему предназначено въ будущемъ и онъ въ состояніи дѣйствительно занять такое мѣсто въ общественной и частной жизни, о важности и значеніи котораго мы даже не въ состояніи въ настоящее время составить себѣ приблизительнаго представленія.

Штейнъ, какъ извѣстно, выходитъ изъ высокаго представленія о личности; онъ всецѣло стоитъ на томъ понятіи о личности, о человѣкѣ-гражданинѣ, которое создано было мыслителями XVIII столѣтія и французской революціей. Каждая личность, каждый человѣкъ, совершенно безотносительно къ его происхожденію, къ той классовой группировкѣ по со-

---

[1]) L. *v. Stein.* Die vollziehende Gewalt. 3 Theil. Das System des-ereinswesens und des Vereinsrcchts 2 Aufl. 1869.

стоянію, образованію, семьѣ, къ которой онъ принадлежитъ, имѣетъ одинаковое съ другими личностями право на развитіе заложенныхъ въ ней природою силъ, на полное и наиболѣе притомъ совершенное развитіе этихъ силъ; ограничиваясь только этими внутренними силами, каждая личность имѣетъ право ставить себѣ самыя высокія цѣли въ жизни и стремиться къ ихъ достиженію. Но вотъ тутъ то именно, когда эти права личности оговорены и оказывается, что каждая личность въ одиночку не въ состояніи обезпечить себѣ благопріятныя условія развитія своихъ внутреннихъ силъ, и тѣмъ менѣе достигнуть намѣченыхъ цѣлей, даже не высокихъ. Только при дружномъ содѣйствіи многихъ личностей указанныя условія обезпечиваются для каждой изъ отдѣльныхъ личностей; въ обществѣ и единеніи съ другими личность находитъ необходимое восполненіе своихъ силъ. Нѣкоторыя единенія даны, такъ сказать, самою природою, помимо воли личности, она вынуждена участвовать въ нихъ и подчиняться ихъ требованіямъ. Таковы единенія государственныя и группировки организаціи самоуправленія для завѣдыванія мѣстными дѣлами. И тѣ и другія единенія ограничены территоріально, національно и имѣютъ своею задачею обезпеченіе главнымъ образомъ тѣхъ общихъ условій общежитія, которыя въ равной степени необходимы для всѣхъ личностей, безъ всякаго принятія во вниманіе ихъ индивидуальныхъ потребностей. Другое дѣло союзы; это область свободнаго самоопредѣленія, тутъ не получается, а создается единеніе по собственной волѣ. Союзы могутъ быть разные, но ихъ объединяетъ именно свобода, а главное положеніе личности, именно ея самоопредѣленіе и возможность таковаго. Въ союзѣ душа—это цѣль, одухотворяющая, объединяющая, создающая и средства, и жизнь союза. Но для превращенія въ самостоятельно существующее цѣлое, достойное преслѣдуемой цѣли, необходима организація. Здѣсь нѣтъ, какъ въ государствѣ, подданныхъ, здѣсь есть члены, союзы — единенія свободныхъ, равноправныхъ и правоспособныхъ личностей, выражающихъ свою волю въ общемъ собраніи союза. Только воля всѣхъ членовъ — законъ союза. Исполнительная власть отдѣлена отъ законодательной и подчинена послѣдней, отсюда въ союзахъ осуществляется въ дѣйствительности правомѣрное, законосообразное, административное право и въ этомъ и зиждется секретъ успѣха союзовъ. Только съ момента раздѣленія административной и законодательной власти, можно говорить о союзахъ въ культурномъ смыслѣ этого слова.

Мало того, именно благодаря своей организаціи, союзы пріобрѣтаютъ громадное этическое значеніе и оказываютъ сильное вліяніе на государственный строй и самоуправленіе. Государственный строй почти всегда складывается подъ вліяніемъ неравенства, господства одной части населенія надъ другой, и это господство въ концѣ концовъ получаетъ защиту въ правѣ. Наоборотъ, въ союзахъ, самое основаніе членства предполагаетъ равенство, равное участіе членовъ, и это начало борется съ началомъ неравенства, проведеннымъ въ государственномъ строѣ; если въ союзѣ проявляется неравенство, группа членовъ господствующая, то союзъ погибаетъ. Но не слѣдуетъ при этомъ забывать, какое опредѣленіе Лоренцъ Штейнъ даетъ союзу (Verein). Verein это высшая форма единенія. Всѣ единенія въ прежнее время объединяли лишь людей одного состава, одной касты, одного призванія; и теперь имѣются общества въ отличіе отъ союзовъ, которые преслѣдуютъ чисто личныя, промышленныя, цѣли своихъ членовъ, гдѣ голоса распредѣляютъ по числу принадлежащихъ акцій, гдѣ возможно неравенство. Союзы, наоборотъ, тѣмъ и отличаются, что преслѣдуемая ими цѣль лежитъ внѣ непосредственно личныхъ интересовъ членовъ и можетъ быть имъ полезна лишь настолько же, насколько и всему остальному населенію.

Отличительная черта союзнаго строя та, что онъ можетъ ставить себѣ всѣ цѣли, которыя можетъ только преслѣдовать человѣчество; онъ охватываетъ всю жизнь человѣка; по самой идеѣ, по самому принципу союзной организаціи, ни одна цѣль, ни одна задача не можетъ быть признана слишкомъ высокой для него (ср. 105). Разница между союзомъ и государствомъ лишь та, что государство можетъ преслѣдовать всѣ цѣли, которыя преслѣдуетъ человѣчество, одновременно, а каждый союзъ въ отдѣльности можетъ стремиться лишь къ какой-нибудь одной опредѣленной цѣли. Но за то за союзомъ имѣются и громадныя преимущества передъ государствомъ; по самому характеру своей дѣятельности, выражающейся въ общихъ для всѣхъ подданныхъ одинаковыхъ нормахъ, государство можетъ требовать только одного и того же напряженія силъ, однихъ и тѣхъ же услугъ. Конечно, размѣръ этихъ обязательныхъ и подневольныхъ услугъ не можетъ ни въ какой степени сравниваться съ тѣмъ добровольнымъ служеніемъ идеѣ, принципу, избранной цѣли, съ которымъ мы встрѣчаемся въ союзѣ. Здѣсь напрягаются и примѣняются всѣ силы, всѣ дарованія личности и при томъ

именно въ той сферѣ, въ той отрасли дѣятельности, къ которой у нея имѣются способности. Результаты получаются совершенно иные. Разумѣется, для такого свободнаго примѣненія силъ личности должны существовать гарантіи свободы личности, долженъ существовать свободный политическій строй.

Цѣли, преслѣдуемыя союзами, самыя разнобразныя: духовныя, умственныя, образовательныя, хозяйственныя. Но кромѣ того есть союзы, которые преслѣдуютъ цѣль соціальнаго уравненія. Во всѣ періоды исторіи мы встрѣчаемся съ классами богатыхъ, обезпеченыхъ и бѣдныхъ. Эти различія, эти классы можетъ быть неизбѣжны, но важно, чтобы была возможность для отдѣльной личности свободнаго перехода изъ класса въ классъ, а съ другой стороны важно, чтобы направлена была союзная дѣятельность на сглаженіе слишкомъ рѣзкихъ крайностей, диссонансовъ. И вотъ на удовлетвореніе этихъ потребностей и направлена дѣятельность союзовъ, такъ какъ государство обезпечиваетъ только равную всѣмъ правовую защиту. Штейнъ различаетъ три вида такихъ союзовъ. Союзы помощи неимущимъ, далѣе союзы, имѣющіе въ виду сгладить рознь классовую, и наконецъ союзы взаимопомощи, для борьбы за высоту рабочей платы и т. п., Friendly societies и т. д.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, ученіе Лоренца Штейна по данному вопросу. Нельзя у него отнять той стройной широты и красоты, которою отличаются всѣ вообще научныя построенія Штейна. Я не собираюсь jurare in verba magistri, но остановлюсь на слѣдующихъ положеніяхъ, которыя, по-моему, вытекаютъ, какъ изъ этого ученія, такъ и вообще изъ сравненія основныхъ чертъ средневѣковаго союзнаго строя съ современнымъ.

Главное отличіе современнаго союзнаго строя именно широта организаціи. Каждый союзъ объединяетъ въ себѣ не людей только одной профессіи, а всѣхъ, всякихъ профессій, всякихъ общественныхъ положеній лицъ, разъ они интересуются тѣмъ дѣломъ, надъ которымъ работаетъ союзъ. За то современный союзъ и не поглощаетъ такъ всецѣло личности какъ средневѣковой, онъ вызываетъ необходимость посвященія дѣлу этому только части силъ личности, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не налагаетъ и тѣхъ часто весьма стѣснительныхъ ограниченій и регламентированія, которыя влекло за собою принадлежность къ средневѣковому союзу.

Эта широта организаціи даетъ возможность расширенія

и задачъ и цѣлей преслѣдуемыхъ, расширеніе горизонта, не ограничивая его интересами, корпоративными.

Но слѣдуетъ именно отмѣтить, что эта широкая постановка и стала только возможной, благодаря уничтоженію средневѣкового политическаго строя, благодаря тому что великой революцiей, и философами, подготовившими это движеніе, было создано понятіе *человѣческой личности* какъ таковой, безотносительно къ ея классовому и общественному положенію, при чемъ этой личности были гарантированы широкія политическія и гражданскія права.

Но это объединеніе всѣхъ корпоративныхъ, классовыхъ, сословныхъ личностей въ одну общечеловѣческую личность дало возможность образоваться и тѣмъ научнымъ теченіямъ и даже больше тѣмъ народнымъ взглядамъ, которые говорятъ о общечеловѣческихъ правахъ, общечеловѣческихъ потребностяхъ, о братствѣ и равенствѣ личностей, объ общности интересовъ всего человѣчества, или какъ говорили Геллертъ, Клопштокъ, Гердеръ и др. о гуманизмѣ. Это сознаніе общности человѣческихъ интересовъ, или какъ теперь говорятъ *солидарности* этихъ интересовъ и является тою крупною громадною силою, которая вызываетъ, сознательно или безсознательно для отдѣльныхъ участвующихъ въ движеніи личностей, то колоссальное союзное движеніе и развитіе союзовъ, при которомъ мы присутствуемъ.

Если понятіе гуманизма сводилось главнымъ образомъ къ пробужденію, къ оживленію застывшаго, даже въ лонѣ христіанской церкви, чувства любви и состраданія къ ближнему, то новое движеніе въ пользу солидарности основывается на вполнѣ продуманныхъ соображеніяхъ и указываетъ на зрѣлость народнаго сознанія въ культурныхъ государствахъ. Оно въ сущности выходитъ изъ двухъ положеній: во-первыхъ изъ сознанія въ полномъ безсилiи личности достичь развитія своихъ силъ и удовлетворенія своихъ потребностей безъ содѣйствія другихъ такихъ же личностей. Даже такой поклонникъ государственнаго единенія, какъ единственной будто бы силы, способной обезпечить дѣйствительное удовлетвореніе всѣхъ человѣческихъ потребностей, какъ Рудольфъ Іерингъ (Zweck im Recht, B. 1 3 Aufl стр. 87) и тотъ признавалъ что «общество есть въ сущности строй жизни для другихъ и при посредствѣ другихъ—а такъ какъ отдѣльная личность, поскольку она имѣетъ какія либо качества, пріобрѣла ихъ благодаря другимъ—то и общество или общеніе съ другими (Gesellschaft) является единственно возможной формой

жизни и въ личныхъ интересахъ личности и такимъ образомъ въ дѣйствительности просто единственною формою человѣческой жизни вообще.

Но и кромѣ недостаточности человѣческихъ силъ, основанія можетъ быть черезчуръ эгоистичнаго, есть еще другое основаніе современнаго чувства солидарности—это чувство неуплаченнаго долга, сознаніе, что все, чѣмъ мы пользуемся и чѣмъ мы являемся въ культурномъ обществѣ, всѣмъ этимъ мы обязаны не только современникамъ, но и всѣмъ предыдущимъ поколѣніямъ. Какъ говорилъ Leon Bourgeois на конгрессѣ соціальнаго воспитанія въ Парижѣ въ 1900 г. [1]) «человѣкъ рождается должникомъ общества. Эта идея, которая было еле намѣчена въ древности, развилась въ наше время до степени несомнѣнной истины: человѣкъ принимая пищу, примѣняя какое нибудь орудіе, читая книжку, выражая какую нибудь мысль, во всѣхъ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ позаимствованію изъ общаго соціальнаго фонда, изъ плодовъ труда, накопленныхъ другими. Такимъ образомъ становится почти совершенно невозможнымъ опредѣлить, какая въ дѣйствительности доля труда, создавшаго данное произведеніе, принадлежитъ въ дѣйствительности тому лицу, которое называетъ это произведеніе своимъ. Началу эгоизма, крайностямъ индивидуализма, ученію, что весь прогрессъ, все развитіе человѣчества проходитъ въ борьбѣ за существованіе и ею вызывается, ибо вызываетъ наибольшее напряженіе силъ каждой личности въ отдѣльности, это новое ученіе противополагаетъ соображенія о чрезвычайномъ, страшномъ, вредѣ, губительномъ для культуры и прогресса, происходящемъ отъ ничѣмъ неограниченной борьбы за существованіе. Указываютъ, что въ этой борьбѣ погибаютъ далеко не слабѣйшія только личности, а наоборотъ наиболѣе совѣстливыя, наиболѣе нравственныя, тѣ именно, которыя въ дѣйствительности только и могутъ нести свѣточь настоящаго благотворнаго для всѣхъ прогресса, не въ духѣ толпы. Обращаютъ вниманіе наконецъ, что современный строй такъ сложился, что наслѣдственныя классовыя преимущества собственника и капиталиста такъ велики, что борьба дѣйствительная, свободная, на равныхъ условіяхъ совершенно невозможна и что такимъ образомъ подрывается самый принципъ ученія индивидуалистическаго и свободной конкурренціи—значительная сила всего современнаго прогресса—энергія лич-

---

[1]) Leon Bourgeois. Solidarité Quatrième edition. 1904, p. 176.

ности. Для борьбы съ этимъ строемъ и въ особенности съ его пагубными послѣдствіями слабѣйщія личности вынуждены объединяться въ союзы». Но это еще все таки эгоистическое основаніе объединенія. Выше было уже указано, что общество дошло до сознанія въ существованіи неоплаченнаго долга современнымъ и предыдущимъ поколеніямъ, который лежитъ на каждой отдѣльной личности, принадлежащей къ современнымъ культурнымъ народамъ. Но и этого еще мало. Болѣе внимательное ознакомленіе съ условіями современнаго строя выяснило не только ученымъ и спеціалистамъ, но и народнымъ массамъ, что благополучіе отдѣльной личности вполнѣ зависитъ отъ благополучія другихъ личностей, принадлежащихъ къ тому же народу. Я могу начать съ самаго нагляднаго примѣра. Теперь и богатые и обезпеченные совершенно понимаютъ, что для того, чтобы оградить себя, не говорю уже отъ вспышекъ эпидемическихъ заболѣваній, но просто отъ заразительныхъ инфекціонныхъ болѣзней, надо идти и тратить средства на борьбу съ очагомъ этихъ болѣзней, съ тѣми нездоровыми гигіеническими условіями, въ которыхъ живетъ бѣднота, оградиться отъ соприкосновенія съ которой при современномъ строѣ, при современной скученности населенія, совершенно невозможно. Ну, а если постепенно то же сознаніе проникаетъ дальше, охватываетъ болѣе широкія сферы жизни, если начинаютъ понимать, что для устраненія опаснаго для жизни и имущества антагонизма между богатыми и бѣдными надо направлять усилія и дѣлать затраты на устраненіе слишкомъ рѣзкихъ диссонансовъ, на обезпеченіе по крайней мѣрѣ самыхъ первоначальныхъ, достойныхъ человѣка, условій существованія сосѣду бѣдному. Если то же сознаніе зависимости послѣ того, что убѣдились въ негодности репрессіи, какъ средства борьбы съ преступностью, начинаетъ вызывать убѣжденіе, что преступленія приносятъ совершенно непоправимый, невознаградимый, вредъ и что происходятъ они главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, отъ того, что своевременно не была подана помощь падающему, лишившемуся, благодаря современнымъ условіямъ соціальнаго и экономическаго строя, возможности жить просто соотвѣтственно достоинству человѣка. Не проникнутся ли люди, при такихъ условіяхъ, сознаніемъ, что помимо уже всякихъ гуманистическихъ, альтруистическихъ побужденій необходимо въ собственныхъ интересахъ, въ видахъ обезопасенія себя отъ невознаградимыхъ вредныхъ послѣдствій пре-

ступленія, приходить на помощь. То же сознаніе можетъ привести къ убѣжденію въ необходимости умственнаго и нравственнаго просвѣтленія массы, съ жизнью которой неразрывно и многообразно сплетается жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка, какъ бы онъ ни былъ независимъ, богатъ и т. д. Поэтому намъ становится понятнымъ, что уже въ 1900 г. въ Парижѣ былъ собранъ конгрессъ соціальнаго воспитанія. Задача этого соціальнаго воспитанія, какъ говорилъ Леонъ Буржуа [1]), вселить въ каждомъ человѣкѣ убѣжденіе, что онъ членъ общаго со всѣми людьми по крайней мѣрѣ того же народа, товарищества; это воспитаніе должно сдѣлать изъ каждаго изъ насъ существо соціальное, привить намъ привычку вести себя соціально т. е. платить какъ можно добросовѣстнѣе нашъ долгъ обществу и окружающимъ при всякомъ актѣ нашей дѣятельности, при всякомъ обмѣнѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова, произведеній нашего ума, на чужія. Это воспитаніе должно вкоренить въ насъ убѣжденіе, что на всѣхъ насъ лежитъ одинаковая отвѣтственность за все происходящее въ нашей средѣ, въ средѣ нашего общества, нашего народа; мы должны, въ концѣ концовъ, усвоить себѣ эти общія начала, выливающіяся въ соціальную совѣсть и съ точки зрѣнія этой соціальной совѣсти оцѣнивать отдѣльныя наши дѣйствія». Да, эти идеи надо распространять, чѣмъ больше тѣмъ лучше, но онѣ и безъ того существуютъ въ народныхъ массахъ. Какъ говоритъ Крапоткинъ «не на любви и не на симпатіи построено человѣческое общество. Нѣтъ, оно построено на убѣжденіи—будь это даже на степени только инстинкстивнаго убѣжденія—въ существованіи солидарности среди людей. Это можетъ быть несознательное даже признаніе той силы, которая получается каждымъ, благодаря примѣненію взаимопомощи, зависимость счастья одного отъ счастья другихъ [2]).

Это то чувство солидарности, зависимость другъ отъ друга, важность взаимопомощи, обязанность *въ собственныхъ интересахъ* бороться съ бѣдами, несчастіями и пороками, поражающими другихъ и вызываетъ стремленіе къ борьбѣ соединенными силами, къ образованію союзовъ.

Но почему же именно союзовъ; почему же человѣчество не считаетъ достаточной дѣятельность самого крупнаго

---

[1]) Н. с., стр. 182.

[2]) P. Kropotkin. Mutual aid as factor of evolution. 1902, p. XIII. Сравни также главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія экономической. Проф. *И. Озеровъ*. Изъ жизни труда. Развитіе общечеловѣческой солидарности. 1904.

единенія—государства. Надо замѣтить, что вѣра въ спасительность, во всемогущество государства и государственнаго вмѣшательства и въ наше время, когда отвернулись уже отъ теоріи laissez faire, laissez passer или какъ говорятъ англичане hands of сильно поколеблено. Да, несомнѣнно, государство не должно ограничиваться однимъ обезпеченіемъ внѣшней безопасности, оно уже и теперь вмѣшивается и будетъ еще больше вмѣшиваться въ будущемъ и въ соціальныя и экономическихъ отношенія; будетъ вводить новыя общія нормы. Но и предѣлы нормировки и вмѣшательства несомнѣнно должны существовать. Въ какой бы мѣрѣ наше время не стремилось къ осуществленію соціальной реформы, оно не дойдетъ ни до коммунизма, ни до просвѣщеннаго абсолютизма; идеи мыслителей 18 столѣтія, разсѣянныя по лицу всего культурнаго міра великой французской революціей вошли въ плоть и кровь каждаго культурнаго человѣка. Среди этихъ идей, идея личности, свобода ея внутренняго міра, свобода ея дѣятельности—одна изъ самыхъ коренныхъ и ее едвали выкинутъ когда либо; а одно изъ самыхъ ближайшихъ проявленій свободной личности—самодѣятельность, объединеніе для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Среди современныхъ ученыхъ можно указать развѣ на одного Рудольфа Іеринга, находившаго (Zveck im Recht 1 B), что общество только подготовляетъ дѣло, направленное къ достиженію извѣстной цѣли, а что затѣмъ постоянное и полное удовлетвореніе всѣхъ человѣческихъ цѣлей возможно только для государства. Но и правда то, что Іерингу, идеализировавшему германское объединеніе, государство представлялось чуть ли не молохомъ, которому должно быть принесено въ жертву все частное, все индивидуальное.

Но за чѣмъ обращаться къ болѣе отдаленнымъ возраженіямъ, когда есть непосредственныя. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ въ наше время государство, какъ личность, выражаетъ свою волю въ законодательствѣ и приводитъ ее въ исполненіе въ администраціи? Все это происходитъ при посредствѣ политическихъ партій, которыя въ дѣйствительности и законодательствуютъ и выставляютъ министровъ; а партіи организуются политическими союзами и дѣйствуютъ подъ ихъ руководствомъ и даже эти политическіе союзы остаются свободными.

Въ этомъ отношеніи, также, я не могу не привести словъ проф. Ларнода, сказанныхъ имъ въ Societé Generale des

prisons по поводу доклада Нуриссона о роли обществъ въ преслѣдованіи преступленій [1]).

«Союзъ, говорилъ Ларнодъ, уподобляютъ отдѣльной личности, не желая однако давать этому союзу тѣхъ же правъ, которыя даются отдѣльной личности и не принимая вовсе во вниманіе, что союзъ можетъ имѣть и пользоваться правами, которыя не присвоены отдѣльной личности. Права союза, не преслѣдующаго матеріальныхъ цѣлей, вовсе не исчерпываются совокупностью правъ всѣхъ его членовъ, точно также какъ и государство имѣетъ права и обязанности другія, а не тѣ только, которыя принадлежатъ его подданнымъ. Союзъ надо уподоблять не отдѣльной личности, а скорѣе государству, съ которымъ у союза имѣются очевидные признаки сходства. Союзы надо перенести съ почвы гражданскаго права на почву государственнаго права и только тогда станетъ ясною та громадная роль, которую призваны играть союзы.

Союзъ—это помощникъ одновременно и государству и отдѣльной личности. Надо же признать, что жизнь предъявляетъ такія требованія, что отдѣльная личность вынуждена отказаться отъ преслѣдованія цѣлей первостепенной важности, которыя однако не представляютъ для него непосредственнаго интереса. Чтобы выполнить задачи, для разрѣшенія которыхъ у нея нѣтъ ни охоты, ни можетъ быть и силъ, а иногда даже и смѣлости, отдѣльная личность обращается за помощью къ государству. Почему, же при такихъ условіяхъ, не существовать подъ началомъ и надзоромъ государства такимъ единеніямъ, которыя бы брали на себя выполненіе нѣкоторыхъ изъ государственныхъ задачъ и являлись бы, такимъ образомъ, посредниками между государствомъ и отдѣльною личностью.

Гирке называетъ союзы союзниками государства по выполненію общихъ задачъ, Ларнодъ помощниками, къ такимъ же приблизительно выводамъ приходитъ и Rostand (L'action sociale) и многіе другіе ученые. Въ сущности, взгляды этихъ ученыхъ не ихъ личные идеалы или пожеланія.

Они лишь констатируютъ происходящій въ дѣйствительности колоссальный ростъ союзовъ, число которыхъ все увеличивается и которые берутся все за новыя, болѣе возвышенныя, имѣющія прямо государственое значеніе, цѣли.

---

[1]) Revue penit. 1896, p. стр. 660. На работахъ Нуриссона я остановлюсь подробнѣе потомъ.

Поэтому опредѣлять теперь, какъ далеко пойдетъ это движеніе и тѣмъ болѣе, какъ распредѣлятся роли по выполненію даже прямо обще-государственныхъ задачъ между союзами съ одной стороны и органами государственнаго и земскаго управленія съ другой стороны, невозможно. Трудно и было бы неправильно рѣшительно заявлять, что такія то задачи никогда не перейдутъ ни въ какой части въ вѣдѣніе союзовъ. Въ частности, именно въ области борьбы съ преступностью, мы присутствуемъ при переходѣ значительной части всего дѣла отъ государства въ вѣдѣніе союзовъ, чему будутъ представлены ниже многочисленныя доказательства. Въ области наиболѣе близкой къ дѣлу борьбы съ преступностью, филантропіи, тоже слѣдуетъ отмѣтить во-первыхъ введеніе стройной выполнѣ отвѣчающей важному государственному значенію этого дѣла, организаціи, во-вторыхъ новую постановку задачъ, подлежащихъ преслѣдованію *опять* таки въ чисто обще-государственномъ смыслѣ и наконецъ болѣе опредѣленное разграниченіе сферъ вѣдѣнія союзовъ и государства.

Въ качествѣ признака для такого разграниченія сферъ вѣдѣнія между союзами и государствомъ можно указать на требованіе индивидуализаціи; тамъ, гдѣ осуществленіе этихъ требованій совершенно необходимо для успѣха дѣла, тамъ государственные органы, по самому характеру своей дѣятельности не имѣющіе возможности удовлетворять этимъ требованіямъ, очевидно всецѣло уступаютъ все дѣло союзамъ. Есть впрочемъ и другой признакъ разграниченія сферъ вѣдѣнія, на который можно указать. Государство несомнѣнно, какъ самое крупное единеніе, располагающее наибольшими матеріальными средствами, какъ единеніе, если не вѣчное, то во всякомъ случаѣ болѣе долговѣчное чѣмъ всякое отдѣльное сравнительно немногочисленное единеніе людей, которое легко можетъ на время, по крайней мѣрѣ, распасться, должно брать на себя всѣ крупнѣйшія затраты, которыя могутъ оправдаться черезъ десятки лѣтъ, всѣ скажу безнадежныя но необходимыя затраты; ему доступно также все, что вполнѣ установилось, обратилось въ рутину.

Но если дѣйствительно ростъ союзовъ представляетъ несомнѣнный фактъ, то какое онъ значеніе имѣетъ для дѣла борьбы съ преступностью. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я подробно остановлюсь на тѣхъ союзахъ, которые преслѣдуютъ задачу поддержать падающаго—союзахъ филантропическихъ, союзахъ, которые заняты оказаніемъ помощи павшему и воз-

вращеніемъ его въ ряды нормальнаго общества, и союзахъ, посвящающихъ свои силы попеченію о заброшенныхъ и преступныхъ дѣтяхъ и наконецъ на тѣхъ единеніяхъ и формахъ участія общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью и даже отправленіи правосудія, которыя возникаютъ въ послѣднее время и указываютъ на направленіе, въ которомъ въ будущемъ будетъ развиваться участіе общества въ этомъ дѣлѣ.

Въ настоящемъ мѣстѣ, я считаю необходимымъ остановиться на роли все болѣе увеличивающихся въ численности союзовъ не въ дѣлѣ помощи падающимъ и павшимъ, а въ дѣлѣ, носящемъ еще болѣе превентивный характеръ, а именно удержанія здоровыхъ членовъ общества отъ паденія, созданія для нихъ мотивовъ и стимуловъ, воздерживающихъ отъ безнравственныхъ и преступныхъ дѣяній.

Я уже останавливался выше на дѣятельности тѣхъ союзовъ кооперативныхъ и взаимопомощи, преемниковъ римскихъ collegia tenuiorum, которые имѣютъ своими кліентами бѣднѣйшіе слои общества, здѣсь же я имѣю въ виду общій комплексъ союзовъ, во всей ихъ массѣ, и во всѣхъ разновидностяхъ. Этотъ вопросъ непосредственно въ литературѣ не разрабатывался, но имѣется сравнительно мало извѣстное изслѣдованіе покойнаго талантливаго цивилиста Вальтера Нотнагеля, посвященное весьма близкому вопросу—карательной власти единеній, образовавшихся на почвѣ соціальныхъ интересовъ [1]). Изслѣдованіе Нотнагеля, несомнѣнно, заслуживаетъ особаго вниманія по вѣрности и глубинѣ проводимыхъ въ немъ взглядовъ; оно проливаетъ яркій свѣтъ на совсѣмъ еше мало обращавшую на себя вниманіе сторону дѣятельности союзовъ, а между тѣмъ, какъ показываютъ примѣры, приводимые самимъ Нотнагелемъ, и другіе изъ современной жизни союзной, именно эта сторона дѣятельности союзовъ быстро развивается и обѣщаетъ дать въ ближайшемъ будущемъ, по мѣрѣ развитія союзовъ, по мѣрѣ бо́льшаго ознакомленія съ этимъ вопросомъ общества, громадные результаты въ области превенціи преступленій.

Что заставляетъ прежде всего отдѣльную личность вступать въ союзъ; большею частью скорѣе эгоистическій мотивъ: желаніе упрочить свое положеніе, обезпечить достиженіе тѣхъ цѣлей, которымъ она посвятила свою дѣятельность, если не свою жизнь. Такія цѣли чрезвычайно разнообразны, такъ же разнообразны однако и союзы, и можно

---

[1]) Dr. Walther Nothnagel. Executiòn dureh sociale Interessengruppen. 1899.

сказать, нѣтъ цѣли въ жизни, для прочнаго обезпеченія достиженія которой не существовалъ бы особый союзъ. Можно подраздѣлить союзы на союзы, преслѣдующіе достиженіе исключительно матеріальныхъ выгодъ, и на союзы, посвящающіе свои силы правильной постановкѣ какой-нибудь отрасли человѣческой дѣятельности, которая можетъ составить для отдѣльнаго лица призваніе всей жизни, то, что нѣмцы называютъ Beruf. Но въ сущности, разницы большой нѣтъ, ибо несомнѣнно, что съ выполненіемъ призванія тѣсно связано и матеріальное обезпеченіе лица, посвятившаго себя данному призванію. Но нужно во всякомъ случаѣ, во всей полнотѣ, выяснить значеніе принадлежности къ союзу для каждаго отдѣльнаго лица. Для лица, занимающагося политикой—принадлежность къ политическому клубу, для спортсмена—принадлежность къ клубу спортсменовъ, для лицъ, занимающихся торговыми оборотами—принадлежность къ соотвѣтственнымъ акціонернымъ компаніямъ и промышленнымъ товариществамъ, для врача—принадлежность къ авторитетному медицинскому обществу, для рабочаго—принадлежность къ рабочему союзу, является первостепенно важнымъ. Въ сущности всѣ его интересы матеріальные и нравственные связаны съ принадлежностью къ обществу. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о тѣсной связи между матеріальнымъ обезпеченіемъ и соціальнымъ положеніемъ, во всякомъ случаѣ, въ большинствѣ случаевъ, все соціальное положеніе человѣка зависитъ отъ принадлежности къ такому обществу. Для рабочаго, члена рабочаго союза, главный нервъ его жизни—рабочая плата, всецѣло зависитъ отъ союза и нормируется для него благопріятно, пока онъ принадлежитъ къ такому обществу; въ такой-же зависимости отъ того же союза стоитъ еще много другихъ важнѣйшихъ матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ рабочаго, въ смыслѣ помощи въ разныхъ бѣдствіяхъ, въ смыслѣ участія въ политикѣ, въ смыслѣ удовлетворенія его умственныхъ потребностей, развлеченія для его семьи и т. д. Возьмемъ другую крайность—спортсмена, и для него съ клубомъ спортсменовъ связаны важные интересы его жизни, здѣсь въ обществѣ онъ получаетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія по интересующему его специальному дѣлу, такъ какъ здѣсь эти свѣдѣнія собираются; здѣсь устанавливаются новые обычаи и правила, которыми необходимо руководствоваться всякому занимающемуся дѣломъ; здѣсь подготовляются всякія сдѣлки, происходятъ соглашенія по пріобрѣтенію необходимыхъ приспособленій, обмѣну или облегченію и устройству даннаго спорта

и т. д. Такимъ образомъ мы уже находимся передъ двумя безспорными положеніями. Во всякомъ спеціальномъ дѣлѣ имѣется союзъ, обезпечивающій достиженіе данной спеціальной цѣли; и чѣмъ болѣе дѣло развивается, тѣмъ болѣе правильное веденіе его становится возможнымъ лишь соединенными силами. Далѣе, для отдѣльной личности, поэтому, чрезвычайно важна принадлежность къ союзу, съ этою принадлежностью связаны всѣ ея матеріальные и моральные интересы; поэтому побуждаетъ личность вступать въ союзъ чисто эгоистическій мотивъ лучшаго удовлетворенія своихъ интересовъ.

Но на этомъ и кончается дѣйствіе чисто эгоистическихъ мотивовъ. Вступленіе въ союзъ есть оффиціальная, такъ сказать, приписка къ извѣстному дѣлу, къ извѣстной отрасли человѣческой дѣятельности, удовлетворяющей извѣстнымъ народнымъ, общественнымъ потребностямъ. Но какъ говорилъ еще Ірингъ, избраніе какого-нибудь соціальнаго положенія есть вмѣстѣ съ тѣмъ принятіе на себя извѣстныхъ обязанностей передъ обществомъ. Это въ сущности повтореніе или возрожденіе того же средневѣковаго принципа— чести даннаго ремесла, какъ извѣстной общественной функціи. О поддержаніи этой чести заботится общество; у него не можетъ быть, даже если мы возьмемъ чисто экономическое общество, преслѣдующее чисто матеріальныя цѣли, уже чисто эгоистическихъ, исключительно своекорыстныхъ, побужденій, которыя могли бы его натолкнуть на дѣйствія безнравственныя, роняющія честь даннаго дѣла. Я не говорю, разумѣется, могутъ быть исключенія, но вѣдь такія общества и союзы въ сущности довольно скоро и погибаютъ. Но уже то одно, что честь дѣла должна поддерживаться союзомъ, личностью абстрактною, стоящею выше низменныхъ побужденій, даетъ этому союзу громадный вѣсъ, общественное, соціальное положеніе. Понятно поэтому, что личность отдѣльная, вынуждаемая къ вступленію въ союзъ чисто личными, даже эгоистическими, побужденіями, соображеніемъ о своемъ безсиліи, о невозможности достигнуть удовлетворенія своихъ жизненныхъ интересовъ безъ содѣйствія общества, вступивъ въ союзъ, становится въ громадную зависимость отъ этого союза, оторваться отъ него ей невозможно, ибо съ принадлежностью къ этому обществу связано ея матеріальное, ея соціальное положеніе, ея честь личная; она или участникъ чести общей или ничто. Но это еще если говорить о выходѣ мирномъ, навлеченіе же на себя нерасположенія такого союза со всѣми его послѣдствіями является для личности въ значительной

степени матеріальной и нравственной смертью. Отъ того, что нѣкоторые союзы преслѣдуютъ цѣли, ничего общаго съ матеріальными интересами не имѣющія, не измѣняется суть дѣла; вѣдь и для личностей, участвующихъ и работающихъ въ такихъ союзахъ, тѣ высшія отвлеченныя цѣли, которыя преслѣдуются союзомъ, составляютъ весь смыслъ ихъ жизни и авторитетъ, соціальное положеніе и соціальная честь такихъ союзовъ не меньше, чѣмъ союзовъ экономическихъ.

Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній станетъ понятнымъ, съ какими требованіями союзъ можетъ обращаться къ своимъ членамъ и степень давленія и вліянія, которое онъ можетъ на нихъ оказывать.

Что касается до требованій, то, разумѣется, эти требованія не вполнѣ тождественны въ разныхъ союзахъ. Если въ союзахъ, преслѣдующихъ матеріальные интересы, гдѣ идетъ дѣло о пріобрѣтеніи права, при наименьшихъ затратахъ, требованія не столь высоки, то въ союзахъ, обезпечивающихъ успѣшное выполненіе извѣстнаго призванія, почетное положеніе въ данномъ дѣлѣ и соотвѣтственное званію содержаніе, достигается лишь при наивысшемъ напряженіи силъ, даже прямо самоотверженномъ.

Но и въ тѣхъ и другихъ союзахъ, требуется не только соблюденіе уставовъ, но и вполнѣ добросовѣстное отношеніе и къ дѣлу и къ тѣмъ, кому дѣло служитъ, мало того, требуется и общее, внѣ спеціально даннаго дѣла, добропорядочное нравственное поведеніе, чтобы личная честь была ничѣмъ не запятнана. Такимъ образомъ требованія союза къ членамъ сводятся къ требованію извѣстныхъ дѣйствій и извѣстнаго поведенія. Несомнѣнно, что всѣ эти требованія въ той или другой мѣрѣ проникнуты этическими началами; несомнѣнно также, что выполненіе этихъ требованій уже въ достаточной мѣрѣ удостовѣряетъ, что членъ союза есть въ мѣстѣ съ тѣмъ и здоровый членъ общества.

Но какимъ образомъ союзы достигаютъ того, что требованія ихъ исполняются по внутреннему ли убѣжденію членовъ добровольно или и хотя и не согласно съ внутренними побужденіями, но такъ, что это остается въ тайникахъ души и ни въ чемъ во внѣ не проявляется.

Эта власть союза, такъ сказать, ограждается карательными мѣрами: самый высшей изъ этихъ мѣръ является исключеніе изъ общества. Слѣдуетъ ясно и во всей широтѣ имѣть въ виду объемъ тѣхъ послѣдствій, которыя можетъ повлечь за собой для члена такое исключеніе. Мы выше

видѣли, какъ тѣсно сплетаются важнѣйшіе жизненные интересы матеріальные, моральные, самое соціальное положеніе, честь вступившаго въ союзъ, съ жизнью въ союзѣ, принадлежностью къ послѣднему. Поэтому исключеніе изъ союза влечетъ за собою не только ущербъ матеріальнымъ интересамъ, но часто прямое разореніе, потерю кредита: въ виду громаднаго нравственнаго авторитета союза исключеніе является опозореніемъ, объявленіемъ недостойнымъ, безчестнымъ.

Но на пути къ этой послѣдней мѣрѣ есть рядъ другихъ и прежде всего *психологическое* принужденіе, угроза этою чрезвычайною мѣрою и подъ давленіемъ этой угрозы несомнѣнно, можетъ быть за немногими исключеніями, достигнуто удовлетвореніе всѣхъ необходимыхъ требованій.

Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что государство и судебная власть ограничиваются исполненіемъ только уголовной кары, а всѣ соціальныя послѣдствія наступаютъ уже по распоряженіямъ союзовъ, по ихъ усмотрѣнію. Такова власть союзовъ; союзъ имѣетъ очевидно полную возможность держать человѣка въ рукахъ, держать его всецѣло; никакая уголовная кара, если бы къ ней не присоединялись соціальныя послѣдствія, (а это опять таки дѣло союзовъ) не поражаетъ такъ сильно все существо, главнѣйшихъ нервовъ существованія. Но до кары не доходятъ, и психологическое принужденіе, незамѣтное, не дающее даже возможности предполагать, что требованія союза исполняются недобровольно, оказываетъ громадное, за весьма рѣдкими исключеніями, неотразимое вліяніе. Вопросъ о значеніи психологическаго принужденія помимо примѣненія его союзами весьма важный; кары уголовныя, репрессія, отказавшаяся даже отъ системы устрашенія, такого психологическаго принужденія, какъ показалъ многовѣковой опытъ, оказывать не могутъ. Онѣ слишкомъ формальны, внѣшни, онѣ слишкомъ часто грозятъ за дѣянія ничего безнравственнаго не представляющія, а иногда даже за дѣянія прямо геройскія, какъ въ случаѣ преступленій политическихъ, наконецъ, онѣ слишкомъ однородны, мало индивидуальны. Онѣ не проникаютъ поэтому во внутренній міръ человѣка, и прежде всего не задѣваютъ того чувства чести, уваженія человѣка къ себѣ, уваженія основаннаго на уваженіи другихъ къ нему, которое, все таки, главный рычагъ всякаго психологическаго принужденія. Его задѣваетъ лишь общественное мнѣніе и правосудіе, но и то только тогда, когда оно является выразителемъ обществен-

наго мнѣнія, т. е. отправляется самимъ обществомъ, въ лицѣ его свободныхъ дѣйствительныхъ представителей—присяжныхъ засѣдателей; мѣры же распрессивныя, примѣняемыя потомъ на основаніи вердикта присяжныхъ, которые въ большинствѣ случаевъ этимъ мѣрамъ, какъ мѣрамъ архаическимъ, никуда негоднымъ, не сочувствуютъ, никакого вліянія кромѣ совершенно противоположнаго тому, которое желаютъ достигнуть, не достигаютъ. Но союзы именно тоже являются законными, несомнѣнными представителями общественнаго мнѣнія, найболѣе организованными и въ этомъ ихъ сила. Я думаю, что уже эти общія разсужденія не оставляютъ сомнѣній въ громадномъ значеніи и роли союзовъ вообще во всѣхъ ихъ разнообразныхъ видахъ въ дѣлѣ не только своевременнаго предупрежденія преступленія, но и самого начала того матеріальнаго и нравственнаго паденія, которое ведетъ къ деклассаціи. Союзы несомнѣнно самые сильные охранители общественнаго строя, найболѣе дѣйствительно удерживающіе личность въ рядахъ нормальнаго общества.

Собственно, что касается до образа дѣйствій союзовъ при выполненіи ими указанныхъ выше общественныхъ функцій, то таковой, разумѣется, легче выяснить и установить при изученіи отдѣльныхъ видовъ союзовъ.

Наиболѣе распространенымъ и въ то же время общимъ, не имѣющимъ характера профессіональнаго, видомъ союзовъ являются такъ называемые клубы. Клубные уставы наиболѣе разработаны въ Англіи; въ этой странѣ клубы крайне распространены, такъ г. Озеровъ[1]) насчитываетъ около 4.000 клубовъ рабочихъ съ составомъ болѣе чѣмъ въ 2.000.000 членовъ. Объ уставахъ англійскихъ клубовъ имѣется специальное изслѣдованіе Вертхеймера, къ сожалѣнію весьма краткое и чисто казуистическаго характера[2]), о нихъ же говоритъ и Нотнагель.

Во главѣ англійскихъ клубовъ стоитъ выборный комитетъ, который слѣдитъ за поведеніемъ членовъ и если комитетъ найдетъ, что въ поведеніи и дѣйствіи члена въ самомъ клубѣ или внѣ онаго заключается что-либо противное характеру или интересамъ клуба, то комитетъ предлагаетъ члену выйти изъ состава клуба, если же послѣдній добровольно не подчиняется такому распоряженію, то вопросъ объ исключеніи обсуждается въ общемъ собраніи членовъ клуба.

[1]) Проф. И. Озеровъ. Изъ жизни труда. Рабочіе клубы въ Англіи, 2 ч. 1904, стр. 211.

[2]) Wertheimer's Law, relating to clubs. 1889.

Но кромѣ того, для исключаемаго члена есть еще одна гарантія его правъ—это обращеніе въ общіе суды. Англійскіе суды разрѣшаютъ много такихъ дѣлъ, при чемъ въ своихъ рѣшеніяхъ принимаютъ во вниманіе не только уставъ клуба, не только останавливаются на вопросѣ о томъ, можно ли признать, что разрѣшившіе дѣло объ исключеніи поступили bona fide, но еще находятъ возможнымъ оцѣнивать и данное дѣяніе и даже самые уставы даннаго клуба съ точки зрѣнія natural justice, какъ дѣлали римскіе судьи, расширявшіе такимъ образомъ слишкомъ строгія и узкія рамки древняго римскаго гражданскаго права. Въ случаѣ отмѣны судомъ рѣшенія общаго собранія клуба, членъ вновь выбирается въ составъ клуба. Къ сожалѣнію, въ указанномъ сочиненіи не содержится болѣе подробныхъ данныхъ, какія дѣянія именно признаются на практикѣ противорѣчащими характеру и интересамъ клуба; но не можетъ быть сомнѣнія, что порядочность поведенія, какъ въ самомъ клубѣ, такъ и внѣ, и вообще этическія требованія, поставлены твердо и неуклонно. Я еще вернусь въ дальнѣйшемъ къ этой формѣ контроля суда надъ карательною дѣятельностью союзовъ, эта область совсѣмъ еще не разработана ни въ теоріи, ни на практикѣ, между тѣмъ отрицать возможность злоупотребленій, хотя бы и въ исключительныхъ случаяхъ нельзя. Я мимоходомъ замѣчу и здѣсь, что совершенная невыясненность вопроса о контролѣ надъ дѣйствіями союзовъ и о установленіи гарантій правъ личности, хотя бы приблизительно столь же прочныхъ какъ въ общихъ судахъ, наглядно указываетъ, въ какой мѣрѣ еще не выяснена роль союзовъ, какъ союзниковъ государственной власти и суда въ борьбѣ за поддержаніе нравственнаго строя и въ концѣ концовъ за предупрежденіе впаденія здоровыхъ членовъ общества въ преступленія.

Въ профессіональныхъ союзахъ мы встрѣчаемся съ вполнѣ разработанными не только кодексами, предусматривающими дѣйствія, несовмѣстимыя со званіемъ члена общества, но даже съ особенными судами.

Такъ не говоря о подробно разработанныхъ дисциплинарныхъ правилахъ адвокатскихъ корпорацій и даже судахъ чести адвакатовъ, которые, въ сущности, почти принадлежа къ судебному вѣдомству, не могутъ считаться частными союзами, мы встрѣчаемся съ такими же дисциплинарными уставами и судами чести и въ корпораціяхъ врачей, въ Австріи и Пруссіи. Отлагая вопросъ о судахъ чести, какъ одной изъ формъ въ которыхъ жизнью намѣчается ближайшее участіе общества

и союзовъ въ отправленіи правосудія до главы, посвященной именно вопросу объ участіи общества и союзовъ въ отправленіи правосудія, я здѣсь остановлюсь для характеристики тѣхъ требованій, которыя предъявляются союзами къ своимъ членамъ и того психологическаго давленія, которое ими оказывается на членовъ, на тѣхъ требованіяхъ, которыя предъявляетъ Вѣнская камера врачей своимъ членамъ. Въ поясненіе слова «камера» надо замѣтить, что и въ Австріи и въ Пруссіи съ 1885 г.[1]) по закону врачи каждой провинціи объединяются въ особую корпораціо (камеру), вполнѣ свободно самоуправляющуюся и имѣющую даже свои суды чести (Ehrenrath).

Нотнагель приводитъ слѣдующія требованія вѣнской корпораціи врачей; корпорація признала несовмѣстимыми съ достоинствомъ врача:

1) объявленіе о себѣ въ газетахъ въ тонѣ рекламы,

2) обнародованіе въ газетахъ полученныхъ за лѣченіе благодарственныхъ писемъ или даже невоспрепятствованіе такому обнародованію,

3) публичное въ печатныхъ органахъ выдаваніе за свои извѣстныхъ въ медицинѣ и другимъ врачамъ способовъ врачеванія или лѣкарствъ,

4) имѣніе наемныхъ агентовъ для привлеченія кліентовъ,

5) привлеченіе вниманія публики вывѣсками, носящими характеръ вывѣсокъ въ торговыхъ заведеніяхъ,

6) обращеніе врача къ подобнымъ же средствамъ для привлеченія вниманія публики къ лѣчебному заведенію, состоящему подъ его наблюденіемъ.

Я думаю, что одно перечисленіе приведенныхъ выше требованій доказываетъ съ несомнѣнностью, въ какой мѣрѣ союзы стоятъ на защитѣ чести данной спеціальности соблюденія этическихъ началъ при выполненіи обязанностей, по избранной спеціальности (призванія).

Для оцѣнки важности въ дѣлѣ борьбы съ преступностью подобной дѣятельности союзовъ, направленной на прочное установленіе и сохраненіе въ каждомъ дѣлѣ лицами имъ занимающимися этическихъ началъ, достаточно остановиться на одномъ, весьма несложномъ соображеніи: въ какой области скорѣе всего можно опасаться совершенія преступленія даннымъ лицомъ какъ не въ той, которая ему наиболѣе близко знакома, въ которой ему извѣстны всѣ ходы и выходы, не есть ли поэтому удержаніе именно въ этой области лицъ,

---

[1]) Archives d'anthropologie criminelle, 15 Novembre. 1903, 741.

трудящихся въ ней, въ предѣлахъ нравственныхъ требованій наиболѣе вѣрное средство удержанія ихъ вообще отъ преступленія?

Я думаю, что и приведенныхъ въ этой главѣ данныхъ и соображеній достаточно для выясненія важности той роли, которую играютъ союзы въ удержаніи здоровыхъ членовъ общества отъ тѣхъ непорядочныхъ, безнравственныхъ дѣяній, которыя влекутъ за собою утрату добраго имени, чести, деклассацію и выводятъ виновнаго изъ рядовъ нормальнаго общества, оставляя передъ нимъ открытымъ только одинъ торный путь—преступленія.

Не могу опять таки и въ этомъ мѣстѣ не подчеркнуть того, что говорилъ въ главѣ о факторахъ преступности, о значеніи охраненія чести. Охраненіе чести, добраго имени, уваженія другихъ и основаннаго на этомъ уваженіи собственнаго достоинства есть важнѣйшая превентивная мѣра. При сохраненіи чести, всякія временныя потрясенія матеріальнаго экономическаго положенія едва-ли могутъ привести къ преступленію. Человѣкъ, сохранившій честь, сознающій цѣну этой чести, дойдетъ, если не до геройства, что то же однако наблюдается далеко не такъ рѣдко, какъ кажется, то, во всякомъ случаѣ, до полнаго напряженія и истощенія своихъ силъ, исчерпаетъ всѣ честные пути, устоитъ передъ продолжительными неудачами. Не слѣдуетъ забывать, что, сохраняя честь, человѣкъ остается въ рядахъ нормальнаго общества, а при такихъ условіяхъ и возстановленіе своего экономическаго положенія, хотя бы въ нѣкоторой степени. для него въ концѣ концовъ возможно. Теперь, я думаю, вполнѣ ясно, что тюрьма, заключая и объединяя вновь посаженнаго съ самыми негодными элементами народа и такимъ образомъ налагая на него клеймо тюремнаго сидѣльца и лишая его тѣмъ самымъ его чести, лишаетъ его возможности оставаться въ рядахъ нормальнаго общества, сойти съ преступнаго пути, на который онъ вступилъ случайно, можетъ быть потому, что въ немъ не было достаточно геройства и такимъ образомъ дѣйствуетъ какъ разъ въ направленіи противоположномъ тому, которое требуется интересами дѣла. Другое дѣло, если внѣшнія условія современнаго строя превращаютъ человѣка въ паупера, нищета котораго безъисходна и непоправима; тутъ совершается обратный путь; какая честь, когда нечего ѣсть,—говоритъ русская пословица, хроническая безъисходная нищета ставитъ человѣка въ такія несовмѣстныя съ человѣческимъ достоинствомъ условія существованія, при которыхъ, какъ мы

видимъ (см. факт. прес.), теряется и честь, и собственное достоинство.

Но для всѣхъ остальныхъ, не попавшихъ въ ряды пауперовъ, сохраненіе чести есть первое и важнѣйшее условіе для того, чтобы остаться въ рядахъ нормальнаго общества, не совершить преступленія. Если, какъ показываетъ статистика, среди людей, не принадлежащихъ къ разряду пауперовъ, совершается сравнительно весьма мало преступленій, то именно потому, что здѣсь сохраняется невредимымъ чувство чести и сама честь, а пауперизмъ неизбѣжно ведетъ къ утратѣ таковыхъ.

Все, что поддерживаетъ чувство чести, охраняетъ отъ утраты ея, служитъ прежде всего и больше всего дѣлу превенціи преступленій. И вотъ, какъ показали выше приведенныя данныя и соображенія, союзы, служа весьма успѣшно дѣлу охраненія чести, являются громадной первостепенной силой въ дѣлѣ удержанія здоровыхъ, не доведенныхъ до пауперизма, членовъ общества отъ впаденія въ преступленіе. Но вѣдь вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ дѣятельности сплетены неразрывно матеріальные интересы и цѣли съ нематеріальными; они несомнѣнно являются и лучшимъ союзникомъ одинокой личности для огражденія, предохраненія ея отъ впаденія въ пауперизмъ.

И вотъ поэтому ростъ союзовъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ ростъ надеждъ на возможность задержанія того прискорбнаго явленія, которое мы констатировали въ первой главѣ, а именно, что число преступленій увеличивается быстрѣе, чѣмъ населеніе.

Союзъ—это первый, самый важный, стражъ, поставленный жизнью, въ дѣлѣ превенціи; его дѣятельность наиболѣе благотворна, наиболѣе можетъ разсчитывать на успѣхъ.

Я остановился на превентивной роли союзовъ, какъ наиболѣе организованныхъ общественныхъ единеній; но говоря о роли общества вообще въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, я, разумѣется, имѣю въ виду вліяніе и другихъ общественныхъ единеній, менѣе тѣсныхъ, чѣмъ союзы и проявляющихъ поэтому то же вліяніе, что и союзы, но въ гораздо болѣе слабой степени. Послѣ выясненія роли союзовъ, результаты дѣятельности которыхъ болѣе осязательны, значеніе этихъ единеній въ дѣлѣ превенціи становится болѣе уловимо.

И дѣйствительно, существуетъ рядъ единеній не оформенныхъ, но которыя мы все-таки можемъ признавать за единенія, ибо въ нихъ есть общій духъ, свое общественное

мнѣніе, съ которымъ каждому члену такого единенія приходится считаться, ибо оно, это единеніе, и существующее въ немъ общественное мнѣніе, создаютъ данному лицу репутацію, общественную честь. Удержаніе этой репутаціи, этой чести для сколько-нибудь морально въ конецъ не испорченнаго человѣка является весьма интереснымъ, является тѣмъ психологическимъ давленіемъ, которое удерживаетъ его отъ многаго. Такихъ единеній, разумѣется, весьма много.

Всякое практическое дѣло, или, лучше сказать, всякое вообще дѣло, у котораго продолжительное время работаетъ группа людей, вызываетъ образованіе такого неоформленнаго единенія; въ немъ вырабатываются взгляды на нравственное и безнравственное въ томъ родѣ дѣятельности, которому они посвящаютъ свои труды, складывается взглядъ на сотоварищей по работѣ; ими ведется для этихъ сотоварищей, говоря языкомъ бюрократическимъ, второй (первый ведется начальствомъ) неписанный послужный списокъ, и не дорожить записями въ этомъ спискѣ довольно трудно. Правда, такія неоформленныя единенія большею частью не имѣютъ права каждаго союза исключить изъ своей среды негоднаго члена, но и до этого доходитъ дѣло въ крайнихъ случаяхъ, а во всякомъ случаѣ, и безъ этой крайней мѣры, нельзя отрицать за такими единеніями фактически осуществляемаго ими болѣе или менѣе сильнаго психологическаго принужденія, давленія, которое несомнѣнно, хоть и незамѣтно, оказываетъ важное превентивное вліяніе, тѣмъ болѣе, что эти неписанные послужные списки неуклонно, безъ препроводительной бумаги, слѣдуютъ за лицомъ, о которомъ они ведутся, и къ его новому мѣсту службы, занятія и т. д.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, роль общества и его единеній по удержанію здоровыхъ членовъ его если не непосредственно отъ впаденія въ преступленіе, то отъ той утери чести, добраго имени, которая ведетъ къ деклассаціи и преступленію.

Филантропія.

Въ предыдущей главѣ мы имѣли дѣло съ личностями здоровыми экономически и нравственно. И для нихъ однако существуетъ возможность впаденія въ преступленіе, правда, какъ исключеніе, какъ рѣдкое исключеніе, если бы мы позволили себѣ медининское сравненіе и имъ можетъ угрожать какой-нибудь острый бурный процессъ, но въ большинствѣ случаевъ и только. Мѣры превентивныя, принимаемыя союзами, вполнѣ естественное желаніе сохранить свое *хорошее* положеніе въ соціальномъ строѣ, въ достаточной степени обезпечиваютъ удержаніе ихъ отъ преступныхъ дѣяній. Здѣсь мы вступаемъ уже въ міръ лицъ, здоровье которыхъ экономическое расшатано какимъ-либо острымъ, а весьма часто и хроническимъ процессомъ. Но мы видѣли уже выше, въ главѣ о факторахъ преступности, какъ тѣсно связывается нездоровье нравственное съ нездоровьемъ экономическимъ и въ случаяхъ остраго заболѣванія, а въ особенности хроническаго, при которомъ теряется возможность сохраненія тѣхъ условій существованія, которыя необходимы для поддержанія человѣческаго достоинства, чести и уваженія другихъ себѣ подобныхъ, того же круга лицъ. Поэтому понятно, что результаты мѣръ превентивныхъ здѣсь не могутъ быть такъ же хороши, какъ относительно лицъ вполнѣ здоровыхъ. Напрасно, разумѣется, было бы однако раздѣлять пессимистическіе взгляды на филантропію, говорить чуть ли не lasciate ogni speranza и т. д. Дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ; филантропіи предстоитъ несомнѣнно, какъ увидимъ ниже, блестящее будущее, заря котораго уже ярко освѣщаетъ настоящее. Я лишь имѣю въ виду чрезмѣрное увлеченіе надеждами на результаты этого рода соціальной дѣятельности. Какъ бы эта дѣятельность прекрасно ни развилась, не слѣдуетъ забывать, что задачи, преслѣдуемыя ею весьма обширны и трудны и что по самому характеру того зла, той бѣды, съ которыми ей

приходится бороться, даже при частичномъ осуществленіи идеаловъ соціальной реформы,—а на достиженіе этихъ идеаловъ даже частичное пока несомнѣнно можно разсчитывать развѣ въ неопредѣленномъ будущемъ—ей не удастся все-таки достигнуть тѣхъ же результатовъ, какихъ достигаетъ превентивная дѣятельность общества по удержанію вполнѣ здоровыхъ экономически и нравственно членовъ общества отъ впаденія въ преступленіе. Здѣсь задача неизмѣримо труднѣе. Несомнѣнно, что эта задача вовсе не разрѣшается водвореніемъ одного правового строя. Это понятно уже потому одному, что водвореніе правового строя ни въ какой мѣрѣ не оправдало надеждъ на одновременное, такъ сказать, естественное по формулѣ laissez faire laissez passer разрѣшеніе или хотя бы ослабленіе значенія задачъ соціальныхъ и настоятельности ихъ разрѣшенія. Современный соціальный строй, какъ мы видѣли въ главѣ о факторахъ преступности, и безъ всякой индивидуальной вины создаетъ пауперовъ, т. е. хронически нищихъ, безнадежно на всю жизнь бѣдныхъ людей, лишенныхъ самыхъ первоначальныхъ необходимыхъ условій человѣческаго существованія. Есть далѣе весьма много лицъ и по своей винѣ впавшихъ въ нищету и неразрывно связанныя съ нею болѣзни, невѣжество, невозможность дать сколько нибудь удовлетворительное воспитаніе физическое и нравственное дѣтямъ и т. д. Разумѣется, одно водвореніе правового строя, одно уравненіе такихъ лицъ передъ закономъ съ людьми обезпеченными и даже дарованіе имъ политическихъ правъ нисколько не улучшаетъ ихъ положеніе. Всегда и во всѣ времена, поэтому, для любви было мѣсто рядомъ съ справедливостью. Какъ говоритъ Ратцингеръ [1]) простого исполненія того, что предписываетъ законъ, формальной справедливости, недостаточно для того чтобы обезпечить здоровье общественнаго организма, нужно еще вмѣшательство любви. Если законъ и справедливость, говоритъ тотъ же авторъ [2]), отграничиваютъ область правомочій личности и ограждаютъ ея свободу, то любовь способствуетъ выполненію закона солидарности, единенія человѣчества, она нормируетъ отношенія отдѣльныхъ личностей къ цѣлому, ко всему обществу. Можно разумѣется и теоретически и практически отрицать всякое значеніе за любовью, считать, что справедливости совершенно достаточно, какъ это часто и дѣлается въ наше время, но тогда неприз-

---

[1]) Geschichte der Kirchlichen Armenpflege. 1884, предисловіе.

[2]) Тамъ же, стр. 557,

нанный и непринятый законъ солидарности мститъ и то, что не дали добровольно, добывается силою. Конечно, эта альтруистическая общественная дѣятельность, тоже какъ и водвореніе правового строя, не разрѣшаетъ и не разрѣшитъ вопроса о соціальномъ неравенствѣ, но она въ значительной мѣрѣ смягчитъ, ослабитъ вредныя пагубныя послѣдствія современнаго капиталистическаго строя и раздѣленія труда, доводящихъ личность до одиночества, до деградаціи и деклассаціи.

Для того чтобы признать, что достиженіе этихъ результатовъ возможно, надо остановиться ближе на характерѣ той альтруистической дѣятельности, которая посвящаетъ себя этому дѣлу. Я намѣренно для обозначенія этой дѣятельности озаглавилъ настоящій отдѣлъ словомъ «*Филантропія*». Да, именно эта дѣятельность филантропія, а не благотворительность, являющаяся синонимомъ подачи милостыни. Характеръ дѣятельности и задачи преслѣдуемыя филантропіею совсѣмъ иныя, чѣмъ благотворительности. Переворотъ въ этой дѣятельности совершенъ былъ главнымъ образомъ еще благодаря Лютеру и съ тѣхъ поръ новое направленіе шло быстрыми шагами впередъ, а со времени водворенія въ политическомъ строѣ новыхъ демократическихъ началъ, филантропія перестроилась на новыхъ основаніяхъ. Лютеръ направилъ свою критику на двѣ слабыя стороны современной ему благотворительности. Прежде всего, въ связи со всѣмъ своимъ религіознымъ ученіемъ, онъ жестоко порицалъ непроизводительныя траты собранныхъ путемъ пожертвованій суммъ на совершенно излишнія украшенія храмовъ и на другія подобныя же затраты, которыя объяснялись вовсе не религіознымъ чувствомъ, а пустымъ тщеславіемъ духовенства и взаимнымъ соревнованіемъ представителей его между собою въ этомъ направленіи. Съ другой стороны, Лютеръ совершенно справедливо возставалъ и противъ полной безсистемности этой благотворительности, удовлетворявшейся раздачей милостыни первому попавшемуся просящему, благодаря чему въ колоссальныхъ размѣрахъ развивалось нищенство, какъ промыселъ. Для того чтобы получить милостыню, надо было только разжалобить, представить передъ глазами благотворителя свое ужасное невыносимое положеніе, дѣйствительное или мнимое. Правда, за то, безъ этого, т. е. безъ того чтобы просящій находился въ такомъ дѣйствительномъ или мнимомъ отчаянномъ положеніи, онъ ни на какую помощь разсчитывать не могъ. Въ своей знаменитой проповѣди противъ ростовщичества (1519 г.) Лютеръ, бичуя современные схоластическіе

взгляды на благотворительность упрекалъ современныхъ ему представителей церкви въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, милостыню надо подавать только тогда, когда просящій находится уже въ крайней нуждѣ, т. е. тогда, когда онъ буквально умираетъ съ голода, замерзаетъ отъ холода, погибаетъ отъ бѣдности *или вынужденъ скрываться благодаря совершонному преступленію*. Но соотвѣтствуютъ ли даже—говоритъ Лютеръ подобныя воззрѣнія евангельскому требованію: дѣлай ближнему твоему то, чтобы ты хотѣлъ чтобы онъ дѣлалъ для тебя [1]).

При такихъ условіяхъ все сводилось къ удовлетворенію чисто индивидуальнаго произвольнаго чувства жалости, не больше. Понятно поэтому, что такая дѣятельность общественной соціальной пользы приносить не могла. Она страдала тремя недостатками: въ основаніе ея были положены не какія-либо широкія общія начала, а чисто капризное индивидуальное начало; въ ней не было никакой системы, а равно и никакихъ прочно и широко поставленныхъ задачъ, и наконецъ, по самому времени своего осуществленія, она выступала слишкомъ поздно, чтобы принести какую-нибудь дѣйствительную пользу.

Уже въ ближайшее къ Лютеру время, подъ вліяніемъ его проповѣдей, были сдѣланы шаги къ устраненію этого недостатка. Діаконы лютеранской церкви разслѣдовали нужду обращавшихся за помощью и оказывали эту помощь своевременно, такъ что она дѣйствительно являлась мѣрою, предупреждающею наступленіе непоправимой бѣды.

Такимъ образомъ, благодаря ученію Лютера, благотворительной дѣятельности придана была извѣстная система и она получила *превентивный* характеръ.

Послѣ Лютера, благодаря ряду мыслителей и умственныхъ теченій, были положены въ основаніе благотворительности новыя начала. Личное, чисто произвольное чувство жалости къ данному опредѣленному лицу, которое руководило и вызывало благотворительность средневѣковую, было замѣнено любовью къ человѣчеству вообще. Эта перемѣна вызвана теоріями естественнаго права, изучавшаго человѣка вообще, внѣ времени и пространства, скорѣе идею человѣка и создавшаго тѣмъ самымъ понятіе правъ человѣка какъ таковаго, внѣ его сословнаго, экономическаго, положенія и равенство правъ всѣхъ людей. На почвѣ этого ученія гуманисты (Геллертъ, Клопстокъ, Гердеръ въ своихъ проповѣдяхъ)

---

[1]) Сравни по этому поводу Ulhorn, Christliche Liebesthätigkeit, стр. 529.

проповѣдывали о необходимости и обязательности заботиться о человѣчествѣ вообще (die Menschheit — новое понятіе), о его развитіи и удовлетвореніи его интересовъ; это человѣчество идеализировали, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно высоко ставили отношенія отдѣльнаго человѣка къ другимъ, возводили гуманизмъ, или какъ теперь говорятъ, альтруизмъ въ нравственную обязанность каждаго.

Въ наше время это ученіе преобразилось въ теорію солидарности, о которой я говорилъ выше. Ученіе о солидарности, если можно такъ выразиться гораздо трезвѣе, чѣмъ гуманизмъ, оно основано не на возвышенныхъ и благородныхъ чувствахъ, а на спокойно и просто добросовѣстномъ разсчетѣ, на сознаніи въ необходимости уплаты долга обществу, за всѣ культурныя условія, въ которыхъ живешь; на идеѣ, какъ говоритъ Оссонвиль [1]), антисептической, т. е. на убѣжденіи, что не слѣдуетъ въ собственныхъ интересахъ допускать заболѣванія физическаго и нравственнаго, а въ особенности полнаго паденія, сотоварищей по единенію общественному и народному, ибо всякое общество есть организмъ и гангрена одной части распространится ранѣе или позже и на другія здоровыя части организма. И вотъ, когда въ основу дѣятельности благотворительной кладется ученіе о солидарности, то и самое благотвореніе не является болѣе удовлетвореніемъ индивидуальнаго чувства а выполненіемъ долга, общественной обязанности и, если угодно, повинности. Но рядомъ съ идеею солидарности, въ основу современной филантропіи положена и другая идея—идея коопераціи, сотрудничества и при томъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ отношеніи оказала громадное вліяніе демократизація всѣхъ современныхъ политическихъ учрежденій, всего современнаго общественнаго строя. Какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ современныхъ американскихъ писателей по вопросамъ благотворительности Макъ-Линъ [2]), развѣ кооперація не есть въ сущности самая сущность, основная идея, духъ современной демократіи. И этотъ духъ демократизаціи и коопераціи оказалъ громадное вліяніе на постановку современной филантропіи. Прежняя благотворительность была удѣломъ богатыхъ людей, пріятнымъ отдохновеніемъ отъ слишкомъ праздной жизни. Къ участію въ новой филан-

---

[1]) Le Comte d Haussonville Assistance publique et bienffaisance priveé. 1900.

[2]) Proceedings of Thirty First National Conference of Charity and Correction. 1904 F. M'Lean. Ideals and Methods of Cooperation, p. 201.

тропической дѣятельности, преслѣдующей и новыя задачи, къ опредѣленію которыхъ я сейчасъ перейду, призываются всѣ члены общества, безъ различія богатыхъ и бѣдныхъ, высоко и низко поставленныхъ, ибо именно и задачи таковы, что затраты денежныя вовсе не играютъ первенствующей роли, не говоря уже о томъ, что при демократической постановкѣ, при привлеченіи къ участію въ расходахъ массы людей, средства очевидно собираются гораздо большія чѣмъ тѣ, которыя жертвовались единичными богатыми личностями. Макъ Линъ приводитъ въ примѣръ помощь, оказанную плотникомъ, бывшимъ въ это время безъ работы и имѣвшимъ поэтому возможность посвятить свое время возвращенію къ разумной жизни путемъ уговоровъ человѣка, предававшагося кутежамъ и оставлявшаго семью безъ средствъ.

Такимъ образомъ, вотъ въ чемъ произошла эволюція въ основахъ благотворительности. Въ основу этой дѣятельности, взамѣнъ чисто личнаго, случайнаго, чувства жалости, на почвѣ котораго очевидно не могло быть воздвигнуто что-либо прочное, имѣющее общественное значеніе, были положены сначала общеобязательныя для всякаго разумнаго и нравственнаго существа чувства гуманности, за тѣмъ чувства вообще были если не устранены совсѣмъ изъ этой области, то отодвинуты на задній планъ, и ихъ замѣнили соображенія объ обязанностяхъ, долгѣ въ отношеніи общества, о взаимной зависимости и солидарности членовъ общества, и наконецъ въ основу филантропической дѣятельности, какъ и всякой другой современной соціальной дѣятельности, были положены начала демократической кооопераціи, того сотрудничества, на которомъ основана вся современная цивилизація, весь современный прогрессъ и которыя управляютъ современною жизнью почти также планомѣрно, какъ и законы природы. Съ этимъ послѣднимъ преобразованіемъ, къ участью въ новой или заново поставленной дѣятельности были призваны естественно всѣ безъ исключенія члены общества, не исключая почти и тѣхъ, которые сами нуждаются въ помощи. На работу стали, или по крайней мѣрѣ становятся (въ зависимости отъ степени развитія дѣла въ странѣ) громадныя личныя силы. Необходимость привлеченія такихъ силъ объясняется и громадностью, и высотою тѣхъ задачъ, которыя преслѣдуются новою филантропіею, какъ дѣятельностью соціальною. Американскіе и англійскіе филантропы такъ и называютъ новое дѣло «social work». Задачи эти состоятъ въ томъ, чтобы бороться съ деградаціей,

деклассаціей отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ группъ. Въ этомъ опредѣленіи сходятся писатели всѣхъ странъ.

Англичанинъ Loch, секретарь совѣта общества организованной и организаціи благотворительности въ Англіи[1]), говоритъ по этому поводу слѣдующее:

Филантропія, которая не помогаетъ встать на ноги—зло. Благотворительность должна оставить прежніе методы благодѣяній, а должна сдѣлаться союзникомъ, товарищемъ, какъ въ дѣлѣ сбереженій... Тотъ, которому оказываютъ помощь, долженъ быть предоставленъ какъ можно скорѣе своимъ собственнымъ силамъ. Благотворительности слѣдуетъ смотрѣть на бѣдныхъ, не какъ на получателей подарковъ, но какъ на мужчинъ и женщинъ, условія существованія, соціальное положеніе (standard of life) которыхъ должны быть подняты, улучшены. Опять, какъ сказалъ тотъ же Лохъ на конгрессѣ благотворительности 1900 г. въ Парижѣ[2]), конечная цѣль филантропіи — обезпеченіе полной независимости личности и ея семьи, ихъ соціальное здоровье.

Такъ же смотрятъ на задачи филантропіи и американцы. Джорджъ Браккеттъ, открывая въ 1902 г. 31 американскій національный конгрессъ благотворительности и пенитенціарныхъ учрежденій (charity and correction)[3]), заявилъ: «Принципъ современной филантропіи тотъ, что мы должны стремиться къ работѣ не *для* нуждающихся, а къ работѣ *вмѣстѣ* съ ними».

Но, заботясь о соціальномъ здоровьѣ общества, новая филантропія не ограничивается помощью отдѣльнымъ личностямъ и ихъ семьямъ, а распространяетъ свою благотворительность на цѣлые участки, какъ говорятъ американцы, сосѣдства (neigborhouds), которые оказываются ниже уровня благосостоянія и гражданственности, котораго достигли сосѣднія мѣстности. Какъ доказывала на томъ же упомянутомъ выше конгрессѣ г-жа Адамсъ[4]), дѣятели филантропіи выяснили, что было много случаевъ, когда подающія наилучшія надежды дѣти погибаютъ нравственно благодаря дурному вліянію окружающей ихъ среды. Мало того, по тому же наклонному пути идутъ цѣлыя семьи, которыя не находятъ въ себѣ достаточно силы воли, чтобы оказать противодѣйствіе внѣшнимъ дурнымъ бляніямъ. Эти факты убѣдили американскихъ дѣятелей фи-

---

[1]) The annual Charify organization register and digest. 1904. Introduction, p. XVIII.

[2]) Expos. Unir de 1900. Rescueil des travaux du Congr. intern d'assistance et de bienfaisance privée t. I, p. 218

[3]) Proceedings, p. 3.

[4]) Proceedings, p. 456.

лантропіи въ необходимости не ограничиваться помощью отдѣльнымъ личностямъ или даже семьямъ, но устраивать особыя комиссіи для изученія положенія и условій подобныхъ матеріально и нравственно опустившихся мѣстностей и возможнаго выведенія ихъ изъ этого положенія.

Такъ же широко и высоко смотрятъ на задачи современной филантропіи и на континентѣ Европы. На конгрессѣ благотворительности 1900 г. въ докладѣ, посвященномъ трудовой помощи, французъ Henri Defert[1]) доказывалъ, что современная филантропія, и въ особенности трудовая помощь, прилагая стараніе къ возвышенію нравственности вспомоществуемыхъ, стремится къ соціальной ихъ реклассаціи.

Соотечественникъ Defert, знаменитый авторъ французскихъ законовъ о заброшенныхъ нравственно дѣтяхъ, Теофиль Руссенъ еще въ 1885 г.[2]), по поводу одного изъ первыхъ конгрессовъ организованной благотворительности въ Филадельфіи, замѣтилъ, что современная филантропія ведетъ открытую войну съ пороками отдѣльныхъ личностей и съ тѣми пагубными соціальными условіями, которыя ставятъ человѣка уже съ дѣтства въ положеніе деклассированнаго, стоящаго ниже уровня человѣческаго существованія, *а изъ такихъ-то лицъ* и комплектуется армія преступниковъ, приносящая столько бѣдъ и вынуждающая у общества столько траты силъ и денегъ.

Совершенно также смотрятъ на задачи современной филантропіи и въ Германіи. Здѣсь создали особый терминъ для этой дѣятельности sociale Wohlfahrtspflege въ отличіе отъ обыкновенной благотворительности Wohlthätigkeit. (Liebesthätigkeit и т. д.). Авторъ выдающагося сочиненія, посвященнаго этому роду новой соціальной дѣятельности, Альбрехтъ[3]) говоритъ, что въ послѣднее время въ Германіи, съ тѣхъ поръ какъ стали яснѣе представлять себѣ все значеніе новаго соціальнаго законодательства, проявляется вполнѣ опредѣленное стремленіе отнять у учрежденій, дѣятельность которыхъ посвящена поднятію уровня экономическаго благосостоянія неимущихъ, характеръ чисто благотворительныхъ учрежденій. Стараются уничтожить именно это раздаваніе милостыни, которое принижаетъ человѣка въ глазахъ его окружающихъ, тогда какъ, наоборотъ, своевременное обезпеченіе возмож-

---

[1]) Recueil des travaux, t. VI, p. 6.

[2]) „Revue penit." 1885, p. 122.

[3]) Prof. dr. H. Albrecht, Handbuch der socialen Wohlfahrtspflege in Deutschland. 1902. стр. 9.

ности собственными силами создать себѣ воспособленіе на случай нужды поднимаетъ нравственный уровень всѣхъ неимущихъ классовъ.

Такимъ образомъ, задача современной филантропіи, какъ она понимается во всѣхъ культурныхъ странахъ, сводится къ тому, чтобы не допустить до окончательнаго паденія, до полной деклассаціи, деградаціи, потери человѣческихъ условій существованія и человѣческаго достоинства тѣхъ, которые по собственной винѣ или еще чаще, въ виду пагубныхъ послѣдствій современнаго соціальнаго строя, близки къ такому полному паденію. При томъ, такъ какъ стремятся достигнуть прочныхъ, дѣйствительныхъ, результатовъ, стремятся честно, безъ самообмана и безъ излишней чувствительности, достигнуть намѣченной цѣли, то стараются прежде всего поднять самодѣятельность самихъ падающихъ экономически и нравственно. Вотъ задача, но прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшей характеристикѣ новой соціальной дѣятельности, ея способовъ дѣйствія, ея средствъ, тѣхъ результатовъ, которыхъ она уже достигла и т. д., быть можетъ, не лишнее остановиться и устранить одно сомнѣніе, которое можетъ быть возникнетъ у лицъ, впервые знакомящихся съ новою филантропіею и ея задачами. Намъ могутъ сказать: задачи-то можетъ быть и прекрасныя, но неразрѣшимы тѣми путями, по которымъ только и можетъ двигаться филантропія. Вѣдь, въ сущности, скажутъ намъ, вы защищаете возможность разрѣшенія соціальнаго вопроса путемъ филантропической дѣятельности, это вѣдь не что иное, какъ повтореніе того уже болѣе или менѣе оставленнаго ученія, которое надѣялось путемъ кооперации и развитія союзнаго движенія устранить необходимость коренного и непосредственнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса.

Если бы дѣйствительно такое сомнѣніе было заявлено, то я смѣю утверждать, что оно основано было бы на полномъ недоразумѣніи. Дѣятельность филантропическая, разумѣется, не устранитъ вовсе необходимости разрѣшенія соціальнаго вопроса, но она вовсе и не является тормазомъ для такого разрѣшенія, наоборотъ, она можетъ служить только подмогой, ибо, во-первыхъ, благодаря ей выяснятся болѣе отчетливо дѣйствительныя, неустранимыя путемъ союзной дѣятельности, причины зла, а также и обнаружатся, быть можетъ, или будутъ хотя бы самымъ первоначальнымъ образомъ намѣчены, тѣ пути, по которымъ возможно приближеніе къ разрѣшенію соціальнаго вопроса. Не слѣдуетъ при этомъ забывать,

что привлеченіе къ новой соціальной дѣятельности массъ, всѣхъ слоевъ общества, можетъ только явиться проводникомъ соціальныхъ идей, проводникомъ сознанія, что необходимо и что возможно сдѣлать для улучшенія отношенія неимущихъ, для устраненія или смягченія пауперизма. Отрицать полезность такой дѣятельности могутъ только тѣ, которые убѣждены, что соціальную реформу можно произвести силой, чуть ли не однимъ законодательнымъ актомъ. Но я думаю только весьма немного пылкихъ политическихъ мыслителей вѣрятъ въ возможность подобнаго внезапнаго переворота. Большинство же признаетъ, что, конечно, направленіе экономической и соціальной эволюціи, при которой мы присутствуемъ (постепенное ограниченіе «абсолютныхъ» правъ частной собственности въ интересахъ общественныхъ, постепенное поглощеніе мелкихъ капиталовъ все болѣе и болѣе крупными, совсѣмъ въ согласіи съ предсказаніями Маркса и т. д.) приближаетъ насъ, хотя и очень медленно, къ осуществленію въ той или другой мѣрѣ соціальнаго идеала. А если это такъ, то во-первыхъ филантропія съ новыми задачами можетъ только способствовать выясненію, въ чемъ можетъ быть оказано со стороны общества и государственной власти содѣйствіе въ ускореніи того эволюціоннаго движенія, при которомъ мы присутствуемъ, и во-вторыхъ эта филантропическая дѣятельность будетъ смягчать, по мѣрѣ своего развитія, все болѣе и болѣе пагубныя послѣдствія, того соціальнаго строя, конецъ котораго и при томъ полный конецъ современному человѣчеству, а можетъ быть и многимъ поколѣніямъ будущимъ сдва-ли придется увидать. Но намъ скажутъ, а все-таки вы сами признаете, что это не болѣе какъ палліативъ по сравненію съ разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса. Ну да, конечно, палліативъ, въ томъ смыслѣ, что онъ не вырываетъ зла съ корнемъ, но я впрочемъ думаю, что, даже и по разрѣшеніи соціальнаго вопроса въ той или другой мѣрѣ, все-таки всегда будетъ категорія людей, которые, не вслѣдствіе соціальныхъ недостатковъ, а по собственной винѣ, будутъ близки къ экономическому и нравственному паденію. Но далѣе, что собственно значитъ слово «палліативъ?» Не раздѣляетъ ли въ этомъ отношеніи и новая филантропическая дѣятельность участи и всякой другой человѣческой дѣятельности, которая вѣдь также является палліативомъ. И борьба со всѣми природными бѣдствіями, наводненіями, пожарами, неурожаями, занесеніемъ эпидемій и борьба съ болѣзнями физическими и борьба съ преступностью, съ проституціею, даже въ области педагогіи

борьба съ неподдающимися перевоспитанію наклонностями невинныхъ еще дѣтей, не есть ли все это палліативы въ томъ смыслѣ, что полнаго устраненія зла ими не достигается. Но развѣ возможно только довольствоваться полнымъ устраненіемъ зла, а при невозможности ничего не дѣлать. Не довольствуется ли человѣчество во всѣхъ отрасляхъ своей дѣятельности относительнымъ результатомъ т. е. уменьшеніемъ зла, смягченіемъ переживаемыхъ и неизбѣжныхъ бѣдъ внѣшнихъ и столь же неизбѣжныхъ золъ соціальныхъ (вспомнимъ хотя бы проституцію, столь же древнюю какъ бракъ). Во всякомъ случаѣ, если новая филантропія и палліативъ въ томъ же смыслѣ, какъ и всякая другая человѣческая дѣятельность, то она во всякомъ случаѣ не безполезный и не вредный какъ прежняя благотворительность съ сопровождавшею ее неразборчивою подачею милостыни, только способствовавшей росту нищенства. За продуктивность новой филантропіи ручается самый характеръ этой новой дѣятельности, тѣ способы, къ которымъ она прибѣгаетъ для достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Прежде всего, она требуетъ подробнаго и всесторонняго разслѣдованія каждаго отдѣльнаго случая и выясненія причинъ бѣдности, за тѣмъ приступаютъ къ тому, что, по типическому выраженію Гендерсона [1]), называется поднимать падающаго, обѣднѣвшаго экономически и нравственно человѣка, на ноги, но именно на его собственныя ноги, а не на общественные костыли, въ этомъ именно и особенность новыхъ пріемовъ. Для такого поднятія, кромѣ необходимой, но именно лишь строго необходимой, матеріальной помощи, слѣдуетъ по мнѣнію Лоха прибѣгать ко всѣмъ возможнымъ, въ данномъ случаѣ, средствамъ; производить давленія страхомъ грозящей полной деклассаціи, возбужденіемъ чувства стыда, обращеніемъ къ вниманію родственниковъ и близкихъ и т. д.

Уже изъ этихъ двухъ положеній видно, къ чему должна привести подобная дѣятельность. Прежде всего подробное и всестороннее разслѣдованіе должно привести къ устраненію всѣхъ случаевъ притворной бѣдности; но новая филантропія не ограничивается такимъ устраненіемъ отъ помощи обманщиковъ и ремесленниковъ нищенства, она считаетъ своею обязанностью преслѣдовать ихъ судебнымъ порядкомъ и добиваться строжайшихъ наказаній, видя въ такомъ ремеслѣ громадное соціальное зло. Затѣмъ помощь въ новомъ смыслѣ слова дѣйствительно требующимъ таковой далеко не

---

[1]) Modern Methods of Charity. 1904, p. 35.

ограничивается однимъ матеріальнымъ пособіемъ, хотя бы болѣе или менѣе организованнымъ. По справедливому замѣчанію Улльгорна [1]), въ благотворительности нравственныя задачи выше матеріальныхъ. Но также понятно для осуществленія этихъ задачъ требуется громадная индивидуализація, совершенно не осуществимая для органовъ государства и громадное приложеніе и напряженіе личныхъ силъ физическихъ и духовныхъ новыхъ филантроповъ. А такъ какъ «случаевъ», требующихъ помощи, чрезвычайно много, то отсюда понятно, какія громадныя личныя силы необходимы для этой новой соціальной дѣятельности. Наконецъ также понятно, что для обезпеченія успѣха, для того, чтобы хотя бы обманщикъ, обнаруженный однимъ дѣятелемъ, не вызывалъ напрасной траты времени со стороны другого, для того, чтобы соединенными силами оказывать извѣстнаго рода помощь, нужно объединеніе, система, планомѣрность, нужна, однимъ словомъ, организація этихъ частныхъ многочисленныхъ силъ добровольцевъ новой дѣятельности и такая организація уже осуществлена и лучшими представителями этой организаціи являются англійскія и американскія общества организованной благотворительности (Charity organisation), не говоря о соціальныхъ громадныхъ корпораціяхъ въ родѣ Innere Mission въ Германіи, Арміи Спасенія въ Англіи и другихъ странахъ, которыя тоже вполнѣ идутъ по путямъ новой филантропіи. На этихъ послѣднихъ организаціяхъ я остановлюсь особо, впослѣдствіи, что же касается до Charity organisation, то онѣ представляютъ собою осуществленіе того же принципа, который привелъ къ объединенію обществъ патроната, въ различныхъ государствахъ, въ особые національные союзы, и цѣли и результаты такого объединенія были такіе же, т. е. дѣло въ стройности и систематичности выиграло весьма много, а число союзовъ отдѣльныхъ, входящихъ на правахъ членовъ, стало выростать съ чрезвычайной быстротою.

Charity Organisation Societies возникли впервые въ Англіи, въ Лондонѣ, въ 1869 г. [2]) по иниціативѣ Гошена, который тогда самъ стоялъ во главѣ Poor Low Board, т. е. высшаго управленія всѣми благотворительными учрежденіями, содержимыми на средства, получаемыя отъ налога въ пользу бѣдныхъ. Задачею вновь образовавшагося союза была организація и обезпеченіе сотрудничества между частными благотворительными учреж-

[1]) Christliche Liebesthätigkeit, ср. 784.
[2]) Henderson Methods, стр. 225.

деніями и органами оффиціальной англійской благотворительности (Poor Law offices). Самое названіе общества, впослѣдствіи замѣненное краткимъ Charity Organisation, лучше всего указываетъ на намѣчавшіяся уже въ то время цѣли: оно было названо Лондонскимъ обществомъ для организаціи благотворительной помощи и преслѣдованія нищенства. Эта послѣдняя цѣль даже нѣкоторое время ставилась лицами незнакомыми съ дѣятельностью этого и другихъ обществъ подобныхъ на первый планъ, такъ что обществамъ приписывались явно репрессивныя цѣли, между тѣмъ послѣднія главнымъ образомъ, если не всецѣло, выпадаютъ на долю Poor Law Board и органовъ подчиненныхъ ему. Въ настоящее время, по вычисленіямъ The annual register and digest за 1904 г., насчитывается кромѣ 39 отдѣленій Лондонскаго общества еще 110 обществъ организованной благотворительности въ самой Англіи, не считая ея колоній, гдѣ они также весьма распространены. Лондонское общество, служащее образцомъ для другихъ, имѣетъ во главѣ совѣтъ, состоящій кромѣ предсѣдателя и вице-предсѣдателя изъ представителей по выбору отъ отдѣленій. Въ свою очередь отдѣленія, кромѣ постояннаго состава комитета, привлекаютъ большое число добровольцевъ, которые оказываютъ комитетамъ содѣйствіе въ разслѣдованіи и въ раздачѣ пособій.

Изъ Англіи идея общества организованной благотворительности была заимствована Сѣверо-Американскими штатами, и первое такое общество возникло въ 1877 г. въ Буффало. По словамъ Келлога [1]), собственно окончательно получила гражданство въ Америкѣ мысль объ организаціи благотворительности на конференціи американскаго общества, American Social Science Association въ Чикаго въ 1879 г., здѣсь было положено начало и объединенію этихъ обществъ. Въ 1892 г., по вычисленіямъ Келлога, такихъ обществъ въ Сѣв. Америкѣ было 92, а къ 1904 г. Henderson [2]) насчитываетъ ихъ уже 143.

Уже этотъ чрезвычайно быстрый ростъ числа этихъ обществъ свидѣтельствуетъ о важности и плодотворности того дѣла, которому они посвящаютъ свои силы. Прежде всего для общей характеристики слѣдуетъ замѣтить, что хотя и имѣются нѣкоторыя небольшія исключенія, въ общемъ эти общества совершенно устраняются отъ непосредственнаго

---

[6]) B. *Kellog* History of Charityorganisation in the United States. 1893.

[2]) Стр. 439.

оказанія помощи. Мало того, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, тѣ общества, которыя занимаются и дѣломъ непосредственной помощи, дѣлаютъ это въ ущербъ своей дѣйствительной задачѣ, и съ опасностью вступить въ конкурренцію съ другими обществами, оказывающими непосредственную помощь, испортить съ ними отношеніе и потерять, благодаря этому, свое руководящее положеніе.

Между тѣмъ, задачи обществъ организованной благотворительности, какъ показываетъ и самое ихъ названіе, сводятся, главнымъ образомъ, къ организаціи благотворительности, къ объединенію и направленію дѣятельности всѣхъ отдѣльныхъ благотворительныхъ обществъ, возникающихъ для преслѣдованія каждое своей лично симпатичной членамъ общества дѣятельности, и дѣйствующихъ не только самостоятельно, но большею частью вразбродъ, а иногда и враждебно въ отношеніи другъ друга. Для такой организаціи нужно прежде всего разслѣдованіе, точное выясненіе каждаго отдѣльнаго случая и регистрація выясненнаго, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о томъ, какая помощь, въ концѣ концовъ, была оказана. Какъ говоритъ Гендерсонъ [1]), такое разслѣдованіе должно выяснить причины несчастія, постигшаго данное лицо, или семью, родъ помощи, которую слѣдовало бы оказать, и наконецъ обманъ, если дѣйствительно бѣдствіе вымышленное. Всѣ эти свѣдѣнія регистрируются; какъ говоритъ Амосъ Вернеръ [2]), въ Нью-Іоркѣ, благодаря обществамъ организованной благотворительности, зарегистрировано около 170.000 лицъ.

Эти свѣдѣнія сообщаются по требованію отдѣльныхъ благотворительныхъ обществъ; съ своей стороны общества организованной благотворительности, зная точно, какую цѣль какое общество преслѣдуетъ, направляютъ, по разслѣдованіи, нуждающагося въ соотвѣтственное общество. Такимъ образомъ, достигается то сотрудничество, кооперація благотворительныхъ обществъ и благотворительныхъ дѣятелей, которая составляетъ одну изъ главныхъ задачъ Charity organisation, разумная организація благотворительности. Но этимъ, разумѣется, далеко не исчерпывается дѣятельность этихъ обществъ. Я не говорю уже о томъ, что многія изъ нихъ держатъ спеціальныхъ агентовъ для обнаруженія, какъ говоритъ Вернеръ, обманщиковъ, преслѣдованія ихъ передъ судомъ и не-

---

[1]) Н. с., стр. 227.

[2]) Amos. G. Warner, American Charity, Study in Philantropy and economics.

допущенія такимъ образомъ не невольной бездѣятельности и лѣни.

Кромѣ такихъ агентовъ, главные агенты этихъ обществъ,— это такъ называемые Friendly visitors дружескіе посѣтители. Это они производятъ разслѣдованіе, они входятъ въ домъ и семью нуждающагося. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, это такъ называемые добровольцы, люди, безъ всякаго вознагражденія посвящающіе часть, а иногда и все свободное время этому важному благородному дѣлу. И тутъ именно, на дѣятельности этихъ лицъ, можно убѣдиться, во-первыхъ, въ какой мѣрѣ матеріальная помощь не играетъ главной роли въ новой филантропіи и, во-вторыхъ, въ какой мѣрѣ характеръ новой дѣятельности требуетъ личнаго, самоотверженнаго, участія тружениковъ въ этой области. Вернеръ говоритъ: «не милостыня нужна, а другъ», а Гендерсонъ констатируетъ, что такіе дружескіе посѣтители становятся друзьями нуждающейся семьи, они усмиряютъ и примиряютъ семейные раздоры, добиваются возвращенія дѣтей, бѣгающихъ по улицамъ, домой, посылаютъ ихъ въ школы, находятъ работу для здоровыхъ членовъ семьи, а, главное, стараются поднять духъ и нравственную энергію той семьи, которая попала въ бѣду, близка къ полной деградаціи.

Но для того, чтобы именно все дѣло велось правильно, необходимо руководство, необходимо установленіе общихъ руководящихъ принциповъ. Разслѣдованіе причинъ, которыя приводятъ отдѣльныхъ личностей и цѣлыя группы населенія къ деградаціи физической и нравственной, дѣло, конечно, весьма сложное, требующее опыта, знанія, руководства, и при томъ руководства во имя ясно сознаваемыхъ принциповъ. И это-то руководство, въ истинно государственномъ, соціальномъ, духѣ, и осуществляютъ Charity Organisation. Такимъ образомъ, понятно, что всѣ изслѣдователи, изучавшіе дѣятельность этихъ обществъ, характеризуютъ таковую двумя словами: созидательная и предупредительная. И здѣсь именно созидается, организуется на широкихъ, глубоко задуманныхъ, началахъ *превенція, предупрежденіе, полной деградаціи, полнаго разоренія физическаго и нравственнаго*, когда помощь уже или вовсе или мало полезна. Но для этого оставлена вовсе прежняя система подачекъ милостыни во всѣхъ отношеніяхъ, и основной принципъ новой филантропіи, осуществляемый Charity Organisation — путемъ привлеченія возможно большихъ общественныхъ силъ и организаціи ихъ по твердо установленнымъ, глубоко продуманнымъ принципамъ, доби-

ваться своевременно, до полнаго паденія личности, того, чтобы эта личность, какъ можно скорѣе собственными силами, или по крайней мѣрѣ собственными нравственными силами, возстановила себѣ достойныя человѣка условія существованія матеріальныя и моральныя, свою честь и достоинство человѣка. Есть спеціальныя сочиненія, которыя въ самомъ заглавіи опредѣляютъ характеръ новой филантропіи. Такъ, Іосифъ Ли (Ioseph Lee, Vice-President of the Massachusets Civic League) назвалъ свое изслѣдованіе, вышедшее въ свѣтъ въ 1902 г., Constructive und Preventive Philanthropy. Опредѣляя задачи новой филантропіи, онъ говоритъ (стр. 7), что если прежде мотивомъ благотворительности было желаніе одного класса населенія дѣлать добро другому классу, то теперь къ этой дѣятельности, по самимъ принципамъ ея, привлечены всѣ, и задачами ея является помощь не отдѣльнымъ даже группамъ, а переустройство на лучшихъ началахъ всего общественнаго строя. Но если даже допустить нѣкоторое увлеченіе со стороны Ли, и опредѣленно указать на задачу новой филантропіи, какъ на своевременное предупрежденіе физической и нравственной деградаціи близкихъ къ паденію отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ группъ населенія, то и при такомъ пониманіи станетъ совершенно ясной не только связь новой филантропіи съ борьбой съ преступностью, но даже и то, что эта вновь организованная на высокихъ принципахъ дѣятельность для борьбы съ деклассаціей есть именно настоящая борьба съ главнѣйшимъ факторомъ преступности, а слѣдовательно и съ самою преступностью. Да это такъ и сознается всѣми дѣятелями. Наиболѣе изъ всѣхъ современныхъ журналовъ, посвященныхъ пенитенціарной наукѣ, вѣрно отражающій современныя движенія—Revue penitentiaire посвящаетъ большое вниманіе и удѣляетъ новой филантропіи много мѣста на своихъ страницахъ. Здѣсь встрѣчаются такія выраженія: «среди благотворительныхъ учрежденій Руана *наиболѣе пенитенціарными* являются такія-то [1]). Основатель Парижскаго Office central des institutions charitables, преслѣдующаго задачи Charity Organisation, Леонъ Лефебюръ [2]) видитъ въ новой филантропіи прямую превенцію преступленій. Развѣ, говоритъ онъ, могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что предоставленіе работы безработнымъ, обезпеченіе пріюта

---

[1]) „Revue penit.“ 1891, p. 981.

[2]) Такія же организаціи имѣются и въ другихъ мѣстахъ Франціи кромѣ Парижа, ср. „Rev. penit.“ 1892, p. 648.

лишеннымъ временно крова, заботы о помѣщеніи заброшенныхъ дѣтей въ воспитательныя учрежденія, возвращеніе на родину неимущихъ, дошедшихъ до деклассаціи, есть ни что иное, какъ устраненіе корня зла, той соціальной категоріи лицъ, которая, по преимуществу, комплектуетъ преступный классъ людей [1]).

Забѣгая нѣсколько впередъ, такъ какъ я остановлюсь на этомъ вопросѣ подробно въ дальнѣйшемъ изложеніи, я не могу и здѣсь не обратить вниманія на то, въ какой мѣрѣ новая филантропія въ цѣломъ рядѣ случаевъ уже въ настоящее время замѣнила репрессію, при чемъ прямо судъ передаетъ осужденныхъ въ вѣдѣніе благотворительныхъ учрежденій: для малолѣтнихъ этотъ процессъ уже почти окончательно повсюду завершился, для бродягъ (Бельгія), нищихъ и т. д.

Американцы всегда были особенно чутки къ пенитенціарнымъ вопросамъ, достаточно вспомнить, что всѣ европейскія тюремныя системы американскаго происхожденія, условное осужденіе—новая мѣра борьбы, примѣняемая теперь во всей Европѣ за исключеніемъ Россіи къ сотнямъ тысячъ людей, получена изъ той же Америки. И вотъ въ Америкѣ быстро распространилась система объединенія завѣдыванія благотворительными и тюремными учрежденіями въ особыхъ State Boards of Charity and Correction. Делегаты этихъ управленій собираются ежегодно въ особый національный конгрессъ благотворительности и исправленія (Charity and Correction) и, какъ свидѣтельствуетъ отчетъ о 31-мъ конгрессѣ, собиравшемся въ 1904 г. въ Портландѣ, Boards of Charity and Correction существуютъ въ 29-ти Штатахъ [2]). Нѣкоторыя изъ этихъ управленій имѣютъ своею задачею только завѣдываніе правительственными тюремными и благотворительными учрежденіями, но большинство, главнымъ образомъ, исполняютъ функціи контроля и объединенія частныхъ благотворительныхъ учрежденій съ правительственными тюремными и благотворительными учрежденіями въ общемъ дѣлѣ борьбы съ преступностью. Какъ прекрасно доказывается тѣмъ же отчетомъ, новыя управленія съумѣли объединить лучшія умственныя силы страны, члены управленія назначаются правительствомъ изъ лучшихъ общественныхъ дѣятелей, но кромѣ

---

[1]) „Revue penit." 1891, p. 133.

[2]) Proceedings of the National Conference of Charities and Correction of the thirtyfirst annual session. 1904.

того, вокругъ такихъ управленій группируется громадное число добровольцевъ, въ лицѣ Friendly visitors, probation officers и т. д. И безъ этого конечно дѣятельность была бы не такъ успѣшна, не представлялись бы такіе великолѣпные доклады конгрессамъ, все дѣло не было бы такъ проникнуто насквозь энергіею, жизнью. А вѣдь дѣло громадное—борьбы съ главнымъ факторомъ преступности—деклассаціей отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ группъ населенія. На это дѣло, по вычисленіямъ Вернера, Гендерсона и другихъ, тратится ежегодно только частною благотворительностью около 100 милліоновъ долларовъ, приблизительно такія же суммы расходуютъ и другіе народы. Но эти траты совершенно недостаточны были бы для дѣла, если бы при той постановкѣ новой филантропіи, которая требуетъ такъ много затратъ личныхъ силъ дѣятелей, а слѣдовательно и громаднаго числа этихъ дѣятелей, всѣ бы они оплачивались. Однѣмъ заботамъ о заброшенныхъ дѣтяхъ посвящаетъ свои труды въ Америкѣ, по вычисленіямъ Вернера, болѣе 6.000 лицъ безплатно. Но новыхъ родовъ дѣятельности, благодаря новой филантропіи, возникло весьма много: здѣсь кромѣ тѣхъ friendly visitors, о которыхъ мы говорили, нужно упомянуть о probation officer, новый органъ, осуществляющій надзоръ за испытуемыми, такъ сказать подозрительными по преступному заболѣванію, соціальные секретари, подающіе юридическую помощь, и вообще всякіе руководители благотворительныхъ учрежденій. Но все-таки самымъ типичнымъ образчикомъ новой филантропической дѣятельности является учрежденіе такъ называемыхъ settlements. Я не нахожу другого слова для передачи этого понятія какъ русское слово «выселокъ», это именно выселки культурнаго міра среди мѣстностей и группъ населенія, не столько отставшихъ отъ общаго уровня культурнаго данной страны, сколько именно благодаря современному соціальному строю, близкимъ къ полному паденію физическому, матеріальному и нравственному, къ полной деградаціи и деклассаціи. Собственно первая мысль принадлежала ученику Пюзи (Pusey) Лаудеру, который избралъ въ Лондонѣ кварталъ, въ которомъ исключительно почти помѣщаются кабаки и публичные дома; здѣсь онъ открывалъ школы, какъ духовное лицо, совершалъ богослуженіе, устраивалъ религіозныя процессіи. Въ своей дѣятельности онъ нашелъ большое число добровольцевъ помощниковъ и достигъ прекрасныхъ результатовъ въ смыслѣ нравственнаго оздоровленія данной мѣстности [1]).

[1]) Ср. Dr. Gerhart von Schulze-Gaevernitz. Zum socialen Frieden. 1890.

Собственно выселкамъ положилъ начало въ 1885 г. Арнольдъ Тауби, основавъ Toynbee Hall въ Оксфордѣ и въ Лондонѣ. Мысль была та же, но только здѣсь не было религiозной окраски.

Это новое движенiе сливается съ движенiемъ по учрежденiю народныхъ университетовъ, или, какъ говорятъ англичане, по распространенiю университетовъ (University Extension). Однако же движенiе въ пользу учрежденiя выселковъ шире и сильнѣе. Въ то время какъ собственно народныхъ университетовъ (People's palace возникъ въ 1874) насчитывается теперь 11 [1]), съ числомъ учащихся приблизительно въ 30.000 человѣкъ (кромѣ того, по свѣдѣнiямъ Шульце-Гевернипца, есть еще особые пункты временные такихъ университетовъ, около 200), выселковъ весьма большое число и даже Charity Register не даетъ общаго ихъ числа. Но и задачи выселковъ гораздо шире. Они далеко не ограничиваются, какъ народные университеты, преслѣдованiемъ цѣлей научнаго развитiя той среды, съ которой они имѣютъ дѣло. Главная ихъ задача привести эту опустившуюся умственно и нравственно среду въ непосредственное соприкосновенiе съ лучшими представителями современной интеллигенцiи.

Въ этихъ цѣляхъ, въ самыхъ обиженныхъ судьбою городскихъ участкахъ нанимается помѣщенiе, которое служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и школой и клубомъ: здѣсь же находятъ временно прiютъ тѣ лица, которыя посвящаютъ свою дѣятельность новому дѣлу. Составъ дѣятелей самый разнообразный, сюда входятъ и учащiеся высшихъ учебныхъ заведенiй, и адвокаты, и ученые, и духовные, и много дамъ; молодые люди самыхъ высшихъ англiйскихъ круговъ считаютъ gentlemanlike проводить одинъ, два, дня въ недѣлю въ такомъ выселкѣ. Такой выселокъ является центромъ, источникомъ мѣстной союзной инициативы; вокругъ него группируются всевозможные союзы попеченiя о дѣтяхъ, клубы для дѣтей, для рабочихъ; здѣсь большею частью имѣется общеобразовательное учебное заведенiе, здѣсь происходятъ бесѣды на научныя темы, но здѣсь же даются и театральныя представленiя. Стоящiе во главѣ такихъ выселковъ «резиденты» и всѣ тѣ интеллигентныя лица, которыя являются сюда и составляютъ контингентъ добровольныхъ преподавателей, юрисконсультовъ, руководителей занятiй и развлеченiй. Но

---

[1]) Charity Register for. 1904.

и этого мало. Американскіе выселки [1]), которые еще болѣе многочислены, оказываютъ и матеріальную помощь, хотя и стараются не выставлять эту сторону своей дѣятельности на первый планъ. Среди многочисленныхъ учрежденій союзныхъ, которыя возникаютъ по сосѣдству съ выселкомъ, я не могу не отмѣтить клубовъ для мальчиковъ и особенною любовью пользующихся въ Америкѣ плацовъ для игры дѣтей (Play grounds). Клубы мальчиковъ представляютъ собою вполнѣ сложившіяся корпораціи; здѣсь вполнѣ примѣняется начало самоуправленія и именно въ цѣляхъ нравственнаго и соціальнаго воспитанія, выборные комитеты слѣдятъ за соблюденіемъ уставовъ, за всѣмъ внутреннимъ распорядкомъ; разумѣется, резидентъ выселка или его замѣститель ставитъ дѣло на ноги и потомъ является по возможности незамѣтнымъ руководителемъ. Мнѣ могутъ сказать, какое же наконецъ подобное учрежденіе имѣетъ отношеніе къ дѣлу борьбы съ преступностью, вѣдь этакъ во всякомъ хорошемъ учрежденіи и начинаніи можно видѣть съ извѣстнымъ правомъ средство борьбы съ преступностью. Такой упрекъ былъ бы однако весьма мало обоснованъ. Эти клубы для мальчиковъ имѣютъ самое непосредственное отношеніе къ борьбѣ съ преступностью. Главная ихъ цѣль—бороться съ бродяжествомъ и шатаньемъ по улицамъ; въ эти клубы собираются сыновья бѣднѣйшихъ семей, которые вполнѣ естественно, благодаря чрезвычайной тѣснотѣ помѣщенія и другимъ неблагопріятнымъ условіямъ, совершенно лишены возможности собираться вмѣстѣ съ своими однолѣтками и предаваться тѣмъ играмъ, которыя такъ вполнѣ законны въ этомъ возрастѣ; имъ поневолѣ приходится выходить на улицу, а здѣсь они подвергаются всевозможнымъ соблазнамъ: нищихъ-ремесленниковъ, подбирающихъ себѣ помощниковъ и тому подобныхъ уличныхъ «дѣятелей» и незамѣтно превращаются, по выраженію иностранныхъ писателей, въ тѣхъ «арабовъ» улицы (бродягъ), изъ которыхъ потомъ не только незамѣтно, но и *неудержимо* выростаютъ будущіе преступники, это въ сущности главный контингентъ карманныхъ воришекъ, похитителей изъ витринъ магазиновъ и т. п. Получая возможность предаваться играмъ въ клубѣ, они въ то же время пріучаются къ порядку, къ соблюденію извѣстныхъ правилъ; имъ незамѣтно прививается чувство *корпоративной чести*, они воспитываются соціально. Тѣ же цѣли достигаются на свѣжемъ воздухѣ на плацахъ

---

[1]) Flor. Achraroft y Henderson, p. 421.

для игры, гдѣ игры происходятъ подъ руководствомъ добровольцевъ руководителей, а, по свидѣтельству американцевъ, ни въ какой другой моментъ, какъ именно въ моментъ совершенно свободнаго развлеченія игрой, ребенокъ не является болѣе податливымъ для руководства и воспитанія, для усвоенія мимоходомъ всевозможныхъ свѣдѣній. Не слѣдуетъ, повторяю, забывать, изъ какой среды набирается контингентъ этихъ дѣтей, какой зародышъ соціальнаго зла они представляютъ, зла, въ борьбѣ съ которымъ всѣ репрессивныя мѣры оказываются безсильны и которое проявляется въ колоссально растущей дѣтской преступности, пополняющей затѣмъ ряды взрослыхъ преступниковъ. Мѣры, направленныя на обезвреженіе этихъ опасныхъ въ соціальномъ отношеніи элементовъ, есть истинная и единственно-плодотворная борьба съ преступностью.

Но я долженъ еще разъ подчеркнуть нѣкоторыя черты учрежденія выселковъ. Я назвалъ ихъ типичными представителями новой филантропіи. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что собственно непосредственная матеріальная помощь, подачка милостыни, почти совершенно отсутствуютъ. За то на первомъ планѣ стоитъ личная дѣятельность филантроповъ; она вся направлена главнымъ образомъ на возрожденіе умственное, нравственное и физическое, близкихъ къ паденію личностей, на возрожденіе въ нихъ энергіи, девизъ этой дѣятельности help them, to help themselves—помочь имъ—самимъ себѣ помочь. Все сводится, такъ сказать, къ нравственному и соціальному перевоспитанію лицъ, поставленныхъ соціальнымъ строемъ, а можетъ быть и собственною виною, въ недостойныя человѣка и человѣческаго достоинства условія существованія. Но не поучаются ли при этомъ сами благодѣтели, сами воспитатели. Не способствуетъ ли это близкое, продолжительное, приведеніе въ соприкосновеніе съ неимущими, обездоленными умственно и матеріально, къ распространенію среди обезпеченныхъ истиннаго пониманія соціальныхъ недостатковъ, къ ихъ соціальному воспитанію, къ подготовленію мирнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса.

Но новая дѣятельность такъ важна, требуетъ столь разнообразныхъ познаній съ одной стороны, даетъ столько богатыхъ данныхъ и матеріаловъ для научныхъ обобщеній, наконецъ открываетъ столько новыхъ, если не карьеръ, какъ говорятъ теперь, то родовъ почтенныхъ занятій, которые могутъ составить призваніе самыхъ благородныхъ людей, что неудивительно, что возникла и развивается уже новая

наука о филантропіи. Въ этомъ отношеніи Charity organisation Societies оказались піонерами и завели особые курсы. Университетъ въ Чикаго съ Января 1904 г. открылъ особый курсъ для практическаго обученія въ филантропіи и новомъ соціальномъ дѣлѣ, въ Бостонѣ, въ университетѣ, тоже долженъ былъ открыться особый курсъ, посвященный изученію соціальнаго дѣла (social work [1]). Одновременно и національные конгрессы благотворительности и исправленія, собирающіеся уже болѣе 25 лѣтъ, служатъ для Америки разсадникомъ теоретическихъ и практическихъ познаній, объединяя людей науки и дѣятелей филантропіи. Такіе же конгрессы собираются во Франціи (въ 1903 г. въ Бордо), въ Германіи. Я уже отмѣчалъ труды международнаго конгресса благотворительности въ Парижѣ въ 1900 г.; въ 1906 г. собирался конгрессъ международный въ Миланѣ [2]). Я остановился на системѣ выселковъ со всѣми присоединяющимися къ нимъ союзами и на обществахъ организованной благотворительности, какъ наиболѣе совершенно осуществившихъ взгляды современной филантропіи. Но основные принципы этой новой соціальной дѣятельности въ сущности признаются всѣми цивилизованными государствами, только англосаксонской расѣ, съ ея мастерствомъ въ строительствѣ государственномъ и соціальномъ, удалось уже дать болѣе совершенные образчики новой дѣятельности.

Такъ, въ Германіи система, принятая въ городѣ Эберфельдѣ и въ послѣдовавшихъ его примѣру, приближается къ системѣ организованной благотворительности. Здѣсь такое же привлеченіе громадныхъ даровыхъ силъ въ лицѣ посѣтителей (Armenpfleger); благодаря этимъ силамъ удалось разбить городъ на крайне небольшіе участки, такъ что надзирающее за отдѣльнымъ участкомъ лицо можетъ не только самымъ тщательнымъ образомъ разслѣдовать каждый «случай», но и входить въ личное и продолжительное соприкосновеніе съ нуждающейся семьей, воздѣйствовать лично на близкихъ къ полному паденію нравственно людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, установлено и объединеніе этихъ дѣятелей въ особыхъ совѣтахъ мѣстныхъ и центральномъ. Точно такую же систему посѣтителей добровольцевъ мы находимъ теперь

---

[1]) Proceedings of Nation. Confer. of Charity and Correction. 1904, p. 7.

[2]) Первый конгрессъ благотворительности собрался въ Парижѣ въ 1855, послѣдующіе были пріурочены къ выставкамъ 1870—1889 г.

и въ кантонахъ Швейцаріи [1]), у насъ въ Москвѣ, во Франціи и т. д.

Съ другой стороны, какъ я уже говорилъ въ началѣ настоящей главы, и самое пониманіе задачъ новой филантропіи, въ смыслѣ именно не благотворительной, а соціальной дѣятельности, направленной къ тому, чтобы поднять человѣка близкаго къ нравственному паденію на его собственныя ноги, возстановить его физическое, нравственное и экономическое здоровье, распространяется повсюду.

Въ этомъ отношеніи интересно только-что цитированное сочиненіе Dr. Guillaum'a, повидимому нынѣшняго секретаря пенитенціарныхъ коммиссій международныхъ тюремныхъ конгрессовъ. Сочиненіе вышло въ 1881 г. и задавалось цѣлью представить картину того, что дѣлаетъ частная инидіатива въ этомъ маленькомъ, еле имѣвшемъ въ то время 100.000 населенія, кантонѣ *для предупрежденія*, говоритъ авторъ, и *исцѣленія соціальныхъ болѣзней*. Къ числу этихъ бѣдъ отнесены нищета, сиротство, преступность дѣтсткая и взрослыхъ лицъ, нищенство, болѣзни и калѣчество (инвалидность), пьянство; при этомъ въ книгѣ приводятся цифровыя данныя, указывающія на число лицъ, пораженыхъ этими «бѣдами», и высказывается убѣжденіе, что для дѣла нравственной и соціальной гигіены еще далеко не все сдѣлано въ кантонѣ и что нужна болѣе систематическая дѣятельность. А затѣмъ, въ книгѣ приведены подробныя данныя, что именно сдѣлано мѣстными союзами для защиты и помощи несчастнымъ дѣтямъ, вдовамъ, взрослымъ, инвалидамъ и больнымъ, что сдѣлано для поднятія уровня нравственности, сюда же включены и данныя о развитіи кооперативнаго движенія, ссудосберегательныхъ кассъ и т. д. До извѣстной степени, то же самое мы находимъ и въ сочиненіи Segond, посвященномъ благотворительности въ кантонѣ Водъ и въ громадномъ по размѣрамъ вышедшемъ въ 1904 г. изслѣдованіи Vermeersch, Manuel Social, La legislation et les oeuvres en Belgique.

Знакомясь съ этими систематическими обширными каталогами, если можно такъ выразиться, справочными указателями существующихъ въ данной странѣ благотворительныхъ учрежденій, поражаешься колоссальною численностью ихъ, которая, по свидѣтельству всѣхъ изслѣдовате-

[1]) Cp. V. Segond. La bienfaisance dans le canton de Waud. 1895. Dr. Guillaume. Coup d'oeil de le vie sociale dans le canton de Neuchatel. 1881.

лей, растетъ съ чрезвычайной быстротою. Такъ, по свѣдѣніямъ изданія Парижскаго общества организованной благотворительности [1]), въ одномъ Парижѣ существуетъ до 3.000 благотворительныхъ учрежденій. Не менѣе поразительно и разнообразіе видовъ, свидѣтельствующее о чрезвычайной спеціализаціи цѣлей. Несомнѣнно, что при существованіи объединяющихъ союзовъ организованной благотворительности, подобная спеціализація не только не вредна, но даже полезна, ибо она скорѣе обезпечиваетъ за благотворительнымъ учрежденіемъ содѣйствіе лицъ, желающихъ жертвовать и помогать своимъ личнымъ трудомъ, такъ какъ подобныя лица всетаки, разумѣется, руководствуются своими симпатіями къ той или другой цѣли, наиболѣе близкой ихъ сердцу. Если въ отдѣльныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, такимъ образомъ, по прежнему, дѣйствіями лицъ благотворящихъ руководитъ прежде всего сердце, то за то разумъ, осуществляющій высокія филантропическія новыя цѣли, благодаря обществамъ организованной благотворительности, приводитъ всѣ эти плоды симпатій въ одно систематическое планомѣрное цѣлое.

Особый Manuel des oeuvres, начало которому положено Vicomte de Melun, свидѣтельствуетъ, что французскія провинціи въ дѣлѣ благотворительности немногимъ отстаютъ отъ Парижа. Послѣднее изданіе этого Manuel за 1900 г. устанавливаетъ существованіе громаднаго числа частныхъ (рядомъ съ хорошо поставленными учрежденіями Assisstance publique, находящимися въ завѣдываніи мѣстныхъ департаментскихъ совѣтовъ, conseils generaux), благотворительныхъ учрежденій, которыя систематически направляютъ свою дѣятельность на удовлетвореніе и устраненіе тѣхъ разнообразныхъ бѣдъ, которыя поражаютъ человѣка со дня его рожденія, и кончая днемъ его смерти.

Въ мои задачи не можетъ входить давать подробную и систематическую картину всѣхъ существующихъ благотворительныхъ учрежденій, это съ одной стороны привело бы меня къ необходимости написанія огромнаго сочиненія, при томъ чисто компилятивнаго характера. Лучшее сочиненіе, обозрѣвающее современную благотворительность въ разныхъ странахъ культурнаго міра,—книга написанная проф. Карломъ Гендерсономъ Modern Methods of Charity 1904 г. составлена имъ при участіи

---

[1]) Paris charitable et prevoyant; publié par les soins de l'office central des oeuvres de bienfaisance. 1897.

цѣлаго ряда мѣстныхъ сотрудниковъ. Съ другой стороны меня бы упрекнули можетъ быть, и вполнѣ заслуженно, что я забочусь только объ увеличеніи объема моего сочиненія, удаляясь отъ непосредственно поставленной задачи. Поэтому я остановлюсь, не говоря уже о потронатахъ и защитѣ дѣтства, которымъ будутъ посвящены особые отдѣлы, только, по выраженію французовъ, на наиболѣ пенитенціарныхъ благотворительныхъ союзахъ; на Innere Mission, Арміи Спасенія, учрежденіяхъ трудовой помощи и въ концѣ на союзахъ, которые хотя и включаются большинствомъ писателей въ число благотворительныхъ, но въ сущности скорѣе примыкаютъ къ союзамъ, преслѣдующимъ политическія, соціальныя, или религіозныя цѣли—именно на союзахъ, имѣющихъ цѣлью поднятіе современной нравственности, нравственныхъ понятій отдѣльныхъ группъ населенія всего населенія, всего современнаго культурнаго міра.

Но прежде чѣмъ перейти къ указаннымъ отдѣльнымъ видамъ наиболѣе пенитенціарныхъ благотворительныхъ учрежденій, я не могу не отмѣтить, въ какой тѣсной связи съ дѣломъ борьбы съ преступностью стоятъ самыя такъ сказать шаблонныя, общераспространенныя, благотворительныя учрежденія.

Благотворительность имѣетъ въ виду устранить, или хотя бы смягчить, ту или другую бѣду, постигшую данное лицо. Всѣхъ бѣдъ слишкомъ много, потому благотворительность поневолѣ сосредоточивается на тягчайшихъ видахъ несчастій. Важно при этомъ вспомнить, кто тѣ лица, которыя постигнуты такою чрезвычайною бѣдою и нуждаются въ помощи благотворителей. Это лица, которыя и при нормальномъ ходѣ вещей едва могутъ справляться съ жизненными потребностями, удовлетворять хотя бы въ нѣкоторой степени тѣ нужды въ жилищѣ, пищѣ, одѣяніи, не говоря уже объ образованіи и тѣмъ менѣе развлеченіи, удовлетвореніе которыхъ однако императивно необходимо, иначе нѣтъ человѣческихъ условій существованія. Когда на такихъ лицъ обрушивается бѣда, въ видѣ ли тяжкой болѣзни одного изъ членовъ семьи, лишенія временнаго или постояннаго заработка, и то небольшое, относительное, равновѣсіе въ области насущныхъ потребностей и средствъ ихъ удовлетворенія, то относительное равновѣсіе между запросами, если не счастья, то относительнаго душевнаго покоя, и возможностью обезпечить удовлетвореніе ихъ, въ такой чрезвычайной мѣрѣ нарушается, что они по истинѣ могутъ быть признаны поставленными въ ненормальное поло-

женіе, неестественное, не переносимое, для перенесенія котораго нужно геройство.

Конечно, геройство, достойное удивленія качество души человѣческой, но можно ли его требовать вообще, а тѣмъ болѣе подъ угрозою уголовной кары. Въ такихъ потрясенныхъ бѣдою лицахъ мы несомнѣнно должны видѣть, говоря языкомъ современныхъ уголовныхъ кодексовъ, лицъ, находящихся въ состояніи крайней необходимости, которымъ совершаемыя ими дѣянія не могутъ быть вмѣнены въ вину. И вотъ филантропія, помѣщая калѣку, тяжко больного, въ больницу, прокармливая оставшуюся временно безъ работника семью, содѣйствуетъ несомнѣнно болѣе, чѣмъ всякія непримѣнимыя даже въ данномъ случаѣ репрессивныя мѣры, дѣлу уменьшенія числа преступленій, хотя бы только противъ имущества.

Но остановимся еще на одномъ случаѣ. Что можетъ быть банальнѣе, общераспространеннѣе, чѣмъ пріюты для дѣтей, самые обыкновенные пріюты, не только далекіе отъ цѣлей перевоспитанія и исправленія дурныхъ наклонностей, но даже и въ смыслѣ образовательномъ задающіяся весьма невысокими цѣлями; просто однимъ словомъ пріюты, которымъ можетъ быть дано названіе питательныхъ. Повидимому ужъ эти то пріюты крайне далеки отъ дѣла борьбы съ преступностью. А между тѣмъ, какъ показываетъ жизнь, они стоятъ въ самой непосредственной тѣсной связи съ этимъ дѣломъ и при томъ, такъ сказать, по причинѣ совершенно неожиданной, вовсе не потому только, что они устраняютъ бродяжество подобныхъ дѣтей и дальнѣйшее ихъ развращеніе на этомъ пути. Нѣтъ, значеніе того обстоятельства, что такихъ пріютовъ въ Россіи слишкомъ мало, обнаружилось на весьма прискорбномъ обстоятельствѣ. Когда родителей сажаютъ въ тюрьму, а дѣтей буквально некуда дѣть за отсутствіемъ близкихъ и друзей,—а преступленіе какъ извѣстно отталкиваетъ и близкихъ—приходится и дѣтей, и при томъ въ возрастѣ до 14 л., сажать въ тѣ же тюрьмы только чтобы не оставить ихъ на улицѣ какъ котятъ, которыхъ бросаютъ за излишкомъ въ воду. Что изъ этого происходитъ, въ особенности при существующей у насъ системѣ общаго заключенія, понятно безъ всякихъ разъясненій; происходитъ на средства государственнаго казначейства обученіе этихъ дѣтей преступному ремеслу, возникаетъ своего рода преступная академія, содержимая на государственный счетъ. Тутъ уже дѣло не въ жалости къ этимъ невиннымъ дѣтямъ, несчастье которыхъ со-

стоитъ въ томъ, что у нихъ родители преступники, а въ невозможности сознательнаго культивированія, выращиванія, будущихъ преступниковъ, что однако неизбѣжно должно послѣдовать, разъ такія дѣти помѣщены намѣренно въ обществѣ преступниковъ, ничѣмъ не занятыхъ, проводящихъ время въ разговорахъ и хвастовствѣ своими «дѣлами».

Такое явленіе встрѣчается еще кромѣ Россіи, въ Италіи; въ другихъ странахъ, на-ряду съ заботами обществъ патроната о семьяхъ преступниковъ, дѣйствуютъ обыкновенно питательные пріюты и самого вопроса о помѣщеніи безпріютныхъ дѣтей лицъ заключаемыхъ въ тюрьмы въ такой по крайней мѣрѣ острой формѣ какъ у насъ—до 3000 дѣтей подобныхъ совершенно невинныхъ, по приблизительному разсчету, содержится въ русскихъ тюрьмахъ—не возникаетъ.

Я бы хотѣлъ что-нибудь сказать, хотя бы для системы, о положеніи русской благотворительности. Но я думаю, само собою понятно, что если общественная инициатива въ Россіи въ значительной степени, во всѣхъ родахъ дѣятельности, отстала отъ культурнаго міра, то, конечно, напрасно было бы ожидать встрѣтить какія-либо начинанія въ томъ направленіи, которое привело уже къ блестящимъ результатамъ въ другихъ странахъ.

Но и этого мало, какъ и въ области русской статистики, мы и здѣсь должны констатировать полный хаосъ. Единственный источникъ свѣдѣній о положеніи благотворительности въ Россіи—это выпущенное въ 1900 Вѣдомствомъ Императрицы Маріи въ трехъ, коллоссальнаго размѣра, томахъ изданіе подъ заглавіемъ «Благотворительныя учрежденія Россійской Имперіи». Ничего ни болѣе новаго, ни болѣе совершеннаго, съ тѣхъ поръ издано не было и въ изданіи, приготовленномъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ для только что окончившагося международнаго конгресса благотворительности въ Миланѣ—L'assistance publique et privée et la bienfaisance en Russie I et II—мы встрѣчаемъ только данныя, почерпнутыя изъ того же изданія Вѣдомства Императрицы Маріи.

Я посвятилъ нѣсколько недѣль на изученіе этого изданія только для того чтобы прійдти къ глубокому убѣжденію, что свѣдѣнія, содержащіяся въ немъ и собранныя путемъ запросовъ мѣстныхъ губернаторовъ, не полны, не точны и въ концѣ концовъ не даютъ сколько нибудь опредѣленнаго представленія о тѣхъ учрежденіяхъ, которыя зарегистрированы подъ общими, ничего не выражающими названіями.

Вотъ нѣсколько цифръ.

Въ Вѣдомствѣ Императрицы Маріи числится 76 обществъ и 607 заведеній, въ Обществѣ Краснаго Креста 409 обществъ и 109 заведеній, въ Человѣколюбивомъ Обществѣ 41 общество и 171 заведеніе. Частныхъ обществъ насчитывалось 2.750 и ими содержалось 2.846 заведеній. За тѣмъ идутъ несомнѣнно неполныя и неточныя свѣдѣнія о числѣ учрежденій, содержимыхъ городами, земствами, сословіями. Конечно мы встрѣчаемся въ крайне ограниченномъ числѣ съ монастырскими и церковно-приходскими заведеніями.

Значительно большаа часть этихъ учрежденій находится въ губернскихъ городахъ, нѣкоторая часть въ уѣздныхъ городахъ, а въ деревняхъ почти нѣтъ, и здѣсь остается призрѣніе сельскаго схода.

Опять таки самая значительная часть учрежденій представляетъ собою пріюты для дѣтей самаго элементарнаго устройства.

Пріюты раздѣляются на такіе, въ которыхъ живутъ и такіе, въ которыхъ дѣти получаютъ образованіе и пропитаніе. Конечно послѣдніе не лишены нѣкотораго значенія въ смыслѣ огражденія дѣтей отъ полной заброшенности, ибо это дѣти бѣднѣйшихъ родителей, которые все таки такимъ образомъ проводятъ большую часть дня въ нормальныхъ условіяхъ.

Я уже упоминалъ выше о попечительствахъ надъ бѣдными въ Москвѣ, возникшихъ въ 1893 г. и организованныхъ по системѣ гор. Эберфельда.

Кое-гдѣ, весьма рѣдко, встрѣчаемся съ ремесленными школами, благотворительными мастерскими.

Точной картины дѣятельности земствъ въ этой области, тоже, какъ мнѣ кажется, не имѣется.

Повторяю: все это и очень недостаточно, и очень примитивно.

Innere Mission. [1])

Если перевести это иностранное названіе на русскій языкъ, то приблизительно это будетъ значить миссіонерство среди своихъ единовѣрцевъ въ противоположность äussere Mission, т. е. миссіонерству среди язычниковъ и иновѣрцевъ. Но названіе, разумѣется, представляетъ не болѣе какъ кличку, вовсе не дающую, при томъ, понятія о томъ громадномъ колоссальномъ, всемірномъ, союзѣ, который носитъ это названіе. Почва его конфессіональная, онъ образовался на лонѣ лютеранской церкви.

Католическая церковь не вызвала и не могла вызвать образованія подобныхъ союзовъ. И это понятно, въ силу господствующихъ въ этой церкви догматовъ, въ силу іерархичности ея, свобода сужденія и дѣйствія ея сыновъ во всемъ, что касается вѣры, въ такой степени стѣснена, что образованіе вполнѣ свободныхъ союзовъ, хотя бы отчасти касающихся вѣроученія католической церкви, немыслимо. Въ этой церкви есть ордена, но не союзы вѣрующихъ. Правда, одинъ изъ самыхъ распространенныхъ союзовъ (Орденъ Petites Soeurs des pauvres имѣлъ въ 1885 г. по даннымъ, приводимымъ Улльгорномъ, 232 дома съ 4.000 сестеръ), Societé de Saint Vincent de Paul допускаетъ нѣкоторое въ этомъ отношеніи отступленіе и устраиваетъ собранія для обсужденія вопросовъ религіи и нравственности, но это все таки происходитъ въ строгихъ рамкахъ конфессіональныхъ.

Только въ самое послѣднее время, съ обнародованія 15 Мая 1891 г. папой Львомъ XIII энциклики de rerum novarum, въ католичествѣ замѣчается новое движеніе, и эта церковь

---

[1]) *Lehmann.* Die Werke der Liebe. Vorträge über das Arbeitsgebiet der Inneren Mission in der Gegenwart. 1883. *Fünfzig Iahre Innere Mission.* 1848—1898. Berlin. 1898. *Th. Schäfer.* Leitfaden der Inneren Mission. 1903 и др.

признала необходимымъ, пойти навстрѣчу соціальнымъ требованіямъ рабочихъ и для удержанія ихъ въ лонѣ церкви пытается даже стать на защиту ихъ интересовъ [1]), поддерживая ихъ требованія; но это скорѣе религіозно-политическое движеніе.

Задачи Jnnere Mission шире. Но прежде надо опредѣлить отношенія ея собственно къ лютеранской церкви. Это общество лютеранъ, но не лютеранской церкви; общество мірянъ, въ которомъ лютеранское духовенство, какъ іерархическое организованное цѣлое, не участвуетъ, хотя въ составѣ его на правахъ членовъ, но вовсе не руководящихъ, числится, разумѣется, большое число лютеранскихъ пасторовъ. По справедливому и остроумному замѣчанію [2]) Шефера Innere Mission имѣетъ такое же отношеніе къ лютеранской церкви, какъ ополченіе къ постоянному войску; оно выступаетъ тогда, когда высшія блага религіи находится въ опасности. Его цѣль, что касается до религіи, въ поддержаніи христіанства вообще, (такъ какъ члены лютеране, то въ лютеранскомъ вѣроисповѣданіи, но безъ исключительности), какъ основѣ нравственности. Какъ говорится въ § I основныхъ положеній, выработанныхъ центральнымъ комитетомъ этого союза [3]), задача Innere Mission состоитъ въ спасеніи народа, исповѣдывающаго евангелическую вѣру, отъ его духовной и матеріальной нужды, путемъ проповѣдыванія евангелія и братскаго проявленія христіанской любви. Вихернъ, одинъ изъ главныхъ основателей этого союза, опредѣлялъ эти задачи шире; по его мнѣнію Innere Mission не должна обозначать собою единичные виды труда, но весь трудъ, всю работу основанной на вѣрѣ во Христа любви, когда эта работа направляется на обновленіе внутреннее и внѣшнее въ духѣ христіанства массъ, которыя впали въ внутреннія и внѣшнія бѣды, проистекающія изъ господства грѣха, а церковь на нихъ не оказала должнаго вліянія. Другой представитель того же союза Вурстеръ находитъ, что задачи Innere Misssion какъ свободнаго единенія и союза, преслѣдовать цѣли религіозно-нравственнаго возвышенія уровня массъ, по скольку этой цѣли не достигаютъ призванные къ этому другіе факторы: семья, церковь и государство. Такимъ образомъ это дѣйствительно ополченіе, оно имѣетъ въ виду восполнять дѣятельность церкви, признавая

---

[1]) Ср. Max. Turmann. Le catholicisme social. 1900, См. объ этомъ ниже.

[2]) Наз. соч., стр. 401.

[3]) Funfzig Iahre, стр. 9.

до извѣстной степени эту дѣятельность недостаточной. Но цѣли этого союза весьма мало или даже вовсе не конфессіональныя, онъ вовсе не занимается разработкой догматовъ. вся его дѣятельность имѣетъ въ виду собственно не царство Божіе, а царство земное и стремится къ тому, чтобы утолить эти земныя бѣды, руководствуясь основами христіанской любви и вѣры. Скажу даже еще болѣе опредѣленно, вопросами чисто религіозныхъ нуждъ Innere Mission занимается сравнительно меньше, ограничиваясь проповѣдями евангелія, распространеніемъ библіи, книгъ духовнаго содержанія, а большая часть этой дѣятельности направлена на смягченіе и даже на возможное устраненіе послѣдствій соціальныхъ неравенствъ и недостатковъ современнаго соціальнаго строя и на борьбу со всѣми тѣми соціальными явленіями, которыя совершенно справедливо признаются факторами преступности. Но достиженіе всѣхъ намѣченныхъ цѣлей Innere Mission признаетъ возможнымъ только именно на началахъ и въ духѣ христіанской церкви. Такъ она прежде всего относится и къ соціальному вопросу. Отношеніе это опредѣлено центральнымъ комитетомъ Innere Mission въ особомъ посланіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1896 г. Здѣсь говорится, [1]) что если Innere Mussion на пути своей дѣятельности встрѣчается съ нравственными недостатками народной жизни, которые обусловливаются существующимъ экономическимъ и соціальнымъ строемъ, и не могутъ быть устранены безъ воздѣйствія на самый строй (проституція, пьянство, жилищная нужда, эксплоатированіе рабочей силы и т. д.), то Innere Mission и ея представители должны не только констатировать эту связь, но должны поддерживать всѣ стремленія, направленныя на устраненіе этихъ соціальныхъ причинъ и побуждать къ тому государственную власть. Ее не должно при этомъ удерживать то обстоятельство, что вопросъ объ устраненіи и самыхъ соціальныхъ недостатковъ составляетъ предметъ скорѣе политическихъ или соціальныхъ партій, но только она не должна становиться всецѣло на сторону одной изъ такихъ партій. Съ точки зрѣнія Innere Mission никакая экономическая или соціальная реформа, безъ того чтобы она одновременно сопровождалась и религіозно-нравственнымъ обновленіемъ народа, не въ состояніи устранить подобныхъ соціальныхъ недостатковъ. Innere Mission не можетъ и не должна безучастно относиться къ происходящей на ея глазахъ борьбѣ классовой изъ за правъ и обязанностей,

---

[1]) Funfzig Iahre, стр. 101.

но она должна прилагать всѣ усилія для проведенія одной основной идеи — что лучшія, самыя высокія, начала для переустройства общества слѣдуетъ искать въ Евангеліи.

По поводу этой программы нельзя не сказать, что она весьма широка и несомнѣнно не одностороння; при всей своей религіозной окраскѣ, она выражаетъ вѣру въ возможность мирнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса. Какъ бы къ этому убѣжденію ни относиться, нельзя отрицать, что она какъ и та внѣ конфессіональная дѣятельность современной филантропіи, о которой мы говорили выше, можетъ только содѣйствовать разрѣшенію вопроса, устраняя пока все вредное, что можно устранить мирнымъ путемъ.

Это посланіе вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что Innere Mission осталась въ теченіе болѣе чѣмъ 50-ти лѣтней своей дѣятельности вѣрна принципамъ, провозглашеннымъ ея основателемъ Вихерномъ въ 1848 г. на церковномъ конгрессѣ въ Витенбергѣ. Но для выясненія роли Innere Mission въ борьбѣ съ преступностью интересенъ и путь, по которому Вихернъ пришелъ къ такимъ выводамъ. Въ это бурное время, когда вся Германія была потрясена политическими и соціальными волненіями. Вихернъ, по окончаніи университета, посвятилъ себя воспитанію дѣтей и при содѣйствіи другихъ лицъ устроилъ близъ Гамбурга въ хуторѣ Rauhe Haus воскресную школу. Относясь съ увлеченіемъ къ своему новому дѣлу, онъ постарался изучить характеръ и нравы тѣхъ дѣтей, которыхъ ему приходилось учить. Они происходили изъ бѣднѣйшихъ семей населенія города Гамбурга; желая выяснить себѣ происхожденіе тѣхъ нравственныхъ недостатковъ, тѣхъ дурныхъ наклонностей, съ которыми ему приходилось бороться въ дѣтяхъ, Вихернъ обратился къ изученію быта тѣхъ семей, изъ которыхъ дѣти происходили, и здѣсь передъ нимъ раскрылись во всей широтѣ тѣ соціальныя язвы, тѣ условія существованія, недостойныя человѣка, деклассированыхъ и деградированыхъ благодаря современному соціальному строю, при которыхъ неизбѣжны и чрезвычайное пониженіе нравственнаго и умственнаго уровня и пороки взрослыхъ, полная заброшенность дѣтей, вообще наличность всѣхъ соціальныхъ факторовъ преступности. Данныя, полученныя Вихерномъ при ознакомленіи съ бытомъ гамбургскихъ бѣдняковъ, и послужили матеріаломъ для его воззванія на церковномъ конгрессѣ въ Витенбергѣ. Въ пламенной рѣчи онъ убѣждалъ представителей лютеранской церкви въ необходимости оживить дѣятельность этой церкви, призвать всѣхъ истинныхъ христіанъ къ дѣлу

исцѣленія тѣхъ бѣдъ нравственныхъ, стоящихъ въ неразрывной связи съ бѣдами матеріальными, которыя поразили значительную часть современнаго человѣчества. Этой исходной точкой опредѣлилась вся дальнѣйшая дѣятельность какъ самого Вихерна такъ и Innere Mission. Не къ язычникамъ надо идти проповѣдовать и дѣлать добро во имя Христа и у себя дома слишкомъ много дѣла. Но опредѣленіе исходной точки выясняетъ намъ и весь характеръ дѣятельности этого союза. Онъ не союзъ политическій, онъ не ставитъ себѣ главной задачей, хотя и не устраняется вовсе отъ этой задачи, какъ увидимъ ниже,—проведеніе соціальной реформы. Его задача—дѣло смягченія тѣхъ бѣдствій нравственныхъ и матеріальныхъ, которыя приводятъ личность постепенно къ полному паденію. Помогая матеріально, онъ главнымъ образомъ стремится къ нравственному возрожденію личности, прибѣгая при этомъ ко всѣмъ тѣмъ разумнымъ средствамъ, на которыхъ остановилась современная филантропія, и призывая на помощь авторитетъ христіанской морали, дѣйствуя во имя высокихъ принциповъ христіанской вѣры. При такихъ условіяхъ, я смѣло позволю себѣ назвать этотъ союзъ чисто пенитенціарнымъ; при громадности своихъ силъ, онъ имѣетъ возможность преслѣдовать задачу борьбы съ преступностью во всемъ ея объемѣ, доступномъ для дѣятельности общества. Онъ борется со всѣми тѣми явленіями и условіями, которыя приводятъ личность въ конечномъ результатѣ къ преступленію, но, не ограничиваясь и этимъ, онъ распространяетъ свою благотворную дѣятельность и на тѣхъ, которые уже впали въ преступленіе, стараясь возвратить ихъ въ ряды нормальнаго общества. Составляя одинъ громадный союзъ, Innere Mission является союзомъ союзовъ, создавая для каждой отрасли интересующаго его дѣла безчисленное множество мѣстныхъ союзовъ, въ значительной мѣрѣ сохраняющихъ, въ своемъ спеціальномъ дѣлѣ, полную свободу дѣятельности.

Прежде чѣмъ перейти къ ближайшему опредѣленію отдѣльныхъ отраслей дѣятельности, къ выясненію того, что уже сдѣлано Innere Mission, необходимо остановиться на организаціи всего союза, дать приблизительное понятіе о громадности его силъ, такъ какъ только тогда станетъ понятною самая возможность преслѣдованія столькихъ разнообразныхъ цѣлей и на такомъ обширномъ пространствѣ.

Не слѣдуетъ забывать только прежде всего, что это союзъ не церковный, а мірской, хотя и на конфессіональной почвѣ, это союзъ лютеранъ (хотя и въ смыслѣ дѣятелей, а

въ особенности въ смыслѣ контингента тѣхъ лицъ, которымъ оказывается помощь, конфессіональныя начала проводятся далеко не строго). Поэтому тамъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ живутъ лютеране, тамъ всюду имѣются и отдѣленія союза и онъ можетъ быть съ полнымъ правомъ названъ международнымъ. За тѣмъ, какъ я уже замѣтилъ выше, это не простой союзъ, а комплексъ безчисленыхъ союзовъ, которые въ лицѣ своихъ делегатовъ объединяются въ созываемыхъ почти ежегодно конгрессахъ. Послѣдніе имѣютъ скорѣе законодательную власть; здѣсь устанавливается окончательно положеніе, которое надлежитъ занять Innere Mission въ отношеніи того или другого соціальнаго явленія и въ общихъ чертахъ предопредѣляются и тѣ мѣры, которыя бы слѣдовало принять. Все высшее представительство и руководительство союзомъ лежитъ на центральной управѣ (Centralausschuss für die Innere Mission), тоже выборной и соединяющей въ себѣ наиболѣе видныхъ представителей; такъ основатель Innere Mission, Вихернъ участвовалъ въ этой управѣ всю жизнь. При управѣ состоятъ лица, которыхъ она посылаетъ на мѣста для разслѣдованія бѣдствій, постигшихъ извѣстную мѣстность, для возбужденія энергіи того или другого союза, для образованія новыхъ союзовъ, для сбора пожертвованій. Управа входитъ въ сношенія съ законодательною властью въ Германіи, обращаетъ ея вниманіе на тѣ или другіе вопросы, весьма часто добивается измѣненій въ законодательной постановкѣ того или другого вопроса; собираетъ конференціи представителей спеціальныхъ учрежденій, напримѣръ дѣтскихъ исправительныхъ колоній. На мѣстахъ мѣстные союзы объединяются въ союзы; такъ во всѣхъ германскихъ государствахъ существуютъ особые союзы для всего государства, а въ сколько-нибудь крупныхъ государствахъ еще и свои провинціальные со своими конгрессами, управами т. д.

Но кромѣ членовъ союза, имѣются еще подготовленные для дѣла спеціалисты, которые ведутъ всецѣло или участвуютъ въ веденіи отдѣльныхъ учрежденій Innere Mission. Такія лица, отъ которыхъ требуется извѣстный уровень образованія, проходятъ спеціальные курсы подготовительные. Центрами для этихъ лицъ, ихъ ячейками, являются братства для мужчинъ, которыхъ называютъ братьями и діаконами и для женщинъ дома діакониссъ.

Самымъ древнѣйшимъ братствомъ является братство Rauhe Haus близъ Гамбурга, основанное въ 1833 Вихерномъ. Братствъ насчитывается въ Германіи 16 въ Швейцаріи 2, въ Да-

ніи одно. Братство является центромъ, при которомъ обыкновенно существуетъ рядъ учрежденій Innere Mission; такимъ образомъ братья проходятъ на дѣлѣ курсъ до выдержанія испытанія. Но братства никоимъ образомъ не монастыри, наоборотъ, братья заключаютъ браки - и продолжая свою дѣятельность въ учрежденіяхъ братства, только не живутъ въ зданіи братствъ. Дѣятельность братьевъ сосредоточена главнымъ образомъ въ исправительныхъ колоніяхъ для малолѣтнихъ, въ пріютахъ для сиротъ, въ госпиталяхъ и пріютахъ для эпилептиковъ, сумасшедшихъ, въ пріютахъ для странствующихъ рабочихъ, въ рабочихъ домахъ и рабочихъ колоніяхъ, тюрьмахъ, школахъ и т. д. Они являются здѣсь учителями, руководителями, санитарами, при чемъ вовсе не всегда занимаютъ высшее мѣсто.

Домовъ (общинъ) діакониссъ насчитывается въ Германіи 60, въ Франціи 2, въ Швейцаріи 4, въ Голландіи 9, въ Даніи одинъ, въ Норвегіи и Швеціи по одному, въ Россіи 7, въ Австріи 2, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ 3. Всѣ они, несмотря на нахожденіе за границей, объединяются въ одинъ союзъ. Всего насчитывалось въ 1901 [1]) діакониссъ 14501; ихъ учрежденія имѣли годовой бюджетъ въ размѣрѣ $13^1/_2$ милліоновъ марокъ. Діакониссы, главнымъ образомъ, распредѣлялись въ больницахъ разныхъ видовъ, въ школахъ и въ пріютахъ для исправленія и спасенія падшихъ женщинъ.

Въ Сѣверо - Американскихъ Штатахъ съ 1888 началось, благодаря одному изъ дѣятелей Innere Mission и преемнику Вихерна, Флиднеру такое же движеніе; а въ 1896 г. насчитывалось уже 685 діакониссъ и 738 probationers т. е. тѣхъ братьевъ, которые, благодаря специальной постановкѣ дѣла борьбы съ преступностью въ Америкѣ, о чемъ я еще буду говорить ниже, занимаются наблюденіемъ и руководствомъ поставленыхъ на испытаніе порочныхъ и преступныхъ дѣтей, условно осужденныхъ и т. д.

Этотъ громадный комплексъ союзовъ и братствъ, составляетъ одно цѣлое, которое полно жизни, работаетъ крайне энергично и главное основное дѣло этого союза—борьба съ преступностью, съ факторами ея, такъ какъ только эта борьба и можетъ разсчитывать на успѣхъ.

Какъ извѣстно основатель Innere Mission Вихернъ прежде всего посвятилъ свои силы дѣлу первовоспитанія заброшенныхъ нравственно дѣтей и это дѣло открыло передъ нимъ

---

[1]) Schafer Leitfaden, 395.

всю обширность соціальныхъ золъ, ведущихъ къ преступленію.

Учрежденіе перваго Rettungshaus — дома спасенія, то что мы скорѣе, хотя это и не вполнѣ совпадаетъ, называемъ, исправительной колоніей—вынудило Вихерна искать помощниковъ, братьевъ, обучая ихъ новому дѣлу. Съ тѣхъ поръ Innere Mission считаетъ это дѣло одной изъ важныхъ задачъ своей дѣятельности и прилагаетъ всѣ усилія для его развитія. При каждомъ изъ многочисленныхъ братствъ былъ учрежденъ свой Rettungshaus, представители Innere Mission возможно шире пропагандировали идею, образованія воспитательныхъ учрежденій для спасенія заброшеннаго дѣтства и особыхъ спеціальныхъ союзовъ, которые посвящали бы свои силы этому дѣлу. Число этихъ учрежденій быстро возрастало, но все-таки оказывалось не въ соотвѣтствіи съ требованіями закона 13 марта 1878, а впереди предстояли еще болѣе широкія требованія новаго германскаго гражданскаго кодекса.

При такихъ условіяхъ въ 1894 г. Centralausschuss обратился съ посланіемъ ко всѣмъ союзамъ и учрежденіямъ и настаивалъ на содѣйствіи ихъ къ образованію и спеціальныхъ союзовъ и особыхъ воспитательныхъ учрежденій. Въ январѣ 1895 Centralausschuss собралъ первую конференцію изъ представителей этихъ воспитательныхъ учрежденій, затѣмъ послѣдовали другія конференціи и результаты оказались блестящіе: уже къ 1898 г. насчитывалось въ Германіи 342 подобныхъ воспитательныхъ учрежденій [1]) а Шеферъ [2]) въ 1903 г. насчитываетъ ихъ 400 съ числомъ мѣстъ, для 14.000 дѣтей; эти цифры говорятъ сами за себя; надо прибавить, что въ разсчетѣ Шефера не приняты во вниманіе подобныя же исправительныя заведенія католическія и другихъ исповѣданій [3]).

Но не въ пропагандированіи идеи подобныхъ воспитательныхъ учрежденій и учрежденіи таковыхъ состоитъ только заслуга Innere Mission; начиная съ Вихерна, она подготовила персоналъ руководителей этого дѣла, а въ этомъ главный залогъ успѣха всего дѣла.

Innere Mission впрочемъ проявляетъ обширную дѣятельность и въ близкой только что описанному дѣлу области подготовленія и идеи надежнаго, понимающаго и проникнутаго пенитенціарными идеями нравственнаго исправленія преступ-

---

[1]) Funfzig Iahre, стр. 120.
[2]) Leitfaden, стр. 274.
[3]) Ср. стр. 117.

ника, особаго персонала тюремныхъ надзирателей и тюремныхъ надзирательницъ. Что касается до надзирателей, то дѣлу ихъ подготовленія положено началъ еще Вихерномъ, при субсидіи отъ правительства, а въ 1891 г. Centralausschuss устроилъ особую комиссію для руководства дѣломъ подготовленія тюремныхъ надзирательницъ, и, такъ же при содѣйствіи въ финансовомъ отношеніи со стороны правительства, открылъ курсы для подготовленія надзирательницъ тюремныхъ. Не останавливаясь на громадной важности дѣла учрежденія воскресныхъ школъ, которое благодаря Вихерну и его послѣдователямъ получило такое громадное развитіе, я не могу не отмѣтить дѣятельности Innere Mission по пропагандированію и образованію такъ называемыхъ Jungling's Vereine, союзовъ юношей. Эта идея постепенно охватила не только Германію, но Швейцарію, Францію, Англію, съ шестидесятыхъ годовъ получила она колоссальное примѣненіе и въ Америкѣ. Въ эти союзы принимаются молодые люди, начиная съ 18-ти лѣтъ—это, если угодно, религіозно-нравственные клубы, имѣющіе своею задачею огражденіе нравственности юношей всѣхъ классовъ населенія, преимущественно бѣднѣйшихъ въ это бурное время человѣческой жизни. Они находятъ въ союзѣ удовлетвореніе той сильной законной для всякаго человѣка, а въ особенности въ молодые годы, потребности общенія, обмѣна мыслей. Здѣсь они участвуютъ не только въ чтеніи библіи и чисто религіозныхъ бесѣдахъ, но и имѣютъ возможность пользоваться библіотекой, бесѣдовать, заниматься музыкой и пѣніемъ. Союзы образуются на началахъ полнаго самоуправленія и являются несомнѣнно весьма важными факторами въ дѣлѣ самовоспитанія и нравственнаго надзора.

По иниціативѣ и при содѣйствіи представителей той же Innere Mission образуются подобные же союзы для молодыхъ дѣвушекъ, для конфирмованныхъ и т. д.

Въ цѣляхъ огражденія нравственности дѣвушекъ и огражденія ихъ отъ проституціи Innere Mission устраиваетъ пріюты для молодыхъ дѣвушекъ, при нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются и особыя воспитательныя заведенія. Въ изданномъ Centralausschfuss въ 1897 г. перечнѣ показано 163 такихъ пріюта. Кромѣ того союзъ обращаетъ вниманіе на положеніе женщинъ, работающихъ на фабрикахъ, посылаетъ своихъ агентовъ для разслѣдованія ихъ положенія и выступаетъ съ разнообразною помошью.

Но вообще всѣ рабочіе, находящіеся въ ненормальномъ положеніи, временно лишенные семейнаго крова, находящіеся по-

этому въ особенныхъ условіяхъ, при которыхъ они легко предаются разгулу, всевозможнымъ порокамъ и легко впадаютъ въ преступленіе, привлекаютъ особенно близкое вниманіе Innere Mission. Ею устраиваются всевозможные пріюты, гостиницы и т. д. для матросовъ, пребывающихъ временно въ портовыхъ городахъ, гдѣ они подвергаются всевозможнымъ соблазнамъ. Innere Mession издавна зорко слѣдитъ за партіями кирпичниковъ, плотниковъ и другихъ ремесленниковъ, занимающихся отхожими промыслами. Союзъ посылаетъ особыхъ агентовъ для борьбы съ тѣмъ невѣроятнымъ огрубѣніемъ нравовъ, до котораго доходятъ подобные бродячіе рабочіе, здѣсь матеріальная помощь тѣсно связывается съ нравственнымъ увѣщеваніемъ, надзоромъ и т. д.

Но заботы о безработныхъ и путешествующихъ вылились въ громадное дѣло въ Германіи и въ этомъ дѣлѣ Innere Mission принимала и принимаетъ самое живое участіе.

Не слѣдуетъ забывать, что пасторъ ф. Бодельшвингъ, учредитель первой колоніи для безработныхъ (Arbeiterkolonie) въ Вильгельмсдорфѣ близъ Билефельда (1882 г.) одинъ изъ самыхъ видныхъ и дѣятельныхъ членовъ Innere Mission. Въ настоящее время (свѣдѣнія къ 1903 г.) такихъ колоній въ Германіи 29 и въ нихъ можетъ найти помѣщеніе около 4.000 лицъ. На содержаніе ихъ оказываютъ денежную помощь мѣстныя земства и администрація. Это наши дома трудолюбія для людей временно лишившихся работы и готовыхъ работать; главное занятіе — сельское и лѣсное хозяйство. Требуется нравственное поведеніе; какъ мы видѣли выше, руководителями такихъ колоній являются большею частью «братья» Innere Mission. Родственное имъ учрежденіе Naturalverpfelegungstationen, приближающееся къ нашимъ ночлежнымъ домамъ, при коихъ состоятъ бюро для пріисканія работы. Начало имъ положено тѣмъ же Бодельшвингомъ.

Близко къ этимъ учрежденіямъ стоятъ такъ называемые Herberge zur Heimath. Въ этомъ дѣлѣ Innere Mission дѣятельно и дружно работаетъ вмѣстѣ съ особымъ союзомъ о такихъ домахъ. Ростъ этихъ домовъ чрезвычайно быстрый; еще въ 1878 г. насчитывалось ихъ всего 107, а къ 1898 г. ихъ было уже 442. Они имѣютъ въ виду дать пріютъ рабочимъ и простому люду, переходящему съ одного мѣста работы на другое. Я думаю не требуется поясненій, въ какой мѣрѣ такіе странопріимные дома служатъ дѣлу борьбы съ бродяжествомъ—этимъ важнымъ факторомъ, если не разновидностью, преступности. Innere Mission въ союзѣ съ соціальными союзами

заботится объ устраненіи нужды въ квартирахъ для бѣднаго люда въ большихъ городахъ. Въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ,— а я такъ же не возвращаюсь къ вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ алкоголизмъ, является однимъ изъ факторовъ преступности—Innere Misson проявляетъ большую дѣятельность. Она не только способствуетъ открытію особыхъ пріютовъ для пьяницъ, но въ союзѣ съ обществами трезвости, стремится къ пропагандированію идеи воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ, а главное къ уменьшенію того непоправимаго вреда, который наносится пьяницами своимъ семьямъ. Innere Mission вмѣстѣ съ обществами трезвости удалось, благодаря неоднократнымъ обращеніямъ къ законодательной власти, добиться въ 1900 г. закона, въ силу коего пьяницы ставятся подъ опеку и противъ ихъ воли могутъ быть помѣщаемы въ спеціальные пріюты.

Само собою разумѣется, что общества Innere Mission принимаютъ вмѣстѣ съ обществами патроната участіе въ дѣлѣ попеченія надъ освобождаемыми изъ мѣстъ заключенія.

Наконецъ, въ качествѣ особыхъ органовъ Innere Mission указываются, такъ называемыя Stadtmission и Landmission; если послѣднія сводятся главнымъ образомъ къ дѣлу непосредственно ухаживанія за больными, матеріальной помощи, то городскія миссіи являются, въ сущности, обществами организаціи, объединенія, благотворительности въ данномъ городѣ, хотя къ этимъ задачамъ присоединяется, какъ и ко всѣмъ другимъ, функція содѣйствія религіозному и нравственному усовершествованію.

Я, разумѣется далеко не перечислилъ всѣхъ родовъ, или лучше сказать разновидностей, дѣятельности Innere Mission, но это едва-ли и возможно и нужно. То, что уже приведено, достаточно характеризуетъ эту дѣятельность и ея главное направленіе. Innere Mission борется съ главнымъ непосредственнымъ факторомъ преступности—паденіемъ нравственнымъ и матеріальнымъ отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ категорій, группъ лицъ. Она стремится мѣрами превентивными не допустить до этого паденія и борется съ тѣми причинами, которыя доводятъ человѣка до потери человѣческихъ условій существованія, человѣческаго достоинства и чести. Въ цѣляхъ достиженія намѣченныхъ цѣлей, она создаетъ сама рядъ союзовъ, непосредственно входящихъ въ ея составъ и являющихся дѣятельными органами по разрѣшенію всѣхъ тѣхъ новыхъ задачъ, которыя возникаютъ и которыя близко стоятъ къ преслѣдуемымъ. Но не довольствуясь собственными орга-

нами, Innere Mission, входитъ въ союзъ и устанавливаетъ совмѣстную дѣятельность съ цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ союзовъ, преслѣдующихъ одну изъ задачъ, намѣченныхъ себѣ самой Innere Mission и вызываетъ собраніе конференцій союзовъ исправительныхъ колоній, союзовъ молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ, рабочихъ колоній и страннопріимныхъ домовъ, германскихъ союзовъ нравственности и т. д. Такимъ образомъ Innere Mission является для Германіи, по крайней мѣрѣ, громаднымъ союзомъ организованной филантропіи или организаціи филантропіи, понимая послѣднюю именно такъ, какъ ее понимаютъ самые передовые культурные народы, именно какъ превентивную дѣятельность, направленную на предупрежденіе, недопущеніе паденія личности, нравственнаго и матеріальнаго. Особенность этого громаднаго союза, что онъ почти не раздаетъ непосредственной матеріальной помощи: При всей громадности и широтѣ своихъ задачъ, онъ выходитъ за предѣлы чисто филантропическихъ союзовъ, не довольствуется чисто превентивными мѣрами, заботится о павшихъ, а въ области филантропіи обращается ко всѣмъ путямъ и средствамъ, начиная съ ночлежнаго дома и кончая союзами нравственности. На примѣрѣ Innere Mission, такимъ образомъ, во всей полнотѣ мы видимъ значеніе общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью.

И на примѣрѣ Jnnere Mission такъ же нельзя не остановиться, чтобы выяснить значеніе дѣятельности общества еще въ одномъ, весьма важномъ, отношеніи. Репрессія борется съ преступленіемъ путемъ наказанія; главнымъ, почти единственнымъ, видомъ для сколько-нибудь важныхъ преступленій является лишеніе свободы. Этой формѣ наказанія придаютъ защитники репрессіи громадное значеніе, въ ней они видятъ не только мѣру устрашенія (на этомъ они и сами болѣе не особенно настаиваютъ), но и мѣру исправленія. Кому же ввѣрено это исправленіе: самому малочисленному по составу тюремному надзору, котораго еле хватаетъ на простое охраненіе заключенныхъ, на простое предупрежденіе побѣга. Мало того, однимъ изъ преимуществъ одиночной, т. е. считающейся пока лучшей изъ системъ устройства мѣстъ заключенія, признается именно возможность доведенія до минимума тюремнаго надзора. Кто же эти лица, занимающіеся исправленіемъ? Въ большинствѣ, въ громадномъ, подавляющемъ, большинствѣ случаевъ, тамъ, гдѣ это не лица, подготовленныя Jnnere Mission или прошедшія устраиваемые нѣкоторыми обществами патроната и тюрьмовѣденія курсы, простые наемные служители,

годные только для охраненія. Не придется ли рано или поздно, а можетъ быть уже и въ очень близкомъ будущемъ, защитникамъ репрессіи отказаться и отъ второй цѣли—исправленія и оставить за собой только охраненіе? Но не слѣдуетъ ли ограничиваться охраненіемъ только неисправимыхъ окончательно, благодаря отсутствію своевременнаго воздѣйствія закоренѣлыхъ преступниковъ?

А въ какихъ условіяхъ приходится дѣйствовать превенціи, осуществляемой обществомъ. На это и даетъ намъ блестящій отвѣтъ Jnnere Mission. На-ряду съ жалкими сотнями тюремнаго надзора, въ ея рядахъ дѣйствуютъ сотни тысячъ лицъ не наемныхъ, а добровольцевъ, проникнутыхъ самымъ высокимъ сознаніемъ той общественной обязанности, которую они берутъ на себя. Это все, если позволено будетъ такъ выразиться, умственныя и нравственныя сливки всего населенія страны, и при томъ дѣйствующія систематически, организованно, самоотверженно. А при какихъ условіяхъ эти безчисленные дѣятели осуществляютъ свою задачу. Вѣдь задача—исправленіе, т. е. возвращеніе къ нормальной жизни, возвращеніе нравственнаго здоровья, а для этого необходимо научить и дать возможность жить честно въ жизни настоящей реальной. Не напоминаетъ ли въ такомъ случаѣ попытка такого обученія въ тюрьмѣ попытку научить плавать, обучая извѣстнымъ движеніямъ въ комнатѣ, далеко отъ воды?

А если это такъ, то что можно отвѣтить на такъ часто повторяемый вопросъ: а что бы было, если бы репрессію упразднить, какъ преступность бы усилилась, кто можетъ это учесть и кто рѣшится на это? На этотъ вопросъ именно, въ виду примѣра Jnnere Mission, можно отвѣтить другимъ вопросомъ, а что бы было, если бы хотя бы дѣятельность одного этого союза прекратилась?

Рекомендовать такого опыта съ прекращеніемъ превентивной дѣятельности общества, разумѣется, никто не посовѣтуетъ, но отвѣтятъ: одно другому не мѣшаетъ, одно другое дополняетъ. Вотъ въ томъ-то и бѣда, что репрессія для тѣхъ лицъ, по крайней мѣрѣ, на исправленіе которыхъ еще можно надѣяться, является чрезвычайной, непреоборимой помѣхой для дѣятельности общества. И не въ томъ дѣло, что преступники осуждаются и присуждаются къ наказанію—это осужденіе судомъ, пользующимся высшимъ нравственнымъ авторитомъ, вполнѣ согласно со всѣми принципами дѣятельности общественной, предупредительной; дѣятели общества тоже выступаютъ съ порицаніемъ, но они тутъ же протя-

гиваютъ руку помощи и показываютъ на дѣлѣ, въ водѣ, (продолжая сравненіе, сдѣланное мной выше), какъ надо плавать, а тюрьма выводитъ изъ этого жизненнаго плаванія, убиваетъ или старается убить ту приспособленность, жизнеспособность, которой оказалось и безъ того слишкомъ мало въ преступникѣ и которую надо стараться поднять. Не говоря уже о томъ «клеймѣ», которое неизбѣжно, въ силу исторически сложившейся репутаціи, накладываетъ тюрьма—мѣсто сборища всѣхъ негодныхъ элементовъ страны, безчестящая казарма, по выраженію Варга. А это клеймо все равно, что тяжелая гиря, которую бы привѣсили тому, кто и безъ того плохо плаваетъ.

Нераціонально примѣнять средство для безнадежныхъ къ тѣмъ, на выздоровленіе которыхъ можно еще разсчитывать, этимъ можно скорѣе всего убить больного.

Трудовая помощь.

Трудовая помощь, разумѣется, прежде всего является однимъ изъ видовъ благотворительности и однимъ изъ способовъ помогать нуждающимся. Въ такомъ смыслѣ конечно это не новое явленіе; съ нимъ мы встрѣчаемся во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ. Мало того, въ тѣ времена, когда еще не достаточно была выяснена природа и существо соціальныхъ неравенствъ и соціальныхъ золъ, и когда вѣрили, что разумное правительство путемъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ въ состояніи устранить несовершенства соціальнаго строя, къ трудовой помощи или, лучше сказать, къ общественнымъ работамъ, устраивавшимся для всѣхъ нуждающихся, сколько бы ихъ ни было, правительства прибѣгали для достиженія весьма высокихъ и обширныхъ цѣлей: для искорененія въ народѣ не только нищеты, но и бѣдности. Всѣ эти попытки потерпѣли вполнѣ естественно крушеніе. Чтобы не останавливаться на примѣрахъ болѣе древнихъ, достаточно вспомнить Hôpital general, учрежденный въ 1656 г. въ Парижѣ и дававшій заработокъ 7.000 нищимъ, мѣры, предпринятыя Комитетомъ для искорененія нищенства во время Великой Французской революціи, правозгласившей право на существованіе, націоанальныя мастерскія революціоннаго правительства 1848 г. и т. д. Всѣ эти мѣропріятія дали совершенно отрицательные результаты, доказавъ совершенную невозможность для правительства браться за такое дѣло. Главной причиной неудачи являлось плохое управленіе, говорятъ изслѣдователи исторіи трудовой помощи [1]), приводившее къ безцѣльной затратѣ многихъ милліоновъ франковъ. Но въ дѣйствительности управленіе не могло не быть плохимъ,

---

[1]) Срав. Марсель *Лекокъ*. Трудовая помощь во Франціи, пер. А. И. Браудо и В. А. Гагена. 1905.

достигать цѣли, ибо у подобныхъ управленій не могло быть достаточно личныхъ силъ, чтобы осуществлять какой-нибудь контроль, отличать ремесленниковъ нищенства отъ нуждающихся, и разумѣется, еще менѣе возможности оказывать какое-либо морализующее вліяніе на тѣхъ, которые въ этомъ нуждались. Въ концѣ концовъ получалось совершенно не то, чего желали, а совершенно обратное; увеличивалось въ громадныхъ размѣрахъ профессіональное нищенство, а съ этимъ вмѣстѣ и настоящая нищета. Въ наше время отъ грандіозныхъ затѣй остались только нѣкоторые слѣды въ тѣхъ чрезвычайныхъ работахъ, какъ говорятъ нѣмцы Nothstandsarbeiten [1]), которыя устраиваются правительствомъ, органами самоуправленія и особенно крупными благотворительными союзами въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя поражены какимъ-либо временнымъ бѣдствіемъ благодаря неурожаю, разлитію водъ и т. д. Въ такихъ случаяхъ дѣйствительно особой индивидуализаціи не требуется, ибо все населеніе данной мѣстности поголовно повергнуто въ состояніе нищеты. Блестящимъ примѣромъ успѣшности подобныхъ общественныхъ работъ является дѣятельность снаряженнаго Попечительствомъ о Домахъ Трудолюбія подъ руководствомъ М. Н. Галкина-Врасскаго въ 1899 г. отряда для помощи населенію Казанской, Вятской, Симбирской, Самарской и Уфимской губерній [2]). Правда, благодаря дѣятельности этого отряда выяснилось, что состояніе населенія этихъ губерній обусловливается не столько временнымъ бѣдствіемъ—неурожаемъ, сколько многолѣтнимъ (а можетъ бытъ многовѣковымъ) плохимъ управленіемъ, благодаря которому платежныя силы населенія совершенно истощены, ничего не сдѣлано для обезпеченія умственнаго и экономическаго развитія страны. Въ культурномъ отношеніи населеніе оказалось чуть ли не въ первобытномъ состояніи, во всякомъ случаѣ не далеко ушедшимъ отъ временъ Рюрика. Приходилось рыть колодцы, ибо не было чистой воды, устраивать плотины для предотвращенія отъ разливовъ воды, которая, ежегодно разливаясь, образовывала гніющія болота, вызывавшія не прекращавшіяся заболѣванія тифомъ, маляріей и т. д.; приходилось устраивать защиты отъ песковъ, которые, постепенно и безпрепятственно переносясь вѣтрами, захватывали всѣ культурныя и обработанныя земли. Задачи отряда были высоко культурны и въ

---

[1]) Cp. Schriften des deutschen Vereins für Armenpflege und Wohlthätigkeit, 18 Heft. Die Einrichtung von Nothstandsarbeiten und ihre Erfolge. 1902.

[2]) Ср. журн. „Трудовая Помощь". 1899, № 6, 7.

тоже время высоко и разумно филантропическія и дѣятельность его несомнѣнно принесла огромную пользу мѣстному населенію его собственными руками.

Но конечно это условія совершенно исключительныя. Современная трудовая помощь преслѣдуетъ не временныя, а постоянныя задачи, такъ какъ и безработица стала, при современномъ соціальномъ строѣ и благодаря ему, явленіемъ не ислючительнымъ и временнымъ, а постояннымъ. Еще Карлъ Марксъ говорилъ, что современный пролетаріатъ это резервъ дѣйствующей рабочей арміи. Надо отмѣтить, что благодаря усовершенствованіямъ въ машинномъ производствѣ съ одной стороны и все большему развитію спеціализаціи труда, съ другой стороны, этотъ резервъ все увеличивается. Разумѣется, благодаря полному отсутствію нормировки производства, происходитъ сильное колебаніе въ числѣ безработныхъ, но самое явленіе наличности большого количества безработныхъ явленіе хроническое, неразрывно связанное съ основными условіями современнаго строя. Въ общемъ, число безработныхъ очень велико. Въ Америкѣ (С. Ам. Шт.) оно доходило при переписи, произведенной въ 1890 г., до $3^1/_2$ милліоновъ, въ Германіи по переписи 1895 года оно колебется между 550 тысячъ и 750 тыс., смотря по времени года, въ общемъ въ нѣкоторыхъ государствахъ оно доходитъ до 5% наличнаго работоспособнаго населенія [1]). Это явленіе устранено совсѣмъ можетъ быть только при разрѣшеніи соціальнаго вопроса, и такой задачи современная трудовая помощь послѣ разочарованій, полученныхъ при прежнихъ опытахъ, и не беретъ на себя. Являясь отраслью современной разумной филантропіи, она беретъ на себя задачу лишь смягченія наиболѣе нетерпимымъ проявленій безработицы. Ея задача индивидуалистическая: она борется съ отдѣльными случаями, не пытаясь искоренить соціальный недугъ. Но за то, въ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ, она не ограничивается однимъ предоставленіемъ работы всякому первому попавшемуся, а разслѣдуетъ, дѣйствительно ли обращающійся за помощью нуждается въ этой помощи, а съ другой стороны принимаетъ всѣ мѣры къ пріисканію для очутившагося безъ работы постояннаго занятія, къ реклассированію его въ ряды постоянныхъ, занятыхъ, работниковъ. Понятно, что при этой новой обстановкѣ всего дѣла, оно

---

[1]) Ср. Герье. О способахъ помощи безработнымъ. Журн. „Трудовая Помощь" 1898. Окт.

является совершенно невыполнимымъ для органовъ государственнаго и даже земскаго управленія, дѣйствующихъ неизбѣжно общими мѣрами, не принимающихъ въ разсчетъ частныхъ случаевъ и всецѣло отходитъ въ область компетенціи частной иниціативы и частныхъ союзовъ общефилантропическихъ или спеціально посвящающихъ себя трудовой помощи. Связь собственно трудовой помощи съ общефилантропической дѣятельностью особенно ярко доказывается цифрами, приведенными Булуміе, секретаремъ Центральнаго Комитета общества трудовой помощи во Франціи на конгрессѣ благотворительности въ Парижѣ въ 1900 г. [1]). По разсчетамъ Булуміе болѣе 50% общаго числа нуждающихся нуждаются именно въ трудовой помощи. Но являясь однимъ изъ видовъ филантропической дѣятельности, трудовая помощь, по мѣткому выраженію французовъ, является наиболѣе пенитеіцарною. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже видѣли въ главѣ о факторахъ преступности, въ какой мѣрѣ безработица, какъ хроническое явленіе, является источникомъ пауперизма—безысходной нужды; въ какой мѣрѣ такое состояніе ведетъ человѣка къ паденію физическому и нравственному, при которомъ совершеніе преступленія—явленіе естественное. Но армія безработныхъ—резервъ дѣйствующей арміи трудовой—пополняется не исключительно благодаря полному отсутствію нормировки производства. Общія условія современнаго соціальнаго строя дѣлаютъ борьбу за существованіе особенно тяжкой, а одновременно пауперизмъ и вообще неблагопріятныя условія, въ которыхъ растутъ дѣти неимущихъ, способствуетъ образованію особаго класса людей: представители этого класса плохо вооружены для борьбы за существованіе, они, пожалуй, могутъ работать, но воля ихъ настолько ослаблена, что они занимаются правильнымъ трудомъ только при условіи постояннаго, хотя и вполнѣ благосклоннаго надзора; этотъ надзоръ совершенно, очевидно, отсутствуетъ при современной свободной постановкѣ профессіональнаго труда. Такихъ типовъ, къ сожалѣнію, весьма много и ихъ слишкомъ часто приходится встрѣчать среди тюремныхъ сидѣльцевъ; въ Московской губернской тюрьмѣ я встрѣтилъ замѣчательнаго мастера по инкрустаціи на деревѣ, который, совершая мелкія кражи, умудрился въ общей сложности просидѣть въ тюрьмѣ болѣе 20 лѣтъ. На волѣ онъ ничего не дѣлалъ, въ тюрьмѣ

[1]) Recueil des travaux du Congr. intern. d'assistance publ. et de bienfaisance privée, VI томъ.

онъ замѣчательно прилежно, по доброй волѣ, работалъ. Это армія слабосильныхъ или, лучше сказать, слабовольныхъ.

И вотъ трудовая помощь въ новой ея постановкѣ, руководимая частными союзами, именно идетъ навстрѣчу этой потребности съ одной стороны въ обезпеченіи трудомъ тѣхъ, которые являются жертвами современнаго строя и попадаютъ безъ всякой со своей стороны вины хотя бы временно въ армію безработныхъ, и съ другой стороны въ пріуроченіи къ труду подъ благосклоннымъ руководствомъ и наблюденіемъ слабовольныхъ. Не можетъ быть сомнѣній въ томъ, какое громадное нравственное значеніе пріобрѣтаетъ при такихъ условіяхъ трудовая помощь. Не слѣдуетъ забывать, что благодаря большому числу лицъ, *добровольно* посвящающихъ свои силы этому важному дѣлу, союзы трудовой помощи имѣютъ полную возможность осуществлять требованія индивидуализаціи. Они разслѣдуютъ каждый отдѣльный случай и устраняютъ отъ помощи профессіональныхъ нищихъ, передавая съ другой стороны инвалидовъ въ общія благотворительныя учрежденія. Такимъ образомъ, остаются честные труженники, желающіе работать и не находящіе примѣненія своихъ силъ. Имъ-то и оказывается помощь, но при томъ въ такой формѣ, которая *не принижаетъ* ихъ достоинства. Мы видѣли выше, въ какой мѣрѣ важно именно въ цѣляхъ удержанія отъ преступленія сохранить достоинство и честь человѣка. И здѣсь оно вполнѣ сохраняется; нуждающійся получаетъ не подачку, не милостыню, а самъ зарабатываетъ свой хлѣбъ, онъ никому не обязывается, онъ сохраняетъ свою экономическую и нравственную независимость. Ганзенъ [1]) приводитъ слова учредительницы справочнаго бюро при Стокгольскомъ обществѣ упорядоченія благотворительности Агды Монтеліусъ, которая, сравнивая благотворительность среднихъ вѣковъ съ современною, доказывала, что подача милостыни вовсе не указываетъ на сочувствіе къ нищему, это средство чтобы избавиться отъ него. Важно, говоритъ Монтеліусъ, чтобы ради собственнаго успокоенія не сдѣлать изъ нуждающагося нищаго, чтобы шагъ за шагомъ онъ не терялъ человѣческаго достоинства, не дошелъ бы до состоянія, при которомъ уже ничего болѣе не является унизительнымъ. А между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ Лекокъ [2]), чѣмъ дольше продолжается нужда, тѣмъ

---

[1]) П. Ганзенъ „Трудовая помощь“ въ скандинавскихъ государствахъ. 1899.

[2]) Н. с., стр. 22 и 23 собственно это слова Louis Blanc изъ Reglem. du travail, introduction.

глубже падаетъ человѣческое достоинство, человѣкъ утрачиваетъ нравственное чутье и чудовищнѣйшіе поступки представляются ему вполнѣ естественными. Развращающее дѣйствіе нужды, въ связи съ гибельнымъ вліяніемъ окружающей среды, въ концѣ концовъ, одерживаетъ верхъ надъ лучшими натурами,—отъ класса несчастныхъ до класса преступниковъ одинъ только шагъ. И вотъ трудовая помощь извлекаетъ нуждающихся изъ неблагопріятной среды на время ли только работы или на болѣе продолжительное время при системѣ интерната; извлекаетъ его и изъ невольнаго бездѣлья, оказывающаго даже на самыхъ лучшихъ людей столь развращающее вліяніе. Но, устраняя отрицательныя вліянія, трудовая помощь и частныя общества, примѣняющія ее, оказываютъ и положительное, весьма благопріятное, вліяніе на трудящихся и, повторяю, могутъ оказывать такое вліяніе благодаря обилію личныхъ силъ. Самый строй заведеній трудовой помощи, внутренній режимъ, спокойной, твердой, но въ то же время любвеобильной дисциплины, направленной къ возрожденію человѣка, не можетъ не оказывать благотворнаго вліянія. И не слѣдуетъ забывать, что именно возрожденіе, подготовленіе къ практической здоровой трудовой жизни, преслѣдуютъ общества трудовой помощи. Ознакомившись съ трудящимся, эти общества имѣютъ возможность вполнѣ сознательно рекомендовать временно безработныхъ на мѣсто, на постоянное занятіе, возвратить ихъ окрѣпшими въ борьбу за существованіе. И такимъ помѣщеніемъ общества трудовой помощи занимаются въ большомъ размѣрѣ.

Уже этихъ общихъ соображеній, казалось бы, вполнѣ достаточно для выясненія, въ какой мѣрѣ общества трудовой помощи дѣйствительно и непосредственно занимаются дѣлами борьбы съ преступностью, но именно еще въ той чисто превентивной порѣ, когда эта борьба вполнѣ можетъ разсчитывать на успѣхъ. Я имѣлъ пока въ виду, такъ сказать два вида трудолюбцевъ наиболѣе распространенные: оставшіеся безъ работы вслѣдствіе отсутствія нормировки производства и слабовольныхъ, но, кромѣ этихъ двухъ видовъ, имѣется много представителей той категоріи людей, которые вполнѣ правильно могутъ быть названы «несчастными»—это жертвы тѣхъ несчастныхъ случайностей, жертвы часто грубаго насилія, грубаго произвола имѣющихъ средства; среди нихъ весьма много и лицъ интеллигентныхъ, образующихъ такъ называемый умственный пролетаріатъ. Рядъ яркихъ блестящихъ иллюстрацій

приведенъ по этому вопросу покойнымъ Обнинскимъ въ статьѣ «Трудовая помощь какъ общественный коррективъ [1])».

Къ этой общей характеристикѣ трудовой помощи я могу еще развѣ прибавить указанія, что въ концѣ концовъ трудовая помощь наиболѣе дешевый способъ оказанія помощи, ибо все-таки тамъ, гдѣ учрежденія трудовой помощи поставлены правильно и успѣли себѣ выработать извѣстный порядокъ дѣйствія, расходъ на содержаніе трудящихся въ значительной степени окупается произведеніями ихъ же собственнаго труда, въ нѣкоторыхъ заграничныхъ учрежденіяхъ чуть ли не до 75% стоимости содержанія.

Я уже говорилъ выше, что современная трудовая помощь не задается разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса или даже вопроса о нищенствѣ въ корнѣ. Организаціей трудовой помощи больше не занимаются органы правительства, это дѣло перешло въ руки многочисленныхъ мѣстныхъ частныхъ союзовъ. Часть изъ нихъ исключительно занимается дѣломъ трудовой помощи. Но кромѣ этихъ специальныхъ союзовъ, къ помощи, путемъ предоставленія труда, прибѣгаютъ и многія другія филантропическія общества, пользуясь этимъ средствомъ помощи какъ лучшимъ оселкомъ для разграниченія профессіональныхъ нищихъ отъ дѣйствительно нуждающихся. Такъ къ трудовой помощи въ большомъ размѣрѣ прибѣгаютъ, въ особенности въ Германіи, и общества патроната надъ вышедшими изъ мѣстъ заключенія. Какъ справедливо замѣчаетъ Герзе [2]) на-ряду съ другими благотворительными учрежденіями общества патроната прямо обязаны позаботиться о томъ, чтобы освобожденные изъ тюремъ не наталкивались и даже прямо не вынуждались отсутствіемъ и невозможностью получить работу совершать преступленіе, это то состояніе, которое въ уголовномъ правѣ характеризуется состояніемъ крайней необходимости. Но несомнѣнно, что этого быть не должно, что правосудіе ставится въ такихъ случаяхъ въ крайне ложное положеніе, ибо ужъ о «злой волѣ» здѣсь казалось бы говорить довольно трудно.

Такія же стремленія къ примѣненію трудовой помощи замѣчаются и въ обществахъ патронатства во Франціи, какъ объ этомъ было заявлено на конгрессѣ въ Бордо въ 1896 г. [3]).

Собственно общества, посвящающія себя исключительно

---

[1]) Журн. „Трудовая Помощь". 1898. Мартъ.

[2]) Shriften des deutschen Vereins für Armenpflege und Wohlthätigkeit. 1892. 17 Heft I. Herse. Die Fürsoge für entlassene Sträflinge, стр. 20.

[3]) „Revue penit". 1896, p. 434.

трудовой помощи, стали возникать въ сравнительно недавнее время. Такъ во Франціи ростъ этихъ обществъ начинается съ 1896 г. Въ этомъ году въ Парижѣ образовался центральный комитетъ обществъ трудовой помощи. Этотъ комитетъ занялся популяризаціей идеи трудовой помощи и объединенія дѣятельности существовавшихъ учрежденій, которыя исчислялись единицами. Уже ко времени конгресса благотворительности въ Парижѣ въ 1900 г. насчитывалось 65 обществъ трудовой помощи. Помощь оказывается въ трехъ видахъ. Первый видъ это предоставленіе работы на домъ; здѣсь имѣются въ виду преимущественно женщины и въ особенности матери семейства, которыхъ невозможно отрывать отъ домашняго очага, отъ заботъ о дѣтяхъ.

Второй видъ наиболѣе распространенный—это работы въ мастерскихъ трудовой помощи. Здѣсь имѣется организованный постоянный трудъ, очень часто или даже обыкновенно имѣются при такихъ учрежденіяхъ и бюро, выясняющія, дѣйствительно ли обращающіеся за помощью нуждаются въ таковой.

И, наконецъ, третій видъ—это учрежденія для живущихъ съ интернатомъ. Въ Парижѣ къ типу такихъ учрежденій принадлежатъ между прочимъ извѣстные Maison hospiitalière du pasteur Robin и домъ трудолюбія сестры Антуанеты. Въ обоихъ учрежденіяхъ господствуетъ строгая дисциплина, весь внутренній строй поставленъ такъ высоко и правильно въ нравственномъ отношеніи, что на трудящихся оказывается дѣйствительное воздѣйствіе, и они потомъ помѣщаются на мѣста. Въ домѣ сестры Антуанеты обращено спеціальное вниманіе на то, чтобы вызвать въ трудящихся женщинахъ чувство собственнаго достоинства, сознаніе въ необходимости заставить себя уважать.

Постановка трудовой помощи въ Германіи—главнымъ образомъ дѣло союза Jnnere Mission, о которомъ я говорилъ выше, потому и данныя приводятся въ отдѣлѣ объ Jnnere Mission. Здѣсь я отмѣчу, что хотя Verpflegungstationen и перенесли кризисъ въ 1895 г. [1]) но и это учрежденіе, давшее въ одномъ 1890 г. пріютъ почти 2 мил. безработныхъ [2]) и въ особенности Arbeiter-Kolonien, гдѣ обязательное пребываніе продолжается не менѣе 1 мѣс., по компетентному свидѣтельству

---

[1]) Ср. „Revue penitentiaire“ 95, p. 846. Le krach des stations da secours en Prusse.

[2]) Bulletin de la commis. intern. 1895. Avril. trois livr. Докладъ A. Revière, стр. 148.

Rivière и другихъ изслѣдователей, способствовали уменьшенію числа лицъ, подвергшихся преслѣдованію за бродяжество и нищенство почти на половину [1]). Я не могу также не указать и здѣсь, что все дѣло трудовой помощи въ Германіи тоже новое; начало роста этихъ учрежденій относится къ концу семидесятыхъ годовъ 19 стол. и что въ особенности колоніи для рабочихъ, оказывая громадное морализующее вліяніе на лицъ, работающихъ въ нихъ, прилагаютъ всѣ усилія къ пріисканію трудящимся при выходѣ постояннаго занятія.

Движеніе въ Германіи въ пользу заведенія учрежденій трудовой помощи проникло и въ Швейцарію, гдѣ съ 1889 г. оно получило быстрое и широкое развитіе въ видѣ Arbeiterheim и т. д.

Какъ свидѣтельствуетъ Ганзенъ, трудовая помощь на новыхъ началахъ получила также обширное развитіе и въ Скандинавскихъ государствахъ—Швеціи, Норвегіи и Даніи.

Въ постановкѣ трудовой помощи на новыхъ началахъ и мы въ Россіи, по исключенію, не только не отстали отъ другихъ культурныхъ государствъ, но достигли уже очень большихъ результатовъ, хотя этому дѣлу положено начало весьма недавно. Учрежденія трудовой помощи стали у насъ возникать съ 1882 и къ 1895 г. ихъ насчитывалось до 43, но многія изъ этихъ учрежденій далеко не имѣли характера настоящихъ домовъ трудолюбія, а скорѣе приближались къ общему типу благотворительныхъ пріютовъ и даже богадѣленъ.

1 Сентября 1895 г. было учреждено Попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ; собственно послѣднее названіе отошло съ 1906 г., такъ какъ за 11 лѣтъ существованія попечительства работныхъ домовъ, т. е. домовъ принудительнаго труда учреждено не было.

Въ указѣ 1 Сентября 1895 г. было сказано, что назначеніе домовъ трудолюбія: приходить на помощь бездомнымъ, выпущеннымъ изъ больницъ и не имѣющимъ еще заработка, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія по отбытіи наказанія и всѣмъ вообще впавшимъ въ крайнюю бѣдность предоставленіемъ честнаго труда и пріюта. Такое опредѣленіе задачъ трудовой помощи несомнѣнно и широко и правильно. По мѣрѣ возможности, эти задачи и выполняются.

Само Попечительство, или лучше сказать Главный Комитетъ, носитъ полуоффиціальный и даже оффиціальный ха-

---

[1]) Ср. „Revue penit:“ 1891, p. 540. 1894, p. 360.

рактеръ. Во главѣ его стоитъ, съ самаго основанія, Ея Величество Государыня Императрица Александра Θеодоровна; щедротамъ Ея Величества Попечительство обязано и значительною частью своихъ денежныхъ средствъ. Но въ то же время всѣ мѣстныя учрежденія находятся въ вѣдѣніи отдѣльныхъ комитетовъ, являющихся чисто-частными, вполнѣ свободными, союзами, которые обязаны только подчиняться нѣкоторымъ, совершенно общаго характера, требованіямъ и представлять Главному Комитету отчеты.

Не могу не замѣтить, что трудовая помощь въ Россіи страдаетъ отъ двухъ или, лучше сказать, одного крупнаго недостатка. У насъ пока не выработался типъ людей, годныхъ для завѣдыванія трудовыми учрежденіями. У насъ нѣтъ ни Jnnere Mission своей русской, ни чего-либо подобнаго, поэтому составъ завѣдующихъ чисто случайный и нерѣдко, какъ мнѣ кажется, на основаніи моихъ наблюденій, вовсе неподготовленный къ новому дѣлу; отъ этого прежде всего страдаетъ внутренній строй этихъ заведеній или лучше сказать, этого строя почти нѣтъ и о морализующемъ вліяніи говорить довольно трудно. Я бы желалъ избѣгнуть примѣровъ и доказательствъ. Но это отсутствіе подготовленныхъ людей отражается и на финансовой сторонѣ дѣла. Работы очевидно поставлены въ большинствѣ случаевъ экономически неправильно и далеко не покрываютъ тѣхъ 75% расходовъ, которые покрываютъ въ Западной Европѣ. Главному Комитету приходится постоянно приходить на помощь мѣстнымъ, эти пособія, начавшись въ 1897 г. съ скромной цифры 10 тысячъ, дошли уже въ 1902 г. до 97 тысячъ. Можно ли будетъ еще долго идти въ томъ же направленіи? Не могу скрыть также, что эти явленія указываютъ и на весьма малую самодѣятельность мѣстныхъ обществъ. Самыя серьезныя начинанія получаютъ начало въ Главномъ Комитетѣ, я уже упоминалъ о прекрасно удавшейся культурной миссіи М. Н. Галкина-Врасскаго, есть и другія такія же начинанія. Будемъ надѣяться, что это явленіе временное объясняемое новизною дѣла.

Въ общемъ ростъ учрежденій трудовой помощи въ Россіи съ 1895 г. быстрый; уже въ 1902 г. насчитывалось до 300 учрежденій. Всѣ эти учрежденія могутъ быть раздѣлены на три типа: во-первыхъ, собственно дома трудолюбія для взрослыхъ, работа предоставляется въ самихъ учрежденіяхъ; къ домамъ трудолюбія примыкаетъ и рядъ вспомогательныхъ учрежденій. Во-вторыхъ, организація трудовой по-

мощи со спеціальными задачами призрѣнія дѣтей (Ольгинскіе пріюты), ихъ очень немного. Въ третьихъ, учебныя и учебно-показательныя мастерскія.

Въ Ольгинскихъ пріютахъ находятъ себѣ помѣщеніе по особому соглашенію съ Министерствомъ Юстиціи дѣти арестантовъ, на время содержанія родителей въ тюрьмѣ.

Попечительство издаетъ журналъ «Трудовая Помощь», дающій обширныя данныя о положеніи дѣла трудовой помощи у насъ и за границей.

Я не могу здѣсь не упомянуть, хотя бы вскользь, о союзахъ, преслѣдующихъ цѣль исключительно пріисканія работы безработнымъ, такъ сказать на волѣ, безъ организаціи спеціальныхъ учрежденій трудовой помощи. Эту цѣль въ числѣ другихъ преслѣдуютъ всѣ рабочіе союзы Trade-Unions, Gewerkschaften и т. д. Hirsch—Dunker Vereine, союзы соціалистическіе, союзы благотворительные.

Но рядомъ съ ними существуютъ въ большомъ количествѣ и общества филантропическія, преслѣдующія спеціальную цѣль дароваго пріисканія работы. Въ Германіи такіе союзы объединились въ отдѣльныхъ государствахъ, а съ 1898 г. въ Мюнхенѣ образовался для всей Германіи Verband Deutscher Nachweise.

Во Франціи къ 1902 г. было уже 86 биржъ труда, къ которымъ примыкали 2.054 союза.

Такіе же размѣры принимаетъ развитіе подобныхъ союзовъ въ Италіи, Англіи, Америкѣ и Бельгіи.

Въ заключеніе этого бѣглаго очерка организаціи трудовой помощи на новыхъ началахъ, не преслѣдующаго вовсе цѣли дать сколько-нибудь полную картину этого дѣла въ разныхъ странахъ, такъ какъ это совершенно выходило бы за предѣлы и задачи настоящаго изслѣдованія, я позволю себѣ еще разъ остановиться на основномъ для меня, въ данномъ случаѣ, вопросѣ—именно на значеніи новыхъ организацій трудовой помощи для дѣла борьбы съ преступностью.

Эти организаціи, какъ я уже говорилъ выше, вовсе не преслѣдуютъ широкихъ задачъ разрѣшенія соціальнаго вопроса, но онѣ прямо и непосредственно борются съ однимъ изъ факторовъ преступности—тѣми отдѣльными случаями крайней необходимости, говоря языкомъ уголовныхъ уложеній, когда благодаря безработицѣ человѣкъ доведенъ до такого состоянія, когда ему приходится выбирать между голодною смертью, самоубійствомъ или совершеніемъ престу-

пленій противъ имущества. Но инстинктъ самосохраненія съ одной стороны и упадокъ нравственныхъ силъ, чувства чести, собственнаго достоинства, которыя, какъ уже говорилось выше, почти всегда сопровождаютъ продолжительное пребываніе въ нищетѣ, наталкиваютъ безработнаго слишкомъ часто на наиболѣе легкій и простой выходъ изъ безъисходнаго положенія—совершеніе преступленія.

Что же дѣлать обществу въ борьбѣ съ этимъ явленіемъ, карать или помогать и при томъ такъ, чтобы сохранить и даже возродить въ нуждающемся чувство чести и собственнаго достоинства? Конечно, второе; и эту-то высокую функцію и выполняютъ именемъ общества союзы трудовой помощи.

Армія спасенія [1]).

Во многомъ, если даже не во всемъ, армія спасенія представляетъ огромное сходство съ Innere Mission, основа ея такая же религіозная, обще-христіанская, внѣконфессіональная, задачи ея, такія же чисто пенитенціарныя—борьба съ различными видами имущественнаго и нравственнаго паденія, приводящими неизбѣжно къ совершенію преступленія.

Армія спасенія была основана въ 1865 г. англиканскимъ священникомъ Вильямомъ Бутсомъ, которому вскорѣ этимъ союзомъ было присвоено званіе генерала, а дѣятелямъ званіе офицеровъ, въ виду того, что союзу этому приданъ характеръ религіозно-рыцарскаго ордена. Бутсъ собственно въ началѣ намѣтилъ чисто-нравственную задачу—поднятія упавшаго уровня общественной нравственности; но затѣмъ, убѣдившись, что внѣшнія неблагопріятныя, преимущественно экономическія, условія вліяютъ и не могутъ не вліять столь неотразимо на людей, что паденіе нравственности является уже неизбѣжнымъ результатомъ, Бутсъ занялся начертаніемъ плана тѣхъ мѣропріятій, которыя, будучи предприняты по частной иниціативѣ и частными силами, могли бы впредь до разрѣшенія жизнью соціальнаго вопроса, облегчить участь порочныхъ обездоленныхъ безработныхъ. Обездоленнымъ нѣтъ мѣста въ обществѣ, они въ немъ погибаютъ; надо ихъ организовать на сторонѣ, пріучить къ честной трудовой жизни, при возможно для нихъ благопріятныхъ условіяхъ и затѣмъ возвратить обществу въ качествѣ жизнеспособныхъ гражданъ.

---

[1]) Ср. Вильямъ Бутсъ. Въ трущобахъ Англіи, пер. Сементковскаго 1891. The Outsiders. A. Sketsch of Salvation Army social work by A. Swan. 1905—6; Henderson passim. Charity Organisation register passim, и т. д.

Но возрожденіе должно быть основано не на практиковавшихся доселѣ грубыхъ и даже жестокихъ пріемахъ, а на религіозномъ воздѣйствіи и развитіи въ нихъ чувства *человѣческаго достоинства, чести*, на пріученіи къ полезному и производительному труду. Для выполненія этихъ высокихъ и плодотворныхъ задачъ Бутсу удалось организовать громадный составъ дѣятелей опытныхъ и проникнутыхъ идеями основателя союза. Они видятъ въ этомъ высокое призваніе, дѣйствуютъ самоотверженно; поселяясь въ самыхъ нищенскихъ условіяхъ, среди тѣхъ «трущобъ», которыя Бутсъ описываетъ. Такъ уже въ 1881 г. онъ насчитывалъ до 100 «трущобныхъ сестеръ». Эти сестры, отдаваясь всецѣло важному дѣлу, живутъ попарно въ самыхъ бѣднѣйшихъ кварталахъ Лондона, занимая скромную комнатку и одѣваясь такъ, чтобы совсѣмъ не отличаться отъ мѣстнаго населенія. Онѣ вполнѣ осуществляютъ основной принципъ современной филантропіи, требующей затраты не столько денежныхъ средствъ, сколько личныхъ силъ, личнаго нравственнаго воздѣйствія. При этомъ осуществляется и основной принципъ арміи спасенія—соединеніе нравственнаго поученія—прочтенія евангелія и проповѣди съ оказаніемъ личныхъ услугъ. Такъ трущобныя сестры посѣщаютъ больныхъ, присматриваютъ за дѣтьми, выручаютъ матерей во время болѣзни, исполняя всѣ хозяйственныя дѣла по дому. Пріобрѣтя такимъ путемъ авторитетъ въ семьѣ, онѣ имѣютъ возможность воздѣйствовать на отцовъ семейства, забывающихъ о семьѣ, предающихся пьянству, или позволяющихъ себѣ бить своихъ домашнихъ. Онѣ поддерживаютъ сознаніе необходимости трудиться, руководятъ молодыхъ дѣвушекъ и ограждаютъ ихъ нравственность. Конечно безъ матеріальной помощи не обходится.

Офицеры, тоже подъ опытнымъ надзоромъ, вырабатываются въ опытныхъ руководителей, прекрасно ведущихъ многочисленныя учрежденія арміи спасенія, говорящихъ прекрасныя проповѣди съ знаніемъ той аудиторіи, съ которой имѣютъ дѣло. А чтеніе проповѣдей входитъ опять таки въ постоянный регламентъ всѣхъ пріютовъ, ночлежныхъ домовъ и т. д. арміи спасенія. Здѣсь прежде всего накормятъ пришедшаго, а потомъ завѣдующій говоритъ проповѣдь, имѣющую всегда громадный успѣхъ. Послѣ проповѣди начинается бесѣда, въ которой принимаютъ участіе и прежніе кліенты арміи спасенія, ставшіе нерѣдко ея членами и разсказывающіе аудиторіи, какъ они достигли избавленія отъ нужды, исправились отъ пороковъ.

При такихъ условіяхъ Бутсъ въ короткое время достигъ громадныхъ результатовъ. Его обширные планы почти вполнѣ осуществились. Армія спасенія дѣйствуетъ въ 30 странахъ и колоніяхъ. Въ одной Англіи она насчитываетъ болѣе 2.000 офицеровъ, т. е. опытныхъ дѣятелей, готовыхъ по первому приказанію отправиться въ самыя отдаленныя страны земного шара, а въ общемъ число офицеровъ арміи далеко превосходитъ 10.000.

Главная форма помощи трудовая. Собравъ болѣе милліона фунтовъ т. е. болѣе 10 милліоновъ рублей, Бутсъ устроилъ въ одной Англіи 12 колоній, располагающихъ 25.562 акрами земли и около 60 мастерскихъ въ городахъ. Эти учрежденія трудовой помощи, въ которыхъ пребываніе трудящагося продолжается отъ 6 до 9 мѣсяцевъ, стремятся достигнуть исправительныхъ цѣлей, возрожденія, а потому называются elevators, въ отличіе отъ первоначальныхъ пріютовъ, которыхъ имѣется для взрослыхъ 188 (тоже на началѣ трудовомъ) и около 17 пріютовъ для дѣтей. Кромѣ того имѣется 49 пріютовъ для падшихъ женщинъ, пріюты для освобожденныхъ изъ мѣстъ заключеннія, особыя лавки предметовъ первой необходимости, раздача обѣдовъ на домъ и т. д. Особеннаго вниманія заслуживаетъ отдѣлъ тюремный. Офицеры арміи посѣщаютъ тюрьмы и ведутъ бесѣды съ арестантами, подготовляя ихъ къ жизни на волѣ; содержится особая prison gate brigade изъ лицъ, которыя сторожатъ выпускаемыхъ изъ тюремъ при выходѣ, стараясь отвлечь ихъ отъ кабака и друзей по преступному ремеслу. Армія спасенія настойчиво добивается того, чтобы суды и полиція поручали имъ непосредственно, помимо тюрьмы, преступниковъ, совершившихъ преступленіе въ первый разъ, надѣясь мирнымъ путемъ безъ репрессіи исправить ихъ, удержавъ отъ вредняго вліянія тюрьмы. Въ Америкѣ образованный въ 1896 г. арміею спасеніе особый тюремный союзъ Volunteer Prisoners League успѣлъ объединить въ теченіе 7 л. существованія около 15 тысячъ членовъ. Въ тюремные отряды принимаются даже бывшіе, вполнѣ исправившіеся, арестанты, на которыхъ смотрятъ какъ на равныхъ, конечно эти члены приносятъ громадныя услуги. Въ общемъ результаты дѣятельности арміи спасенія, даже въ этомъ чисто спеціальномъ дѣлѣ, чрезвычайно хорошіе и число окончательно исправившихся насчитывается многими сотнями.

Но не въ учрежденіяхъ главная сила арміи спасенія, а въ тѣхъ личныхъ посѣщеніяхъ, при которыхъ самоотверженные,

опытные, глубоко понимающіе преслѣдуемыя цѣли и благорасположенные дѣятели арміи входятъ въ соприкосновеніе ежегодно съ сотнями тысячъ нуждающихся и падающихъ экономически и нравственно людей, достигая очень часто совѣтомъ, пріисканіемъ работы, матеріальною помощью, нравственнымъ воздѣйствіемъ, удержанія этихъ лицъ отъ полнаго паденія, а слѣдовательно и отъ преступленія. Это дѣйствительно, какъ говоритъ Шванъ „Social work», великое соціальное и общественное дѣло борьбы съ факторами преступности, обезвреженіе и содѣйствіе къ выздоровленію «подозрительныхъ», по заболѣванію въ нравственномъ и преступномъ отношеніи людей. Это превентивная пенитенціарная дѣятельность, опека надъ слабѣйшими.

Въ Англіи дѣйствуетъ еще Church Army [1]), союзъ, весьма близкій къ арміи спасенія по задачамъ и пріемамъ, который тоже содержитъ многочисленныя учрежденія трудовой помощи, пріюты для бродягъ, для бывшихъ преступниковъ, пьяницъ, особые защитныя учрежденія для женщинъ, дѣтей, содѣйствуетъ эмиграціи и т. д.

---

[1]) Charities Register, стр. 468.

Союзы для поднятія уровня общественной нравственности.

Завершая отдѣлъ, посвященный дѣятельности общества по удержанію отъ преступленія лицъ, экономическое состояніе и нравственный уровень которыхъ пошатнулись, я не могу, хотя бы вскользь, не коснуться дѣятельности и задачъ тѣхъ союзовъ, которые поставили себѣ задачею поднятіе общаго уровня нравственности. Ихъ дѣятельность имѣетъ весьма близкое соотношеніе къ роли общества въ борьбѣ съ преступностью.

И въ главѣ о факторахъ преступности и въ другихъ отдѣлахъ, я всюду отмѣчалъ громадное, первенствующіе значеніе факторовъ экономическихъ, вліяніе современнаго соціальнаго строя на разстройство экономическаго быта рабочаго люда и сопровождающіе это разстройство безработицу, пауперизмъ, потерю человѣческихъ условій существованія, потерю чести и собственнаго достоинства. Я указывалъ и на непосредственно связанное съ этимъ явленіемъ разрушеніе семьи, разрушеніе семейной нравственности, именно благодаря экономическимъ условіямъ.

Но современный соціальный строй, основанный на принципѣ полнаго отсутствія регламентаціи свободной конкуренціи, оказываетъ громадное и естественное вліяніе и на уровень общественной нравственности непосредственно такъ сказать, не черезъ посредство экономическихъ условій. Эта свободная конкурренція, эта полная свобода мысли—принципы несомнѣнно весьма жизненные, привели однако вполнѣ неизбѣжно прежде всего къ полному упадку значенія всякихъ авторитетовъ, не только въ тѣхъ областяхъ, гдѣ свободное, ничѣмъ не стѣсняемое, творчество человѣческаго ума есть основное, зиждительное начало: въ областяхъ науки, искусства, вся-

каго производства и промысла, но и въ областяхъ религіи и нравственности. Вліяніе религіи и нравственности упало до чрезвычайности и прежде всего совсѣмъ даже не въ силу содержанія тѣхъ требованій, съ которыми религія и нравственность обращается къ индивиду, не въ силу того, чтобы дѣйствительно укоренялось убѣжденіе, что Бога нѣтъ, а нравственность ненужна, а именно потому прежде всего, что въ этихъ областяхъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, стѣсняется полная, ничѣмъ не ограниченная свобода размышленія, не допускается отрицаніе извѣстныхъ, коренныхъ, установленныхъ давно уже, принциповъ.

Насколько, не говоря уже о религіи, но и въ нравственности, невозможно обойтись безъ основныхъ устоевъ, безъ тѣхъ началъ, не подлежащихъ оспариванію, изъ которыхъ выводятся всѣ дальнѣйшія положенія, всѣ директивы и требованія, лучше всего показываетъ ученіе Нитцше. Съ смѣлостью и даже яростью больного фантазера онъ набросился на категорическіе императивы Канта, на всякіе традиціонные, вѣками установившіеся взгляды на различіе нравственнаго отъ безнравственнаго; онъ страстно защищалъ полное освобожденіе отъ всякихъ традицій въ области нравственности, требовалъ вполнѣ свободной переоцѣнки всѣхъ цѣнностей и вдругъ, когда дошло дѣло послѣ отрицанія, до созданія чего либо положительнаго, совершенно контрабанднымъ путемъ поставилъ въ основу своего новаго ученія весьма неопредѣленный и совсѣмъ не новый принципъ развитія личныхъ жизненныхъ силъ личности. Всѣ дѣйствія оказалось необходимымъ *оцѣнивать* съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ развитію могущества личности, ея жизненныхъ силъ, а самый принципъ—необходимости наибольшаго развитія личныхъ силъ и могущества личности—оказался совершенно безспорнымъ, несомнѣннымъ, не подлежащимъ никакой переоцѣнкѣ.

Если Нитцше, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ, отвергнувъ всѣ существующія положенія нравственности, создалъ несомнѣнно, совершенно непріемлемое, безусловно безнравственное ученіе о сверхъ-человѣкахъ и о принесеніи въ жертву этимъ сверхъ-человѣкамъ, этому меньшинству, всѣхъ самыхъ неотъемлемыхъ и безспорныхъ человѣческихъ интересовъ большинства людей, то чего же можно ожидать отъ другихъ людей, которые, отвергнувъ всякія религіозные и нравственные авторитеты, тоже рѣшились на созданіе для самихъ себя особаго моральнаго кодекса въ руководство своихъ собственныхъ поступковъ. Если такая трудная задача по силамъ вы-

соко развитымъ людямъ, то къ чему могутъ прійти люди полуразвитые, какъ не къ полному отрицанію необходимости исполнять какія либо нравственныя правила, какъ устарѣвшія бредни.

Я вовсе не думаю здѣсь мимоходомъ затрогивать такіе высочайшей важности вопросы, какъ вопросы о постановкѣ религіи и нравственности, о тѣхъ или другихъ принципахъ религіозныхъ и нравственности, ни даже о томъ, необходимы ли таковые, я касаюсь только этого вопроса съ точки зрѣнія чисто соціологической — что при такой перемѣнѣ во взглядахъ на религію и нравственность, авторитеты и принципы, должно было произойти, какъ все это должно было отразиться на уровнѣ нравственности, на наличности у отдѣльной личности задерживающихъ ея вожделѣнія стимуловъ.

Паденіе авторитетовъ это послѣдствіе естественное и неизбѣжное общаго освобожденія мысли, освобожденія, въ благотворности котораго сомнѣваться, разумѣется, не приходится.

Но нельзя вѣдь также отрицать, что и полное осуществленіе идеи раздѣленія труда, устраненіе всякой нормировки производства, допущеніе вполнѣ свободной конкуренціи, содѣйствовали невѣроятному развитію производства «богатствъ». И однако же несомнѣнно, что эта свободная, ни чѣмъ нестѣсняемая конкуренція, есть вмѣстѣ съ тѣмъ снятіе всякихъ удерживающихъ препонъ съ той вѣчной борьбы за существованіе, которую люди вели всегда. Несомнѣнно однако, что принципъ ничѣмъ не сдерживаемой борьбы за существованіе, не только жестокій, но и глубоко безнравственный и глубоко антиобщественный, что онъ въ чрезвычайной степени долженъ людей разобщать, озлоблять другъ противъ друга и направлять отдѣльныя личности на дѣйствія безнравственныя и даже преступныя. Если чисто освободительно-правовое движеніе не дало счастья человѣчеству, если дѣйствительно человѣчеству необходимо въ той или другой степени произвести соціальную реформу, то можетъ быть станутъ понятными и требованія современныхъ экономистовъ политиковъ и философовъ о необходимости предварительнаго возвышенія уровня нравственнаго, смягченія соціальной борьбы, соціальнаго примиренія, а безъ него соціальная реформа можетъ вызвать такія кровавыя жертвы, которыхъ еще міръ не видѣлъ и въ концѣ концовъ не привести къ желанному результату. Важно поднятіе общественнаго духа, пониманія общихъ интересовъ, на что обращаетъ такое вни-

маніе современное соціалистическое движеніе, стремящееся къ соціальной реформѣ [1]).

По свидѣтельству другого ученаго Auguste Kaufer [2]) ученіе позитивистовъ прямо провозглашаетъ необходимость реформы моральной, какъ основанія для реформы соціальной.

Необходимость такой реформы, такого поднятія уровня нравственности, сознается весьма широко всѣмъ обществомъ и разнаго рода союзы, въ особенности же союзы взаимопомощи, имѣющіе возможность осуществлять извѣстный надзоръ за своими членами, стремятся къ этой цѣли. Какъ правильно говоритъ Marion (Der la solidarité) въ союзахъ, гдѣ чувства и личные счеты менѣе даютъ себя чувствовать, голосъ разума и сознанія соціальныхъ требованій нравственности проявляются ярче. Союзы взаимопомощи въ той или другой степени стараются возстановить средневѣковыя высокія понятія чести, призванія, нравственныхъ началъ, при выполненіи труда.

Движеніе религіозно-соціальное, вызывающее къ жизни рядъ союзовъ на почвѣ конфессіональной [3]) стремится обновить нравственность на основахъ того или другого вѣроисповѣданія. Но есть и спеціальные, не конфессіональные, союзы, преслѣдующіе тѣ же цѣли.

Такъ въ Германіи дѣйствуетъ за послѣднее время Gesellschaft für ethische Kultur [4]). Это общество выходитъ изъ убѣжденія, что въ современномъ общественномъ строѣ отсутствуютъ и настоящая справедливость и любовь къ истинѣ, и человѣколюбіе и наконецъ взаимное уваженіе.

Для осуществленія перваго принципа необходимо утвердить убѣжденіе, что тѣ, которые слишкомъ слабы чтобы вести борьбу за существованіе собственными силами, не должны быть предоставляемы на попеченіе одного милосердія, которое все-таки всегда случайно, но должны имѣть *право* на помощь.

Любовь къ истинѣ въ наше время сильно ослабѣла; все общество раздѣлено на политическія партіи, а интересы партіи заставляютъ забывать о истинѣ. Теперь рѣдкость чтобы люди судили о дѣлѣ не съ односторонней партійной точки зрѣнія и заботились объ истинномъ выясненіи вопроса, подчасъ можетъ быть и вовсе не выгодномъ партіи.

---

[1]) Сравни Исаева. Der Sozialismus und das offentliche Leben. 1903, стр. 307.

[2]) Congr. intern. de l'education sociale. 1900, p. 229.

[3]) Выше цитированныя сочиненія Гёре, Тёрманъ, Геверлитцъ.

[4]) Vortrag von Dr. Arthur Pfungst. 1896.

Гуманность и человѣколюбіе могутъ существовать лишь тогда, когда имѣется убѣжденіе у каждаго человѣка, что его радости и горе связаны неразрывно съ судьбою другихъ такихъ же людей, что существуетъ полная солидарность интересовъ. Между тѣмъ, благодаря современному строю, произошло полное атомизированіе общества, каждый думаетъ только о своихъ личныхъ интересахъ, какъ будто бы другихъ людей не существуетъ, а по отношенію къ недостаточнымъ и слабымъ со стороны обезпеченныхъ и сильныхъ, происходитъ настоящее эксплоатированіе; возмущенія доведеннаго до отчаянія пролетаріата свидѣтельствуютъ краснорѣчиво объ этомъ положеніи.

Наконецъ и почетъ и уваженіе оказываются лишь тѣмъ, которые ловко съумѣли пристроиться къ стариннымъ организаціямъ государственнымъ, церковнымъ, а не тѣмъ, которыя идутъ своею дорогою; мы уничтожили классовыя и другія правовыя преимущества, но мы по прежнему почетъ и уваженіе оказываемъ только при указанныхъ выше условіяхъ.

Но если все это такъ, если дѣйствительно въ современномъ обществѣ не существуетъ ни настоящей справедливости, ни любви къ истинѣ, ни солидарности, ни взаимнаго уваженія, каковъ же можетъ быть духъ такихъ народовъ. Не надо ли поднять, возвысить этотъ духъ, сдѣлать его благороднымъ, чтобы можно было разсчитывать на лучшее будущее.

А если это такъ, то и надо чтобы люди любящіе истину, понимающіе недостатки современнаго общественнаго строя, объединялись въ общества для совмѣстной дѣятельности по распространенію тѣхъ принциповъ, которые могутъ поднять уровень общественной нравственности, облагородить духъ народа. Съ 1893 г. издается профессоромъ Берлинскаго университета Гижицкимъ журналъ, проповѣдующій основные принципы общества. Здѣсь мы встрѣчаемся со статьями пражскаго профессора Іодля о необходимости оживить тѣ чувства гуманности, которыя смягчаютъ эгоизмъ, жестокость борьбы (1893 г. № 1); со статьями, посвященными описанію быта и нравственнаго воспитанія въ различныхъ классахъ купцовъ, рабочихъ (1895 г. № 16 и др.); даются картины тяжкихъ условій жизни рабочихъ, благодаря которымъ разрушается семейная жизнь, нѣтъ времени для какого бы то ни было вниманія къ дѣтямъ, заботы объ ихъ интересахъ, даже для горя объ утерянныхъ дѣтяхъ нѣтъ времени.

Съ совершенно аналогичнымъ направленіемъ выступаетъ

образовавшаяся въ 1894 г. французская лига общественной нравственности. Она выходитъ изъ убѣжденія, что демократія не въ состояніи процвѣтать безъ того, чтобы среди демократическаго народа не были установлены прочно высокіе идеалы нравственности. Надо, чтобы всѣ честные люди, безъ различія политическихъ партій, объединились для поднятія уровня современной общественной нравственности, для укрѣпленія семейнаго очага, который расшатанъ благодаря современному строю [1]).

Есть рядъ союзовъ, которые ставятъ себѣ задачею борьбу съ отдѣльными проявленіями общественной безнравственности. Такова напримѣръ ассоціація швейцарская противъ безнравственности въ печати [2]); въ 1904 г. въ Кельнѣ происходилъ даже по этому вопросу международный конгрессъ [3]).

Во Франціи существуетъ основанная сенаторомъ Беранже лига протеста противъ уличнаго разврата. Подобныя же лиги мы встрѣчаемъ и въ другихъ государствахъ.

Нельзя, казалось бы, отрицать непосредственнаго отношенія всѣхъ подобныхъ лигъ къ дѣлу борьбы съ преступностью. Не говоря уже о дѣятельности лигъ, ставящихъ себѣ задачею борьбу съ спеціальными проявленіями общественной безнравственности, даже и лиги, преслѣдущія цѣли возвышенія общаго уровня нравственности, проповѣдующія свои идеи во всѣхъ классахъ населенія и стремящіяся ослабить разнузданность современной борьбы за существованіе, оградить понятіе чести и личнаго достоинства, этого главнаго условія удержанія отъ преступленія, несомнѣнно исполняютъ важныя функціи общественныя въ борьбѣ съ преступностью.

Конечно нельзя, хотя бы, не упомянуть о тѣхъ многочисленныхъ современныхъ научныхъ союзахъ, которые посвящаютъ столько силъ для выясненія дѣйствительныхъ причинъ преступности и дѣйствительныхъ гуманныхъ средствъ борьбы съ нею. Нельзя отрицать, что эти общества, отстаивая и можетъ быть еще недостаточно освѣщая практическую дѣятельность общества въ борьбѣ съ преступностью, тѣмъ не менѣе идутъ значительно впереди всякихъ правительственныхъ и законодательныхъ мѣропріятій. Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стоитъ разумѣется Парижское общество Societé generale des prisons, дѣйствительно объединяющее дѣятелей всего міра и настой-

---

[1]) Ligue française de la moralité publique. Declaration de principes, стр. I, IV, и т. д.

[2]) Cp. Rostand, t. I, p. 543.

[3]) R. p. 1904, p. 1250.

чиво, широко, освѣщающее своими докладами и своимъ журналомъ новые пути въ борьбѣ съ преступностью.

Въ прежніе годы такая роль выполнялась международными тюремными конгрессами, но благодаря тому, что международная пенитенціарная комиссія, выбирающая вопросы для обсужденія на конгрессахъ, со времени Лондонскаго конгресса 1872 г. составляется исключительно изъ представителей правительства, которые были призваны на конгрессъ лишь для доставленія свѣдѣній о положеніи тюремнаго дѣла въ ихъ отечествѣ, эти конгрессы перестали быть сосредоточіемъ передовыхъ живыхъ мыслей и превратились въ пустые безплодные, пиршественные, съѣзды, раздающіе ордена. Нельзя не отмѣтить дѣятельности Hovard Association, руководителями которой являются выдающіеся пенологи въ родѣ Теллока и др. Международный союзъ криминалистовъ тоже, хотя и нерѣшительно, борется за обновленіе постановки борьбы съ преступностью. Есть рядъ и другихъ обществъ своею дѣятельностью доказывающихъ съ несомнѣнностью, что борьба съ преступностью перестаетъ быть дѣломъ правительственнымъ и становится дѣломъ общества и общественныхъ частныхъ союзовъ.

Я не коснулся совершенно дѣятельности общества, направленной на защиту женщины отъ деморализированія и главнымъ образомъ отъ впаденія въ проституцію. Я не коснулся этой дѣятельности намѣренно и вотъ по какимъ причинамъ. Я, разумѣется, не сомнѣваюсь, что проституція есть деградація съ полной потерею чести и собственнаго достоинства и слѣдовательно необходимо приводитъ женщину въ то положеніе, при которомъ совершеніе преступленія есть только одинъ изъ эпизодовъ обыденнаго поведенія. Я не сомнѣваюсь также, что одно существованіе института сутенеровъ, этихъ вполнѣ, даже чрезвычайно здоровыхъ и работо-способныхъ людей, которые отъ всякой работы отказываются, живутъ на счетъ порока и конечно не имѣютъ ни чести ни человѣческаго достоинства, представляетъ собою явленіе еще болѣе опасное въ смыслѣ борьбы съ преступностью, чѣмъ сама проституція.

Но я нахожу, что если проституція является однимъ изъ факторомъ преступности, то въ то же время сама проституція представляетъ соціальное явленіе, неизмѣримо болѣе сложное, чѣмъ преступленіе и по поводу борьбы съ преступленіемъ говорить мимоходомъ о проституціи невозможно.

Въ самомъ дѣлѣ, если преступленіе въ значительной степени обусловливается современнымъ экономическимъ строемъ и при сколько-нибудь благопріятномъ разрѣшеніи соціальнаго вопроса можно надѣяться на значительное сокращеніе числа преступленій вообще и противъ имущества въ особенности, то проституція, по моему глубокому убѣжденію, связана въ значительно меньшей степени съ этимъ строемъ. Это явленіе столь же древнее какъ бракъ, связанное съ неисправимыми, если хотите, несовершенствами или особенностями человѣческой природы, гораздо болѣе сложное чѣмъ преступленіе и я положительно, поэтому, не рѣшусь вслѣдъ за другими мимоходомъ здѣсь рѣшать вопросъ, въ какой мѣрѣ общество можетъ бороться съ этимъ явленіемъ.

Конечно возможна борьба съ торговлею бѣлыми женщинами (я посвятилъ этому рефератъ для Лондонскаго конгресса 1899 г. «Вѣстникъ Права», май), ибо въ сущности это лишь борьба за свободу промысла, конечно возможно и должно, какъ это и дѣлаютъ и у насъ, и заграницей, многочисленныя общества защиты женщинъ, оказывать помощь женщинамъ, по болѣзни или другой причинѣ желающимъ уйти изъ промысла, но не надо же скрывать отъ себя, что это вовсе не борьба съ самимъ явленіемъ.

Опека.

Опека—понятіе и очень широкое и очень древнее; въ немъ содержится два элемента: съ одной стороны элементъ попеченія объ интересахъ опекаемаго, моментъ помощи, благотворительности, а съ другой стороны элементъ зависимости опекаемаго отъ опекающаго, моментъ извѣстнаго воздѣйствія личнаго со стороны послѣдняго на перваго. Опека въ разныхъ видахъ на почвѣ, главнымъ образомъ, экономической существовала во всѣ времена, то принимая болѣе грубыя и даже суровыя, подчасъ жестокія, формы рабства или крѣпостничества, то болѣе мягкія формы кліентелы и т. д. Въ средніе вѣка мы можемъ отмѣтить церковный и монастырскій патронатъ надъ всѣми обездоленными, больными, увѣчными, прибѣгавшими подъ защиту церкви. Опеку знаетъ давно и гражданское право, какъ институтъ попеченія и восполненія силъ лицъ недѣеспособныхъ: умалишенныхъ, расточителей, малолѣтнихъ, въ области, главнымъ образомъ, права распоряженія имуществомъ опекаемыхъ.

Но идея опеки общества надъ преступниками, надъ лицами, павшими или находящимся въ такомъ положеніи заброшенности (деградаціи, деклассаціи), при которомъ совершеніе преступленія можетъ стать естественнымъ обыденнымъ явленіемъ—это идея новая, и при томъ новая во всѣхъ отношеніяхъ, и по лицамъ опекаемаго и опекуна, и по содержанію, по правамъ, обязанностямъ и задачамъ. Я даже затруднился бы, какъ это дѣлаетъ проф. Гурляндъ [1]), усматривать какую либо генетическую связь между опекой и патронатомъ прежнихъ временъ и современными.

Современная идея опеки надъ преступниками зародилась

---

[1]) Временникъ Демидовскаго Юридическаго лицея, книги 72, 73, 74 выш. въ 1897 г. Идея патроната какъ идея внутренняго управленія.

не ранѣе конца 18-го в., да и то далеко не въ томъ смыслѣ, какъ она понимается нынѣ; она именно находится въ тѣсной связи съ окончательной перемѣной во взглядахъ культурнаго общества на цѣли наказанія, на средства борьбы съ преступностью.

Впервые эта перемѣна произошла въ XVI вѣкѣ, когда съ одной стороны проявилось болѣе гуманное отношеніе къ преступнику, а съ другой стороны, въ виду чрезвычайнаго усиленія бродяжества и мелкихъ кражъ (усиленія, вызваннаго войнами, освобожденіемъ крестьянъ и т. д.), оказалось невозможнымъ по прежнему казнить безъ числа и безъ мѣры. Движеніе это, какъ извѣстно, не дало однако прочныхъ результатовъ, и черезъ два столѣтія Говардъ констатировалъ полное неустройство европейскихъ тюремъ и полное отсутствіе какой-либо разумной, цѣлесообразной, дѣятельности государства въ борьбѣ съ преступностью.

Въ выставленныхъ имъ требованіяхъ мы видимъ оба теченія, которыя проявились впервые въ XVI стол.: болѣе гуманнаго отношенія къ преступнику и сознанія необходимости выставить новыя цѣли для наказанія [1]).

По мнѣнію Говарда, надо оставить политику простой ссылки или заключенія въ тюрьму безъ обезпеченія въ такомъ заключеніи извѣстныхъ постоянныхъ занятій для арестантовъ. Такими мѣрами достигается, какъ онъ говоритъ, одинъ захватъ преступника, одно лишеніе его свободы.

Но что же нужно больше, чего еще требуетъ жизнь? Въ этомъ-то и корень всѣхъ перемѣнъ, что жизнь стала требовать другого. Не въ одномъ смягченіи нравовъ, отвращеніи къ средневѣковымъ жестокостямъ, выразилась перемѣна въ жизненныхъ требованіяхъ. Эта жизнь поставила дѣло борьбы съ преступниками и помимо гуманитарныхъ ученій Беккаріи, Говарда и другихъ въ совершенно новыя условія. Если гуманисты учили, что мстить жестоко и безцѣльно, потому что дѣяніе, какъ говоритъ Беккаріа, не сдѣлаешь не бывшимъ, потому что не тяжестью наказанія, а его неизбѣжностью можно удержать отъ совершенія преступленія, то жизнь, дѣлая невозможной ссылку, просто по неимѣнію у большинства государствъ соотвѣтственныхъ мѣстъ для

---

[1]) См. подробно мою лекцію: Значеніе тюремнаго заключенія, какъ наказанія въ прошлое и настоящее время, стр. 5 и сл.

[2]) *Howard* l'Etat des prisons пер. 1791. *Pears* Prisons and Reformatory ad home and abroad. being the transactions of the intern. penitent. congr. held in London Iuly 3—12. 1872. Bellows. Iohn Howard, his life.

ссылки, въ самой сильной степени вліяла на постановку дѣла. Если принципомъ карательной системы прошлыхъ вѣковъ—было выбрасываніе преступника изъ рядовъ нормальнаго общества разъ навсегда, путемъ ли лишенія его жизни, искалѣченія и высылки, то при новыхъ условіяхъ: невозможности нравственной—истребленія и искалѣченія и невозможности физической—высылки, приходилось подумать о возвращеніи преступниковъ, по отбытіи наказанія, въ ряды нормальнаго общества. Цѣли истребленія были замѣнены цѣлями обезвреженія, исправленія и затѣмъ какъ необходимое дополненіе для полнаго осуществленія вновь намѣченныхъ цѣлей—оказанія отбывшему наказаніе содѣйствія къ дѣйствительному возвращенію въ ряды нормальнаго общества. Это содѣйствіе было названо патронатомъ, и здѣсь впервые общество было призвано къ участію въ борьбѣ съ преступностью, на-ряду съ репрессіей, которая, разумѣется, всецѣло осталась въ рукахъ правительства.

Но это выступленіе общества въ новой роли было очень скромное. Новыя задачи репрессіи не выбрасыванія и даже не столько устрашенія, сколько исправленія, привлекли къ себѣ вниманіе лучшихъ умовъ. Въ Америкѣ возникли новыя системы тюремнаго устройства и, что важнѣе, тюремнаго режима. Этимъ новымъ мѣрамъ придавали громадное значеніе, на нихъ возлагали огромныя надежды.

Европа пожелала слѣдовать примѣру Америки и уже въ 1846 г. во Франкфурнѣ на Майнѣ, по иниціативѣ тюремнаго врача Варентрапа, Миттермайера, Деметца и др. собрался первой международный конгрессъ «тюремной реформы». Хотя въ пунктахъ 21 и 22 программы конгресса и предположено было обсудить вопросъ о патронатѣ надъ освобождаемыми изъ мѣстъ заключенія взрослыми и малолѣтними и объ исправительныхъ заведеніяхъ для малолѣтнихъ, но въ сущности изъ отчета о засѣданіяхъ не видно, чтобы эти вопросы подвергались бы обсужденію. Состоялось только единогласное постановленіе въ самихъ общихъ выраженіяхъ, которое гласитъ, что реформа уголовнаго законодательства, введеніе путемъ законодательнымъ инспекціи и наблюдательныхъ за тюрьмами комитетовъ и образованіе попеченія (Obsorge) надъ освобожденными преступниками должны быть признаны необходимымъ *дополненіемъ* пенитенціарной системы [1]).

[1]) Verhandlungen der ersten Versammlung für Gefängissreform zusammengetreten in September 1846, in Frankfurt am Main, 1847, стр. 273 п. 8.

Этотъ характеръ, хотя и необходимаго, *дополненія* патронатъ, и на дѣлѣ и въ мысляхъ главнѣйшихъ пенитенціарныхъ дѣятелей сохранялъ долгое время, не сходя однако съ программъ всѣхъ послѣдующихъ международныхъ тюремныхъ конгрессовъ.

Такъ на послѣдовавшемъ въ слѣдующемъ году за первымъ конгрессомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ [1]) былъ поднятъ тотъ же вопросъ, что и на франкфуртскомъ конгрессѣ, о патронатѣ и измѣненіи уголовнаго законодательства и также въ сущности остался и вовсе невыясненнымъ и не разрѣшеннымъ.

Конгрессу въ Лондонѣ въ 1872 г. предшествовалъ, какъ извѣстно, чисто американской конгрессъ въ Цинцинати. Хотя Лондонскій конгрессъ, благодаря большому числу оффиціальныхъ представителей, впервые появившихся на немъ, принявшій тотъ пиршественно оффиціальный характеръ, который носятъ эти конгрессы въ послѣдующее время, и повторилъ въ сущности резолюціи конгресса въ Цинципатти, но постановленія о патронатѣ послѣдняго все-таки ярче. Здѣсь уже прямо было сказано [2]), что напрасны всѣ старанія по исправленію преступниковъ въ мѣстахъ заключенія, если при выходѣ изъ тюрьмы онъ будетъ встрѣчать общество во всеоружіи противъ него и не будетъ никого, чтобы ему помочь въ пріисканіи честнаго заработка.

Стокгольмскій конгрессъ 1878 г., посвятивъ много времени на обсужденіе принципіальнаго вопроса о необходимости патроната, не пошелъ дальше предшествующихъ и авторы сочиненія о Стокгольмскомъ конгрессѣ F. Desportes u Leon Lefeburo [3]) отмѣчаютъ, что постановленія Стокгольмскаго конгресса «блестяще» (?) подтвердили постановленія всѣхъ предыдущихъ конгрессовъ, начиная съ 1846 г., смотрѣвшихъ на патронатъ какъ на *необходимое дополненіе* дѣйствительно исправительной тюремной системы.

Патронатомъ занимались послѣдующіе конгрессы, значеніе которыхъ, а главное широта взглядовъ, все уменьшались.

Въ трудахъ Петербургскаго конгресса 1890 т. мы находимъ [4]) доклады Вуазена и Фойницкаго о необходимости установленія извѣстной связи между дѣятельностью па-

---

[1]) Debats du Congr. penit. de Bruxelles de 1847, sessions 20—28 Sept.

[2]) *Wines*. The states of prisons etc. 1880, стр. 53.

[3]) La science pénitentiaire au congrès de Stockholm. 1880, p. 217.

[4]) Bulletin-sde la Commiss penit. Intern. 1889. Livr. III, et IV.

троната и полиціи, о возможномъ устраненіи вмѣшательства полиціи. Обсуждались вопросы о международномъ единеніи обществъ патроната и т. д. Но, повторяю, вѣра въ возможность установленія такого тюремнаго режима, который бы дѣйствительно исправлялъ преступниковъ, по крайней мѣрѣ среди членовъ тюремныхъ конгрессовъ, въ составѣ которыхъ все меньше оказывалось ученыхъ, и въ которыхъ все больше устанавливалась оффиціальная ложь, доходившая до того, что государства, въ которыхъ напримѣръ трудомъ была занята $^1/_5$ арестантовъ, показывали весь составъ занятыми, не ослабѣвала и взглядъ на патронатъ, какъ на *дополненіе* пенитенціарной системы, по прежнему господствовалъ.

Только мало по малу, когда все больше и больше стали убѣждаться въ томъ, что дѣйствительно совершеннаго тюремнаго режима установить нельзя и что даже и самый совершенный тюремный режимъ приводитъ не къ исправленію преступниковъ, а или къ ихъ развращенію, или, въ самомъ лучшемъ случаѣ, къ полному отученію отъ той реальной. практической, жизни, для которой они и безъ того были негодны, только тогда стало выясняться дѣйствительное значеніе патроната. Я не буду повторять здѣсь того, что мной уже было сказано въ главѣ о репрессіи въ подтвержденіе несостоятельности тюремнаго заключенія какъ мѣры исправительной, но отмѣчу лишь, что именно лишь по мѣрѣ того, какъ выяснялись совершенно отрицательные результаты тюремнаго режима, обнаружилось, что тюрьма не только не содѣйствуетъ патронату въ его основной задачѣ по водворенію лицъ, совершихъ преступленіе, вновь въ ряды нормальной жизни, но наоборотъ крайне затрудняетъ и если патронатъ и достигаетъ нѣкоторыхъ результатовъ, то именно не смотря на вредное, предыдущее, вліяніе тюрьмы, на клеймо тюремнаго сидѣльца, которое является крайне трудно преодолимымъ препятствіемъ при пріемѣ бывшаго преступника на честный заработокъ. Но и то патронаты все болѣе и болѣе рѣшительно вынуждены отказываться отъ рецидивистовъ, такъ какъ ихъ положительно невозможно помѣстить.

Только съ этого времени, когда въ обществѣ проявилось сознаніе, что патронатъ вовсе не *дополненіе* пенитенціарной системы, *а самостоятельное средство въ борьбѣ съ преступностью,* что это именно дѣло общества на-ряду съ дѣятельностью правительства, выражающейся и могущей выражаться исключительно въ репрессіи, только съ тѣхъ поръ и

началось быстрое развитіе обществъ патроната и въ смыслѣ ихъ числа, и въ смыслѣ разнообразія ихъ дѣятельности, въ отношеніи къ обществамъ патроната, администраціи и суда. А это все случилось въ сущности въ послѣднія десятилѣтія XIX в. А между тѣмъ первыя общества патроната возникли давно, ровно за 100 лѣтъ до того. О времени возникновенія первыхъ обществъ патроната можно привести слѣдующія даты: Фильдельфіи 1776 г., Даніи 1797 г., Англіи 1816 г., Франціи 1819 г., Германіи 1826 г. (въ Берлинѣ [1]). Въ Россіи, какъ извѣстно, тоже въ 1816 г. было положено начало Попечительному о тюрьмахъ обществу. Въ началѣ оно даже какъ будто бы было жизненное, но благодаря уставу 7 Ноября 1851 г. общество было превращено въ какой-то полуоффиціальный привѣсокъ въ тюремной администраціи, жизнь въ немъ всякая прекратились и хотя на бумагѣ сушествуютъ въ Россіи губернскіе и уѣздные попечительные о тюрьмахъ комитеты, но они дѣломъ патроната надъ освобожденными изъ мѣстъ заключенія не занимаются вовсе. Дѣло патроната по самой природѣ своей должно въ высокой степени отвѣчать требованіямъ индивидулизаціи и по этому самому есть всецѣло дѣло личной частной иниціативы. То же самое явленіе получилось въ Бельгіи, гдѣ тоже попытались дать оффиціальную правительственную организацію патронатамъ и результатъ былъ тотъ же, всѣ комитеты закрылись и только съ 1888 г., благодаря частной иниціативѣ, вновь было положено начало дѣлу патроната, которое быстро и могущественно развилось и продолжаетъ развиваться.

У насъ же на всю необъятную Россію съ ея болѣе чѣмъ 800 мѣстами заключеній я насчиталъ, въ 1901 г. — всего 6 обществъ патроната (считая столичные мужскіе и женскіе благотворительные комитеты за одно общество), а г. Малининъ [2]) насчитываетъ ихъ (считая столичные раздѣльно) 23; этотъ подсчетъ вполнѣ проблематичный, какъ показываетъ примѣръ хотя бы Пермскаго общества патроната, которое патронатомъ вовсе не занимается, а занимается или, лучше сказать, предполагало заниматься, судя по первому отчету, учрежденіемъ дома трудолюбія.

Въ друтихъ европейскихъ государствъ и въ Америкѣ наоборотъ за послѣднее десятилѣтіе общества патроната стали

---

[1]) Ср. Ernst *Rosenfeld*. Die Geschichte des Berliner Vereins zur Besserung der Strafgefangenen. 1827—1900.

[2]) Тюремный патронатъ. 1906, вып. I.

быстро развиваться. Я не буду здѣсь подробно останавливаться на исторіи организаціи обществъ патроната, такъ какъ съ одной стороны это тема, которой посвящены и въ нашей литературѣ работы Фельдштейна, Гурляндъ, Малинина и др., а съ другой стороны мной лично былъ представленъ въ 1901 г. Русской групѣ Международнаго Союза криминалистовъ пространный докладъ о патронатѣ (Бюллетень группы № 11, Журналъ Министерства Юстиціи 1900 г., Окт.). гдѣ подробно указана и литература вопроса. Поэтому, я здѣсь ограничусь нѣсколькими цифровыми данными и перейду къ тѣмъ сторонамъ дѣятельности патроната, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ настоящей темѣ. Одно число обществъ патроната въ Европѣ указываетъ уже съ несомнѣнностью на громадное развитіе этого дѣла; я буду цитировать только общества, посвящающія свои силы попеченію объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія, не касаясь обществъ, преслѣдующихъ родственныя цѣли борьбы съ бродяжествомъ, съ заброшенностью и преступностью дѣтей.

И такихъ обществъ въ Пруссіи насчитывалось въ 1898 г. по свѣдѣніямъ Фукса [1]), 231, въ Баваріи 144, Баденѣ 60 и т. д. И здѣсь примѣнено начало объединенія въ провинціальные союзы, а затѣмъ и въ народные—государственные. Но особенно это начало объединенія способствовало развитію обществъ патронатства во Франціи, Бельгіи, Даніи и т. д. Въ Бельгіи Federation de societés belges dé patronage возникла въ 1889, во Франціи Union des societés de patronage en France образовалась въ 1893 г. такія же единенія въ Швейцаріи, Голландіи и др. странахъ и всюду результаты оказались блестящіе. Такъ во Франціи ко времени образованія Union въ 1893 было всего 51 общество, черезъ 7 лѣтъ въ 1900 г., уже насчитывалось 101 общество, которыя патронировали болѣе 20 тысячъ лицъ и получили только отъ правительства субсидіи около 140 тысячъ франковъ [2]). Понятна роль такихъ единеній, ихъ ближайшая и главнѣйшая задача—поддерживать ту частичную иниціативу, которая составляетъ главную пружину всего дѣла и которая тѣмъ не менѣе выступаетъ очень нерѣшительно въ началѣ. Не слѣдуетъ забывать, что дѣло очень скромное — непосредственное устройство (пріисканіе мѣстъ, надзоръ и т. д.) бывшихъ преступниковъ, что для успѣшности дѣла къ нему необходимо привлечь самыя разнообразныя силы об-

---

[1]) A. Fuchs. Die Gefangenen Schutzthätigkeit und die Verbrechens Prophylaxe.

[2]) „Revue penit.“. 1900, p. 939.

щества; здѣсь нужны не выдающіеся умы, не люди съ выдающимся общественнымъ положеніемъ, а люди простые, близкіе и той средѣ, изъ которой вышли бывшіе преступники и куда ихъ опять надо водворить. Но, несомнѣнно, дѣло патроната такое же social work какъ и то, о которомъ мы говорили въ отдѣлѣ благотворительности, столь же демократическое, въ такой же степени нуждающееся въ содѣйствіи, массы добровольныхъ дѣятелей.

Въ Бельгіи[1]) образовалась даже особая Commission royale des patronages изъ самыхъ извѣстныхъ юристовъ и тюрьмовѣдовъ, которая какъ бы является академіею патроната по всѣмъ вопросамъ общимъ, законодательнымъ и т. д.

Но и этимъ дѣло не ограничилось и съ 1890 собираются международные конгрессы патроната—первые три собирались въ Антверпенѣ, четвертый въ Льежѣ[2]). Цѣль этихъ конгрессовъ уже очень широкая—подготовлять разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые имѣютъ отношеніе къ борьбѣ съ преступностью (не только взрослыхъ, но и дѣтей) при помощи *различныхъ видовъ* патроната.

Виды эти дѣйствительно весьма разнобразны; прежде чѣмъ перейти къ установленію двухъ главныхъ видовъ, я не могу не упомянуть, хотя бы вкратцѣ, что ближайшая помощь патроната выражается, прежде всего, въ пріисканіи мѣста выпущенному, честнаго и постояннаго занятія у него ли на родинѣ, въ другомъ ли мѣстѣ его отечества или даже на чужбинѣ (этому послѣднему и служатъ всевозможные между кантональные союзы Швейцаріи и другіе международные союзы). Какъ средства для этой ближайшей цѣли: оказаніе временнаго пріюта, выдача пособій платьемъ, обувью, инструментами, денежными пособіями на проѣздъ, на содержаніе семьи и т. д.

Въ какихъ размѣрахъ оказывается эта помощь, лучше всего показываетъ примѣръ англійскихъ патронатовъ, дѣйствующихъ прекрасно. Въ Англіи всего съ 1900 г. было 56 мѣстныхъ тюремъ и 5 каторжныхъ, а обществъ патроната болѣе чѣмъ вдвое, но,[3]) согласно циркуляра главнаго тюремнаго инспектора 12 октября 1897 при каждой тюрьмѣ только одно общество было оффиціально признано, а другіе оказываютъ содѣйствіе признанному. И вотъ въ теченіе 1898 г., какъ свидѣтельствуетъ Report. Commis. Pris. 1899 стр. 43, была

---

[1]) Ср. „Revue penit.". 1896, p. 1386.

[2]) Постановленія, приведены у Малинина, вып. II, стр. 109.

[3]) Ср. ссылки на англійскіе blue-book въ моей работѣ о патронатѣ, стр. 9 и 10.

оказана помощь 32.038 лицамъ: изъ нихъ 1747 возвращены на прежнее мѣсто работы, 2720 опредѣлены на новое мѣсто работы, 2060 переданы друзьямъ и т. д.

Все это въ сущности можетъ быть названо простой благотворительностью, пусть будетъ даже современной филантропіей, по отношенію къ извѣстному роду лицъ. Но какъ я уже сказалъ выше, патронатъ есть одинъ изъ видовъ опеки, а въ опекѣ заключается два элемента: съ одной стороны элементъ благотворительности, о которомъ я только что говорилъ, а съ другой моментъ зависимости опекаемаго отъ опекуна, воздѣйствія послѣдняго на перваго. И этотъ элементъ несомнѣнно широко представленъ въ патронатѣ. Уже въ силу необходимости, патронатъ не можетъ ограничиваться этого матеріальною стороною дѣла—ибо главная его задача—возвращеніе бывшихъ преступниковъ въ ряды честныхъ тружениковъ, требуетъ для своего разрѣшенія возможности побѣдить естественное, существующее въ обществѣ, предубѣжденіе противъ лица во первыхъ совершившаго преступленіе, а во-вторыхъ побывавшаго въ тюрьмѣ. Для того чтобы побѣдить это предубѣжденіе обществу патроната приходится брать на себя ручательство передъ тѣми, которые принимаютъ его кліентовъ на работу, что они будутъ вести себя честно. Но возможно ли такое ручательство прежде всего безъ, подробнаго ознакомленія съ личностью опекаемаго, а потомъ, въ большинствѣ случаевъ, и безъ извѣстнаго воздѣйствія на него, безъ извѣстнаго руководства его и въ стѣнахъ тюрьмы и въ особенности первое время послѣ освобожденія. И ни одно, сколько нибудь правильно и успѣшно дѣйствующее общество патроната не можетъ, разумѣется, отказаться отъ этихъ функцій. Такимъ образомъ на патронатѣ и лежатъ двѣ обязанности, рядомъ съ обязанностью, такъ сказать, матеріальнаго возстановленія совершившаго преступленіе въ рядахъ честныхъ тружениковъ, обязанность нравственнаго, духовнаго, его возстановленія въ число этихъ честныхъ людей. Но теперь мы и понимаемъ, почему патронатъ является не дополненіямъ къ той репрессивной системѣ, которая не облегчаетъ а затрудняетъ его дѣло, а самостоятельною и новою мѣрою борьбы съ преступностью, въ видѣ опеки общества надъ павшимъ нравственно его членомъ.

И если мы вдумаемся внимательно въ эту дѣятельность общества, то найдемъ, что тутъ ея характеръ тотъ же, какой имѣетъ эта дѣятельность въ дѣлѣ удержанія здоровыхъ

членовъ общества отъ преступленія и въ дѣлѣ поддержанія падающихъ матеріально и нравственно членовъ (филантропіи). И здѣсь и тамъ общество стремится поддержать человѣческое достоинство отдѣльной личности, старается возбудить въ личности желаніе собственными усиліями поддержать это достоинство, оказывая ему, при этомъ, помощь и матеріальную, давая ему возможность поддержать свое достоинство. И здѣсь и тамъ у общества главнымъ образомъ то же средство воздѣйствія—психологическое принужденіе, принужденіе угрозой будущаго матеріальнаго и нравственнаго полнаго паденія. Конечно постановка дѣла, когда идетъ вопросъ уже о павшихъ, труднѣе, психологическое принужденіе дѣйствуетъ слабѣе, чѣмъ на лицъ близкихъ къ паденію и еще слабѣе разумѣется чѣмъ на лицъ здоровыхъ экономически и нравственно. Съ одной стороны самое совершеніе преступленія указываетъ, что уже человѣкъ въ большинствѣ случаевъ или совсѣмъ упалъ нравственно или же является жертвою особо несчастнаго стеченія обстоятельствъ. Если онъ дошелъ до полнаго паденія, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ утеряна и честь и чувство чести и собственнаго достоинства. И угроза потерей этихъ благъ уже можетъ дѣйствовать весьма слабо, ему терять нечего и онъ дошелъ до такого состоянія, при которомъ честью не дорожатъ. Слѣдовательно обществу приходится возстановлять не только честь но и самое значеніе этого блага въ глазахъ бывшаго преступника, конечно улучшеніе матеріальнаго благосостоянія, возвращеніе надежды жить по человѣчески, до извѣстной степени, можетъ содѣйствовать тому, что человѣкъ вновь станетъ придавать извѣстную цѣну чести и собственному достоинству, но конечно этого одного вполнѣ недостаточно, несомнѣнно человѣкъ нуждается въ руководительствѣ и совѣтѣ, а слѣдовательно и надзорѣ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ свободной жизни послѣ освобожденія изъ тюрьмы, пока на него не перестанутъ смотрѣть какъ на выпущенника, преступника, пока общество не возстановитъ ему своего довѣрія и его общественной чести. Понятно, поэтому, что обществу приходится дѣятельнѣе чѣмъ въ другихъ родахъ своей дѣятельности проявлять свой надзоръ, свое вмѣшательство и воздѣйствіе, ставить своего кліента временно по крайней мѣрѣ въ положеніе опекаемаго. Отсюда вытекаетъ рядъ положеній, характеризующихъ проявленіе дѣятельности общества и его опеки.

Въ самомъ дѣлѣ, пока не выяснилась вполнѣ роль общества въ борьбѣ съ преступностью, пока ей придавали

исключительно благотворительный характеръ, дѣятельность общества проявлялась въ скромной формѣ патроната надъ освобождаемыми изъ заключенія, т. е въ смягченіи положенія арестантовъ въ тюрьмѣ и въ пріисканіи имъ мѣстъ и заработка по выходѣ, скорѣе, т. с. въ чисто матеріальной помощи. Но когда, если не въ наукѣ, то въ самомъ обществѣ и среди правителей и законодателей всѣхъ культурныхъ странъ, скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, составилось убѣжденіе въ негодности репрессіи въ борьбѣ съ преступностью, то были созданы новыя мѣры въ этой дѣятельности, если говорить откровенно, не подлаживаясь къ современнымъ взглядамъ догматики, идущія совершенно въ разрѣзъ съ существующею системою репрессіи и притомъ всецѣло обоснованныя на основномъ принципѣ дѣятельности общества въ борьбѣ съ преступностью, на поддержаніи, возсозданіи, чести и чувства чести и на психологическомъ принужденіи угрозой потери этой чести. Осуществленіе этихъ мѣръ сразу или постепенно было передано, вполнѣ естественно, въ вѣдѣніе общества и общественныхъ союзовъ. Я говорю объ условномъ досрочномъ освобожденіи и условномъ осужденіи.

Условное досрочное освобожденіе, правда, и по настоящее время выступаетъ въ скромной формѣ дополненія такъ называемой прогрессивной исправительной пенитенціарной системы, это такъ сказать стимулъ для арестантовъ вести себя хорошо; но стоя въ неразрывной связи внѣшней съ мѣрами репрессивными, оно по духу, по своему характеру, является примѣненіемъ совершенно другихъ началъ и мнѣ пріятно отмѣтить, что и проф. А. А. Піонтковскій, талантливый и горячій защитникъ въ нашей литературѣ институтовъ условнаго освобожденія и условнаго осужденія, признавая условное освобожденіе конечной стадіей въ отбытіи наказанія [1]) признаетъ этотъ институтъ *специальной* мѣрой, приближающей его къ системѣ неопредѣленныхъ приговоровъ, при дѣйствіи ея механическій режимъ воздѣйствія, замѣняется психическимъ, самодѣятельности открывается широкое поле. Я позволю себѣ можетъ быть рѣзче высказать мысли проф. Піонтковскаго, можетъ быть въ дѣйствительности пойти дальше, чѣмъ онъ. Я думаю, что условное освобожденіе не имѣетъ ничего общаго съ карательной системой, оно связано съ нею такъ же, какъ и всякое другое обѣщаніе случайнаго будущаго, которымъ бы

---

[1]) Проф. А. А. Піонтковскій. Условное освобожденіе. 1900, стр. 148, 136 и др.

пытались воздѣйствовать на арестанта для того, чтобы добиться его исправленія. Но природа его совершенно иная. Самъ проф. Піонтковскій признаетъ тюремный режимъ областью механическаго воздѣйствія на преступника. Я позволю себѣ прибавить, что, по общему мнѣнію всѣхъ тюрьмовѣдовъ, даже продолжающихъ еще вѣрить въ спасительность этого режима, онъ вполнѣ подавляетъ личность и ея самодѣятельность и чѣмъ болѣе совершененъ тюремный режимъ при одиночномъ заключеніи, тѣмъ полнѣе достигается то, что называется le coup de la cellule. Я думаю поэтому рѣшительно, что при подавляющемъ режимѣ о возрожденіи личности не можетъ быть и рѣчи. А между тѣмъ несомнѣнно, что личность преступника нуждается именно въ возрожденіи матеріальномъ и нравственномъ и институтъ условнаго освобожденія, предоставляя преступнику своимъ поведеніемъ рѣшить свою собственную судьбу, т. е. или совершенно освободиться отъ наказанія или вновь вернуться въ тюрьму, разсчитываетъ именно на такое возрожденіе. Но чудесъ въ природѣ не бываетъ, самъ по себѣ возродиться человѣкъ, который благодаря внѣшнимъ или личнымъ, индивидуальнымъ, условіямъ неблагопріятнымъ, дошелъ до полнаго паденія экономическаго и нравственнаго, до полной утраты и чести и чувства чести, очевидно не можетъ; онъ нуждается въ помощи матеріальной и нравственной скажу болѣе—въ благожелательномъ руководствѣ; только тогда, когда у него возродится чувство чести, только тогда собственно и угроза позоромъ наказанія, или что то же угроза утратой чести, станетъ дѣйствительной, такъ какъ самое совершеніе преступленія доказало уже, что эта угроза никакого впечатлѣнія на него не производила. Поэтому, если внѣшне, позволю себѣ сдѣлать весьма дерзкую оговорку, «*пока*» условное освобожденіе есть послѣдняя стадія извѣстнаго карательнаго строя, то внутренне самое введеніе этого института указываетъ на несостоятельность и безрезультатность тюремнаго режима въ смыслѣ исправленія и возрожденія; если бы онъ дѣйствительно сколько нибудь возрождалъ, то отчего бы его не продолжать до конца, или, если бы быть логичнымъ, неопредѣленно, пока не исправится. Я думаю, что можно было бы сомнѣваться, дѣйствительно ли введеніе условнаго освобожденія указываетъ, хотя бы въ самой прикрытой формѣ, на признаніе, хотя бы и не откровенное, можетъ быть даже и не вполнѣ сознаваемое, несостоятельности тюремнаго режима, если бы институтъ условнаго осво-

божденія стоялъ особнякомъ, но вѣдь вслѣдъ за нимъ сталъ распространяться другой институтъ—условнаго осужденія, уже совершенно открыто признающій несостоятельность этого режима, не только для возрожденія личности преступника, но даже и для поддержанія временно, случайно, утратившаго честь. При такихъ условіяхъ полная, естественная, natura rerum, разнородность условнаго освобожденія и карательной системы, вполнѣ несомнѣнны. Условное освобожденіе требуетъ возрожденія личности и чести преступника и способствовать этому и даже до извѣстной, возможной, степени обезпечить можетъ очевидно только то общество, которое такъ многообразно, такъ успѣшно работаетъ, въ дѣлѣ поддержанія чести здоровыхъ и близкихъ къ паденію членовъ общества. И это такъ и происходитъ. Если мы обратимся къ указанному сочиненію проф. Піонтковскаго, то оказывается [1]), что въ Англіи, Швейцарскихъ кантонахъ Ааргау, Люцернъ, Цугѣ, во Франціи, Мексикѣ, надзоръ и попеченіе за условно освобожденными ввѣряется не органамъ полиціи, а обществамъ патроната. Кромѣ того, изъ сопоставленія ст. 38, 45 и 46 уголовнаго кодекса кантона Невшатель (12 февр. 1891 г.) явствуетъ, мнѣ кажется, съ несомнѣнностью, что и здѣсь надзоръ и попеченіе за условно освобожденными ввѣряется обществамъ патроната.

Далѣе фактически во Фрейбургѣ (въ Баденѣ) [2]) общества патроната замѣнили собою надзоръ полиціи надъ условно освобожденными и поставленными подъ надзоръ полиціи съ прекраснымъ успѣхомъ. Я не сомнѣваюсь, что фактически этотъ надзоръ въ большинствѣ государствъ, которыя ввели условное освобожденіе, и нынѣ осуществляется обществами патроната, а не полиціей. За это высказываются и научные авторитеты и законодательные проекты. Научные авторитеты видятъ вполнѣ основательно въ полицейскомъ надзорѣ, по крайней мѣрѣ въ той грубой формѣ, въ которой онъ проявляется во всѣхъ, даже самыхъ культурныхъ, государствахъ не помощь, а препятствіе къ возрожденію и реклассированію бывшаго преступника. Эту точку зрѣнія защищаетъ напримѣръ Герзе въ своемъ основательномъ трудѣ, посвященномъ патронату [3]). Правда, имѣется ученіе Карла Фура, создавшаго

---

[1]) Наз. соч., стр. 7, 22, 28, 32, 38, 59, 107.

[2]) „Revue penit.“. 1891, p. 987.

[3]) Schriften des deutschen Vereins f. Armenpflege und Wohlthätigkeit. 1892, 17 Heft. Herse. Die Fürsorge für entlassene Sträflinge.

цѣлую теорію опеки надъ преступниками при помощи полицейскаго надзора [1]), но не слѣдуетъ забывать, что всѣ соображенія Фура основаны на англійскихъ порядкахъ, между тѣмъ въ Англіи надзоръ полиціи осуществляется по свидѣтельству самаго же Фура (надъ отбывшими наказаніе) въ такихъ формахъ, что этотъ надзоръ совершенно теряетъ характеръ свой и всѣ неблагопріятныя особенности, столь сильно присущія ему въ другихъ странахъ. Въ Англіи, помимо особенно удачно подобраннаго состава чиновъ, полиція старается всѣми силами избѣжать всякаго оглашенія судимости находящихся подъ ея надзоромъ лицъ. Фактически она является не болѣе какъ хорошо дисциплированнымъ *агентомъ обществъ патроната* и даже тѣ члены полиціи, на которыхъ возложено осуществленіе функцій надзора, не носятъ форменной одежды.

Въ пользу замѣны полицейскаго надзора надъ условно освобожденными высказалось единогласно и такое авторитетное собраніе какъ первый международный конгрессъ патроната въ Антверпенѣ, состоявшійся въ 1890 г. (ср. II секція 30 вопросъ).

Въ пользу такой же замѣны говоритъ и проектъ швейцарскаго уголовнаго уложенія, столь чутко относящійся ко всѣмъ современнымъ жизненнымъ теченіямъ.

Общества патроната, широко понимая свои истинныя задачи, дѣйствительно стремятся къ возрожденію ввѣренныхъ ихъ опекѣ, устраняя всѣ препятствія на этомъ пути. Нѣкоторыя изъ нихъ напримѣръ берутъ на себя обязанности и расходы, сопряженные съ ходатайствомъ о реабилитированіи (то, что, по русски, называется возстановленіемъ утраченныхъ правъ) своихъ кліентовъ [2]).

Понимая, въ какое положеніе попадаетъ человѣкъ со времени привлеченія его къ суду, хотя бы потомъ онъ и былъ оправданъ, общества патроната распространяютъ свое покровительство и попеченіе и на оправданныхъ судебными приговорами [3]). Это мысль несомнѣнно глубокая; привлеченіе къ суду, за исключеніемъ сравнительно рѣдкихъ случаевъ дѣйствительной судебной ошибки, указываетъ большею частью на то, что человѣкъ находился въ положеніи, внушающемъ

---

[1]) Dr. Karl Fuhr. Strafrechtspflege und Socialpolitik. 1892, стр. 110.

[2]) Ср. „Revue penit.“. 1881, p. 455.

[3]) Ср. напр. L'oeuvre du patronage des prevenus acquittes de la Seine. „Revue penit.“. 1890, p. 16.

подозрѣніе, что положеніе его шаткое и онъ на границѣ преступленія.

Патронатъ, хотя и не вездѣ, но простираетъ свое покровительство и попеченіе и надъ условно осужденными; какъ и положеніе привлеченныхъ и оправданныхъ, ихъ положеніе должно быть признано шаткимъ, непрочнымъ, они сами находятся очевидно въ крайней опасности. Законъ и судъ, осуждая ихъ, условно выражаютъ надежду, что они еще не окончательно пали, что если они и деклассировались экономически и нравственно, то эта деклассація не пустила еще глубокихъ корней; если потеряна честь, то не утрачено окончательно чувство чести, сознанія цѣнности этого блага, и институтъ условнаго осужденія взываетъ къ этому чувству, надѣясь, что это чувство и психологическое принужденіе путемъ угрозы потерять эту честь, окончательно заставитъ и поможетъ имъ возродиться. Конечно это уже заблудившіеся путники и конечно они въ большинствѣ случаевъ нуждаются въ помощи, но такъ какъ они не подверглись позорящему наказанію, то ихъ реклассація легче, отъ нихъ не отказываются часто и бывшіе хозяева и бывшіе друзья. Но разумѣется, что помощь, а часто и руководство, опека патронатовъ, весьма умѣстны На родинѣ условнаго осужденія Сѣв. Америкѣ они прямо ставятся подъ надзоръ probation officers— учрежденія, о которомъ я буду говорить ниже, какъ имѣющемъ особое громадное значеніе. Но и въ Англіи, по свидѣтельству Ашротта [1]) самое ходатайство объ отсрочкѣ наказанія — условнаго осужденія—возбуждается филантропическими обществами, принимающими однако при этомъ на себя передъ судомъ обязательство надзора за условно осужденнымъ.

Согласно ст. 400 и 401, Невшательскаго угол. улож. условно осужденные подчиняются тому же надзору и попеченію обществъ патроната, какъ и условно освобожденые. На 4 конгрессѣ германскихъ обществъ патроната, происходившемъ въ 1898 г. подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго тюрьмовѣда Фукса, было высказано пожеланіе о введеніи въ Германіи условнаго осужденія въ качествѣ судебнаго института (нынѣ онъ существуетъ въ видѣ условнаго помилованія), но съ тѣмъ, чтобы условно осужденные ввѣрялись опекѣ обществъ патроната [2]).

---

[1]) Dr. P. *Aschrott*. Strafen und Gefängnisswesen in England. Eine Ergänzung. 1896, ст. 31.

[2]) „Revue penit.“. 1899, p. 615.

Я думаю, что уже и изъ того, что приведено до сихъ поръ, можно придти къ несомнѣнному заключенію, что патронатъ, выступивъ въ скромной роли необходимаго *дополненія* къ карательной системѣ, постепенно расширялъ область своего вліянія и дѣятельности и въ случаяхъ попеченія надъ условно освобожденными, условно осужденными, оправданными, проявилъ дѣйствительную свою природу, какъ органа опеки общества надъ членами деклассированными, дошедшими до полнаго, если не окончательнаго паденія, до состоянія заброшенности. о которомъ пока говорятъ только въ отношеніи дѣтей. И вотъ здѣсь наступило время указать на основное раздѣленіе патроната на отдѣльные виды: начавъ съ опеки надъ наказанными, патронатъ, какъ я только что говорилъ, развился въ самостоятельный органъ опеки общества надъ преступными и заброшенными элементами; по силѣ неизбѣжнаго, послѣдовательнаго, развитія онъ долженъ былъ окончательно освободиться отъ характера дополнительной мѣры, исправляющей грѣхи карательной системы, и явился мѣрой, замѣняющей кару; однимъ словомъ появился новый видъ патроната, который французы называютъ le patronage preventif.

Этотъ превентивный патронатъ—я имѣю пока въ виду все *только* взрослыхъ—въ сущности сводится не къ превенціи, а къ замѣнѣ репрессивныхъ мѣръ опекою патроната, которая прямо и непосредственно слѣдуетъ вслѣдъ за рѣшеніемъ суда и въ силу таковаго. Пока законодатели прибѣгаютъ къ этой мѣрѣ относительно одной категоріи преступниковъ: бродягъ и нищихъ.

Въ силу закона 27 ноября 1891 г. въ Бельгіи за бродяжество и профессіональное нищенство можетъ быть назначено заключеніе до 7 л. Но тотъ мировой судья, къ которому приводятъ задержанныхъ бродягъ и нищихъ, убѣдившись, что проступокъ совершенъ впервые, что вообще совершившій подаетъ надежду, при обезпеченіи благопріятныхъ условіяхъ, на исправленіе, можетъ передать задержаннаго безъ всякаго наказанія на попеченіе обществъ патроната [1]).

Приблизительно такой же порядокъ мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи. Такъ Бертелеми, давая отчетъ о патронатѣ въ Ліонѣ отмѣчаетъ, что вслѣдствіе осо-

---

[1]) Ср. подробнѣе. L. Rivière. Bull. de la Commiss. penitent. internat. 3 livr Avri 1895, p. 178.

баго соглашенія общества патроната съ прокуратурою бродяги и нищіе въ Ліонѣ вмѣсто суда передаются полиціи непосредственно обществамъ патроната [1]).

Къ такому же приблизительно пріему, какъ удостовѣряетъ Гендерсонъ [2]), прибѣгаютъ и въ Массачузетѣ, гдѣ бродягъ и нищихъ приводятъ въ судъ и здѣсь отпускаютъ на испытаніе подъ надзоръ и руководство probation officers.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Батарди, что предупредительный патронатъ представляется лучшимъ и наиболѣе обезпечивающимъ успѣхъ, ибо онъ устраняетъ то клеймо, которое накладывается на преступника при прохожденіи черезъ какой-либо видъ репрессивнаго учрежденія.

Я сказалъ уже выше, что въ отношеніи взрослыхъ превентивный патронатъ примѣняется только къ только что указанной категоріи преступниковъ. Но я оговариваюсь, насколько мнѣ извѣстно. А жизнь идетъ столь быстрыми шагами впередъ, что поручиться за то, что не только въ близкомъ будущемъ, но уже и въ настоящемъ, не прибѣгаютъ въ какомъ-либо изъ передовыхъ государствъ къ тому же порядку и по другимъ преступленіямъ, совершенно невозможно. Но важно, что сдѣланъ первый шагъ, который въ связи съ другими, прежде указанными, выясняетъ громадное значеніе патроната, какъ опеки, въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ.

Какъ справедливо указалъ знаменитый бельгійскій юристъ Леженъ, открывая третій международный конгрессъ патроната въ Антверпенѣ (1898 г.), идея патроната 40 лѣтъ тому назадъ была совсѣмъ неизвѣстна, а теперь она занимаетъ умы всѣхъ, которые интересуются вопросомъ объ улучшеніи положенія человѣчества. Въ вѣкъ замѣчательныхъ открытій это несомнѣнно, по словамъ Лежена, замѣчательное, нравственное открытіе.

Такое громадное значеніе пріобрѣлъ патронатъ конечно не какъ *дополненіе* къ вымирающей репрессивной системѣ, а какъ новая мѣра, построенная на новыхъ, болѣе правильныхъ, началахъ. Эта мѣра, какъ говоритъ г. Миролюбовъ, потому и имѣетъ значеніе, что она отвѣчаетъ болѣе вѣрному современному взгляду на преступленіе и борется не съ преступ-

---

[1]) „Revue penit.“. 1891, p. 322.

[2]) Наз. соч., стр. 453

леніями какъ явленіями, а непосредственно съ факторами этихъ явленій [1]).

Способомъ осуществленія задачъ патроната является *опека* надъ натурами неприспособившимися или недостаточно приспособившимися союза общественныхъ силъ, организованныхъ и приспособленныхъ. И эта опека кромѣ всѣхъ тѣхъ проявленій попеченія и заботъ, о которыхъ я говорилъ выше, выражается, какъ и слѣдовало ожидать отъ опеки, въ воздѣйствіи непосредственномъ болѣе уравновѣшенныхъ, нравственныхъ, личностей на пошатнувшіяся или расшатанныя натуры. Это личное воздѣйствіе, съ которымъ мы все время встрѣчались въ отдѣлѣ филантропіи еще болѣе нужно здѣсь, но для этого у обществъ патроната должны быть органы. Такими органами являются наиболѣе дѣятельные члены обществъ патроната; при весьма малыхъ, нерѣдко, денежныхъ средствахъ, эти общества умѣютъ объединять большое число добровольныхъ дѣятелей, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ классамъ общества. Эти члены посѣщаютъ въ тюрьмѣ заключенныхъ и знакомятся съ ними до освобожденія, знакомятся съ семьями заключенныхъ, посѣщаютъ освобожденныхъ и руководятъ ими. Но руководство въ жизни гораздо сложнѣе, чѣмъ въ тюремной клѣткѣ, требуетъ много времени, а съ другой стороны и извѣстныхъ правъ на сторонѣ руководящаго, поэтому понятно указаніе проф. Бертелеми, что какъ слабому растенію нужна подпорка, такъ ослабѣвшему экономически и нравственно человѣку руководитель-опекунъ [2]). Въ томъ же смыслѣ высказываются и нѣмецкіе юристы: Миттермайеръ, Герзе и др. требуя для выходящихъ изъ тюрьмы не только малолѣтнихъ, но и взрослыхъ, назначеніе опекуна. Такой порядокъ, по свидѣтельству Герзе [3]), существуетъ уже въ Невшателѣ, Баденѣ, Гессенъ-Дармштадтѣ, Вюртембергѣ. Въ обязанности такого опекуна входятъ и совѣтъ и надзоръ и своевременное принятіе мѣръ; это конечно особенно важно по отношенію къ тѣмъ, которымъ недостаетъ твердости характера, энергіи, самостоятельности. Разумѣется, подобные опекуны сами стоятъ подъ надзоромъ и руководствомъ обществъ патроната—это есть осуществленіе опеки общества надъ своими ослабѣвшими экономически и нравственно, и дошедшими до паденія членами. Эта опека конечно совершенно

---

1) Журн. Мин. Юст. 1905, № 2. Тюремный патронатъ.

2) „Revue penit.“. 1893, p. 344.

3) Наз. соч., стр. 126.

новый институтъ, она возвѣщаетъ и указываетъ даже уже на совершающійся переломъ, переворотъ въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, выражающійся въ переходѣ отъ репрессіи и возмездія, осуществляемыхъ органами правительства, къ превенціи и опекѣ, выполняемыхъ обществомъ, общественными союзами и ихъ органами.

Но если въ отношеніи взрослыхъ мы можемъ лишь говорить о переломѣ, о переходѣ, отъ одной системы къ другой, еще далеко не закончившемся, то въ отношеніи малолѣтнихъ, этотъ переворотъ совершился почти во всѣхъ культурныхъ странахъ и можно говорить только объ обломкахъ прежней системы. Дѣло борьбы съ преступностью малолѣтнихъ слишкомъ, такъ сказать, жгучее дѣло, не терпящее отлагательствъ. Преступность малолѣтнихъ конечно въ еще большей степени чѣмъ преступность взрослыхъ, явленіе патологическое, болѣзненное, недопустимое. Вѣдь еще Христосъ запретилъ ученикамъ не допускать къ нему дѣтей, ибо имъ, дѣтямъ, принадлежитъ Царствіе Божіе. И вотъ этотъ возрастъ, которому такъ сказать по природѣ вещей присуща невинность, не избавленъ отъ преступленій. Мало того преступность дѣтская за послѣднія 50 лѣтъ увеличивается въ ужасающихъ размѣрахъ, это увеличеніе идетъ быстрѣе не только прироста дѣтскаго населенія и всего вообще населенія, но даже неизмѣримо скорѣе одновременно происходящаго увеличенія преступности взрослыхъ. Такое явленіе явилось тѣмъ оселкомъ, на которомъ ярче всего проявлялась полная негодность современной репрессивной системы борьбы съ преступностью. Здѣсь произошелъ пожаръ, который надо было немедленно тушить и пришлось забыть о традиціяхъ, стать на новыя начала, и эти новыя начала все та же превенція и опека, осуществляемыя обществомъ. Здѣсь на этомъ передовомъ дѣтскомъ дѣлѣ мы можемъ съ увѣренностью констатировать то направленіе, въ которомъ происходитъ переворотъ въ борьбѣ съ преступностью. И первое рѣшительное и многознаменательное измѣненіе, которое произведено въ этомъ дѣлѣ, что признали необходимымъ отнестись къ преступности дѣтей не формально и, выяснивъ факторы этой преступности, вести борьбу прямо и непосредственно съ факторами и соотвѣтственными средствами.

Конечно это громадный шагъ. Но самые размѣры увеличенія дѣтской преступности и при томъ именно въ послѣднія 75 лѣтъ истекшаго 19 столѣтія, время пышнаго развитія

индустріализма съ его фабричной организаціей, натолкнули всѣхъ людей жизни, которымъ приходилось имѣть дѣло съ юными преступниками, на выясненіе и установленіе причины, фактора. Я много цифровыхъ данныхъ о дѣтской преступности приводилъ уже въ первой главѣ, но я не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь цифръ, приводимыхъ Joly въ одномъ изъ новѣйшихъ его сочиненій L'enfance coupable, вышедшемъ въ 1904 г. (стр. 5). Сравнивая увеличеніе преступности дѣтской съ такимъ же увеличеніемъ преступности взрослыхъ за время съ 1826 по 1889 г. во Франціи, онъ говоритъ: тогда какъ вообще вся преступность увеличилась на 133%, преступность дѣтей въ возрастѣ до 16 л. увеличилась на 140% и въ возрастѣ отъ 16 до 21 на 247%. Цифры ужасающія, невольно пришлось ихъ привести въ связь съ переворотомъ, происшедшимъ въ экономическомъ строѣ; ближайшее наблюденіе привело изслѣдователей во всѣхъ культурныхъ странахъ къ убѣжденію, что строй фабрично-капиталистическаго производства вырывая семьи изъ деревень, лишая ихъ постояннаго мѣста жительства, благодаря переходу съ фабрики на фабрику, лишая ихъ возможности имѣть сколько-нибудь человѣческое жилье благодаря дороговизнѣ помѣщеній вблизи фабрикъ, отрывая отъ семьи на работу и отца и мать одновременно—привелъ къ разрушенію семьи, къ заброшенности дѣтей. На этомъ результатѣ сходятся всѣ.

Такъ американецъ Hall въ статьѣ, посвященной положенію юношества среди бѣднаго современнаго населенія [1]), опредѣляетъ это положеніе какъ окруженное полнымъ небреженіемъ. Входя въ объясненіе этого положенія заброшенности, извѣстный проф. Гендерсонъ [2]) отмѣчаетъ, что въ настоящее время выяснено съ полною очевидностью, что семья болѣе не связана съ однимъ опредѣленнымъ мѣстомъ жительства, какъ прежде, и что многообразныя причины, вынуждающія и оправдывающія передвиженіе, привели людей, къ тому, что они уклоняются отъ отвѣтственности за положеніе семьи. Въ томъ же сборникѣ Амосъ Бутлеръ [3]) сообщаетъ, что при разслѣдованіи семейнаго положенія дѣтей, помѣщенныхъ въ реформаторіи, обнаружилось, что въ 45% общаго числа первопричиною заброшеннаго положенія дѣтей является пьянство родителей.

---

[1]) Proceedings of the National conference of Charities and Correction. 1904 стр. 360.

[2]) Тамъ же, стр. 361.

[3]) 249.

Во Франціи впервые былъ внесенъ законопроектъ о покровительствѣ дѣтямъ Русселемъ, Беранже и Симономъ именно потому, что выяснилось, что дѣтей, заброшенныхъ во Франціи, насчитывается не менѣе 100.000 и изъ нихъ около 20.000 пополняетъ постоянно составъ преступной арміи [1]). По произведенному Savouré Bonville разслѣдованію въ одномъ департаментѣ Eure установлена наличность не менѣе 800 заброшенныхъ дѣтей, при чемъ обнаружились самыя безобразныя дѣянія родителей. Французская Assistance publique, которая главнымъ образомъ печется о заброшенныхъ дѣтяхъ, отмѣчаетъ въ ихъ составѣ больше всего незаконныхъ дѣтей, сиротъ, подкидышей, дѣтей, которыхъ родителей бросили совсѣмъ, или о которыхъ они совсѣмъ не заботятся. Французы опредѣляютъ понятіе заброшенности, какъ положеніе такихъ дѣтей, родители которыхъ по причинамъ, зависящимъ отъ ихъ воли или независящимъ, оставляютъ своихъ дѣтей въ состояніи привычнаго нищенства, бродяжества, или проституціи.

Но именно важно установить тѣсную неразрывную связь этой заброшенности съ дѣтской преступностью. На этой связи особенно настаиваетъ тотъ же проф. Гендерсонъ [2]), утверждающій, что классификація на заброшенныхъ и преступныхъ не болѣе какъ категоріи нашего мышленія «secondary formations», такія категоріи можно устанавливать въ цѣляхъ практическаго разслѣдованія. Въ дѣйствительности все та же группа поставляетъ и заброшенныхъ и преступныхъ. Помимо общихъ тяжелыхъ условій борьбы за существованіе, неблагопріятныхъ условій вообще экономическихъ и спеціально-жилищныхъ, присоединяется еще «spiritual environment», та нравственная обстановка, среди которой дѣтямъ приходится жить и расти. Часто, говоритъ Гендерсонъ, одна семья причиняетъ вредъ всему обществу своими физически истощенными и плохо воспитанными дѣтьми, которыя пополняютъ ряды заброшенныхъ и преступныхъ.

Слѣдуетъ остановиться ближе на понятіи заброшенности и связи этого явленія съ преступностью. Установленіе этого явленія нынѣ общепризнаннаго во всѣхъ странахъ есть несомнѣнно громадный шагъ. Въ самомъ дѣлѣ, это не что иное, какъ признаніе, что преступность есть соціальное явленіе и главнымъ образомъ почти исключительно вызывается соціаль-

---

[1]) „Revue penit.“. 1881, p. 311.

[2]) Ch. Rich. *Henderson*. Introduction to the study of the dependent defective and delinquent classes and of their social treatment. 1904. Segond edition Boston стр. 8.

ными факторами. Здѣсь наиболѣе ясно проявляется причинная и неразрывная связь между современнымъ соціальнымъ и индустріальнымъ строемъ и преступностью. Этотъ строй неумолимо ведетъ къ разрушенію семьи, какъ здоровой экономической, соціальной и нравственной клѣточки, разрушеніе же этой клѣточки ведетъ столь же неминуемо къ тому, что она не исполняетъ своихъ функцій въ отношеніи подрастающаго поколѣнія, дѣти остаются безъ помощи и надзора и впадаютъ въ состояніе заброшенности, при которомъ совершеніе преступленія не болѣе какъ эпизодъ, отдѣльное явленіе, не выходящее изъ общаго строя жизни. Но это понятіе заброшенности не то же ли это самое, что мы выше выставили въ видѣ понятія деклассаціи, утери человѣческихъ, достойныхъ человѣка, условій существованія, сопровождающихся потерею чести общественной и чувства собственнаго достоинства, причемъ и вызывается это явленіе, главнымъ образомъ, отсутствіемъ своевременной поддержки и надзора. Такимъ образомъ, здѣсь, на дѣтской преступности, ярко и, несомнѣнно, выяснилась самая природа преступленія, какъ соціальнаго явленія, и пришлось конечно признать, что въ виду тѣсной, неразрывной, связи преступности съ заброшенностью, надо, не раздѣляя этихъ явленій, бороться съ этими обоими являніями и бороться одними и тѣми же средствами. Пришлось совсѣмъ забыть о теоретическомъ понятіи преступленія, какъ продуктѣ злой воли, пришлось признать его за жизненное патологическое явленіе и бороться съ этимъ ненормальнымъ, или во всякомъ случаѣ болѣзненнымъ, нежелательнымъ, явленіемъ, какъ борются съ другими такими же ненормальными соціальными явленіями, т. е. стараться по возможности устранять тѣ причины, которыя вызываютъ эти нежелательныя явленія, т. е. бороться прямо и непосредственно съ факторами этихъ явленій и бороться соотвѣтственными цѣлесообразными средствами. А какое же начало можетъ быть положено въ основу такой системы средствъ; конечно не что иное, какъ выполненіе того, что природа, въ данномъ случаѣ, соціальная природа, сама по себѣ не даетъ, т. е. своевременной поддержки и надзора. Восполнять надо было недостатокъ опеки семейной, кому же выпала эта обязанность, какъ не обществу и общественнымъ союзамъ, какъ представляющимъ изъ себя расширенную, на общественныхъ началахъ, семью. Такимъ образомъ, былъ сдѣланъ и еще одинъ шагъ, не только установлено новое пониманіе преступленія, но совершенъ былъ полный отказъ отъ репрессіи и если относительно взрослыхъ

съ заброшенностью борется общество и даже лишь общефилантропическія учрежденія, то здѣсь, въ передовомъ «дѣтскомъ дѣлѣ», уже само государство признало необходимымъ вступить въ борьбу съ заброшенностью.

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ переворотъ, происшедшій уже въ дѣлѣ борьбы съ дѣтскою преступностью. Прежде чѣмъ остановиться подробно на вопросѣ, въ чемъ же именно и какъ проявляется дѣятельность общества въ этой борьбѣ, мнѣ необходимо остановиться на условіяхъ, въ какія поставлена эта борьба дѣйствующимъ законодательствомъ. Я впрочемъ оговариваюсь, вопросъ «дѣтскій» настолько вопросъ популярный, привлекающій къ себѣ вниманіе людей мысли и практики самыхъ разнообразныхъ профессій; важность этого вопроса для всей современной жизни человѣчества такъ велика, что даже спеціально, чисто юридическая, легальная сторона дѣла борьбы съ дѣтскою преступностью вызвала чрезвычайно обширную литературу. Сколько нибудь исчерпывающее изложеніе этой юридической стороны можетъ быть значительно бы увеличило размѣры моего изслѣдованія, но отвлекло бы меня значительно отъ ближайшей и основной темы. Тѣмъ не менѣе для уясненія роли общества въ дѣлѣ борьбы съ дѣтскою преступностью, мнѣ необходимо, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, указать послѣдовательный рядъ измѣненій, происшедшихъ въ законодательствѣ культурныхъ странъ.

Тѣ легальныя условія, въ которыхъ нынѣ происходитъ борьба на этомъ полѣ весьма недавняго происхожденія. Конечно, первая мысль о томъ, что къ дѣтямъ нельзя же въ полной мѣрѣ примѣнять всѣхъ тѣхъ репрессивныхъ мѣръ, которыя примѣняются къ взрослымъ, зародилась давно, уже въ началѣ XVIII в. мы встрѣчаемся съ «дѣтскою» тюрьмою св. Михаила въ Римѣ. Конечно, если уже въ XVI столѣтіи съ одной стороны экономическія соображенія, а съ другой стороны смягченіе нравовъ, вызвали среди культурныхъ народовъ желаніе образовывать всевозможные Spinnhäuser, Zuchthaüse и т. п., то конечно и въ отношеніи дѣтей эта «жалость» проявлялась сильнѣе. Наконецъ, когда подъ вліяніемъ гуманистовъ и вообще большаго просвѣтленія умовъ, стали различать здравыхъ умомъ отъ психически нездоровыхъ и признали наконецъ, что карать сумашедшихъ такъ же безсмысленно, какъ карать пѣтуховъ и другихъ животныхъ, которыхъ «карали» въ средніе вѣка, когда однимъ словомъ возникло и зародилось понятіе вмѣняемости и невмѣняемости, тогда конечно естественно логически пришлось остановиться

на вопросѣ о вмѣняемости дѣтей за совершенныя ими дѣянія и признать, что конечно одинаковое вмѣненіе невозможно. По инициативѣ Assemblée constituante въ 1791 г. а за тѣмъ французскаго Code penal было создано понятіе о discernement разумѣніи и были введены соотвѣтственныя различія въ систему мѣръ репрессивныхъ.

Это новое понятіе, конечно болѣе чѣмъ неудачное, успѣло просуществовать и до нашихъ дней въ нѣкоторыхъ кодексахъ, послѣдовавшихъ примѣру французскаго законодательства, оставшагося неизмѣннымъ съ 1810 г. Такъ въ Германскомъ уголовномъ кодексѣ 1870 г. и послѣ измѣненій, произведенныхъ въ 1876 г. и 1900 г., осталась ст. 56, въ которой говорится, что если малолѣтній въ возрастѣ 12—18 л., совершившій преступное дѣяніе, будетъ признанъ судомъ дѣйствовавшимъ безъ той вдумчивости, зрѣлости мышленія, которая необходима для признанія совершившаго преступное дѣяніе вмѣняемымъ, то онъ подлежитъ оправданію, при чемъ въ приговорѣ судъ долженъ указать, какъ въ дальнѣйшемъ поступить съ такимъ оправданнымъ: помѣстить ли его въ семью или въ исправительно-воспитательное заведеніе. Трудно сказать, которое изъ требованій закона болѣе неудовлетворительно: французскаго или германскаго, принципіально пожалуй германскій законъ болѣе правъ, находя, что для вмѣненія вообще необходима зрѣлость мышленія т. е. въ сущности и зрѣлость воли; конечно недостаточно требованіе французскаго закона о возможности различенія преступнаго отъ непреступнаго. Но германское опредѣленіе дѣтской вмѣняемости еще ярче, такъ сказать, выясняетъ всю несостоятельность предъявленія подобныхъ требованій къ дѣтямъ. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли довольствоваться тѣмъ, что ребенокъ дошелъ до той степени развитія, когда уже начинаютъ различать добро отъ зла, преступное отъ непреступнаго, можно ли не считаться съ тѣмъ, что характеръ у человѣка еще не сложился, что онъ проходитъ еще черезъ влеченія естественныя, сильныя, чисто физическія, къ передвиженіямъ и даже бродяжеству въ раннемъ дѣтствѣ, проходитъ далѣе, позднѣе, черезъ періодъ полового созрѣванія, вызывающій часто и даже большею частью рядъ отклоненій отъ нормальнаго поведенія, наталкивающій нѣкоторыхъ даже на зажигательство. Но уже эта постановка о дѣтской преступности указываетъ ясно на основаніе, въ силу котораго преступныхъ дѣтей помѣщали въ воспитательныя заведенія. Ихъ признавали прежде всего невмѣняемыми, въ той же мѣрѣ, какъ и сумашедшихъ, но

такъ какъ здѣсь у дѣтей этотъ видъ ненормальности обусловливавшейся *исключительно*, по мнѣнію законодателя, *возрастомъ*, представлялся проходящимъ, то этихъ дѣтей подвергали тѣмъ мѣрамъ воздѣйствія, которымъ вообще слѣдуетъ подвергать дѣтей, т. е. образованію и воспитанію. Я повторяю: основаніе для всѣхъ этихъ мѣръ было чисто теоретическое понятіе о *человѣкѣ* вообще, внѣ вліянія условій соціальныхъ, среды и т. д., здѣсь принималось во вниманіе только вліяніе возраста, какъ принималось во вниманіе вліяніе старческой дряхлости.

И здѣсь мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ же, съ чѣмъ встрѣтились уже выше въ отдѣлѣ о патронатѣ. Помѣщеніе преступныхъ дѣтей въ случаѣ признанія ихъ невмѣняемыми въ воспитательно-исправительныя колоніи признано было необходимымъ *дополненіемъ* новой пенитенціарной системы, это было удовлетвореніе просвѣщенныхъ гуманныхъ взглядовъ. Въ качествѣ такого «дополненія» вопросъ не сходилъ съ очереди на всѣхъ международныхъ тюремныхъ конгрессахъ, начиная даже съ перваго франкфуртскаго, какъ я уже упоминалъ выше, который коснулся вопроса объ особыхъ учрежденіяхъ для дѣтей, какъ дополненія новой пенитенціарной системы, необходимаго въ такой же мѣрѣ, какъ и патронатъ для освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія. Уже на Стокгольмскомъ конгрессѣ 1878 г. проявилось сознаніе, хотя и не вполнѣ ясное, о томъ, въ чемъ именно причина дѣтской преступности, гдѣ факторъ этой преступности.

Такъ уже здѣсь было высказано убѣжденіе, что дѣленіе дѣтей до 16 л. на дѣйствовавшихъ съ разумѣніемъ и на дѣйствовавшихъ безъ разумѣнія, не покоится на сколько нибудь серьезномъ основаніи и вопросъ о разумѣніи разрѣшается судьями совершенно произвольно [1]). Такъ уже здѣсь было замѣчено, что ребенокъ, задержанный за нищенство, бродяжество, часто гораздо болѣе развращенъ, чѣмъ совершившій преступленіе. Правда, такой выдающійся въ области пенологіи дѣятель, какъ Шарль Люка, вовсе не могъ усвоить этихъ новыхъ идей и горячо доказывалъ, что дѣти, которыя совершили преступленіе безразлично съ разумѣніемъ, или безъ, подлежатъ репрессіи и должны быть строго отдѣлены отъ просто порочныхъ дѣтей [2]).

Но авторы труда о Стокгольмскомъ конгрессѣ отмѣ-

---

[1]) La science penitentiaire au Congrés de Stockholm par Desportes et Lefebure. Paris. 1880, стр. 273.

[2]) Тамъ же, стр. 271.

чаютъ, что одна мысль занимала всѣхъ участниковъ конгресса [1]); а именно, что для того, чтобы сдѣлать превентивное воспитаніе (l'education préventive) достигающимъ цѣли, надо прежде всего возвратить, возстановить, хотя бы искусственно, такимъ воспитанникамъ то, чего именно большинству изъ нихъ не доставало и отсутствіе чего именно и повело ихъ на путь преступленія—семью, семейный кровъ.

Уже самое упоминаніе въ вопросѣ, подлежавшемъ разрѣшенію конгресса, рядомъ съ дѣтьми преступными, дѣтей нищенствующихъ, бродяжничающихъ и просто порочныхъ, указывало на то, что дѣйствительный предметъ борьбы представляется въ надлежащемъ, не съуженномъ, благодаря теоретическимъ соображеніемъ, объемѣ. Резолюція конгресса[2]) имѣетъ въ виду дѣтей, дѣйствовавшихъ безъ разумѣнія, бродяжничающихъ, нищенствующихъ и порочныхъ и объединяя ихъ въ общемъ отвѣтѣ, предлагаетъ для всей этой категоріи лицъ воодушевляться не столько идеями наказанія, сколько воспитанія.

Конгрессъ Римскій 1885 г. находилъ уже, что судьѣ долженъ быть предоставленъ просторъ въ выборѣ мѣръ въ отношеніи дѣтей, хотя бы и признанныхъ виновными и дѣйствовавшими съ разумѣніемъ. Слѣдующій Петербургскій конгрессъ уже полагалъ, что самая постановка вопроса о разумѣніи до 16 лѣтъ не имѣетъ сколько-нибудь серьезнаго основанія и до 16 лѣтъ, по крайней мѣрѣ, не должно быть уголовной отвѣтственности вовсе. Такъ постепенно, по частямъ, разбиралась стройная, повидимому, система борьбы съ дѣтскою преступностью, основанная исключительно на теоретическомъ, отвлеченномъ, понятіи «человѣка въ дѣтскомъ возрастѣ», взятаго внѣ пространства, времени, экономическихъ и соціальныхъ условій, среды, семьи.

Но уже первый конгрессъ патроната въ Антверпенѣ въ 1890 г. поставилъ себѣ въ первой секціи первыхъ два вопроса, въ которыхъ говорилось уже о нравственно покинутыхъ дѣтяхъ и необходимости *попеченія* надъ ними общества.

Подъ названіемъ нравственно покинутыя дѣти конгрессъ подразумѣвалъ такихъ дѣтей, которыя предоставлены самимъ себѣ и лишены воспитанія, безразлично, произошло ли это по винѣ родителей, или по независящимъ отъ родителей причинамъ. Предлагая различныя мѣры для воспитанія такихъ

---

[1]) Стр. 281.
[2]) Тамъ же, стр. 299.

дѣтей и замѣны имъ семейнаго крова, конгрессъ вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣчая на 3-й вопросъ, призналъ, что власти надъ дѣтьми должны быть лишены не только родители, осужденные за преступныя дѣянія, совершенныя противъ дѣтей, но и такіе, которые извѣстны своимъ порочнымъ поведеніемъ, пьянствомъ, дурнымъ обращеніемъ съ дѣтьми или злоупотребленіемъ своей властью надъ ними.

Въ трудахъ Парижскаго конгресса 1895 г. мы встрѣчаемся съ прекрасными докладами Д. А. Дриля и французскаго адвоката Louis Fuld;[1]) говорится уже о правѣ и обязанности государства на опеку надъ заброшенными дѣтьми, объ особыхъ судахъ опекунскихъ, носящихъ характеръ административнаго учрежденія и разрѣшающихъ вопросъ о назначеніи опеки надъ дѣтьми, о томъ политико-административномъ направленіи современнаго законодательства, которое уже больше не боится въ интересахъ общихъ ограничивать родительскую власть, когда послѣдняя не исполняетъ своихъ общественныхъ функцій.

Но переворотъ въ дѣлѣ борьбы съ дѣтскою преступностью, который отразился въ только-что приведенныхъ резолюціяхъ конгрессовъ, фактически, въ жизни и отчасти и въ законодательствѣ отдѣльныхъ странъ, совершился гораздо раньше. Жизнь, а за нею законодательство вынуждены были признать, въ виду колоссальной вспышки дѣтской преступности, о которой я говорилъ выше, что считаться и бороться надо не съ однѣми только неизбѣжными «слабостями» дѣтскаго возраста, не съ однѣми общечеловѣческими вѣчными страстями, изображенію которыхъ посвятилъ свой геній Шекспиръ, а съ тѣми соціальными и экономическими условіями, въ которыхъ дѣти растутъ; прежде всего надо считаться съ главнымъ факторомъ дѣтской преступности—разрушеніемъ семьи, и борьба эта должна состоять въ томъ, что государство, это parens patriae замѣняетъ собою родительскую власть и дѣтямъ искусственно, благодаря содѣйствію обществъ и союзовъ, замѣняется родительскій кровъ опекою общества. Причемъ дѣти «преступныя» и «заброшенныя» въ одинаковой мѣрѣ привлекаютъ вниманіе законодателя и общества. Пути, по которымъ развивалось законодательство въ этомъ направленіи въ разныхъ странахъ, были не совсѣмъ одинаковы, хотя и весьма аналогичны. Я разсмотрю съ одной стороны законодательства германское (отдѣльныхъ государствъ и общеим-

---

[1]) Bulletin. Quatr. livraison. Mai. 1895, p. 381 et 487.

перское) и французское и съ другой стороны законодательства англійское и сѣверо-американскихъ штатовъ. Особенность первой группы законодательствъ германскаго и французскаго — сосредоточеніе особеннаго вниманія на формальной сторонѣ дѣла, подробная формулировка въ смыслѣ гражданскаго права опеки и установленіе торжественнаго, даже, можетъ быть, слишкомъ торжественнаго, лишенія родителей ихъ родительской. власти.

Останавливаясь сначала на германскомъ правѣ, я долженъ отмѣтить, скорѣе въ видѣ исторической справки, что идея о правѣ государства вмѣшиваться въ воспитаніе дѣтей, когда родители оставляютъ своихъ дѣтей на произволъ судьбы, проявляется, хотя скорѣе въ видѣ проблеска, давно уже. Такъ въ Виртембергскомъ уставѣ о призрѣніи нищихъ 1478 г. было указано: отнимать отъ нищихъ ихъ дѣтей старше 8 лѣтъ и помѣщать ихъ въ услуженіе въ городѣ или въ деревнѣ. То же самое повторялось и въ рядѣ послѣдующихъ законодательныхъ актовъ [1]). Въ болѣе близкое къ намъ время въ Allgemeines Landrecht für die preussische Staaten, введенномъ въ дѣйствіе 1 іюля 1794 г. [2]), мы встрѣчаемся съ §§ 90 и 91 (II, 2), въ которыхъ указано было, что если родители истязаютъ своихъ дѣтей (grausam misshandeln—въ виду обширныхъ предѣловъ дозволенной строгости родительской власти исправленія по понятіямъ того времени очевидно не что иное, какъ истязаніе), или подстрекаютъ ихъ къ безнравственнымъ поступкамъ, или отказываютъ имъ въ необходимомъ содержаніи, то опекунскій судъ, по собственной иниціативѣ, долженъ озаботиться судьбой этихъ дѣтей. По разслѣдованіи обстоятельствъ, отъ родителей можетъ быть отнято право воспитанія дѣтей и это воспитаніе, на счетъ средствъ родителей, поручено другимъ, заслуживающимъ довѣріе лицамъ. Нечего и говорить, что при такой постановкѣ финансовой стороны дѣла, какъ справедливо замѣчаетъ Ашроттъ, [3]) законъ остался мертвою буквою, безъ всякаго примѣненія.

Толчокъ въ этомъ дѣлѣ былъ данъ много позднѣе—а именно германскимъ уголовнымъ уложеніемъ 1871 г. Устанавляя полную невмѣняемость и безотвѣтственность для воз-

---

[1]) Dr. *Heinrich Reicher*. Die Fürsorge für die verwahrloste Iugend. Erster Theil. Erste Abtheilung, стр. 15.

[2]) Исторія происхожденія этого закона изложена у Hermann Schulze. Das preussische Staatsrecht. 1870, Band стр. 74.

[3]) Dr. P. Aschrott, Gesetz über dle Fürsorgeerziehung der Minderjähriger vom 2 Iuli 1900. Berlin. 1901, стр. 18.

раста до 12 лѣтъ, германское уголовное уложеніе (2 ч. ст. 55, не измѣненная, въ существѣ, и въ редакціи закона 1 января 1900 г.) постановляетъ, что противъ дѣтей въ возрастѣ до 12 лѣтъ, не возбуждается и уголовное преслѣдованіе, но по постановленію опекунскаго суда, въ согласіи съ мѣстными законами отдѣльныхъ государствъ, по надлежащемъ установленіи вины, ребенокъ можетъ быть помѣщенъ въ соотвѣтственное воспитательное или исправительное заведеніе.

Такое указаніе общеимперскаго закона вызвало необходимость для мѣстныхъ законодательныхъ учрежденій нормировать это принудительное воспитаніе. И дѣйствительно, начиная съ 1873 г.[1]) послѣдовалъ рядъ мѣстныхъ законовъ, въ развитіе общеимперскаго закона. Строго придержалось рамокъ, указанныхъ въ законѣ общеимперскомъ, прусское законодательство. Оно ограничилось въ законѣ 13 марта 1878 г. (Preuss. Gesetzessammlung 1878 г. S. 132), исключительно нормировкой опеки надъ дѣтьми въ возрастѣ 6—12 л., совершившими преступныя дѣянія, хотя самъ законъ и называется закономъ о попеченіи надъ заброшенными дѣтьми. Въ Пруссіи, какъ видно уже изъ приведенныхъ выше постановленій земскихъ законовъ прусскихъ, уже въ концѣ 18 стол. существовалъ опекунскій судъ. Опекунскимъ же уставомъ прусскимъ 5 іюля 1875 г.[2]) было вновь нормировано положеніе объ опекунскомъ судѣ и таковыми были признаны участковые судьи, нынѣ Amtsrichter — единоличные судьи. Закономъ 1878 г. вмѣнялось въ обязанность прокурорскому надзору (§ 3) сообщать опекунскому суду о совершенныхъ дѣтьми въ возрастѣ отъ 6—12 л. преступныхъ дѣяніяхъ; опекунскій судъ долженъ выслушать родителей, близкихъ ребенка, представителей общиннаго управленія и сообщаетъ свое постановленіе общинному союзу (Kommunalverband), который долженъ позаботиться о помѣщеніи ребенка въ постороннюю семью или въ воспитательное заведеніе. Расходы по содержанію падаютъ въ половинномъ размѣрѣ на государственную и на общинную кассу. Таковы рамки, указанныя прусскимъ закономъ. Онъ ограничился исключительно дѣтьми, совершившими преступныя дѣянія. Иначе посмотрѣли на дѣло законодательныя учрежденія другихъ германскихъ государствъ. Особенно широко взглянулъ на вопросъ Баденскій законъ 4 мая

---

[1]) Сравни Ludwig Schmitz. Die Fürsorgeerziehung der Minderjähriger. 1901, стр. 81.

[2]) Ср. подробнѣе Проектъ учрежденія опекунскихъ установленій съ объясненіями. Изд. Госуд. типографіи. 1897, стр. 46.

1886 г.; составители этого закона совершенно справедливо разсуждали[1]), что въ концѣ концовъ такое ожиданіе, чтобы ребенокъ совершилъ преступленіе, поведетъ къ тому, что особенно безнравственные родители будутъ побуждать дѣтей совершать преступленія, чтобы избавиться отъ нихъ. Поэтому Баденскій законъ въ § 1 предусматривалъ два вида заброшенности дѣтей, которые потомъ стали называться субъективной и объективной заброшенностью, хотя, разумѣется, это далеко неточное названіе, а дѣло собственно идетъ во первыхъ: о заброшенности дѣтей, которая происходитъ по винѣ родителей, вслѣдствіе ли того, что они злоупотребляютъ своими воспитательными правами, или потому, что они совершенно пренебрегаютъ своими воспитательными обязанностями, или же во-вторыхъ: о заброшенности дѣтей, которая происходитъ въ сущности безъ вины родителей, а просто или вслѣдствіе ихъ неспособности воспитывать, или невозможности воспитывать, при чемъ заброшенность достигаетъ такой степени, что принудительное воспитаніе является необходимымъ средствомъ для предупрежденія полнаго нравственнаго паденія ребенка Здѣсь впервые, рядомъ съ преступными дѣтьми, поставлены, какъ равно опасныя и равно нуждающіяся въ опекѣ, дѣти заброшенныя и для нихъ въ равной степени указана необходимость опеки. Эта болѣе широкая постановка объ опекѣ, выходившая за рамки имперскаго закона 1871 г., вскорѣ однако оказалась болѣе правильной и отвѣчающей обстоятельствамъ и потребностямъ времени. Въ необходимости болѣе широкихъ мѣръ въ борьбѣ съ дѣтской преступностью убѣдилъ прежде всего колоссальный и поразительно быстрый ростъ этой спеціально преступности, которая за время съ 1882 по 1897 г. увеличилось на 47,3%; это не могло не доказывать совершенную негодность репрессивной системы, и на эту несостоятельность прямо было указано въ мотивахъ къ прусскому закону 2 іюля 1900 г. Съ другой стороны, несомнѣнно, оказало вліяніе и движеніе въ этомъ направленіи въ сосѣдней Франціи, въ которой 24 іюля 1889 г., послѣ многочисленныхъ проектовъ, былъ изданъ, наконецъ, законъ объ опекѣ надъ дѣтьми, подвергающимися крайне дурному обращенію и заброшенными съ весьма широко разработанною постановкою института лишенія недостойныхъ родителей родительской власти.

Въ Германіи это сознаніе въ необходимости принятія

[1]) Cp. Reicher, loco citato, стр. 29.

другихъ мѣръ болѣе широкихъ въ борьбѣ съ дѣтской преступностью проявилось прежде всего опять таки въ имперскомъ законодательствѣ и при томъ въ области гражданскаго права. Гражданское уложеніе Германской Имперіи 1896 г. содержитъ по этому поводу слѣдующія постановленія.

Отецъ обязанъ заботиться о ребенкѣ и его имуществѣ (1627). Для осуществленія этой обязанности онъ располагаетъ родительскою властью. Полное лишеніе отца его родительской власти наступаетъ въ томъ случаѣ, если онъ совершилъ во вредъ ребенку (надъ ребенкомъ) преступленіе или умышленный проступокъ, за которые онъ присужденъ къ наказанію на срокъ не менѣе 6 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, въ такихъ случаяхъ наступаетъ дѣйствіе общихъ постановленій объ опекѣ (ст. 1680).

Затѣмъ ст. 1666 уже спеціально посвящена вопросу о заброшенныхъ дѣтяхъ. Если, говоритъ законъ, нравственное или физическое благосостояніе ребенка находится въ опасности, благодаря тому что отецъ злоупотребляетъ своимъ правомъ опеки надъ ребенкомъ, не заботится о ребенкѣ или ведетъ безчестную и безнравственную жизнь, то опекунскій судъ долженъ принять необходимыя мѣры для предотвращенія опасности, опекунскій судъ можетъ помѣстить такого ребенка на воспитаніе въ чужую семью, или въ воспитательное или исправительное заведеніе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда родителей нѣтъ въ живыхъ, или они и при жизни замѣнены опекунами, опекунскій судъ, надзирая за опекунами, налагая на нихъ взысканіе въ случаѣ неправильныхъ дѣйствій, можетъ, по собственному почину, распорядиться о помѣщеніи ребенка въ семью. въ воспитательное или исправительное заведеніе (ст. 1838).

Общинный сиротскій совѣтъ обязанъ сообщать опекунскому суду о тѣхъ случаяхъ, которые требуютъ его вмѣшательства (ст. 1675).

Такимъ образомъ государство считаетъ себя въ правѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ за собою и обязанность обезпечить чрезъ посредство государственныхъ опекунскихъ, носящихъ судебный характеръ, учрежденій, правильное, физическое, нравственное и умственное воспитаніе дѣтей его подданныхъ. Это не можетъ быть предоставлено усмотрѣнію родительской власти, ибо требуется общественнымъ интересомъ. При этомъ, вопросъ о томъ, въ какихъ предѣлахъ проявляется заброшенность дѣтей, т. е. выразилась ли она уже въ совершеніи преступленій или еще только имѣется на

лицо одна *опасность* полнаго ихъ нравственнаго паденія,— отступаетъ на заднiй планъ, заброшенность не допустима, какъ соціальное зло.

Понятно само собою, въ какія новыя условія ставится этимъ законодательнымъ актомъ дѣло борьбы съ дѣтскою преступностью; государство само и непосредственно выступаетъ на борьбу съ заброшенностью дѣтей какъ съ источникомъ всей дѣтской преступности и съ разрушеніемъ семьи, какъ факторомъ и этой заброшенности и этой преступности. Оно само выдвигаетъ на первый планъ мѣры превентивныя гражданской опеки, если еще и не взамѣнъ, то, по крайней мѣрѣ, очевидно, преимущественно передъ мѣрами карательными уголовнаго права.

Это новое положеніе, созданное имперскимъ закономъ, опять таки, какъ и послѣ изданія германскаго уголовнаго уложенія 1871 г., вызвало необходимость въ рядѣ соотвѣтственныхъ актовъ мѣстной законодательной власти, Если Бадену пришлось лишь отчасти передѣлать свой передовой законъ 1886 г., то Пруссія обнародовала 2 Іюля 1900 г. совершенно новый законъ.

Кругъ лицъ, подлежащихъ принудительному воспитанію въ Пруссіи сравнительно съ закономъ 1878 г., вполнѣ придержавшимся уложенія 1871 г., чрезвычайно расширился и притомъ въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ согласно съ уголовнымъ уложеніемъ 1871 г., такому воспитанію подвергались лишь дѣти въ возрастѣ 6—12 л., теперь согласно съ понятіемъ ребенка, Kind, этотъ возрастъ продолженъ до 18 л. Во-вторыхъ, по угол. уложенію подлежали принудительному воспитанію лишь дѣти, совершившія уже преступленіе, а по новому закону всѣ заброшенныя дѣти. Это расширеніе проявилось весьма краснорѣчиво въ цифрахъ, въ первый же годъ примѣненія новаго закона. Какъ свидѣтельствуетъ оффиціальная статистика прусская [1]), въ этомъ году были подвергнуты принудительному воспитанію 7.787 дѣтей, тогда какъ въ предшествовавшемъ отчетномъ году всего 1.504. Цифры краснорѣчивѣе всякихъ соображеній указываютъ, до какихъ размѣровъ выросло дѣло. Какъ видно изъ тѣхъ же статистическихъ данныхъ, причины дѣтской заброшенности могутъ быть выражены въ цифрахъ такъ [2]): 33% по винѣ родителей,

---

[1]) Statistik über die Fürsorgeerziehung Minderjähriger für das Etatsjahr. 1901 (bis 31 März 1902). Berlin. 1903, стр. VI.

[2]) Тамъ же, стр. IX и XIX.

43,9% въ виду объективной заброшенности, т. е. опасности полнаго нравственнаго паденія, но въ общемъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, 79% общаго числа семей, изъ которыхъ дѣти поступили, должны быть признаны, семьями экономически и нравственно разрушенными (zerrütete). На города съ населеніемъ болѣе 20 тысячъ душъ упадаетъ 50.9%, около 60% общаго числа дѣтей было занято ремеслами. Вотъ что дала первая же систематическая попытка выясненія дѣйствительныхъ факторовъ дѣтской преступности, которая въ свою очередь является главнымъ источникомъ общей преступности. Прибавлять къ этимъ цифрамъ мнѣ нечего, ибо онѣ вполнѣ подтверждаютъ тѣ общіе выводы о главныхъ факторахъ преступности, къ которымъ я пришелъ въ первыхъ главахъ.

Въ общихъ чертахъ, порядокъ веденія дѣлъ остался тотъ же, что и въ 1878 г. Центръ — опекунскій судъ, который выслушиваетъ и родителей и учителей школы и т. д. Онъ приступаетъ къ дѣлу или по собственному почину или по предложенію начальника мѣстной полиціи. Исполнитель община (Kommunalverband), которой запрещено помѣщать дѣтей въ неспеціальныя, для этого приспособленныя, заведенія воспитательныя. Расходы распредѣляются между государствомъ и общинами въ размѣрѣ 2 : 1; на государство выпалъ расходъ въ первый годъ въ размѣрѣ 2 милліоновъ марокъ.

Я могу здѣсь мимоходомъ указать, ссылаясь на Рейхера, Шмитца и др., цитированныхъ много авторовъ, что приблизительно такіе же порядки мы встрѣчаемъ и въ другихъ государствахъ континентальной Европы [1]). Особенно оригинально поставлены опекунскія учрежденія въ Норвегіи по закону 6 Іюня 1896 г. [2]). Въ каждой общинѣ (§ 6) образованъ особый опекунскій совѣтъ, состоящій изъ участковаго судьи, духовника общины и 5 выборныхъ отъ общины, въ томъ числѣ и 2 женщинъ и 1 врача. Обсужденіе происходитъ при закрытыхъ дверяхъ, выслушиваются родители, разслѣдуется положеніе ребенка. Тотъ же судъ надзираетъ и за выполненіемъ опеки. Нельзя не замѣтить, что такой составъ опекунскаго учрежденія неизмѣримо предпочтительнѣе постановки германской, съ однимъ единоличнымъ судьей, да еще къ тому же чрезвычайно обремененнымъ другими дѣлами гражданскими, уголовными и т. д.

---

[1]) Такой же, какъ въ Германіи, порядокъ принудительнаго воспитанія установленъ въ Швеціи по закону 13 Іюня 1902. Ср. Журн. Мин. Юст. 1902, № 10.

[2]) Reicher 1 Th. 3 Abl., стр. 202 и сл.

Я долженъ оговориться, я не касаюсь пока участія общества въ этомъ дѣлѣ въ Германіи, и прежде закончу обзоръ постановки юридической, законодательной, а потомъ уже перейду къ роли общества и органамъ общественной дѣятельности, такъ какъ здѣсь, въ организаціи этого общественнаго участія, въ разныхъ государствахъ, еще больше общихъ чертъ, чѣмъ въ законодательной постановкѣ.

Переходя къ законодательству Франціи, я не могу не отмѣтить, что въ свое время французское законодательство и въ этой области далеко опередило всѣ другія законодательства. Code penal, обнародованный въ 1810 г., содержитъ статью 66 о разумѣніи, но въ ней же содержится то же, что и въ германскомъ уложеніи 1871 г., а именно, что въ случаѣ признанія ребенка моложе 16 л. дѣйствовавшимъ безъ разумѣнія, таковой помѣщается въ семью или въ исправительно-воспитательное заведеніе. Для 1810 г. эго былъ конечно громадный шагъ. Но затѣмъ прошли десятки лѣтъ, и Франція какъ бы забыла о дѣтяхъ. За это время былъ изданъ только законъ 7 Октября 1874 г., каравшій одного изъ родителей, который отдавалъ своихъ дѣтей канатнымъ плясунамъ, лишеніемъ родительской власти. Только ужасающій ростъ дѣтской преступности, выясненный Robin, Ioly и ихъ докладами въ Парижской Société generale des prisons обратилъ вниманіе французскаго общества, и мы встрѣчаемся съ рядомъ проектовъ, пока наконецъ законъ Русселя 24 Іюля 1889 г. не поставилъ Францію опять и въ этомъ дѣлѣ въ число передовыхъ странъ.

Я не буду особенно распространяться объ этомъ столь извѣстномъ законѣ и скорѣе укажу его недостатки, признаваемые впрочемъ и самими французами, и объясняемые особенностями французскаго правового строя. Это во-первыхъ страна, въ которой patria potestas поставлена такъ же широко почти, какъ въ древнемъ Римѣ, и понятіе гражданина римское, со всѣми прерогативами и со всѣми формальными условіями установленія этихъ прерогативъ. Отсюда это страна, въ которой положеніе легальное незаконныхъ дѣтей было всегда хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было (la recherche de la paternité est interdite) и государству пришлось рано (1811 г.) установить особое развѣтвленіе для enfants assistés той публичной организаціи благотворительности подъ именемъ Assistance publique (болѣе правительственной въ сущности, чѣмъ даже наше Вѣдомство Учрежденій Императрицы Маріи), о которой я скажу ниже.

Отсюда также и то, что когда выяснилось, что общест-

венный интересъ требуетъ вмѣшательства общества въ дѣло воспитанія родителями ихъ дѣтей, то французы признали необходимымъ пойти путемъ торжественнаго лишенія родителей ихъ родительской власти, ибо иначе, повидимому, этотъ міръ семьи не былъ доступенъ ни представителямъ судебной власти, ни тѣмъ болѣе общественной инициативѣ и первый отдѣлъ закона 24 Іюля 1889 г. носитъ громкое названіе De la déchéance de la puissance paternelle и предусматриваетъ лишеніе родительской власти или неизбѣжно, вслѣдствіе осужденія за рядъ преступленій, выразившихся въ допущеніи, содѣйствіи или участіи въ преступленіяхъ или развратѣ ихъ дѣтей или въ преступленіяхъ надъ ихъ дѣтьми. За тѣмъ слѣдуетъ перечисленіе ряда преступленій и дѣяній, за совершеніе которыхъ родители могутъ быть лишены родительской власти факультативно по усмотрѣнію суда. Рядомъ съ преступленіями родителей, здѣсь указаны и случаи, когда дѣти присуждены къ помѣщенію въ исправительное заведеніе за совершеніе преступленія безъ разумѣнія, и случаи, когда родители своимъ обычнымъ пьянствомъ безнравственнымъ или непристойнымъ поведеніемъ или дурнымъ обращеніемъ съ дѣтьми ставятъ въ опасность здоровіе, благосостояніе и нравственность дѣтей. Законъ 19 Апрѣля 1898 г. значительно расширилъ группу дѣяній, влекущихъ за собою обязательное лишеніе родительской власти цѣлою группою дѣяній, съ одной стороны выражающихся въ намѣренномъ оставленіи безъ помощи и аналогичныхъ поступкахъ и съ другой стороны предоставленіемъ дѣтей въ распоряженіе бродягъ, канатныхъ плясуновъ и т. д. Но, главное, онъ, подробнѣе опредѣлилъ категорію enfents maltraités и назначилъ строгія наказанія за насильственныя дѣйствія родителей надъ дѣтьми. Въ случаяхъ факультативнаго лишенія родительской власти вопросъ рѣшается судомъ первой инстанціи въ распорядительномъ засѣданіи. Нельзя сказать, чтобы порядокъ разсмотрѣнія былъ особенно удовлетворителенъ, правда, столь могущественный во Франціи и столь далекій отъ безпристрастія прокурорскій надзоръ производитъ разслѣдованіе и затѣмъ даетъ заключеніе, но даже семейный совѣтъ выслушивается только по усмотрѣнію суда. Тотъ же судъ назначаетъ и опеку въ обыкновенномъ гражданскомъ порядкѣ, а если это оказывается невозможнымъ, то опека переходитъ къ assistance publique. Въ законѣ 24 Іюля 1889 г., предусмотрѣно добровольное отреченіе отъ власти родительской въ пользу Assistance publique, или правительствомъ признанныхъ частныхъ ассоціацій бла-

готворительныхъ, а равно опредѣленъ порядокъ, въ которомъ эти учрежденія и ассоціаціи получаютъ права родительской власти надъ дѣтьми.

Останавливаясь на этой постановкѣ дѣла, нельзя не замѣтить прежде всего, что она черезчуръ торжественна, что во многихъ случаяхъ лишеніе родительской власти служитъ препятствіемъ, стѣсняетъ суды и не вызывается вовсе необходимостью, ибо вѣдь въ сущности необходимо только временное устраненіе родителей отъ воспитанія дѣтей, а между тѣмъ такое торжественное лишеніе родительской власти, какъ бы подтверждаетъ, узаконяетъ, разрушеніе семьи. Съ другой стороны въ обоихъ законахъ говорится только о такъ называемой виновной заброшенности и вовсе не предусматривается возможность, а, главное мѣры противъ *объективной* заброшенности, даются лишь нѣкоторыя гарантіи частной инціативѣ.

Наконецъ нельзя не сказать, что все производство о лишеніи родительской власти и назначеніи опеки носитъ черезчуръ бюрократическій, канцелярскій характеръ.

Если всмотрѣться поближе въ финансовую сторону дѣла и, даже болѣе, въ самое осуществленіе попеченія, то вѣдь оно состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что къ обязанностямъ Service des enfants assistés присоединены обязанности заботиться и о moralement abandonnés. Все управленіе централизовано, на мѣстахъ префекты, conseils generaux и опекунами являются inspecteurs des enfants assistés. Государство несетъ приблизительно $^{1}/_{5}$ расходовъ, остальное упадаетъ на бюджетъ департаментовъ (отсутствіе сколько-нибудь дѣйствительнаго самоуправленія), приплату общинъ, пожертвованія. Въ общемъ къ 31 дек. 1901 [1]) начитывалось 21.658 moralement abandonnés, получившихъ помощь отъ Assitance publique. Каковы бы ни были недостатки французскаго законодательства, оно, и въ этой области проявило ту отличительную черту, которая всегда выдѣляла это законодательство изъ ряда другихъ и которая состоитъ въ томъ, что французское законодательство не ограничивается нормировкой данныхъ правоотношеній, но считаетъ необходимымъ провозглашеніе въ самой общей, часто весьма отвлеченной, формѣ того общаго принципа, который долженъ быть положенъ въ основу даннаго отдѣла правового строя. Въ данномъ случаѣ, такимъ принципомъ является провозглашеніе идеи о томъ, что воспитаніе дѣтей не есть частное дѣло родителей а извѣстная общественная функція на нихъ лежащая, что разъ

---

[1]) Ср. Reicher Erster Theil. Dritte Abtheilung, стр. 60.

родители не исполняютъ этой функцiи, то государство обязано и имѣетъ право вмѣшаться, лишить ихъ родительской власти и во имя высшаго государственнаго интереса нормировать это воспитанiе. Провозглашенiе этой идеи столь громогласное и торжественное оказало несомнѣнно громадное влiянiе на законодательства другихъ европейскихъ государствъ, какъ мы видѣли, такое влiянiе отразилось на германскомъ законодательствѣ, проявилось оно и въ англiйскомъ законодательствѣ—законы The Custody of children Act 1891, Prevention of cruetly to children Act 1894 г. Но конечно, это влiянiе выразилось, не одинаково. Знакомясь съ французскимъ законодательствомъ, а въ особенности съ германскимъ, пошедшимъ въ этомъ направленiи еще дальше, мы можемъ даже совсѣмъ упустить изъ виду роль общества въ этомъ дѣлѣ, государство не только, повидимому, дало законодательную нормировку этого вопроса, но взяло на себя обязанность и самого выполненiя всѣхъ обязанностей и всѣхъ расходовъ, вызываемыхъ новою постановкою дѣла. Обществу и частной инициативѣ, какъ будто бы, и дѣлать собственно нечего. Конечно, какъ мы увидимъ ниже, это только кажущееся устраненiе дѣятельности общества и его представителей; дѣйствительное жизненное и живое выполненiе новаго дѣла на самомъ дѣлѣ и здѣсь сосредоточивается въ дѣятельности общества.

Въ законодательствахъ государствъ, населенныхъ англосаксонскою расою, это влiянiе проявилось гораздо менѣе рѣзко. Законодательство этихъ странъ. въ такой мѣрѣ связано съ дѣятельностью общества, что уже почти невозможно отдѣлить одно отъ другого и государство, въ концѣ концовъ, даже слѣдуя французскимъ образцамъ, ограничивается нормировкой дѣятельности общества, обезпеченiемъ гарантiй этой дѣятельности общества отъ произвола частныхъ лицъ и обезпеченiемъ помощи со стороны государства этой дѣятельности. Скажу болѣе, общiя идеи, общiе принципы дѣйствительно въ этомъ законодательствѣ появляются подъ влiянiемъ французскаго законодательства, но практическое осуществленiе, нормировка практическихъ потребностей жизни въ этой области достигается неизмѣримо ранѣе чѣмъ во Францiи.

Уже въ 1839 г. мы должны отмѣтить на этомъ пути Justice Talfourds Act (2 and. 3 Vict. сар. 54), вызванный возмутившимъ общественное мнѣнiе случаемъ судебнаго рѣшенiя, въ силу коего ребенокъ былъ отобранъ отъ родной матери, которая вела вполнѣ честную, достойную, жизнь и переданъ отцу, который жилъ съ любовницей. Въ 1863 г. послѣдовалъ Infant's

Custody Act (36 and 37 Vict. cap. 12), въ которомъ въ значительной степени были заложены начала, развитыя, потомъ подъ вліяніемъ французскаго законодательства въ Custody of children Act 1891 (54 Vict, cap. 3). Но дѣло въ томъ, что англійское законодательство пошло совсѣмъ инымъ путемъ. Оно въ сущности и до сихъ поръ не знаетъ торжественнаго лишенія родителей ихъ родительской власти, и въ этомъ въ такой общей широкой формѣ не встрѣчаетъ необходимости, но за то оно обратилось къ другимъ мѣрамъ. Въ англійскомъ обществѣ рано проявилось сознаніе важности позаботиться не только о дѣтяхъ совершившихъ преступное дѣяніе, но и о дѣтяхъ заброшенныхъ, общество пожелало взять этихъ дѣтей подъ свою опеку, заняться ихъ воспитаніемъ, создало для воспитанія этихъ дѣтей учрежденія и государству оставалось лишь легализировать существованіе ихъ, опредѣлить свое отношеніе къ нимъ, опредѣлить порядокъ выполненія ими взятой на себя общегосударственной обязанности и наконецъ размѣры своего содѣйствія имъ.

Иниціаторомъ этого движенія, если не восходить къ Говарду, является Miss Mary Carpenter, основавшая еще въ 1846 г. Ragged Shool, школу для оборванцевъ. Въ 1851 г. она напечатала сочиненіе подъ заглавіемъ «Reformatory schools for the children of the perishing and dangerous classes and for juvenile offenders, въ которомъ предложила учрежденіе Free day schools для дѣтей покинутыхъ, Feeding iudustrial schools для бродяжничающихъ дѣтей и наконецъ Reformatory Shools для дѣтей совершившихъ преступленіе; она указывала на необходимость привлеченія къ участью въ расходахъ по содержанію подобныхъ школъ съ одной стороны государства и съ другой стороны и родителей. Послѣдствіемъ этой агитаціи было изданіе въ 1854 г. Reformatory Act, который уполномочивалъ статсекретаря по внутреннимъ дѣламъ утверждать уставы Reformatories, вызывавшихся къ жизни частными обществами съ присвоеніемъ имъ *исключительно* права выполненія принудительнаго воспитанія и съ опредѣленіемъ размѣра денежной помощи этимъ обществамъ со стороны государства. Въ 1857 г. послѣдовалъ первый Industrial Schools Act, присвоившій этимъ школамъ такое же положеніе въ предѣлахъ ихъ компетенціи, какъ и Reformatory schools, а за годъ до этого въ 1856 г. былъ утвержденъ уставъ частнаго общества Reformatory and Refuge Union, которое собственно и ведетъ все дѣло реформаторій и индустріальныхъ школъ въ союзѣ съ судомъ, о чемъ я скажу ниже.

Я не буду, конечно, здѣсь вдаваться во всѣ подробности

законодательства объ индустріальныхъ школахъ, компетенція которыхъ съ теченіемъ времени измѣнялась, а главное чрезвычайно расширялась. Скажу лишь, что если формально можно привести нѣкоторыя возраженія противъ основного различія между reformatory schools съ одной стороны и industrial schools съ другой стороны, состоящаго въ томъ, что первыя имѣютъ въ виду перевоспитаніе преступныхъ дѣтей, а вторыя заброшенныхъ, то фактически въ дѣйствительности, это такъ. Хотя дѣйствительно въ Industrial Schools, по закону, могутъ быть помѣщены дѣти до 14 л., совершившія преступленіе, но слѣдуетъ имѣть въ виду, что законъ Summary Jurisdiction Act 1879 и Iouthful Offenders Act 1901 (1 Edw 7. Ch. 20), расширившій еще болѣе примѣненіе ст. 16 закона 1879 г., о которой я говорилъ подробно въ главѣ о ростѣ преступности, и въ силу которой преступники до 16 л., впервые совершившіе преступленіе, могутъ быть оставляемы совсѣмъ безъ наказанія, значительно фактически сократили эту категорію воспитанниковъ Industrial Schools. Если же переименовать хотя бы въ общихъ чертахъ категоріи тѣхъ дѣтей, которыя, въ силу разновременно послѣдовавшихъ законовъ, подлежатъ помѣщенію въ Industrial Schools, то оказывается, что въ эти школы помѣщаются дѣти безпризорныя, оставшіяся безъ крова, бродяжничающія, нищенствующія, дѣти, вращающіяся въ обществѣ проститутокъ и воровъ, дѣти преступныхъ родителей и, наконецъ, дѣти, съ которыми не могли справиться родители, управленіе домами для бѣдныхъ, школьное начальство и т. д. Болѣе полнаго перечисленія многообразныхъ представителей категоріи дѣтей заброшенныхъ трудно себѣ представить. Правда, помѣщеніе въ Industrial Schools происходитъ безъ лишенія родителей родительской власти, и не по постановленію какого-либо особаго опекунскаго суда, а по постановленію общаго суда (мировыхъ и полицейскихъ судей, постановляющихъ свои опредѣленія въ суммарномъ порядкѣ), но было бы ошибочно думать, что здѣсь постановляются приговоры по уголовнымъ дѣламъ, здѣсь лишь легализируется дѣятельность Reformatory and Refuge Union и цѣлаго ряда другихъ обществъ, преслѣдующихъ задачи защиты дѣтства. Нельзя не признать, что путь, избранный англійскимъ законодательствомъ, проще и практичнѣе, онъ все предоставляетъ въ руки общества, ограничиваясь утвержденіемъ уставовъ отдѣльныхъ школъ, установленіемъ извѣстныхъ требованій отъ лицъ, стоящихъ во главѣ школы, требова-

ніемъ отчетовъ, надзоромъ чрезъ особыхъ правительственныхъ инспекторовъ. Государство даетъ субсидію реформаторіямъ и индустріальнымъ школамъ, на каждаго содержимаго ребенка въ недѣлю въ реформаторіяхъ 3 р., а въ индустріальныхъ 2 р. 50 к., (въ тѣхъ, которые открыты послѣ 1872 г., меньше). Въ общемъ для Англіи изъ общаго бюджета реформаторій и индустріальныхъ школъ въ 308.257 L. (на 1900 г.) [1]) на государство упадаетъ 71.798 L. и на графства и городскія общины 45.275 L. По отчету за 1902 г. [2]) числилось 45 реформаторій съ населеніемъ въ 5.767 и 180 Industrial Schools (Day Indust. Truants и т. д.), съ населеніемъ въ 23.369 чел.

Но, конечно, что англійскій государственный строй даетъ прежде всего прекрасную защиту частной инициативѣ въ этомъ дѣлѣ, благодаря невѣроятно широкимъ полномочіямъ судей, которыхъ сдерживаетъ и направляетъ контроль могущественно развившагося общественнаго мнѣнія, а затѣмъ и ряду законовъ, хотя и не устанавливающихъ такой публично-правовой постановки всего дѣла, какъ во Франціи и Германіи. Если уже многочисленные законодательные акты, нормирующіе помѣщеніе дѣтей въ реформаторіи и индустріальныя школы, обезпечиваютъ вполнѣ частную инициативу въ возбужденіи вопроса предъ судомъ о помѣщеніи дѣтей въ соотвѣтственное заведеніе на основаніи судебнаго рѣшенія въ указанныхъ закономъ случаяхъ, не лишая при этомъ родителей ихъ родительской власти, но и не придавая никакого значенія ихъ согласію на помѣщеніе, то по закону 1891 г. (The Custody of Children Act) частныя лица и учрежденія, которыя взяли на свое попеченіе заброшенныхъ дѣтей, при молчаливомъ согласіи или безразличіи родителей, не могутъ быть, по произволу родителей, устранены отъ продолженія воспитанія, претензіи родителей разсматриваются судомъ, и послѣдній можетъ отказать родителямъ, признавая доказанной ихъ негодность для воспитанія. Законъ Prevention of Cruelty to Children Act 1894 г. поставилъ самымъ широкимъ образомъ понятіе cruelty, какъ нарушеніе здоровья не только физическаго, но и нравственнаго дѣтей, давая этимъ гарантіи для дѣятельности могущественнаго англійскаго общества National Society for the Prevention of Cruelty to Children, обра-

---

[1]) Cp. Reicher 1 Th. 2 Abt. стр. 137.

[2]) Forty Sixth Report for the Jear. 1902 of the Inspector of Reformatory and Industrial Schools, стр. 6—14.

*

зовавшагося за пять лѣтъ до изданія этого закона. Я остановлюсь ниже подробно на дѣятельности этого общества.

Что касается до Сѣв. Америки и отдѣльныхъ Американскихъ штатовъ, то тутъ область чисто законодательнаго публичнаго вмѣшательства еще меньше, чѣмъ въ Англіи, здѣсь еще шире полномочія судей, которые подобно англійскимъ создаютъ не только прецеденты, но даже идутъ въ направленіи образованія особыхъ судовъ для дѣтей. Американцы, въ сущности, только въ принципѣ признаютъ правильность различенія двухъ категорій дѣтей: преступныхъ и заброшенныхъ, и тѣ и другія подлежатъ принудительному воспитанію, и тѣ и другія весьма часто содержатся въ однихъ и тѣхъ же воспитательныхъ заведеніяхъ. Этому способствуетъ, хотя бы, и то объединеніе въ одномъ совѣтѣ завѣдыванія и руководства и тюрьмами и благотворительными учрежденіями — Boards of Charity and Correction, о которыхъ я говорилъ въ главѣ о филантропіи. Мало того, во многихъ штатахъ усвоена система штата Мичиганъ, заведенная здѣсь Рандаллемъ, т. е. направленіе всѣхъ дѣтей въ государственныя, т. е. содержимыя на счетъ государства, воспитательныя учрежденія, при чемъ обѣ категоріи дѣтей объединяются въ словѣ dependent, за исключеніемъ болѣе важныхъ случаевъ, виновники которыхъ направляются въ реформаторіи, образованныя на подобіе Эльмиры. При поступленіи дѣлается строгій разборъ дѣйствительной нужды и заброшенности отъ вымысла и вымогательства родителей, занимающихся профессіонально нищенствомъ. Послѣ короткаго пребыванія въ такихъ государственныхъ воспитательныхъ учрежденіяхъ дѣти размѣщаются въ семьи (out system). Но, конечно, все веденіе этого дѣла далеко отъ бюрократическаго, мы видѣли уже въ филантропической дѣятельности всевозможныхъ voluntary visitors, мы познакомимся далѣе съ voluntary probation officers такихъ же обществъ, борющихся съ «жестокостью» въ отношеніи дѣтей. Но кромѣ того, какъ свидѣтельствуетъ такой знатокъ дѣла попеченія о заброшенныхъ дѣтяхъ въ Америкѣ какъ Бернрейтеръ [1]), американцы очень строго смотрятъ на обязанности родителей въ отношеніи воспитанія дѣтей, допускаютъ эманципацію малолѣтнихъ отъ родительской власти по ходатайству малолѣтнихъ передъ судомъ. Свободно допускаютъ передачу родительскихъ

---

[1]) Dr. I. M. Baernreither. Iugendfürsorge und Strafrecht in den Yereinigten Staaten von Amerika. 1905, стр. 232.

правъ частнымъ лицамъ и частнымъ союзамъ и строго, черезъ суды, защищаютъ дѣтей отъ жестокостей и небреженія со стороны родителей.

Но Америка, какъ всегда въ дѣлѣ борьбы съ преступностью (системы тюремнаго устройства, условное осужденіе и т. д.), была страною передовою, такъ и въ дѣлѣ борьбы съ преступностью и заброшенностью дѣтей. Въ Америкѣ созданы особые органы общества для борьбы съ преступностью, о нихъ мы будемъ говорить ниже, но въ Америкѣ образовался за послѣднія 10 лѣтъ и особый судъ для дѣтей, который такъ и называется дѣтскій судъ «juvenile court». Для того, чтобы въ надлежащемъ свѣтѣ представить идею, положенную въ основу американскаго дѣтскаго суда, надо бросить взглядъ на тѣ законодательныя измѣненія въ Германіи, Франціи, Англіи, о которыхъ мы говорили выше. На что собственно указываютъ эти измѣненія, къ чему стремится законодатель и то общественное мнѣніе, которое вдохновляетъ законодателя. И законодатель и общественное мнѣніе, какъ мы видѣли, исходятъ изъ мысли о совершенной негодности примѣняемыхъ нынѣ средствъ въ борьбѣ съ дѣтскою преступностью, изъ негодности даже всей современной постановки этого дѣла. Мѣры репрессіи, оказавшейся совершенно несостоятельной, стремятся замѣнить мѣрами опеки и принудительнаго воспитанія; для назначенія этихъ мѣръ стремятся создать и новый судъ, а не судъ уголовный, съ его грозными формальными порядками. Въ Германіи дѣла заброшенныхъ дѣтей — поручаютъ опекунскому суду, во Франціи суду въ распорядительномъ засѣданіи, засѣдающемъ непублично, въ Англіи общимъ судамъ, однако дѣйствующимъ въ суммарномъ, сокращенномъ порядкѣ. Но удовлетворительны ли эти попытки создать новый судъ. Конечно, нѣтъ, въ нихъ можно усмотрѣть неясное чувство необходимости создать что-то новое; конечно, такимъ новымъ не можетъ быть опекунскій судъ съ его формальными порядками производства, приближающими его къ обыкновенному гражданскому процессу, чѣмъ же это лучше, чѣмъ обыкновенный уголовный судъ, чѣмъ лучше Amtsrichter, заваленный дѣлами другого рода, поставленный въ отдаленныя отношенія къ жизни, чѣмъ лучше распорядительное, т. е. чисто канцелярское засѣданіе суда, назначающее, какъ во Франціи, въ обыкновенномъ же гражданскомъ порядкѣ, обыкновеннаго же опекуна, совершенно какъ таковой назначается для опеки надъ имуществомъ. Мы видимъ здѣсь исканіе чего-то новаго,

но это новое найдено именно пока только въ Америкѣ, и здѣсь получило чрезвычайно быстрое распространеніе. Дѣтскій судъ былъ учрежденъ прежде всего въ Чикаго въ 1889 г., а къ 1905 г., т. е. черезъ 6 лѣтъ, онъ существовалъ уже въ 17 Штатахъ Сѣверной Америки [1]), а по утвержденію Гендерсона [2]) въ 30—40 городахъ Сѣверной Америки.

Какъ утверждаетъ «дѣтскій» судья въ Индіанополисѣ Стеббсъ [3]), идея дѣтскаго суда занесена изъ Англіи, гдѣ къ ней обратились вслѣдствіе ужасающаго роста дѣтской преступности. Подтвержденія этому утвержденію, я нигдѣ не нашелъ, и вообще о существованіи дѣтскихъ судовъ въ Англіи я въ литературѣ указаній не встрѣчалъ. Наоборотъ, въ оффиціальномъ отчетѣ, приготовленномъ для американскаго конгресса, Барроу [4]) сказано, что первый дѣтскій судъ открытъ 1-го іюля 1899 г. въ Чикаго.

Не вдаваясь въ подробности организаціи этого суда и не касаясь пока участія въ этомъ судѣ органовъ общественной опеки, такъ какъ вообще объ этихъ органахъ во всѣхъ странахъ я буду говорить заодно, вслѣдъ за этимъ, я долженъ отмѣтить слѣдующія основныя черты организаціи этого суда. Прежде всего это судъ особенный; судья, исполняющій эти обязанности не имѣетъ никакихъ другихъ обязанностей, ибо и этого дѣла совершенно довольно, и помѣщеніе для этого суда отдѣльное.

Компетенція его самая широкая, но конечно и не вполнѣ еще опредѣленная: ему подлежатъ всѣ дѣла о дѣтяхъ, какъ преступныхъ, такъ и заброшенныхъ. Но и на этомъ не ограничивается его компетенція. Какъ сообщаетъ самый выдающійся, пользующійся громадною популярностью въ Америкѣ дѣтскій судья въ Денверѣ, въ Колорадо, Линдеей въ указанномъ выше оффиціальномъ отчетѣ [5]), тотъ же судъ судитъ и родителей за преступленія и нарушенія обязанностей въ отношеніи дѣтей, выяснившіяся во время засѣданія по дѣламъ о дѣтяхъ, но конечно отдѣльно, въ особомъ засѣданіи. Я полагаю, что этого одного указанія уже достаточно для характеристики этого суда. Это судъ надъ факторомъ преступности — разрушеніемъ семьи и происходящими отъ

---

[1]) Baernreither, стр. 181.

[2]) Modern Methods, стр. 476.

[3]) Proceedings of Confer. of Charity and Correction. 1904, стр. 350.

[4]) International Prison Commission. Childrens court in the United States 59 th Congress. 1904, стр. X.

[5]) Стр. 63

этого для всего общества бѣдами и опасностями. Конечно, такой судъ по крайней мѣрѣ въ отношеніи дѣтей не преслѣдуетъ вовсе цѣлей репрессіи. Репрессія непригодна въ этомъ дѣлѣ, это ясно доказано, признано; необходимо другое, это сознается и въ Европѣ и, какъ говоритъ Тюшеръ [1]), одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей дѣтской преступности, надо репрессію замѣнить tutelle piblique—общественной опекой. Но если въ Европѣ ограничились провозглашеніемъ этой идеи, то въ Америкѣ ее осуществляютъ на дѣлѣ. Какъ говоритъ Гендерсонъ [2]) правосудіе дѣтскаго суда никоимъ образомъ не должно быть правосудіемъ возмездія и репрессіи, оно должно быть *отеческимъ* и *воспитательнымъ*. Отсюда и порядокъ дѣйствія и разнообразіе средствъ.

Прежде всего судъ стремится къ *дѣйствительному, не бумажному*, выясненію причинъ, которыя вызвали дѣтскую заброшенность и преступность и къ соотвѣтственной цѣлесообразной борьбѣ съ этою преступностью.

Для выясненія дѣла, суду служатъ органы общества, въ лицѣ probation officers, они все время участвуютъ въ засѣданіи, предварительно произведя подробное разслѣдованіе, здѣсь же присутствуютъ родители, школьное начальство. Какъ говоритъ тотъ же Линдлей въ томъ же офиціальномъ отчетѣ [3]), при такомъ разслѣдованіи жизненномъ, непосредственномъ, выясняется неудовлетворительность дѣйствія въ данномъ случаѣ семьи, школы, а часто и церкви.

Но объектомъ разслѣдованія, главнымъ образомъ, и прежде всего, является личность ребенка; всѣ сходятся въ томъ, что ребенка желательно не вызывать въ обще-уголовный судъ, съ его торжественною, подчасъ театральною обстановкою, которая дѣйствуетъ слишкомъ сильно на впечатлительную дѣтскую натуру, съ одной стороны запугивая, смущая ребенка, а съ другой стороны привлекая къ нему вниманіе всего собранія, даетъ вредную пищу для его фантазіи, выставляя его въ собственныхъ глазахъ достойнымъ такого всеобщаго вниманія, авторомъ незауряднаго дѣянія, чуть ли не героемъ. Не такъ происходитъ засѣданіе дѣтскаго суда. Передавая свои впечатлѣнія, судья Стеббсъ говоритъ [4]), что если онъ оставался на своемъ высокомъ судейскомъ креслѣ, а ребенокъ на скамьѣ подсудимыхъ, то между ними

[1]) Paul Tuscher. Criminalité infantile. 1904, p. 32.

[2]) Proceedinqs, стр. 366.

[3]) Стр. 53.

[4]) Proceedings 350—353.

оставалось громадное разстояніе, не только, такъ сказать, физическое, но нравственное. Ребенокъ совершенно ускользалъ отъ него, ему не удавалось добиться его откровенности; когда же ребенокъ садился рядомъ съ нимъ и ласковая рука судьи опускалась на плечо ребенка, то легко завязывалась дружеская бесѣда, въ которой выплывало все наружу и то какъ мать посылала красть молоко и какъ его били и т. д.

Но не для разслѣдованія, не для того, чтобы добиться откровенности, нужна новая постановка суда; она нужна прежде всего и главнымъ образомъ *для установленія* того *нравственнаго воздѣйствія*, культурной нравственной личности судьи на заброшеннаго звѣрька, воздѣйствія, которое составляетъ основной принципъ дѣтскаго суда. Здѣсь говорятъ не о репрессіи, а объ исправленіи, при посредствѣ дѣтскаго суда, при посредствѣ главнымъ образомъ личнаго воздѣйствія болѣе сильной умственно и нравственно личности на менѣе устойчивую. Конечно, въ судѣ это воздѣйствіе только начинается, а въ полной мѣрѣ оно осуществляется лишь въ продолжительный періодъ испытанія, подъ руководствомъ опытнаго представителя организованнаго общественнаго надзора и опеки. Но роль судьи не кончается на этомъ, онъ руководитъ probation officer'омъ, онъ выслушиваетъ его сообщенія, онъ вновь и вновь бесѣдуетъ съ ребенкомъ.

Вотъ картины новаго суда—конечно это судъ новый, это судъ, который, въ неразрывномъ взаимодѣйствіи и соучастіи съ обществомъ, осуществляетъ опеку надъ слабосильными. Онъ не постановляетъ приговоровъ, онъ занимается руководствомъ опеки и попеченія, мѣръ скорѣе административныхъ, чѣмъ карательныхъ, или даже мѣръ изъ области гражданскаго права. Конечно, это судъ дѣтскій, судъ для дѣтей, для заброшенныхъ; но понятія заброшенности, какъ мы уже указывали выше, не можетъ быть ограничено одними дѣтьми. Если же эта новая постановка борьбы съпреступностью ограниченная пока одними дѣтьми, оказалась правильною, то нельзя ли сдѣлать предположеніе, что то, что на дѣтскомъ дѣлѣ, которое всегда было передовымъ въ общей системѣ мѣръ борьбы съ преступностью, показывая направленіе грядущихъ измѣненій во всей системѣ, оправдалось, оказалось цѣлесообразнымъ, будетъ современемъ примѣнено, съ тѣми или другими изъятіями и ограниченіями, и ко всему дѣлу борьбы съ преступностью?

Но для того, чтобы выяснить дѣйствительное значеніе всѣхъ новыхъ законодательныхъ мѣропріятій въ области борь-

бы съ дѣтскою преступностью, надо перейдти и очертить роль общества въ этомъ дѣлѣ, ибо не только въ Америкѣ, но и въ другихъ странахъ, дѣятельность общества и его органовъ и является *краеугольнымъ камнемъ* всей новой постановки дѣла, безъ ознакомленія съ этою дѣятельностью общества, даже невполнѣ понятна и самая постановка. Законодательныя постановленія сами по себѣ есть не болѣе какъ архитектурный планъ, контуръ, содержаніе котораго всецѣло наполняется дѣятельностью общества. И это въ сущности совершенно понятно, если не упускать изъ виду основного принципа новыхъ мѣръ борьбы съ дѣтскою преступностю—личнаго воздѣйствія и руководства опекаемаго. Конечно, всякое выполненіе такихъ обязанностей органами администраціи будетъ только чисто формальное въ видѣ общихъ административныхъ мѣръ, иначе пришлось бы содержать невѣроятную армію чиновниковъ. Такимъ образомъ требованія совершено необходимой индивидуализаціи и дешевизна экономіи (въ Сѣв.-Американскихъ Штатахъ производили вычисленія сберегаемыхъ такимъ путемъ суммъ и онѣ оказались громадными), говорятъ въ пользу участія общества. Но разнообразіе силъ, соціальныхъ положеній и выбора имѣетъ не меньшее значеніе. И наконецъ, и прежде всего, это лишь одно изъ проявленій общей дѣятельности общества. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ, повидимому, это менѣе сознается, какъ въ Германіи, и тутъ выработались тѣже органы.

Въ Пруссіи, какъ я указалъ выше, исполнителемъ рѣшенія опекунскаго суда является Kommunalverband, онъ рѣшаетъ, слѣдуетъ ли ребенка помѣстить въ воспитательное заведеніе, и тогда начальство этого заведенія является уже естественнымъ опекуномъ ребенка на время его пребыванія въ заведеніи, или слѣдуетъ его помѣстить въ чужую семью, то, что англичане называютъ boarding out.

Что касается до воспитательныхъ заведеній для заброшенныхъ дѣтей, то по вычисленіямъ Рейхера [1]) таковыхъ въ Германіи 898; приблизительно около $^3/_4$ этихъ заведеній содержится на частныя средства конфессіональныхъ и не конфессіональныхъ союзовъ[2]). Это одно уже показываетъ, какую роль играютъ въ этомъ дѣлѣ частная иниціатива и общество, все вѣдь выполненіе опеки и воспитанія лежитъ на школьномъ начальствѣ этихъ заведеній.

---

[1]) Reicher. 1 Th. 1 Abt. стр. 175.

[2]) Ср. Reicher, тамъ же, стр. 132. Preuss. Statistik. Fürsor. Minderjähriger p. XXII.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда ребенокъ помѣщается въ семью, мѣстнымъ органомъ, исполняющимъ рѣшеніе опекунскаго суда (исполнителями являются въ разныхъ германскихъ государствахъ разные органы) избирается, или, правильнѣе сказать, приглашается, для каждаго ребенка особый опекунъ, попечитель, Fürsorger.[1]) Институтъ Fürsorger'овъ въ сущности получилъ начало въ Баденѣ, но за тѣмъ нужды самаго дѣла, вызвавшіе образованіе подобныхъ же органовъ во всѣхъ государствахъ Европы и Америки, пошедшихъ по новому пути, какія бы названія эти органы ни носили, побудили и всѣ другія германскія государства учредить такихъ же Fürsorger'овъ. Должность попечителя *почетная*, отправляемая безвозмездно; на эту должность приглашаются преимущественно настоятели мѣстныхъ церквей, учителя, члены всякихъ воспитательныхъ союзовъ и т. д. Необходимымъ условіемъ ставится, чтобы попечитель жилъ по близости отъ той семьи, въ которую помѣщенъ ребенокъ. Обязанности попечителя сводятся не только къ возможно частымъ посѣщеніямъ семьи, въ которую помѣщенъ ребенокъ,но къ надзору и руководству всею жизнью ребенка, его физическимъ, нравственнымъ и умственнымъ воспитаніемъ, къ обращенію вниманія, руководящаго исполненіемъ рѣшенія опекунскаго суда, на необходимость мѣръ, направленныхъ къ измѣненію положенія ребенка, если въ томъ представляется надобность. И какъ показываютъ данныя, хотя бы прусской статистики, для этого высокаго плодотворнаго дѣла нашлись тысячи дѣятелей, конечно они являются ничѣмъ инымъ, какъ органами общества, представителями общественной дѣятельности въ борьбѣ съ преступностью. Я мимоходомъ долженъ въ заключеніе упомянуть, что когда въ 1892 г. германскій юристъ Аппеліусъ [2]), по порученію нѣмецкой группы международнаго союза криминалистовъ, представилъ свои соображенія о томъ, какъ надо организовать на мѣстахъ попеченіе о преступныхъ и заброшенныхъ дѣтяхъ, говорилъ о необходимости образованія особой Ehrenamt, которую бы занимали лица, облеченныя общественнымъ довѣріемъ, которыя бы руководили воспитаніемъ и подыскивали подходящія семьи для помѣщенія въ нихъ дѣтей, то предположенія Аппеліуса казались черезчуръ грандіозными, едва-ли осуществимыми. Но жизнь и сознаніе дѣйствительныхъ потребно-

---

[1]) Ср. Aschrott, стр. 267. Reicher, стр. 87, и т. д.

[2]) Dr. H. Appelius. Die Behandlung jugendliher Verbrecher und verwahlosten Kinder. 1892

стей дѣла борьбы съ преступностью развиваются такъ быстро, что предположенія Аппеліуса могутъ считаться почти въ полной мѣрѣ осуществленными, за исключеніемъ развѣ его мысли объ учрежденіи особыхъ Erziehungsämter, которыя бы руководили попечителями. Ввѣреніе этого дѣла Kommunnalverbände конечно экономнѣе, насколько это удобно и правильно, покажетъ опытъ.

Въ сосѣдней съ Германіей Франціи, вся постановка дѣла попеченія о заброшенныхъ и преступныхъ дѣтяхъ, какъ будто вовсе не оставляетъ мѣста для частной инціативы. Но конечно это только кажется. Французы пошли другимъ путемъ, но однако только пока, ибо есть основаніе предполагать, что и у нихъ установится порядокъ, схожій съ порядками германскими.

Въ 1890 г. [1]) Адольфъ Гильо, судебный слѣдователь и членъ института основалъ въ Парижѣ Le comité de defense des enfants truduits en justice. Задачей комитета (ст. 1 и 2 устава) было поставлено содѣйствіе улучшенію карательныхъ постановленій, касающихся дѣтей, организація практической, при участіи членовъ адвокатуры и содѣйствіи правительственныхъ властей, защиты дѣтей арестованныхъ, борьба противъ системы наказанія краткосрочнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Съ 1903 г. образовался особый sous-comité, члены котораго посѣщаютъ семьи арестованныхъ дѣтей, выясняютъ положеніе ребенка, причины, вызвавшія совершеніе имъ преступленія и затѣмъ являются на судѣ не защитниками, а сотрудниками судьи. Много весьма благопріятныхъ и желательныхъ измѣненій въ процессѣ и веденіи дѣлъ о малолѣтнихъ преступникахъ введено благодаря дѣятельности комитета и его отдѣленій. Избѣгается предварительный арестъ до суда, дѣти помѣщаются въ семьи или особые asyles, содержимые комитетомъ; слѣдствіе судебное выясняетъ вполнѣ личность молодого преступника и его соціальную обстановку; при такихъ условіяхъ вопросъ о discernement является пустой формальностью. Конечно, заботы не прекращаются и послѣ, наоборотъ, весьма часто ребенокъ, ввѣряется судомъ представителю ассоціаціи, который устраиваетъ судьбу ребенка или въ одномъ изъ воспитательныхъ учрежденій самой ассоціаціи, или передаетъ на попеченіе тѣхъ многочисленныхъ французскихъ обществъ, спеціально преслѣдующихъ задачи попеченія о заброшеныхъ дѣтяхъ, о которыхъ я скажу ниже. Такіе же comités de defense обняли цѣлою сѣтью въ настоящее время всю

---

[1]) Ср. подробнѣе. Paul Tuscher, стр. 47:

Францію. Совершенно аналогичную организацію и подъ тѣмъ же названіемъ мы встрѣчаемъ въ Бельгіи. Здѣсь тоже установилась постоянная совмѣстная дѣятельность суда и общества на пользу общаго дѣла и съ возможнымъ устраненіемъ репрессіи; разслѣдованія адвокатуры даже прямо сообщаются прокурорскому надзору для соотвѣтственнаго направленія дѣла и на судѣ членъ комитета защиты является истиннымъ collaborateur судьи, предлагающимъ тѣ мѣры, которыя желательно въ данномъ случаѣ принять для защиты ребенка. Нельзя также не отмѣтить, что патронатство теперь очень развито и общества патроната, принимающія на свое попеченіе дѣтей, помѣщенныхъ въ écoles de bienfaisance, пользуются почти оффиціальнымъ положеніемъ. Но конечно, такая организація опеки во Франціи, все же если не считать дѣятельности почти правительственнаго учрежденія Assistance publique, не вполнѣ достаточна. Поэтому во Франціи возникаютъ предположенія объ извѣстной организаціи дѣла общественной опеки. Такъ въ 1896 г. societé generale des prisons [1]) обсуждала предположенія объ устройствѣ особаго выборнаго отъ общины совѣта при мировомъ судьѣ, который бы способствовалъ или образованію conseils de famille или, въ случаѣ невозможности образованія такого совѣта семейнаго, замѣнялъ таковой. На обязанности мера при такихъ условіяхъ лежало бы при составленіи списка дѣтей школьнаго возраста, отмѣчать тѣхъ дѣтей, которыя являются заброшенными и сообщать о нихъ совѣту. Дальнѣйшихъ послѣдствій пока обсужденіе этихъ предположеній не имѣло.

Если обратиться отъ этихъ скорѣе начинаній въ области образованія органовъ общественной опеки надъ заброшеннымъ къ вполнѣ развившимся и проявляющимъ блестящую плодотворную дѣятельность въ этой области органамъ общественной опеки въ Америкѣ въ лицѣ такъ называемыхъ probation officers, то надо замѣтить, что собственно законодательныя постановленія, въ силу коихъ образованы эти органы, даютъ лишь абрисъ, болѣе чѣмъ смутное представленіе о значеніи этого института. Если мы остановимся хотя бы на законахъ Массачузетса (1878 г. ст. 198 § 1, 1881 г. гл. 118, 1880 г. гл. 129, 221; 1881 г. гл. 34, 118) и подобныхъ же законахъ другихъ штатовъ, Новой Зеландіи и др. [2]), то мы можемъ себѣ

---

[1]) „Revue penit.". 1896, p. 765.

[2]) Ср. Сводъ иностранныхъ законовъ объ условномъ осужденіи, изд. Госуд. Канцел. 1900.

составить представленіе о probation officer, какъ о полицейскомъ чиновникѣ, назначаемомъ губернаторомъ или городскимъ управленіемъ, получающемъ жалованье, не носящемъ, правда, служебнаго одѣянія, разслѣдующемъ условія совершенія и личность отдѣльныхъ преступниковъ и докладывающемъ объ этомъ суду. Вотъ и все. Допуская даже, что это чиновникъ даже болѣе развитой, чѣмъ чины полиціи англійской, стоящей на высотѣ своего дѣла, мы однако не составимъ себѣ вѣрнаго представленія о томъ, чѣмъ въ дѣйствительности представляется probation officer. Прежде всего понятіе о probation officer, какъ объ административномъ, а тѣмъ болѣе полицейскомъ чиновникѣ, весьма далеко отъ дѣйствительности. Probation officers теперь назначаются судомъ и остаются въ этой должности during the pleasure of the court. Такимъ образомъ достигнуто освобожденіе этихъ лицъ отъ вліянія перемѣны господствующихъ партій на составъ администраціи; они являются судебными дѣятелями, остающимися на своихъ должностяхъ пожизненно. Но и этого мало. Самый характеръ и обширность этого дѣла, если оно въ дѣйствительности должно быть выполнено во всемъ объемѣ и для всѣхъ «случаевъ», указываетъ на совершенную невозможность ограничиться платными чиновниками. Такъ для новыхъ дѣтскихъ судовъ положено имѣть по два платныхъ probation officer на каждые 100 тысячъ населенія, очевидно, эти лица совершенно не исполняли бы своего дѣла; поэтому допускаются закономъ volunteer probation officer, которыхъ въ одномъ Индіанополисѣ, какъ сообщаетъ мѣстный судья Стеббсъ, на статью котораго я уже ссылался, состоитъ *200*. Они имѣютъ всѣ права и обязанности probation officer, но не получаютъ содержанія. Они же и являются дѣйствительными органами общественной опеки. Обязанности probation officer очень многообразны и обнимаютъ всѣ стадіи процесса. До суда онъ разслѣдуетъ семейное положеніе ребенка, его репутацію, общее поведеніе внѣ даннаго случая, привычки, знакомства, отзывы школьнаго начальства о немъ. На судѣ онъ является и докладчикомъ судьи и тѣмъ collaborateur, которымъ является членъ comité de defense, онъ предлагаетъ судьѣ тѣ или другія мѣры, которыя по обстоятельствамъ дѣла представляются наиболѣе цѣлесообразными. Послѣ рѣшенія суда онъ наблюдаетъ и руководитъ отпущеннымъ на испытаніе, какъ настоящій опекунъ, духовный отецъ, заботясь о всѣхъ потребностяхъ опекаемаго, докладываетъ о ходѣ испытанія судьѣ, является по нѣсколько разъ, иногда вмѣстѣ съ опекаемымъ, къ судьѣ.

Не надо забывать, что система Probation примѣняется въ Америкѣ не къ малолѣтнимъ только, а и ко взрослымъ. А при такихъ условіяхъ будутъ понятны слова Бернрейтера, знатока американскаго строя, въ которыхъ онъ даетъ общую оцѣнку испытательной системы [1]. «Здѣсь идетъ дѣло, говоритъ Бернрейтеръ, вовсе не о какомъ-либо только новомъ процессуальномъ институтѣ, а о совершенно новомъ взглядѣ на отношенія общества къ тѣмъ отдѣльнымъ личностямъ, которыя поставили себя въ противорѣчіе съ нравственнымъ и соціальнымъ строемъ. Въ этомъ новомъ институтѣ проявивилась, до сихъ поръ не признававшаяся, обязанность, долгъ общества въ отношеніи къ своимъ заброшеннымъ и преступнымъ членамъ. Это попытка въ тѣхъ случаяхъ, когда вообще есть надежда на успѣхъ, замѣнить наказаніе дополнительнымъ воспитаніемъ и нравственнымъ обновленіемъ. Центръ тяжести всего института въ испытательномъ срокѣ, въ томъ, какое впечатлѣніе на обвиняемаго произвелъ разборъ дѣла въ судѣ, въ томъ, какое вліяніе будетъ въ состояніи оказать на обвиняемаго то лицо, попеченію котораго онъ ввѣряется». Цѣль— бороться съ преступностью и преступными наклонностями и когда эта цѣль достигнута — отказъ отъ наказанія. Probation officers объединяются въ мѣстныхъ Boards of charity and correctiom, но кромѣ того существуетъ особый союзъ этихъ дѣятелей, который устанавливаетъ и намѣчаетъ общія начала дѣятельности. Мы поймемъ теперь, почему судья дѣтскій Гетхиль назвалъ probatiou officer тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ держится сводъ всего судебнаго зданія. Среди probation officers мы встрѣчаемъ женщинъ, представителей религіозныхъ обществъ. Конечно, не слѣдуетъ забывать, что при широкой постановкѣ англійскихъ и американскихъ судовъ, судьи прямо и непосредственно входятъ въ сношеніе и приглашаютъ къ участію общество; такъ англійскіе судьи назначаютъ для каждаго даннаго ребенка воспитательное заведеніе не иначе, какъ по совѣщаніи съ представителями Reformatory and Refuge Union. Такъ далѣе, конечно, судьи французскіе, при выполненіи требованій законовъ 1889 и 1898 г.г. встрѣчаютъ содѣйствіе въ такихъ могущественныхъ, быстро развившихся союзахъ, какъ Union française pour le sauvetage de l'enfance (1888 г.), Société generale de protecion de l'enfance abandonnée ou coupable, Société de patronage des orphelins. Всѣ эти общества, засѣдая въ Парижѣ, имѣютъ многочисленныя отдѣленія въ провинціи.

---

[1]) Наз. соч., стр. 123.

Но всѣ эти общества, какъ французскія, такъ въ особенности англійскія и американскія, не удовлетворяются ролью совѣтчика суда, они идутъ дальше и объ этомъ ихъ участіи въ борьбѣ съ преступностью, и въ отправленіи правосудія, я долженъ сказать особо.

На основаніи всѣхъ данныхъ, приведенныхъ въ этой главѣ, я позволю себѣ заключить, что дѣятельность общества въ отношеніи павшихъ членовъ общества, дошедшихъ до совершенія преступленія, выражается въ опекѣ, которая сводится какъ и другіе роды дѣятельности общества къ помощи и надзору, но надзору особо усиленному, осуществленіе котораго обезпечено извѣстными въ законѣ установленными правами и обязанностями.

Останавливаясь на положеніи дѣла борьбы съ дѣтскою преступностью въ Россіи, я долженъ отмѣтить, какъ и въ предыдущихъ отдѣлахъ, что у насъ можно развѣ видѣть только предположенія, но даже не начинанія лучшаго будущаго. Если вѣрить даннымъ русской статистики, то и у насъ дѣтская преступность растетъ быстро [1]).

Положеніе заброшенныхъ дѣтей и у насъ обсуждалось на 2 съѣздѣ русской группы международнаго союза криминамистовъ, происходившемъ въ 1900 г., и рѣшено было идти по тому же пути, который избранъ уже иностраннымъ законодательствомъ.

Въ докладѣ этому съѣзду покойнаго Обнинскаго [2]) сдѣланы указанія на существующія и въ дѣйствующемъ законѣ ограниченія родительской власти, когда родители лишаются всѣхъ правъ состоянія, они лишаются и родительской власти; когда они осуждены за умышленное развращеніе нравственности дѣтей, а также за намѣренное потворство таковому (ст. 1588 ул. о нак.), то они лишаются права надзора за воспитаніемъ дѣтей.

Я могу далѣе указать, что ст. 26 проекта опекунскаго устава, пока (?) безнадежно сданнаго въ архивъ, предполагаетъ предоставить опекунскимъ учрежденіямъ право подобно прусскому ландрехту (зачѣмъ торопиться) *за счетъ родителей* отдавать заброшеныхъ дѣтей въ воспитаніе.

А пока два (насколько мнѣ извѣстно) общества защиты дѣтей въ Петербургѣ и Одессѣ страдаютъ отъ отсутствія всякой легальной защиты въ борьбѣ съ произволомъ родите-

---

[1]) Тарновскій. Журн. Мин. Юст. 1899, кн. 9.

[2]) Журн. Мин. Юст. 1900, кн. I, стр. 296.

лей. У насъ съ 1866 г. существуютъ исправительныя заведе денія для малолѣтнихъ преступниковъ; къ сожалѣнію, Тюремное Управленіе перестало ими даже интересоваться и въ послѣднемъ отчетѣ Главнаго Тюремнаго Управленія за 1904 г. даже не помѣщено сводной вѣдомости о числѣ этихъ заведеній. Приблизительно ихъ, кажется, около 40 всего на всю Россію.

Вотъ и все, грустно даже мимоходомъ объ этомъ упоминать.

Участіе общества въ отправленіи правосудія.

Въ предыдущемъ отдѣлѣ мы познакомились съ органами общества, осуществляюшими совмѣстно и подъ руководствомъ суда опеку надъ заброшенными (деклассированными) и преступниками. Дѣятельность общества не ограничивается этимъ, она все развивается, она беретъ на себя все больше и больше функцій въ борьбѣ съ преступностью. Но понятіе общества очень широкое; когда мы говоримъ объ общественномъ мнѣніи, то мы имѣемъ въ виду взгляды, раздѣляемые большею частью *индивидовъ* даннаго народа или по крайней мѣрѣ наиболѣе развитыхъ его представителей. Но когда мы говоримъ объ общественномъ мнѣніи, мы можемъ удовлетворяться такимъ приблизительнымъ опредѣленіемъ общества, какъ массы людей, хотя бы и не организованной. Но когда вопросъ идетъ уже не объ одномъ мнѣніи, а объ активной дѣятельности, то конечно понятіе массы, большинства, совокупности индивидовъ, недостаточно. Масса дѣйствовать систематически не можетъ, совокупность индивидовъ, связанныхъ между собою, хотя бы и общностью взглядовъ, не можетъ предъявлять требованій на передачу ей организованнымъ правительствомъ выполненія общеполезныхъ функцій. Но въ томъ то и дѣло, что развитіе общества и усиленіе значенія „общества“ въ выполненіи общегосударственныхъ функцій и задачъ сопровождается все большею организацією неопредѣленной и безформенной общественной массы, какъ совокупности индивидовъ. Духъ единенія, какъ мы уже неоднократно отмѣчали, вызываетъ союзное движеніе; образуются громадныя отдѣльныя общества для преслѣдованія общественныхъ, лежащихъ внѣ интересовъ отдѣльныхъ членовъ, цѣлей; эти общества мало по малу систематически организуются, выростаютъ въ громадные комплексы организованныхъ силъ съ цѣлою системою правильно дѣйствующихъ органовъ. И такія организованныя

общественныя силы, преслѣдующія общія цѣли, конечно, уже могутъ претендовать на участіе въ управленіи и въ частности на участіе въ отправленіи правосудія.

Мы встрѣчались уже на протяженіи настоящей работы съ такими обществами великанами, преслѣдующими цѣли филантропіи и при томъ наиболѣе пенитенціарными изъ нихъ, ведущими прямо путемъ филантропіи борьбу съ факторами преступности. Здѣсь я, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ, коснусь организаціи и функціонированія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ обществъ, которыя борются за дѣтство, которыя берутъ на себя функціи преслѣдованія въ уголовномъ порядкѣ и удержаніе угрозой судебной репрессіи отъ совершенія тѣхъ дѣяній, противъ распространенія которыхъ они борятся, наконецъ, такихъ, которыя учреждаютъ собственные суды, отправляющіе свое правосудіе въ предѣлахъ интересовъ данной группы.

Во главѣ другихъ обществъ, какъ одно изъ старѣйшихъ, должно быть поставлено возникшее въ 1856 г. Reformatory and Refuge Union въ Лондонѣ. Общество это собственно въ настоящее время объединилось съ цѣлымъ рядомъ другихъ родственныхъ обществъ въ одно громадное общество, носящее названіе „The National association of certified reformatories and industrial schools". Болѣе 1.000 обществъ въ разныхъ пунктахъ Англіи входятъ въ его составъ. Въ обществѣ 8 комитетовъ центральныхъ, перечисленіе компетенціи этихъ комитетовъ лучше всего дастъ надлежащее представленіе о громадности того дѣла, которое ведетъ это общество: Комитеты по порядку завѣдываютъ: первый—помощью дѣтямъ, второй—реформаторіями и индустріальными школами (бывшая Reformatory and Refuge Union), третій—эмиграціей, четвертый—патронатомъ надъ освобождаемыми изъ мѣстъ заключенія, пятый—женскими миссіями, т. е. заботится о женщинахъ, освобожденныхъ изъ тюремъ и падшихъ, шестой—комитетъ пособій и пенсій служащимъ въ обществѣ центральномъ и объединенныхъ, седьмой—отчетность, изданія, восьмой—убѣжища для пьяницъ. Конечно, громадный бюджетъ свыше 1 милліона рублей. Девизъ общества; побѣждай добромъ и прежній девизъ Reformatory and Refuge Union: разыскивать и спасать то, что потеряно. Общество издаетъ свой журналъ „Seeking and Saving". Въ моемъ распоряженіи имѣется этотъ журналъ за 1904 г. Здѣсь наряду съ подробнымъ обсужденіемъ вопроса о веденіи той или другой отрасли громаднаго дѣла этого общества, со статьями о дѣтскомъ судѣ въ Америкѣ, мы находимъ и

статьи популяристическаго содержанія, въ которыхъ передаются, такъ сказать, отдѣльные случаи спасенія.

Если остановиться только на первомъ отдѣлѣ общества, который является, такъ сказать, самостоятельнымъ обществомъ, Children aid Society, то этотъ отдѣлъ имѣетъ своихъ Boy's beadle и впервые завелъ этотъ органъ столь извѣстный теперь въ Англіи. Boy's Beadles, заняты задержаніемъ дѣтей бродяжничающихъ и нищенствующихъ на улицахъ, имѣя на то равное съ чинами полиціи право. Это общество имѣетъ своихъ rescue officers, которые сопровождаютъ дѣтей въ судъ, когда послѣднія привлекаются туда, и исполняютъ отчасти обязанности членовъ comités de defense. Наконецъ общество имѣетъ своего solicitor'а, возбуждающаго преслѣдованіе противъ нарушителей интересовъ дѣтства.

Не менѣе интересна организація и порядокъ дѣйствія и другого англійскаго общества The National Society for the Prevention of Cruelty to Chieldren. Общество это собственно образовалось въ 1882 г., но получило хартію въ 1895 г. черезъ годъ послѣ изданія Prevention of cruelty to Children Act 1894, о которомъ я говорилъ выше. Не слѣдуетъ забывать, что понятіе cruelty въ англійскомъ законѣ понимается широко: это не только жестокость или грубое обращеніе, это всякое дѣйствіе или вліяніе, могущія представить опасность для здоровья физическаго или нравственнаго дѣтей. Уже изъ этого одного видно, какъ широкъ кругъ дѣятельности общества. И дѣйствительно общество имѣетъ рядъ отдѣленій по всей Великобританіи (Англіи, Шотландіи, Ирландіи) съ правильнымъ раздѣленіемъ страны на участки съ населеніемъ въ городахъ въ 100 т. человѣкъ и внѣ городовъ 80 т. Всѣ жалобы и заявленія провѣряются особыми, состоящими на жалованьѣ инспекторами; они всѣ вообще производятъ разслѣдованіе о заброшенныхъ дѣтяхъ. Они имѣютъ всѣ права полицейскихъ офицеровъ, а въ обществѣ называются Childern's Men. Такихъ офицеровъ по отчету за 1903—1904 г., имѣющемуся у меня, числилось 201.

Интересныя данныя о порядкѣ и результатѣ дѣятельности этого общества, сообщаетъ Рейхеръ [1]). Благодаря своимъ обширнымъ свѣдѣніямъ, общество своевременно узнаетъ о заброшенности ребенка. Узнавъ объ этомъ, однако, оно не возбуждаетъ немедленно преслѣдованія, а посылаетъ съ начала предупрежденіе warning, адресованное на имя родителей, въ

---

[1]) I B. 2 Abt., стр. 160.

которомъ прямо говорится «ваше поведенiе въ отношенiи вашего ребенка было предметомъ разслѣдованiя нашего общества и мы вамъ дѣлаемъ предостереженiе чтобы предупредить дальнѣйшiя преслѣдованiя съ нашей стороны». Если предостереженiе не оказываетъ должнаго влiянiя, то возбуждается преслѣдованiе. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ предостереженiе достигаетъ цѣли. Такъ по отчету 1903—1904 г. было произведено за годъ 37.490 разслѣдованiй, въ 30.035 оказалось достаточно предостереженiя и только въ 2.748 было возбуждено преслѣдованiе. Общество и до суда изъемлетъ дѣтей, находящихся въ опасности, и помѣщаетъ ихъ въ place of safety.

Въ Америкѣ столь же многочисленныя Childern's Aid Societies, societies for the prevention of cruelty to children и д. Въ имѣющемся у меня Gerry's Manual of the New-Iork society for the Prevention of Cruelty to children за 1901 г. (ст. 8) приведены слѣдующiя статьи изъ уголовнаго кодекса штата Нью-Iорка: 1668. Офицеры и агенты всѣхъ законнымъ образомъ инкорпорированныхъ обществъ, преслѣдующихъ цѣли предупрежденiя жестокости въ отношенiи дѣтей и животныхъ, объявляются симъ peace officers въ смыслѣ ст. 154 уст. Угол. процесса. Судья прямо можетъ поручить опеку надъ дѣтьми такой корпорацiи, и всѣ власти должны оказывать содѣйствiе агентамъ общества при взятiи ребенка и т. д.

Я конечно не предполагаю давать сколько-нибудь исчерпывающiй перечень подобнымъ обществамъ, мнѣ важно лишь было указать, какiя права чисто судебныя по объявленiю предостереженiй, преслѣдованiю, возбужденiю и веденiю дѣлъ въ судѣ, по исполненiю рѣшенiй суда, присвоиваются подобнымъ обществамъ въ Англiи, Америкѣ.

Павелъ Нуриссонъ въ своемъ сочиненiи L'association contre le crime (1901) приводитъ рядъ примѣровъ изъ англiйскаго общественнаго строя, характеризующихъ особыя права и функцiи обществъ, защищающихъ женщинъ, дѣтей, преслѣдующихъ нищенство и общественный развратъ. Общества столь же развитыя, какъ англiйскiя, встрѣчаются и во Францiи — L'union francaise pour le sauvetage de l'enfance, Patronage familial и т. д. Но этимъ обществамъ не достаетъ тѣхъ правъ, которыми располагаютъ англiйскiя и американскiя. Во Францiи все еще въ полной цѣлости монополiя обвиненiя за прокурорскимъ надзоромъ, даже по частно-уголовнымъ дѣламъ. Поэтому вполнѣ правъ Павелъ Нуриссонъ, когда онъ въ только что указанномъ сочиненiи и въ вышедшемъ

гораздо ранѣе въ 1894 г. De la participation des particuliers dans la lutte contre le crime—подробно доказываетъ весь вредъ для дѣла борьбы съ преступностью, происходящій отъ присвоеннаго французской прокуратурѣ исключительнаго права обвиненія. Это отражается даже на количествѣ возбуждаемыхъ преслѣдованій; прокуратура не въ состояніи справиться съ дѣломъ во всемъ объемѣ, она находится въ полномъ подчиненіи министерствъ и политическихъ партій и съ точки зрѣнія интересовъ данной господствующей политической партіи многое оставляется безъ преслѣдованія. Взгляды Нуррисcона встрѣтили полное сочувствіе парижскаго Societé generale des prisons [1]), но пока устои французскаго судебнаго строя остаются нетронутыми. А между тѣмъ, общее движеніе въ развитіи судебнаго строя идетъ именно въ томъ направленіи, которое указываетъ Нуррисcонъ. Даже въ такихъ странахъ, какъ Германія и Австрія, гдѣ частная инициатива и огражденіе ея закономъ далеко не такъ развиты, какъ здѣсь, мы встрѣчаемся съ Nebenkläger и съ Subsidiär Ankläger рядомъ съ оффиціальнымъ обвинителемъ. Даже въ Россіи частный обвинитель имѣетъ видную роль въ большой группѣ дѣлъ частноуголовныхъ и публичныхъ дѣлъ въ мировой юстиціи.

Уже въ главѣ о союзномъ движеніи въ наше время, передавая теорію Нотнагеля, я останавливался на требованіяхъ профессіональной этики вѣнскихъ врачей, нарушеніе которыхъ карается судомъ чести этихъ врачей. Аналогическая организація самоуправленія австрійскихъ врачей и прусскихъ, объединеніе ихъ по провинціямъ въ особыя выборныя камеры съ совѣтами во главѣ, даетъ мнѣ основаніе предполагать, что устройство суда чести врачей аналогично въ Австріи и Пруссіи, гдѣ организація подобныхъ судовъ установлена закономъ 25 ноября 1899 [2]). Конечно это суды не уголовные а дисциплинарные, такіе же какъ суды чести австрійскихъ (1873) и германскихъ адвокатовъ (1878). Но едва-ли правильно было бы считать, что компетенція этихъ судовъ такъ далека отъ компетенціи уголовныхъ судовъ, не говоря о томъ, что вообще разграниченіе дисциплинарныхъ проступковъ отъ уголовныхъ не зиждется ни на какомъ серьезномъ принципіальномъ началѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что въ числѣ проступковъ,

---

[1]) „Revue penit.“. 1896, p. 660.

[2]) *Grotefend*. Gesetresgebungsmaterial. 1899, стр. 545. Ср. статьи объ этихъ судахъ въ Archives d'anthropologie criminelle. 1903, 15 Novembre Albert *Kammerer*.

подлежащихъ вѣдѣнію суда чести вѣнскихъ врачей, значатся и такіе, какъ публичное въ печатныхъ органахъ выдаваніе за свои извѣстныхъ въ медицинѣ и другимъ врачамъ способовъ врачеванія, или лѣкарствъ, или имѣніе наемныхъ агентовъ (что они должны говорить?) для привлеченія кліентовъ.

Не представляютъ ли подобные проступки легкихъ видовъ обмана и мошенничества въ области избранной профессіи, не являются ли они вообще началомъ преступной дѣятельности и не важно ли потому, чтобы вся тяжесть силы общественнаго мнѣнія корпораціи пресѣкла съ самаго начала преступныя поползновенія. Несомнѣнно поэтому, что значеніе подобныхъ судовъ, при такихъ условіяхъ, въ дѣлѣ борьбы съ преступностью громадное.

Суды чести прусскіе организованы такъ. Они состоятъ (§ 7) изъ предсѣдателя совѣта (камеры) врачей данной провинціи, трехъ лицъ, выбранныхъ тѣмъ же совѣтомъ изъ своего состава, и члена мѣстнаго суда, тоже выбраннаго совѣтомъ. Законъ не даетъ перечисленія проступковъ, подвѣдомственныхъ этому суду, какъ это сдѣлано въ австрійскомъ законѣ, но за то имѣется весьма многознаменательнаго значенія § 3, который говоритъ «врачъ обязанъ исполнять свои профессіональныя обязанности добросовѣстно и своимъ поведеніемъ, какъ при исполненіи своихъ профессіональныхъ обязанностей, такъ и внѣ таковаго, поддерживать честь своей профессіи.

Взысканія, налагаемыя судомъ чести—предостереженіе, выговоръ, денежное взысканіе до 3.000 марокъ, ограниченіе срочное пассивнаго и активнаго права выборовъ въ совѣтъ врачей.

Весь порядокъ процессуальный вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ современнаго процесса, съ допросомъ свидѣтелей въ присутствіи сторонъ, преніями и т. д.

На рѣшеніе провинціальнаго суда чести возможна жалоба въ центральный врачебный судъ чести, тоже образуемый на основаніи выборнаго начала.

Я не могу здѣсь хотя бы только не упомянуть о судахъ примирительныхъ для устраненія конфликтовъ между интересами работодателей и рабочихъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ штатахъ [1]), подобныя ка-

[1]) Ср. подробно Georges *Waterlot*. La conciliation et l'arbitrage dans les conflits collectifs entre patrons et ouvriers. Paris. 1896.

меры всецѣло опираются на профессіональные союзы и являются, такъ сказать, ихъ произведеніемъ, мы имѣемъ полное право такія камеры считать примирительнымъ судомъ самихъ обществъ, или общества. Конечно, пожалуй ихъ компетенція скорѣе гражданская, чѣмъ уголовная, но если только вспомнить, что главной задачей этихъ судовъ— устраненіе забастовокъ и всѣхъ вообще насильственныхъ столкновеній между хозяевами и рабочими со всѣми многообразными видами преступныхъ дѣяній, почти неизбѣжно сопровождающихъ подобныя столкновенія, то, я думаю, не будетъ сомнѣнія въ значеніи этихъ судовъ въ дѣлѣ борьбы съ преступностью.

Наконецъ, хотя бы для системы, я не могу не упомянуть о роли суда присяжныхъ.

Конечно о судѣ присяжныхъ довольно смѣло упоминать мимоходомъ. Но это, можетъ быть, оправдано тѣмъ, что нѣтъ навѣрно криминалиста, который бы не писалъ въ своей жизни объ этомъ популярнѣйшемъ институтѣ; соотвѣтственную дань этому вопросу и при томъ въ широкихъ размѣрахъ принесъ и я. Поэтому здѣсь я ограничусь только тѣмъ, что отмѣчу одну изъ сторонъ дѣятельности этого суда.

Къ достоинствамъ и незамѣнимымъ качествамъ суда присяжныхъ относятъ, прежде всего, его независимость; судъ по самой своей природѣ natura rerum долженъ быть независимымъ посредникомъ между двумя спорящими сторонами, и это качество, въ высшей мѣрѣ, присуще суду присяжныхъ.

Судъ присяжныхъ далѣе обезпечиваетъ за судомъ знаніе жизни, а всѣ уголовныя дѣла, даже самыя простыя, по составу, представляютъ собою сплетеніе сложнѣйшихъ жизненныхъ условій и обстоятельствъ.

Судъ присяжныхъ, конечно, судитъ не о фактѣ но и о правѣ; онъ, правда, вовсе не облеченъ законодательною властью, для даннаго единичнаго случая, но тѣмъ не менѣе ему ставятъ вопросъ: подлежитъ ли данное дѣяніе вмѣненію подсудимому. И вотъ постановка этого вопроса и ввѣреніе разрѣшенія его обществу и его представителямъ имѣетъ громадное, первенствующее, значеніе въ данномъ случаѣ. Только представители общества, какъ я подробно развивалъ эту мысль въ докладѣ моемъ о судѣ присяжныхъ международному тюремному конгрессу въ Буда-Пештѣ 1905—могутъ судить правильно о томъ, въ какой мѣрѣ совершенное подсудимымъ дѣяніе во

всей жизненной обстановкѣ этого дѣянія, во всѣхъ жизненныхъ условіяхъ, противорѣчитъ *общественной совѣсти*, совѣсти того общества, которое само признаетъ себя виновнымъ въ созданіи многихъ условій, которыя способствуютъ совершенію преступленій, которое поэтому считаетъ себя обязаннымъ вести борьбу съ преступностью не путемъ каръ и возмездія, а путемъ предупрежденія, заботъ и опеки надъ слабѣйшими своими членами.

Общіе выводы.

I.

Тема настоящаго изслѣдованія во всей его совокупности несомнѣнно новая. Я задался мыслью не столько создать новую теорію о средствахъ борьбы съ преступностью, сколько, хотя бы сжато, представить современное дѣйствительное положеніе этого дѣла. Я по возможности старался во всемъ изслѣдованіи воздерживаться пока отъ всякихъ выводовъ и позволяю себѣ думать придерживался индуктивнаго метода въ той мѣрѣ, въ какой это возможно вообще въ области наукъ соціальныхъ и юридическихъ. Мнѣ кажется, что при такихъ условіяхъ отмѣчены если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, главнѣйшіе факты и данныя, характеризующія современное положеніе дѣла борьбы съ преступностью. Съ этими фактами и явленіями современной жизни наукѣ считаться безусловно необходимо; каковы бы ни были современныя теоріи, или какіе бы ни существовали взгляды той или другой научной школы на преступленіе, преступника, наказаніе и вообще дѣло борьбы съ преступностью.

Предъидущее изложеніе даетъ, какъ кажется, основаніе признавать установленными слѣдующіе факты.

Преступность растетъ чрезвычайно быстро, и этотъ ростъ не кажущійся а несомнѣнный, ибо, какъ показываютъ статистическія данныя, этотъ ростъ *обгоняетъ* и очень *сильно* ростъ населенія. Задаваясь мыслью о причинахъ этого роста и примѣняя въ мѣрѣ возможности тотъ методъ, который Джонъ Стюартъ Милль назвалъ методомъ сопутствующихъ измѣненій, мы вынуждены считаться съ тѣмъ фактомъ, что во первыхъ быстрый ростъ преступности начался одновременно съ особенно сильнымъ расцвѣтомъ и развитіемъ капитали-

стически-фабричнаго производства и сопровождающихъ его явленій: стеченія населенія въ города, пауперизма и разрушенія всякихъ корпорацій, союзовъ и вообще единеній, поддерживающихъ и руководящихъ личностью, и во-вторыхъ, что ростъ преступности особенно силенъ въ тѣхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, гдѣ индустріализмъ развивается очень быстро. Отсюда, слѣдуя чисто индуктивнымъ путемъ, мы вправѣ съ большою вѣроятностью заключить, что индустріализмъ съ сопутствующими его явленіями является во всякомъ случаѣ однимъ изъ главныхъ факторовъ преступности. Разслѣдуя болѣе подробно съ одной стороны тѣ формаціи общественныя, которыя исчезли съ водвореніемъ индустріализма, мы приходимъ къ заключенію, что исчезнувшія средневѣковыя формаціи съ одной стороны поддерживали личность, не допускали ее до паденія матеріальнаго, а съ другой стороны создавали понятіе чести корпоративной и осуществляли надзоръ за членами, поддерживали въ нихъ чувство личной чести и человѣческаго достоинства. Изучая съ другой стороны явленія, сопутствующія индустріализму, мы приходимъ къ выводу (подробная мотивировка въ главѣ о факторахъ преступности), что эти явленія приводятъ личность къ паденію матеріальному, что личность оставляется вовсе безъ своевременной поддержки, что изъ личности, имѣющей честь, достоинство, извѣстной хотя бы группѣ лицъ, она превращается въ номеръ, фишку, которую никто не знаетъ, за которой никто не надзираетъ, которую никто не удерживаетъ и что въ концѣ концовъ, эти явленія приводятъ къ деградаціи, деклассаціи личности, потери ею чести и человѣческаго достоинства. Отсюда опять таки идя методомъ сопутствующихъ измѣненій, мы приходимъ къ заключенію, что одною изъ первопричинъ, основныхъ факторовъ, преступности вообще, безотносительно даже къ нашему времени, является потеря личностью чести и человѣческаго достоинства и тѣ условія, которыхъ не было прежде, а которыя имѣются теперь и которыя приводятъ къ этой утратѣ.

Изучая далѣе опять таки фактъ современнаго союзнаго движенія мы приходимъ къ заключенію, что современное человѣчество пришло къ сознанію, что одной изъ причинъ всѣхъ современныхъ соціальныхъ бѣдъ, въ томъ числѣ и роста преступности, является заброшенность личности. Благодаря такому сознанію современнаго человѣчества зарождаются и изумительно быстро развиваются союзы, объединяющіе отдѣльныя личности. Идя опять таки чисто индуктивнымъ наблюдательнымъ методомъ, мы констатируемъ существованіе

слѣдующихъ главныхъ видовъ тѣхъ союзовъ, которые имѣютъ цѣлью бороться съ заброшенностью личности. Во-первыхъ, союзы объединяющіе вполнѣ здоровыя экономически и нравственно личности; союзы эти поддерживая личность, содѣйствуя ей въ достиженіи разнообразныхъ ихъ личныхъ цѣлей, въ то же время создаютъ понятіе корпоративной чести, чести извѣстнаго призванія, чести и достоинства личности, ея соціальнаго значенія. Въ видахъ поддержанія этого понятія чести, союзы эти осуществляютъ нравственный надзоръ надъ своими сочленами, оказываютъ на нихъ извѣстное психологическое принужденіе угрозой исключенія изъ своей среды, которое влечетъ за собою потерю чести и соціальнаго положенія. Они пользуются надъ своими членами дисциплинарною властью, имѣютъ свои суды.

Во-вторыхъ, мы констатируемъ существованіе другого вида союзовъ, тоже экономически и нравственно здоровыхъ личностей, которыя преслѣдуютъ цѣли, лежащія внѣ интересовъ членовъ даннаго союза и при томъ именно помощь матеріальную и нравственную личностямъ, которыя вслѣдствіе той или другой причины близки къ паденію, обѣднѣли экономически и нравственно. Оказывая помощь, эти союзы стремятся главнымъ образомъ возстановить нравственную личность вспомоществуемыхъ, поставить ихъ на собственныя ноги, возсоздать въ нихъ ослабѣвшее чувство чести и собственнаго достоинства.

Наконецъ, мы отмѣчаемъ третій видъ союзовъ, которые посвящаютъ свои силы возрожденію заброшенныхъ, дошедшихъ до полнаго паденія экономическаго и нравственнаго, до утери не только чести и собственнаго достоинства, но даже до совершенія преступленія, до деклассаціи, до утраты самого пониманія значенія личнаго достоинства. Оказывая помощь этимъ лицамъ, этого вида союзы еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ предъидущіе, не довольствуются уже общими мѣрами, тѣмъ общимъ психологическимъ принужденіемъ, которымъ единственно ограничиваются въ союзѣ здоровыхъ личностей; здѣсь прибѣгаютъ къ личному непосредственному воздѣйствію и руководству каждаго изъ павшихъ однимъ изъ членовъ союза, создавая временно отношеніе опекуна и опекаемаго. Только такимъ продолжительнымъ, непосредственнымъ воздѣйствіемъ достигается возстановленіе въ душѣ опекаемаго значенія цѣнности утерянныхъ чести и собственнаго достоинства, а по возстановленіи этого главнаго стимула

нормальнаго и нравственнаго образа дѣйствій уже достигается и полное возрожденіе и реклассированіе личности.

Мы констатируемъ также, что въ осуществленіи задачъ своей дѣятельности послѣдній видъ союзовъ присваиваетъ себѣ судебныя функціи, вступаетъ и устанавливаетъ непосредственное отношеніе съ судомъ и въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ послѣднимъ своею дѣятельностью совершенно устраняетъ участіе органовъ репрессіи и самой репрессіи.

Наконецъ, мы констатируемъ одновременное со всѣми выше установленными фактами и данными, явленіе быстраго вымиранія системы репрессіи, какъ средства борьбы съ преступностью.

Всѣ эти факты несомнѣнно доказаны и подробно иллюстрированы всѣмъ предыдущимъ изложеніемъ; всѣ они приводятъ къ несомнѣнному, не подлежащему никакому сомнѣнію выводу, что въ дѣлѣ борьбы съ преступностью происходитъ не только переломъ, но быстрый переворотъ, выражающійся въ переходѣ отъ репрессіи къ превенціи, осуществляемой обществомъ, если говорить обще, путемъ опеки надъ ослабѣвшими своими членами.

Какъ же относится къ этимъ фактамъ современная юридическая наука. Большинство представителей этой науки по крайней мѣрѣ осталось на почвѣ догматики какъ теоретическаго изученія и разработки системы репрессивныхъ мѣръ и или вовсе не замѣчаетъ этого переворота или отрицаетъ самый фактъ существованія такого переворота, или пытается мимоходомъ, совершенно искусственно, пристегнуть не то въ видѣ дополненія, не то въ видѣ поясненія, отдѣльныя проявленія и факты изъ общаго, происходящаго на ихъ глазахъ, движенія. Мы еще вернемся къ вопросу о правильности и результатахъ такого отношенія науки къ переживаемому перевороту; здѣсь же мы должны отмѣтить, что благодаря такому отношенію ученыхъ, самое движеніе, во всей совокупности и въ его, такъ сказать, реальной дѣйствительности, остается безъ всякаго изученія, и мы встрѣчаемся лишь съ нѣкоторыми попытками идеализированія происходящаго движенія, съ теоріями опеки общества надъ преступниками. Я говорю идеализированія, ибо въ сущности эти теоріи, главнымъ образомъ, сосредоточиваются на критикѣ существующей, по крайней мѣрѣ оффиціально, системы мѣръ борьбы съ преступностью и на общихъ положеніяхъ, далеко опережающихъ предѣлы распространенія и развитія, достигнутые происходящимъ въ дѣйствительности дви-

женіемъ. Мы полагаемъ, что не дѣло науки идеализировать движеніе и вообще создавать для жизни цѣли, не имѣя при этомъ для этого прочныхъ данныхъ. Но, конечно наука должна содѣйствовать движенію, широко, теоретически, а главное всесторонне, освѣщая его хорошія и слабыя или даже опасныя стороны. На основаніи положительныхъ данныхъ о современномъ положеніи движенія, при подкрѣпленіи ихъ свѣдѣніями исторіи развитія преступности, можно, развѣ, въ противоположность всякому идеализированію указать предѣлы, которыхъ не перейти этому движенію. Такъ несомнѣнно, что какъ бы мы ни сочуствовали этому движенію, оно очевидно никогда не устранитъ совершенно существованія преступности. И даже еще больше, можно предвидѣть, что оно и въ будущемъ встрѣтится съ цѣлымъ рядомъ безнадежныхъ для «спасенія» случаевъ, для которыхъ останется только прибѣгнуть къ зарождающейся нынѣ формѣ *сохраненія* (Verwahrung норвежскаго уложенія и проекта швейцарскаго уложенія).

Ограничиваясь этими личными замѣчаніями, я остановлюсь въ видахъ полноты разработки избранной темы, хотя бы вкратцѣ, на указанныхъ выше теоріяхъ опеки общества надъ преступниками, какъ мѣры борьбы съ преступностью.

II.

Вернеръ Розенбергъ [1]) правильно замѣтилъ, что идея опеки высказывалась уже многими, но разработана не была.

Уже у Адама Смита [2]) мы встрѣчаемся съ довольно подробной мотивировкой идеи общественной чести и идеи опеки общественной. Онъ сравниваетъ положеніе высоко поставленнаго общественнаго дѣятеля, окруженнаго уваженіемъ всего просвѣщеннаго общества, съ положеніемъ человѣка, стоящаго низко на соціальной лѣстницѣ. «Онъ не посмѣетъ (he dare not), говоритъ Смитъ, отступить отъ общепринятаго въ этомъ обществѣ кодекса морали, изъ опасенія, лишиться и популярности и уваженія. Наоборотъ человѣкъ, занимающій невысокое соціальное положеніе, чувствуетъ на себѣ тяжесть общественнаго мнѣнія только до тѣхъ поръ, пока онъ живетъ въ деревнѣ, гдѣ его всѣ знаютъ, съ переселеніемъ въ городъ, онъ дѣлается никому неизвѣстнымъ и только съ поступле-

[1]) Zeitschrift für die gesammte Strafrechtsvissench. 24 B. 1 Heft.

[2]) An enquiry into the nature and causes of the wealth of nations. World iibrary, стр. 628.

ніемъ его въ какую-нибудь маленькую религіозную секту, его положеніе можно считать въ нравственномъ отношеніи болѣе безопаснымъ.

О значеніи опеки собственно въ области борьбы съ преступностью однимъ изъ первыхъ высказался Полетти [1]). Сочиненіе посвящено Ломброзо. Авторъ и самъ въ заглавіи говоритъ, что его теорія изложена brevemente, но въ сущности никакой теоріи нѣтъ, а есть мотивировка предлагаемый имъ перемѣны *названія* мѣръ борьбы съ преступностью. О наказаніи какъ причиненіи зла, можно было говорить до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно всѣ мѣры были направлены на оказаніе на преступника физіологическаго, физическаго воздѣйствія, но когда всѣ налагаемыя наказанія вымираютъ, когда не довольствуются внѣшнимъ воздѣйствіемъ, а желательно проникнуть въ глубь души преступника, достигнуть его исправленія, то можно говорить не о карѣ, а объ юридической опекѣ, объ уголовной опекѣ. Вотъ и все ученіе Полетти.

Затѣмъ обратило на себя, едва ли заслуженно, большое вниманіе сочиненіе Массова [1]). Массовъ въ сущности, написалъ сочиненіе въ духѣ общества поднятія уровня нравственности современной, въ духѣ дѣятельности общества Ethische Kultur, о которомъ я говорилъ выше и собственно опеки, какъ мѣры борьбы съ преступностью, онъ касается въ числѣ другихъ вопросовъ. Онъ говоритъ, что богатые люди имѣютъ возможность воспитывать и надзирать за своими дѣтьми, нужно обезпечить бѣднымъ Pflegling—воспитателя и только тогда мы можемъ разсчитывать, что подростающее поколѣніе дастъ честныхъ и нравственныхъ людей.

Для дѣтей говоритъ Массовъ, тюремное заключеніе отмѣнено. Почему? — потому что признаютъ ихъ дѣйствовавшими безъ достаточнаго разумѣнія, находятъ, что ихъ воля не сложилась. Но развѣ тѣ, которые послѣ отбытія наказанія неоднократно совершаютъ новыя преступленія, не доказываютъ, что у нихъ нѣтъ ни разумѣнія ни силы воли и не слѣдуетъ ли и надъ ними послѣ строгаго выговора въ судѣ, или если этого недостаточно, краткаго тюремнаго заключенія, назначать опекуновъ, конечно не изъ рядовъ полиціи, а изъ числа членовъ обществъ патроната.

Самое выдающееся мѣсто среди лицъ, писавшихъ объ опекѣ

---

[1]) F. Poletti. La teoria della tutela penale esposta *brevemente* da F. Poletti, 1878.
[2]) *C. von Massow.* Reform oder Revolution 2 Aufl. 1895.

общества, какъ мѣры борьбы съ преступностью, несомнѣнно вполнѣ законно, принадлежитъ Юлію Варга, профессору университета въ Грацѣ [1]). Конечно лучшая часть его обширнаго изслѣдованія—это безпощадная страстная критика всей современной системы мѣръ борьбы съ преступностью, въ томъ числѣ и тюрьмы, которую онъ называетъ безчестящей казармой. Но рядомъ съ этой критикой существующаго и у Варга мы находимъ кое-гдѣ, скорѣе въ видѣ замѣчанія, нѣкоторыя указанія на то, что дѣлается обществомъ въ борьбѣ съ преступностью. Какъ противоположность системѣ репрессивныхъ мѣръ выставляется идеалъ. Предполагается образованіе Hülfsvereine, вспомогательныхъ союзовъ, которые будутъ и примирять до суда и помогать суду и брать на себя опеку послѣ суда надъ преступниками, какъ лицами, находящимися въ опасности, ибо они благодаря соціальнымъ и личнымъ бѣдамъ ослабѣли физически, у нихъ растроена нервная система. Едва-ли эта положительная часть труда даетъ что-либо прочное, что-либо дѣйствительно научное.

Я конечно не причисляю къ идеологамъ опеки Фура [2]), который взамѣнъ существующей системы мѣръ борьбы съ преступностью, которую онъ тоже рѣшительно критикуетъ, предлагаютъ введеніе того усовершествованнаго полицейскаго надзора, который существуетъ въ Англіи. Конечно, это даже не идеалъ, не говоря уже о трудностяхъ достиженія въ другихъ старанахъ постановки полиціи, какъ въ Англіи.

Гербертъ Спенсеръ, въ своемъ сочиненіи о юстиціи [3]), высказываетъ согласно съ общими своими взглядами на исторію развитія государства, которое переходитъ отъ военнаго къ индустріальному строю, что пока граждане не имѣютъ ни средствъ, ни опытности, ни характера, для осуществленія всѣхъ необходимыхъ задачъ, разрѣшеніе этихъ задачъ всецѣло беретъ на себя государство. Съ переходомъ къ индуастріальному строю, образуются многочисленные добровольные союзы гражданъ два выполненія этихъ задачъ, цѣлый рядъ функцій переходитъ отъ государства къ этимъ союзамъ. Этотъ прогрессъ перехода не только не завершился, но мы не знаемъ его конца и предѣловъ. Съ ростомъ и развитіемъ вызывается необходимость большой спеціализаціи и большая

---

[1]) Die Abschaffung der Strafknechtschaft 1 Theil. 1896, II Th. 1897. Подробное изложеніе его ученія дано мною въ статьѣ „Новое ученіе о преступленіи и наказаніи".

[2]) Dr. Karl *Fuhr*. Strafrechtspflege und Socialpolitik. 1892.

[3]) H. Spencer. Principles of Ethics. 1892. II т. Justice, гл. XXVII.

годность одной части общества для выполненія соотвѣтственныхъ функцій, а слѣдовательно и процессъ перехода этихъ функцій отъ одной государственной власти, дѣйствующей единообразно, къ разнообразнымъ и многочисленнымъ союзамъ долженъ быть признанъ усовершенствованіемъ, движеніемъ впередъ.

Въ нашей литературѣ вопроса объ опекѣ коснулся съ высокой философской точки зрѣнія покойный В. Соловьевъ [1]) и нельзя не сказать, что мысли, высказанныя имъ, на той высотѣ, на которой онъ трактовалъ вопросъ, глубоко вѣрны и несомнѣнно заложены, какъ основной принципъ въ томъ общественномъ движеніи, при которомъ мы присутствуемъ.

Соловьевъ исходитъ изъ высокаго и несомнѣнно вѣрнаго положенія, что внѣшнее нарушеніе человѣческаго достоинства въ обиженномъ связано непремѣнно съ *внутреннимъ паденіемъ* этого достоинства въ обидчикѣ и то и *другое* требуетъ возстановленія. Существуютъ двѣ теоріи возмездія и вразумленія. Но нельзя оправдывать существованія первой однимъ историческимъ происхожденіемъ, вѣдь трансформація не закончилась. Потеряннаго права потерпѣвшаго не возстановить, государство тоже такимъ путемъ своего права не возстановляетъ, а лишь разрушаетъ блага. Теорія устрашенія, присоединяемая къ теоріи возмездія, не согласна съ нравственностью, ибо нравственный принципъ требуетъ, чтобы человѣческое достоинство уважалось въ каждомъ лицѣ; нельзя кого бы то ни было дѣлать только средствомъ или орудіемъ для чьей бы то ни было пользы, Но, конечно, нравственный принципъ требуетъ реальнаго противодѣйствія преступленіямъ, и это противодѣйствіе является какъ правомѣрное средство дѣятельнаго человѣколюбія, законно и принудительно ограчивающее проявленіе злой воли не только ради безопасности общества и его мирныхъ членовъ, но непремѣнно также и въ интересахъ самого преступника. Судъ только ставитъ діагнозъ, но не опредѣляетъ заранѣе лѣченія. Преступникъ фактомъ совершенія преступленія обнаружилъ, обнажилъ свой внутренній міръ, и нуждается въ обратномъ воздѣйствіи чтобы войти въ нормальные предѣлы.

Общественная опека надъ преступникомъ, поручаемая компетентнымъ людямъ съ цѣлью его возможнаго исправленія— вотъ единственное понятіе наказанія какъ положительнаго

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1895 № 3, стр. 212. Принципъ наказанія съ нравственной точки зрѣнія. Глава изъ нравственной философіи.

противодѣйствія преступленію, допускаемое нравственнымъ началомъ.

Долженъ прибавить отъ себя, что эта заключительная фраза объ опекѣ, столь же благородная и красивая, какъ и все ученіе, вылилась у автора какъ-то неожиданно и предыдущими соображеніями не мотивируется. Даже и у Варги ученіе о вспомогательныхъ союзахъ является тоже какъ пожеланіе, какъ идеалъ, не считающійся съ дѣйствительностью и мнѣ кажется гораздо важнѣе, что факты, которые собраны въ настоящей работѣ, убѣждаютъ насъ, что выставленные здѣсь идеалы являются лишь идеализаціей въ дѣйствительности происходящаго громаднаго, реальнаго, союзнаго движенія.

III.

Но если, какъ мы старались доказать въ настоящемъ изслѣдованіи, дѣйствительно въ дѣлѣ борьбы съ преступностью происходитъ переворотъ, состоящій въ томъ, что отъ мѣръ кары, возмездія, quia peccatum, ex post facto, переходятъ къ опекѣ, къ мѣрамъ попечительнымъ, направленнымъ къ предупрежденію совершенія новыхъ неизбѣжныхъ безъ такихъ мѣръ преступленій: однимъ словомъ, къ превенціи, то можно ли считать этотъ переворотъ явленіемъ, пустившимъ глубокіе корни, прочнымъ, обѣщающимъ дальнѣйшее развитіе въ этомъ направленіи.

Въ этомъ отношеніи мы можемъ освѣтить изучаемое нами движеніе въ области борьбы съ преступностью данными о положеніи дѣла борьбы со зломъ физическимъ и нравственнымъ, изъ того же отдѣла соціальной патологіи; и именно данными о томъ переворотѣ, который уже совершился въ области борьбы съ болѣзнями, недугами физическими, и о томъ переворотѣ, который начинается, намѣчается, въ области борьбы съ недугами нравственными, въ области педагогіи.

Остановившись на мысли объ аналогичности того переворота, который совершился въ медицинѣ, съ переворотомъ въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, я обратился за указаніями къ профессору Военно-Медицинской Академіи по исторіи медицины Г. Г. Скориченко, которому и приношу глубокую благодарность за указаніе мнѣ соотвѣтственныхъ научныхъ

трудовъ въ области медицины, на которые я и позволю себѣ сослаться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Бреславльскій профессоръ О. Розенбахъ [1]), давая очеркъ современнаго положенія терапіи, отмѣчаетъ, что въ этой наукѣ существуетъ два направленія: одно лѣчебное, которое столь *долго совершенно неосновательно* считалось единственнымъ представителемъ лѣчебнаго искусства, тогда какъ второе, болѣе важное, *предупредительное*, превентивное, только въ наше время оцѣнено по достоинству.

Съ средины 19 столѣтія, говоритъ другой ученый медикъ Георгъ Мейеръ [2]), благодаря Вирхову въ медицинѣ произошелъ переворотъ, выставлена была теорія клѣточки и сосредоточено было вниманіе именно на жизни клѣточки (совсѣмъ какъ въ пенологіи, гдѣ обратились отъ общихъ соображеній о преступленіи къ изученію отдѣльнаго человѣка). Вслѣдъ затѣмъ возникла теорія бактерій, которая не поколебала теоріи клѣточекъ, а наоборотъ выяснила до того неизвѣстныя явленія въ жизни клѣточки и указала на способъ защиты здоровья клѣточки. Если прежде все думали о лѣченіи, то теперь стараются предупредить болѣзни клѣточки, предупредить внѣдреніе бактерій. Какъ говоритъ тотъ же Розенбахъ, котораго я цитировалъ выше, значеніе неотразимаго вліянія бактерій было крайне преувеличено. Доктора не больше болѣютъ, чѣмъ другіе люди; когда болѣзнь занесена въ домъ, не всѣ члены семьи переживаютъ эту болѣзнь. Причина, значитъ, болѣзни не въ одной силѣ микробовъ, а въ предрасположеніи, въ здоровьи и прочности всего организма и каждой его клѣточки.

Отсюда понятно, въ какой мѣрѣ выросла гигіена и притомъ не въ смыслѣ только общей, такъ называемой соціальной гигіены, которая вообще стремится обезпечить общія условія, необходимыя для здоровья населенія—чистоты воды, воздуха, продуктовъ, достаточнаго питанія бѣднаго населенія, не въ смыслѣ даже тѣхъ общихъ предупредительныхъ мѣръ, которыя принимаются по указаніямъ гигіены, но въ смыслѣ мѣръ предупредительныхъ, индивидуальныхъ для даннаго организма, для огражденія его устойчивости противъ всякихъ

---

[1]) Dr. O. Rosenbach Prof. in Breslaw. Grundlagen, Aufgaben und Grenzen der Therapie. 1891. XI, стр. 114.

[2]) Georg *Meyer*, Die soziale Bedeutung der Medicin Ruckblicke und Ausblicke 1900.

микробовъ, которыми мы окружены и отъ вліянія которыхъ совсѣмъ устраниться мы не можемъ[1]).

Неудивительно, что мы постоянно встрѣчаемся съ выраженіемъ vorbeugende, präventive Medicin и т. д., что гигіена, ставъ въ 19 стол. научной дисциплиной, сосредоточиваетъ все болѣе и болѣе вниманія на себѣ. Но вотъ, несмотря на предупредительныя мѣры, заболѣваніе наступило, какъ же поступаютъ теперь? Какъ говоритъ проф. Либермейстеръ[2]), переходъ терапіи отъ анатомической точки зрѣнія на этіологическую, выставилъ на первый планъ предупреждающій, *профилактическій*, методъ лѣченія.

Я не говорю уже о хирургіи, раны не лѣчатъ, а принимаютъ всѣ мѣры и достигаютъ блистательныхъ результатовъ въ смыслѣ предупрежденія заразы, занесенія микробовъ. въ смыслѣ антисептики, и раны сами по себѣ заживаютъ, безъ всякаго лѣченія.

Но если остановиться на общихъ болѣзняхъ. Лѣчатъ ли ихъ теперь, или примѣняютъ, какъ говоритъ Либермейстеръ, методъ предохранительный, т. е. поставляютъ больного въ такія условія, при которыхъ онъ лучше въ состояніи бороться съ болѣзнью — діэта, климатъ (легочныя) и т. д.

Наконецъ, когда болѣзнь уже протекаетъ, то примѣняютъ, какъ выражается Либермейстеръ, выжидательно припадочное лѣченіе, т. е. ограничиваются мѣрами предупрежденія припадковъ, вспышекъ, осложненій.

Я прошу извиненія у медиковъ за мое конечно дилеттантское изложеніе медицинскихъ научныхъ теорій, но я ссылаюсь на авторитеты и думаю, что и то немногое, что̀ я привелъ здѣсь, убѣждаетъ, что въ 19 столѣтіи въ медицинѣ произошелъ тотъ же переворотъ, который происходитъ теперь въ области борьбы съ преступностью; отъ мѣръ лѣкарственныхъ, когда болѣзнь уже существуетъ, перешли къ мѣрамъ превентивнымъ и въ сущности пришли къ убѣжденію, что собственно лѣчить нельзя, а можно лишь съ надеждой на успѣхъ предупреждать заболѣваніе или предупреждать осложненія.

Я сказалъ выше, что въ области педагогіи, отмѣченный нами въ медицинѣ переходъ отъ репрессіи къ превенціи не совершился еще окончательно, а находится еще въ начальномъ періодѣ и тѣмъ не менѣе и не пытаясь вовсе здѣсь да-

---

[1]) Сравни Handbuch der Hygiene herausg von Dr. Med. Th. Weyl, Erster Band 1896.

[2]) О новѣйшихъ стремленіяхъ въ лѣченіи болѣзней, пер. съ нѣмецкаго 1884.

вать хотя бы и краткій очеркъ исторіи смѣны педогогическихъ воззрѣній, я могу отмѣтить, что измѣненіе во взглядахъ писателей, ученыхъ, педагоговъ, совершилось давно, еще съ Руссо, Монтаня, Песталоцци, но въ этой области родительская власть, съ которой приходится бороться въ защиту дѣтей заброшенныхъ, еще въ полной силѣ. И потому именно, что всѣ, силою вещей, обязаны воспитывать своихъ дѣтей, дѣло педагогики считается доступнымъ для всѣхъ и здѣсь предразсудки невѣжественныхъ людей надолго останутся въ полной силѣ. За одного битаго можно дать десять небитыхъ, говорила недавно еще русская пословица. Но пословицы больше не придерживаются, нравы подъ вліяніемъ культуры смягчаются, проявляется уваженіе къ человѣческой личности вообще, а съ нимъ вмѣстѣ и уваженіе къ личности ребенка. И становятся понятными слова Герберта Спенсера, сказанныя имъ еще въ 1863 г. [1]), дикость (жестокость) рождаетъ дикость, а ласковость—ласковость. Дѣти, съ которыми обращаются недружелюбно, сами становятся людьми недружелюбными, тогда какъ обращеніе съ дѣтьми по-товарищески есть лучшее средство воспитанія въ нихъ дружескихъ чувствъ. А нѣсколькими страницами раньше, [2]) тотъ же авторъ очень ядовито замѣчаетъ, что дикіе народы варварски воспитываютъ своихъ дѣтей, но конечно быть можетъ подчиненіе такимъ варварскимъ способамъ воспитанія есть лучшее средство подготовить изъ ребенка будущаго члена варварскаго общества. И за тѣмъ изъ ряда примѣровъ, которые приводитъ авторъ, совершенно наглядно выясняется основная идея автора, что наказаніе или совершенно ненужно, или развѣ какъ чрезвычайное исключеніе для чрезвычайныхъ случаевъ и чрезвычайныхъ натуръ. Но дѣло-то въ томъ, что воспитываютъ всѣ, по крайней мѣрѣ своихъ дѣтей, а воспитаніе дѣло не легкое, ибо прежде всего надо научиться себя сдерживать и сдерживать постоянно по мелочамъ; ребенокъ разсыпалъ игрушки, вмѣсто того, чтобы его спокойно заставить собрать, его колотятъ, а между тѣмъ собраніе игрушекъ, какъ скучная процедура, какъ естественное послѣдствіе допущеннаго имъ безпорядка, несомнѣнно сильнѣе запечатлѣлось бы въ душѣ и умѣ ребенка, какъ говоритъ Спенсеръ, чѣмъ грубое наказаніе.

Да, конечно при воспитаніи необходимо сохранять авто-

---

[1]) *Education:* intellectual, moral und physical New Iork. 1863, стр. 204.
[2]) стр. 179.

ритетъ, до извѣстной степени надо добиваться подчиненія. Но именно, какъ говоритъ Павелъ Наторпъ [1]), самая необходимость прибѣгать къ наказанію есть проявленіе банкротства системы воспитанія, доказательство, что авторитетъ утерянъ или не пріобрѣтенъ. Надо достигать того, чтобы ребенокъ самъ *желалъ* того, чего вы желаете, чтобы это была *его воля* слѣдовать вашему совѣту, какъ человѣка болѣе опытнаго и развитаго, если это не достигнуто, надо къ этому стремиться. А между тѣмъ именно тогда, когда этого не достигли, когда именно справедливость наказанія понята не будетъ, прибѣгаютъ къ наказанію все чаще и чаще и именно совершенно безнадежно. Наказаніе оставляетъ весьма мимолетное впечатлѣніе, при повтореніи болѣе или менѣе справедливо озлобляетъ и окончательно портитъ отношенія между воспитателемъ и воспитаникомъ. Но что главное, всякое наказаніе, какъ говоритъ Наторпъ, принижаетъ собственное достоинство ребенка, а потеря собственнаго достоинства въ ребенкѣ есть совершенно невознаградимая потеря въ воспитаніи. Это положеніе впрочемъ давно общепризнано; еще Монтань [2]) сказалъ: «воспитывая, никогда не прибѣгайте къ грубости и насилію; ничто такъ не парализуетъ, не унижаетъ благородной натуры. Если вы хотите, чтобы ребенокъ боялся стыда и наказаній, не пріучайте его къ нимъ».

И надо же наконецъ остановиться на основной мысли современнаго воспитанія; эта мысль взята изъ области естествознанія, эта мысль есть аксіома и состоитъ она въ томъ, что привить ребенку, какъ вообще всякому живому существу, скажу болѣе, какъ всему существующему въ мірѣ, ничего нельзя—можно только способствовать развитію того или другого заложеннаго уже въ самой природѣ. Но конечно всякая культивировка той или другой породы растеній, той или другой породы животныхъ, наконецъ, той или другой породы людей и состоитъ въ томъ, что оказываютъ *содѣйствіе* къ развитію той или другой желательной стороны, при чемъ эта сторона развивается естественно въ ущербъ другимъ. Природу не подавляютъ, человѣка не натаскиваютъ, а ограничиваются однимъ *содѣйствіемъ*, выражающимся въ обставленіи благопріятными условіями, примѣрами, пособіями. Въ самомъ дѣлѣ, если вы желаете, чтобы вашъ сынъ въ общемъ не предавался кутежамъ, неужели вы будете прибѣгать къ

---

[1]) Paul Natorp. Sozialpädigogik. Theorie der Willenserziehung auf der Grundlage der Gemeinschaft. 1899, стр. 229.

[2]) Приведено у Элленъ Кей. Вѣкъ ребенка. 1905, стр. 139.

запрещеніямъ, наказаніямъ, неужели вы будете продолжать эту систему, когда настанетъ періодъ или возрастъ соотвѣтственный и что же, развѣ можно примѣнять подобную систему съ надеждою на успѣхъ какой-либо? Конечно, нѣтъ, конечно, единственное средство привить своевременно умственные интерессы, чтобы кутежъ *не удовлетворялъ* бы, не могъ бы по крайней мѣрѣ поглотить, хотя бы и временно, всего человѣка, привить бережливость наконецъ.

Но что главное—не прививать, а развитію чего прежде всего надо въ особенности содѣйствовать—это чувству собственнаго достоинства, оно заложено во всякомъ человѣкѣ, съ самаго ранняго возраста. А собственное достоинство, пониманіе и приданіе большой цѣны мнѣнію другихъ о васъ есть несомнѣнно главный стимулъ всѣхъ благородныхъ поступковъ, основаніе всей нравственности. И это-то именно чувство собственнаго достоинства и подавляется наказаніемъ, и поэтому-то всѣ современные развитые педагоги противъ наказанія. И это не теорія, это самая реальная и вполнѣ осуществимая практика. Въ Петербургѣ есть гимназія, покойный директоръ которой К. И. Май прибѣгалъ къ одному лишь средству воздѣйствія на своихъ воспитанниковъ, когда десятилѣтній мальчуганъ велъ себя очень дурно, онъ *переставалъ подавать ему руку*. И въ виду того общественнаго мнѣнія, того общественнаго духа, который сложился въ заведеніи, такое лишеніе уваженія производило *потрясающее* впечатлѣніе. Вотъ это система воспитанія.

И вотъ эта-то основная мысль современнаго воспитанія—содѣйствіе къ возможно большему развитію собственнаго достоинства, чести личной, какъ единственная и главная *превентивная* мѣра противъ всѣхъ нравственныхъ дефектовъ, вотъ эта-то мѣра и является вполнѣ аналогичной тому образу дѣйствій, къ которому прибѣгаетъ общество въ борьбѣ съ преступностью въ предупрежденіе паденія, или для возстановленія нравственно павшаго—возрожденіе чувства чести, уваженія къ себѣ, пониманія высокой цѣны уваженія другихъ и общества къ личности.

IV.

Я считаю необходимымъ сдѣлать еще одну оговорку. Какъ совокупность тѣхъ мѣръ, которыя примѣняетъ общество въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, такъ даже и отвлеченныя

теоріи опеки общественной, хотя бы Варги, не имѣютъ ничего общаго и не могутъ быть смѣшиваемы съ тѣмъ, что антропологическая школа вслѣдъ за Ферри называетъ sostitutivi penali. Я уже указывалъ и выше, въ какой мѣрѣ ученіе о замѣстителяхъ наказанія расплывчато, неопредѣленно и въ концѣ концовъ обнимаетъ всѣ мѣры, которыя могутъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова быть полезными человѣчеству, включая сюда не только образованіе, но и холодныя ванны въ жаркомъ климатѣ [1]). При такихъ условіяхъ совершенно теряется возможность, конечно, провести границу между мѣрами, имѣющими въ виду достиженіе всѣхъ тѣхъ полезныхъ и разнообразныхъ цѣлей, къ которымъ стремится человѣчество (хотя бы, какъ ихъ опредѣляетъ Л. Штейнъ, въ качествѣ задачъ внутренняго управленія въ широкомъ смыслѣ слова) и мѣрами, собственно направленными противъ преступности. Между тѣмъ, если вдуматься въ дѣятельность тѣхъ трехъ видовъ общественныхъ союзовъ, характеристикѣ которыхъ посвящена настоящая работа, то я думаю, не можетъ быть сомнѣнія, что ихъ объединяетъ одна общая идея необходимости главнымъ образомъ поддержанія, а для павшихъ возстановленія, въ отдѣльной единичной личности чести, чувства чести и собственнаго достоинства, съ потерею которыхъ совершеніе преступленія является не катастрофой, а естественнымъ явленіемъ, однимъ изъ эпизодовъ нормальнаго состоянія. Если какъ къ вспомогательной цѣли общество обращается и къ матеріальной поддержкѣ, то только какъ къ временной мѣрѣ, ставя себѣ цѣлью прежде всего и главнымъ образомъ возможно скорѣе поставить личность на ноги, возстановить ее, какъ здоровую соціальную клѣточку. Поэтому дѣятельность филантропіи въ видѣ помощи всѣмъ калѣкамъ умственнымъ, физическимъ и т. д., гдѣ не можетъ быть рѣчи уже о возстановленіи личности, какъ бы она близко ни соприкасалась съ дѣятельностью общества въ борьбѣ съ преступностью, сюда не подойдетъ. Я полагаю, что вообще, какъ бы ни сплетались различные виды общественной дѣятельности, мы точно и опредѣленно можемъ различать элементы, входящіе собственно въ дѣятельность общества въ борьбѣ съ преступностью. Я думаю, что въ этихъ словахъ заключается и общій отвѣтъ на вопросъ темы: въ чемъ заключается роль общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью—въ поддержаніи и возстановленіи нравственномъ личности.

---

[1]) Lombroso. Le crime, стр. 295.

V.

Я не могу не коснуться, въ заключеніе, весьма важнаго вопроса объ отношеніи современной науки уголовнаго права къ совершающемуся движенію или даже совершившемуся перевороту. Въ то время какъ въ Англіи, Америкѣ и Франціи ученые криминалисты и тюрьмовѣды объединяются въ общемъ союзѣ съ практическими дѣятелями, создаютъ каѳедры филантропіи, пенологіи, стараются подготовить дѣятелей для новой плодотворной «соціальной», какъ они говорятъ общественной дѣятельности, въ Германіи и Австріи мы встрѣчаемся по прежнему съ пышнымъ разсцвѣтомъ догматики, примѣру нѣмецкой слѣдуетъ и русская наука. Лучшія силы уходятъ на разработку вопросовъ догмы. И представители этой догмы, или мимоходомъ упоминаютъ объ отдѣльныхъ явленіяхъ совершающагося движенія, или даже вовсе отрицаютъ силу и значеніе совершающагося переворота. Даже у самыхъ передовыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, какъ Листа, вы не встрѣтите въ учебникахъ слѣдовъ его собственной дѣятельности въ смыслѣ нѣкоторыхъ, хотя бы и самыхъ скромныхъ, указаній на новыя жизненныя требованія. Оно и понятно: такое явленіе, говорятъ намъ, оправдывается тѣмъ, что изученіе подобныхъ движеній, не можетъ же входить въ область догмы уголовнаго права. Задачей догмы уголовнаго права является подведеніе теоретическихъ основъ, началъ и системы подъ совокупность дѣйствующихъ законодательныхъ мѣръ репрессіи. Намъ говорятъ о громадномъ значеніи такой работы, какъ въ смыслѣ просвѣщенія законодателя, такъ и въ смыслѣ руководства практикой, въ концѣ концовъ такая работа служитъ, говорятъ намъ, водворенію законности и охранѣ правового порядка. Все это конечно задачи весьма важныя. Но позволимъ себѣ спросить, почему такія культурныя, съ высокимъ правовымъ строемъ страны какъ Англія и Америка, обходятся почти совсѣмъ безъ догмы, и довольствуются нѣкоторыми комментаріями, почему Франція довольствуется весьма малою дозою догматическихъ изслѣдованій, и то чрезвычайно близко придерживающихся толкованія практиками дѣйствующаго французскаго уголовнаго законодательства? Нужна ли такая напряженная работа въ этой области догмы и не затрачено ли здѣсь коллоссальное число силъ напрасно. Вспомнимъ ученіе о покушеніи на преступленіе; сколько теорій было создано, сколько попытокъ опредѣленія,

а кончилось это тѣмъ, что предпочли совершенно отказаться отъ опредѣленія покушенія, назвавъ его началомъ совершенія дѣйствія (§49 Норв. улож. и т. д). Сколько было создано теорій для опредѣленія вмѣняемости, теорій, которыя конечно не достигли до присяжныхъ засѣдателей, а между тѣмъ эти послѣдніе только и разрѣшаютъ вопросъ о вмѣняемости, пока наконецъ швейцарскіе врачи [1]), вслѣдъ за врачами другихъ странъ, не заявили категорически, что всякое опредѣленіе въ законѣ понятія вмѣняемости ихъ можетъ только стѣснять, ибо научнаго опредѣленія понятія вмѣняемости дать нельзя. Сколько силъ было потрачено, какой дремучій лѣсъ теорій, по выраженію Павла Бюнгера, выросъ по вопросу о единствѣ дѣйствія въ уголовномъ правѣ, а между тѣмъ при ближайшемъ изученіи, [2]) оказывается, что всякія попытки подведенія теоритическихъ основъ подъ понятіе единства дѣйствія въ уголовномъ правѣ останутся безплодными, ибо законодатель, а за нимъ вслѣдъ и судебная практика создаютъ это понятіе по весьма разнообразнымъ соображеніямъ не теоретическимъ, а чисто практическимъ цѣлесообразности (невозможности практически осуществить сложеніе наказаній и т. д.), гуманности и т. д. Такихъ вопросовъ много.

Но правильно ли въ интересахъ законности и охраненія прововаго строя по-прежнему сосредоточивать все вниманіе на вопросахъ догмы, на системѣ мѣръ репрессивныхъ, когда жизнь пошла по другому пути, создала новое теченіе, которое не менѣе нуждается во вниманіи юриста.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ я уже оговаривался выше, я вовсе не создавалъ новой теоріи мѣръ борьбы съ преступностью, новаго идеала, я отмѣчалъ существующее движеніе и я вовсе не склоненъ идеализировать это движеніе. Это движеніе происходитъ, съ нимъ надо считаться, оно несомнѣнно плодотворное, но конечно въ немъ есть и опасныя стороны. Самая идея опеки надъ личностью, поставленная очень широко, не поведетъ ли она къ чрезвычайному ограниченію свободы личности—этой основы правового строя и не слѣдуетъ ли создать правовыя гарантіи. Далѣе, само союзное движеніе, могущественное и сильное, со своими дисциплинарными правами и даже судами надъ членами, не нуждается ли оно въ тѣхъ же видахъ въ правовомъ нормированіи и въ надзорѣ суда. Наконецъ, судья уголовный, превращающійся въ судью административнаго,

---

[1]) См. мою работу о проектѣ швейцарскаго уголовнаго уложенія.

[2]) См. мою работу о единствѣ дѣйствія въ уголовномъ правѣ.

выбирающаго вмѣстѣ съ представителями обществъ цѣлесообразныя мѣры борьбы съ преступностью, и руководящій ихъ выполненіемъ, не нуждается ли и этотъ новый институтъ въ серьезной постановкѣ.

Но вѣдь для этого всего надо движеніе изучать, а потомъ нормировать.

Не вызываетъ ли совершающееся движеніе необходимости пересмотра основныхъ положеній науки уголовнаго права, ея взглядовъ на предметъ борьбы, на преступленіе, на преступника, на наказаніе, на самый методъ изслѣдованія.

А съ другой стороны въ области преподаванія. Не должна ли наука, подготовляющая судей для примѣненія репрессивныхъ мѣръ, заняться подготовленіемъ дѣятелей для новаго дѣла, во всякомъ случаѣ живого, высокаго и не менѣе плодотворнаго, чѣмъ репрессія.

Не слѣдуетъ ли и у насъ остановиться на вопросѣ о сближеніи науки съ жизнью, хотя бы въ виду той крайней отсталости, которую мы пока проявляемъ въ живомъ дѣлѣ борьбы общества съ преступностью.

Оглавленіе.

Ростъ преступности въ европейскихъ государствахъ 1
Факторы преступности 22
Репрессія 70
Единенія и союзы въ прошломъ 91
Современное союзное движеніе 105
Филантропія 138
Jnnere Mission 166
Трудовая помощь 180
Армія спасенія 192
Союзы для поднятія уровня общественной нравственности 196
Опека 204
Участіе общества въ отправленіи правосудія 257
Общіе выводы 265

Цѣна 2 руб.

